

Уильям Теккерей

Базар житейской суеты.

Часть 4

Уильям Мейкпис Теккерей

Базар житейской суеты. Часть 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7528595

Аннотация

Произведение дается в дореформенном алфавите.

«Послѣ присутствія мистриссъ Бекки на семейномъ обѣдѣ и вечерѣ милорда Стейна, права этой почтенной женщины на принадлежность къ фешенебельному свѣту были признаны на законномъ основаніи, и утверждены однажды навсегда. Двери первостатейныхъ домовъ великобританской столицы быстро отворились передъ ея особой – двери великія и высокія, черезъ которыя, смѣю надѣяться, никогда не удавалось проходить благосклонному читателю сей достовѣрной исторіи. Я съ своей стороны всегда останавливался съ трепетнымъ благоговѣніемъ передъ сими страшными вратами, куда не дерзнетъ даже проникать мой авторскій помысль. Я воображаю, что ихъ денно и нощно охраняють мужи осанистые, вооруженные ярко-блестящими серебряными трезубцами, готовые пронзить насквозь всякаго назойливаго поеѣтителя, не имѣющаго правъ на *entrée*. Говорятъ, будто газетный сотрудникъ-горемыка, выпускаемый сюда въ извѣстные дни для внесенія въ свою тетрадку фамилій знаменитыхъ особъ, присутствующихъ на балѣ, умираетъ очень скоро послѣ этого сеанса...»

Содержание

Глава L	4
Глава LI	42
Глава LII	65
Глава XLIII	83
Глава LIV	102
Глава LV	136
Глава LVI	164
Глава LVII	182
Глава LVIII	208
Глава LIX	235
Глава LX	249
Глава LXI	281
Глава LXII	302
Глава LXVIII	322
Глава LXIV	350
Глава LXV	366
Глава LXVI	399

Теккерей Уильям Мейкпис

Базар житейской суеты. Часть четвертая

Глава L

Предлагается на благоусмотреніе читателя шарада въ джентльменскомъ вкусѣ

Послѣ присутствія мистриссъ Бекки на семейномъ обѣдѣ и вечерѣ милорда Стейна, права этой почтенной женщины на принадлежность къ фешенебельному свѣту были признаны на законномъ основаніи, и утверждены однажды навсегда. Двери первостатейныхъ домовъ великобританской столицы быстро отворились передъ ея особой — двери великія и высокія, черезъ которыя, смѣю надѣяться, никогда не удавалось проходить благосклонному читателю сей достовѣрной исторіи. Я съ своей стороны всегда останавливался съ трепетнымъ благоговѣніемъ передъ сими страшными вратами, куда не дерзнетъ даже проникать мой авторскій помыслъ. Я воображаю, что ихъ денно и нощно охраняютъ мужи осани-

стые, вооруженные ярко-блестящими серебряными трезубцами, готовые пронзить насквозь всякаго назойливаго поѣтителя, не имѣющаго правъ на *entrée*. Говорятъ, будто газетный сотрудник-горемыка, впускаемый сюда въ извѣстные дни для внесенія въ свою тетрадку фамилій знаменитыхъ особъ, присутствующихъ на балъ, умираетъ очень скоро послѣ этого сеанса. Я вѣрю этому. Ему ли, ничтожному смертному, долго прозябать на сей землѣ, послѣ того, какъ глаза его подверглись искрометному блеску вкуса и моды? Огнь дендизма прожигаетъ его до костей и мозговъ, какъ нѣкогда присутствіе Юпитера въ полномъ олимпійскомъ костюмѣ уничтожило бѣдную неразумную Семелу, дерзнувшую выскочить изъ своей естественной атмосферы. Этотъ миѳъ должны намотать себѣ на усь всѣ безъ исключенія Тибурніанцы и Бельгравіанцы, и я бы очень радъ былъ рекомендовать исторію Семелы особенному вниманію мистриссъ Бекки. О, женщины, женщины! Обратитесь къ достопочтенному господину Туриферу, и онъ докажетъ вамъ какъ дважды два – пятнадцать, что Бельгравія не что иное есть, какъ мѣдь звѣняща, а Тибурнія – цимбаль бряцая. Все это суета суеть, съ позволенія сказать, и всяческая суета. Все дымъ, прахъ и чадъ, или, выражаясь поэффектнѣе – трынъ-трава. Рано или поздно наступитъ день и часъ (но въ ту эпоху сгніютъ и кости твои, о, возлюбленный собратъ мой!), когда великолѣпные сады Гайдъ-Парка исчезнуть съ лица земли, и не отыщеть ихъ отдаленный потомокъ, такъ же какъ мы, въ

настоящее время, знать не знаемъ, гдѣ обрѣтались нѣкогда чудодѣйственный висячій мостъ и волшебные сады покойницы Семирамиды. Опустѣть и Бельгравскій скверъ, какъ уже опустѣли Булочная улица (Baker Street), или пустынный Тадморъ.

А знаете ли вы, милостивыя государыни, что великій Питтъ жилъ въ Булочной улицѣ? Отчего это вашихъ бабушекъ не просили на вечера къ леди Гестеръ въ этотъ, теперь опустѣлый, палаццо? Я обѣдалъ тамъ, увѣряю васъ, *moi qui vous parle*. Тѣни мертвецовъ, друзья и пріятели знаменитаго хозяина, составляли превеселую компанію. Когда мы, современные живые люди, сѣли за столъ и вооружились рюмками кларета, духи отшедшихъ джентльменовъ гурьбой ввалили въ комнату, и степенно разсѣлись по мѣстамъ вокругъ мрачнаго буфета. Прежде всѣхъ на сцену выступилъ морякъ, укротитель житейскихъ тревоженій, и налилъ себѣ огромный стаканъ спиртуозной влаги: жизненные привычки Дундаса сопровождали его и въ могилу. Аддингтонъ сидѣлъ, склонивъ голову съ пасмурными и мрачными взорами, и не отставалъ отъ другихъ, когда безшумная бутылка совершала круговые переходы; Скоттъ сердито поворачивалъ густыми бровями, и смотрѣлъ исподлобья на всѣхъ; глаза Уильберфорса были постоянно обращены на потолокъ, и онъ не замѣчалъ, повидимому, какъ стаканъ подносился къ его рту, и выходилъ оттуда пустой. Я тоже смотрѣлъ повременамъ на потолокъ, забывая, что эта замашка принадлежитъ исключи-

тельно великимъ людямъ. Домъ этотъ отдается теперь внаймы съ мебелью и со всѣми принадлежностями. Да, такъ точно: леди Гестерь, супруга Вилльяма Питта, величайшаго изъ ораторовъ древняго и новаго міра, жила нѣкогда въ Булочной улицѣ, и покоится теперь безпробуднымъ сномъ въ пустынь...

Отсюда и слѣдуетъ, что все суета суетъ на бѣломъ свѣтѣ, хоть всѣ мы, милостивыя государыни и государи, любимъ больше или меньше, суету мірскую. Желалъ бы я знать, какой благовоспитанный смертный, или смертная съ исправнымъ желудкомъ, откажется отъ употребленія ростбифа, единственно потому, что ростбифъ скоропреходящъ и тлѣнень? Пусть онъ суета, но да ниспослетъ небо всякому смертному, читающему эти строки (о, еслибы такихъ смертныхъ набралось около пятисотъ тысячъ!), значительную частичку смачныхъ блюдъ, подобныхъ ростбифу. Садитесь за мой столъ, милостивые государи, и кушайте на здоровье, безъ церемоніи. Вотъ вамъ ветчина, редиска, горчица, уксусъ, — кушайте, кушайте. Эй, ты, Джонсъ! Другую бутылку вина! Насыщайтесь вдоволь, дорогіе мой гости, суетными благами міра сего, и поблагодарите хозяина за радушную хлѣбъ-соль. И не прогнѣвайтесь на мою героиню, если, сверхъ чаянія, замѣтите въ ней черезчуръ аристократическія наклонности и вкусы: они скоропреходящи, будьте въ этомъ увѣрены, какъ и всѣ наслажденія и забавы сей коловратной планеты.

Ближайшимъ слѣдствіемъ визита мистриссъ Бекки къ лорду Стейну было то, что высокородкый грандъ Испаніи и Португаліи, донъ Питерварадинъ воспользовался первымъ случаемъ возобновить знакомство съ полковникомъ Кроли, когда, на другой день, встрѣтился съ нимъ въ клубѣ. При встрѣчѣ съ Ребеккой въ Гайдъ-Паркѣ, высокородный грандъ, снявъ шляпу, привѣтствовалъ ее глубочайшимъ салютомъ. Вслѣдъ затѣмъ, мистриссъ Кроли и супругъ ея получили приглашеніе на одинъ изъ семейныхъ вечеровъ гранда и грандессы въ Левантъ-Домъ, занимаемый ими по случаю совершенной отлучки изъ Англіи благороднаго хозяина этого палаццо. Ребекка пѣла, послѣ обѣда, въ небольшомъ собраніи, гдѣ находился и лордъ Стейнъ, слѣдившій, съ отеческимъ вниманіемъ, за успѣхами своей юной *protégée*.

Въ Левантъ-Домѣ Бекки познакомилась съ однимъ изъ самыхъ знатныхъ и великолѣпныхъ джентльменовъ, герцога де-ла-Жаботьеръ, уполномоченнымъ министромъ и посланникомъ одного короля. Гордость, въ сильнѣйшей степени, бурлитъ и клокочетъ въ моей груди, когда я переносу на бумагу эти имена, и воображаю, въ какое блистательное общество попала моя героиня. Она сдѣлалась постоянной гостьей въ домѣ французскаго посольства, гдѣ вечера считались скучными, какъ-скоро не присутствовала на нихъ

madame Родонъ Кроли.

Messieurs де-Трюффины (изъ фамиліи Перигора) и де-Шампиньякъ, чиновники французскаго посольства; оба немедленно и вполнѣ подчинились прелестямъ очаровательной Ребекки, и оба въ свое время, торжественно объявили, что они стояли съ нею на самой короткой ногѣ. Такія декларациі, какъ всѣмъ извѣстно, въ духѣ французской націи, и желалъ бы я знать: какой французъ, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ въ свою отчизну, не хвасталъ тѣмъ, что онъ сгубилъ наповаль по крайней мѣрѣ дюжину почтеннѣйшихъ фамилій?

Но я рѣшительно сомнѣваюсь въ справедливости слуховъ, распространенныхъ вышеозначенными господами касательно мистриссъ Бекки. Шампиньякъ до безумія любилъ карты, и на вечерахъ у Родона Кроли игралъ обыкновенно въ экарте, тогда-какъ Бекки, въ другой комнатѣ, пѣла торжественныя сонаты для лорда Стейна. Относительно господина Трюффины, извѣстно намъ заподлинно, что этотъ достойный дипломатъ не смѣлъ глазъ показать въ гостинницѣ Путешественниковъ, гдѣ считали его по уши въ долгахъ, и еслибы, при посольскомъ домѣ, не было общаго стола, то никакого нѣтъ сомнѣнія, monsieur de Truffigny умеръ бы голодной смертью среди столицы Трехъ Соединенныхъ Королевствъ. Послѣ этого, мнѣ позволено, конечно, усомниться въ нѣкоторой степени, что Ребекка обращала благосклонное вниманіе на котораго-нибудь изъ этихъ юныхъ джентльменовъ. Прав-

да, впрочемъ, что оба они состояли у ней на посылкахъ, покупали для нея перчатки, духи, цвѣты, входили въ долги изъ-за билетовъ въ ложу бельэтажа для мистриссъ Кроли, и вообще старались оказать ей многія другія услуги поэтического свойства. Объяснялись они по англійски съ умиленно-наивной простотою, и несказанно потѣшали Бекки и милорда Стейна. Каждого изъ нихъ она передразнивала прямо въ лицо, и поздравляла ихъ съ успѣхами въ англійскомъ языкѣ съ такою уморительною важною, что лордъ Стейнъ, сардоническій ея патронъ, не могъ удержаться отъ смѣха. Трюффини, имѣя въ виду секретную цѣль по дѣламъ сердечнымъ, подарилъ компаньонкѣ Бриггсъ превосходную шаль, и тутъ же попросилъ ее озаботиться насчетъ передачи письма, которое простодушная старая дѣвица вручила при всѣхъ мистриссъ Бекки, такъ-какъ на адрессѣ стояло ея имя. Содержаніе этой эпистолы вдоволь позабавило почтеннѣйшую публику, и преимущественно милорда Стейна, прочитавшаго ее съ особеннымъ аппетитомъ. Читали ее всѣ безъ исключенія, кромѣ честнаго Родона; ему, разумѣется, не кчему было знать и прилагать къ сердцу всякую всячину, происходившую подъ кровлей его домика на Курцонъ-Стритѣ.

Здѣсь, въ этомъ именно домикѣ, Бекки не только принимала *лучшихъ* иностранцевъ (эта фраза, какъ извѣстно, издавна получила право гражданства въ нашемъ джентльменскомъ кругу), но даже нѣкоторыхъ изъ лучшихъ Англичанъ. Подъ этимъ курсивнымъ словомъ я отнюдь не разу-

мѣю самыхъ добродѣтельныхъ, или, наименѣе добродѣтельныхъ людей, ни умнѣйшихъ, ни глупѣйшихъ, ни богатѣйшихъ, ни добропородныхъ; но — «лучшихъ», однимъ словомъ, то-есть такихъ, къ которымъ другаго эпитета прибавить никакъ нельзя, и которыхъ *лучшенство* уже опредѣлено на общемъ сеймѣ Базара Житейской Суеты. Таковы суть: великая леди Фитц-Уиллисъ, патронша Альмака, великая леди Слоборъ, великая леди Гризельда Макбетъ, урожденная миледи Глори Грэй, и прочая, и прочая, и прочая. Какъ-скоро леди Фитц-Уиллисъ, урожденная Дебреттъ, заблагоизволить принимать въ своихъ салонахъ извѣстную особу мужескаго пола — эта особа уже спасена, и никто не отниметъ у нея титула лучшенства. Никакъ нельзя сказать, чтобы миледи Фитц-Уиллисъ была дѣйствительно лучше кого-нибудь другаго — совсѣмъ напротивъ: ей ужъ будетъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, и она никогда не славилась ни красотой, ни богатствомъ, ни умомъ; но тѣмъ не менѣе всякому извѣстно, что она принадлежитъ къ разряду лучшихъ. Салоны ея исключительно посѣщаются только лучшими особами и, какъ она давно сердита была на миледи Стейнъ (старинная вражда: въ молодости своей, Георгина Фредерика, теперешняя Фитц-Уиллисъ, надѣялась присвоить себѣ настоящій титулъ миледи Стейнъ), то ничего нѣтъ удивительнаго, что эта великая представительница моднаго свѣта торжественно признала права и привилегіи мистриссъ Родонъ Кроли. Она раскланялась съ нею весьма учтиво на одномъ великолѣпномъ балу, и пото-

мъ ободрила сына своего Сент-Киттса, получившаго хорошее мѣсто по протекціи лорда Стейна, посѣщать какъ-можно чаще домъ мистриссъ Кроли. Этого мало. Леди Фитц-Уиллисъ пригласила Ребекку въ свой собственный палаццо, и два раза принималась говорить съ нею за обѣдомъ самымъ торжественнымъ, снисходительнымъ и любезнымъ тономъ. Этотъ важный фактъ сдѣлался въ тотъ же вечеръ извѣстнымъ всему Лондону. Особы, злословившія до той поры мистриссъ Родонъ, замолчали. Венгемъ, извѣстный острякъ и законовѣдецъ, правая рука лорда Стейна, вездѣ началъ прославлять до небесъ нашу героиню. Всѣ и каждый спѣшили наперерывъ познакомиться съ мистриссъ Бекки. нѣкто Томъ Тоди, предостерегавшій Саутдауна насчетъ этой опасной женщины, принялся теперь хлопотать, чтобъ его представили въ ея домъ. Словомъ, мистриссъ Родонъ Кроли вполне сопричислилась къ разряду «лучшихъ».

Ахъ, друзья мои, не завидуйте преждевременно моей героинѣ, мало ли что можетъ случиться на Базарѣ Житейской Суеты? Слава есть не что иное, какъ дымъ и пепель: это вы всѣ знаете. Притомъ всюду признано за несомнѣнный фактъ, что даже черезъ золото и брильянты текутъ иной разъ весьма горькія слезы. Бекки испытала и видѣла все на свѣтѣ, видѣла даже самого милорда Бумбумбума, лицомъ къ лицу, и однакожь, положа руку на сердце, сознавалась въ послѣдствіи, что все — суета суеть.

Намъ никакъ не слѣдуетъ распространяться слишкомъ

много объ этой достославной и блестящей каррьерѣ нашей героини. Тайны большаго свѣта могутъ быть вполне извѣстны только посвященнымъ: имъ и книги въ руки.

Въ послѣдующіе годы Бекки весьма часто говорила о той эпохѣ своей жизни, когда она постоянно вертѣлась въ круговоротѣ моднаго лондонскаго свѣта. Блистательные успѣхи, быстро смѣнявшіеся одинъ другимъ, сначала приводили ее въ состояніе непрерывнаго восторга, но потомъ прискучили ей мало-по-малу; опротивѣли и надоели. Ничего сначала не могло быть пріятнѣе, какъ изобрѣтать и добывать изящные костюмы со всѣми дополнительными украшеніями, къ нимъ принадлежащими. Принимая въ расчетъ довольно ограниченныя средства мистриссъ Родонъ, мы думаемъ, что для рѣшенія проблемъ этого рода, требовалась по временамъ удивительная изворотливость ея тонкаго и проныцательнаго ума. Тѣмъ веселѣе было для нея, послѣ предварительныхъ хлопотъ, ѣздить на званые обѣды, гдѣ она встрѣчалась съ великими людьми, и отъ обѣдовъ — на блистательныя вечернія собранія, гдѣ встрѣчали ее тѣ же великіе люди, съ которыми притомъ, непременно и неизбежно, предстояло ей увидѣться и завтра, и послѣзавтра, и на слѣдующей недѣлѣ, и въ будущемъ мѣсяцѣ, всегда и всюду, гдѣ только собирався лучшій джентльменскій міръ. Молодые люди были всегда безукоризненно-изящны, въ прекрасныхъ галстукахъ, въ блестящихъ сапогахъ, и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, перчаткахъ; пожилые джентльмены, степенные, сановитые и про-

заичные, украшали свои костюмы затѣйливыми пуговками; молодые леди, робкія и застѣнчивыя, рисовались въ розовыхъ платьяхъ, и маменьки ихъ, сіявшія брильянтами, всегда были величественны, прекрасны, торжественны и пышны. И весь этотъ людъ говорилъ на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ, а не на дурномъ французскомъ діалектѣ, какъ въ нашихъ повѣстяхъ и романахъ. Рѣчь всегда шла о семейныхъ дѣлахъ, о характерѣ той или другой особы, и о различныхъ разностяхъ, въ большей или меньшей степени интересныхъ, или, вовсе неинтересныхъ, точь-в-точь какъ разсуждаютъ иногда любезныя кумушки. Всѣ прежнія знакомыя завидовали Ребеккѣ и ненавидѣли ее отъ всей души, не думая и не гадая, что бѣдная женщина скучаетъ больше и больше, зѣваетъ чаще и чаще среди всей этой пышности и блеска.

— Зачѣмъ судьба забросила меня въ этотъ свѣтъ? жаловалась по временамъ мистриссъ Бекки, забывая, что судьба тутъ вовсе невиновата, — лучше бы мнѣ быть женою деревенскаго пастора, или, какого-нибудь аптекаря, приготовить лекарства для его паціентовъ! Лучше, право, быть женою сержанта и ѣздить за полкомъ въ обозной фурѣ; но было бы въ тысячу разъ комфортѣльнѣе и веселѣе переѣзжать съ ярмарки на ярмарку, и плясать въ балаганахъ.

— Да, вы были бы превосходной плясуньей, замѣтилъ лордъ Стейнъ улыбаясь.

Она обыкновенно жаловалась великому человѣку на свою хандру, и повѣряла ему тревоги своего сердца. Это забавля-

ло милорда.

— Изъ Родона могъ бы выйти очень хорошій Есугер... конюшни... или, какъ называется этотъ человѣкъ въ огромныхъ ботфортахъ, что ходитъ вокругъ цирка, и похлопываетъ бичомъ? Онъ высокъ, довольно толстъ, увѣсистъ, и фізіономія его внушаетъ уваженіе... Помню я, продолжала Бекки, задумчиво склонивъ голову, — однажды, когда я была ребенкомъ, отецъ сводилъ меня въ балаганъ на брукгримской ярмаркѣ, и когда мы воротились домой, я сдѣлала себѣ пару ходулей, и начала выплясывать такъ, что удивила всѣхъ товарищей и учениковъ отца.

— Интересно было бы посмотреть на эту сцену, сказалъ лордъ Стейнъ.

— А я бы не прочь повторить ее теперь, продолжала Бекки. О, какъ бы изумилась леди Блинки, и какъ широко открыла бы свои глаза леди Гризельда Макбетъ!.. Однакожь полно объ этомъ, тсс! Паста начинается пѣть.

Бекки всегда старалась оказывать очевидное уваженіе къ публичнымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, приглашаемымъ на всѣ эти аристократическіе кружки. Она благосклонно подходила къ нимъ въ уголокъ, гдѣ они сидѣли, подавала имъ свои миньютюрныя ручки, и ласково разговаривала съ нимивъ присутствіи всѣхъ *наилучшихъ* особъ. Что жъ такое? Она была сама артисткой, замѣчала мистриссъ Бекки весьма справедливо. Откровенно и простосердечно рассказывала она всѣмъ и каждому о своемъ происхожденіи и слова ея служили

неисчерпаемымъ источникомъ для разнообразныхъ толковъ и сужденій о характерѣ ея среди этого блестящаго круга.

— Какимъ удивительнымъ хладнокровіемъ владѣетъ эта женщина! замѣчала одна особа.

— Скажите лучше — дерзостью, подхватывала другая, — смотрите, какой видъ независимости принимаетъ она! Другая, на ея мѣстѣ, сидѣла бы спокойно въ нашемъ кругу, и считала бы за большую честь, еслибъ удостоили ея какимъ-нибудь вопросомъ.

— Что это за честная, добрая и кроткая душа!

— Ну, это, скажу я вамъ, такая пройдоха, какой еще свѣтъ не производилъ!

И такъ далѣе. Ребекка между-тѣмъ дѣлала свое дѣло. Артисты и артистки были отъ нея въ восторгѣ, и готовы были пѣть на ея вечерахъ до истощенія послѣднихъ силъ. Музыкальные уроки доставались ей даромъ.

Да. Были дѣйствительно вечера въ маленькомъ домикѣ на Курцонъ-Стритѣ. Экипажи всякаго рода, съ фонарями и безъ фонарей, загромождали всю улицу, къ великой досадѣ № 200, не знавшаго покою отъ этой демонской стукотни, и къ неизъяснимому бѣшенству № 202, который не могъ отъ зависти сомкнуть глазъ во всю ночь. Гигантскіе лакеи, сопровождавшіе экипажи своихъ джентльменовъ, не могли умѣститься въ небольшой галлерей мистриссъ Бекки; имъ выдавались билеты въ ближайшій трактиръ, гдѣ каждый изъ нихъ могъ потребовать для себя бутылку пива. Знатные лон-

донскіе денди толпились на ступеняхъ маленькой лѣстницы и толкали другъ друга, удивляясь и подсмѣиваясь, какъ они очутились въ этомъ мѣстѣ, и многія непорочныя леди высшаго тона сидѣли въ маленькой гостиной, слушая знаменитыхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, которые, по обыкновенію, пѣли съ такой энергіей, что отъ звуковъ ихъ голоса дребезжали стѣкла въ окнахъ. И черезъ день, на одномъ изъ столбцевъ газеты Morning Post, въ отдѣленіи «Феншонэблныя собранія», печатался параграфъ такого рода:

«Полковникъ Родонъ и мистриссъ Кроли давали вчера обѣдъ и вечеръ для избраннаго общества въ своемъ домѣ на Курцонской улицѣ, что на Майской ярмаркѣ. За обѣдомъ присутствовали: ихъ высокопревосходительства, грандъ и грандесса Питерварадинъ, его превосходительство, трехбунчужный Папуш-паша, турецкій посланникъ, и съ нимъ — драгоманъ миссіи, Кабобъ-Бей; маркизь и маркиза Стейнъ, графъ Саутдаунъ, сэръ Питтъ и леди Дженни Кроли, мистеръ Уагтъ, и прочая. Вечернее собраніе мистриссъ Кроли удостоили своимъ визитомъ: вдовствующая дюшесса Стилтонъ, дюкъ де-ла-Грюйеръ, маркиза Чиширь, маркизь Александръ Страчино, графъ де-Кри, баронъ Шпапцугеръ, кавалеръ Тости, графиня Слингстонъ, леди Макадамъ, генераль-майоръ и леди Гризельда Макбетъ съ дѣвками Макбетъ, виконтъ Паддингтонъ, сэръ Горацій Фоги, высокородный Сандсъ Бедуинъ, высокостепенный Боббахи Баггаудеръ», и проч, и проч. Читатель пріиметь на себя трудъ дополнить своимъ

воображеніемъ еще двѣнадцать строчекъ мелкой печати, испещренныхъ именами наилучшихъ людей.

И въ обращеніи съ вельможами, наша героиня наблюдала такую же откровенность, которая отличала ее въ сношеніяхъ съ людьми низкаго разряда. Однажды, среди блистательнаго общества, Ребекка — можетъ-быть изъ тщеславія, вздумала вести оживленную бесѣду на французскомъ діалектѣ съ парижскимъ артистомъ. Леди Гризельда Макбетъ, стоявшая подлѣ, наморщила свое чело и нахмурила бровы.

— Какъ хорошо вы говорите по французски! замѣтила леди Гризельда, которая сама, объясняясь на этомъ языкѣ, никакъ не могла освободиться отъ ирландскаго акцента.

— Не мудрено, миледи, отвѣчала Ребекка, скромно потупивъ свои зеленые глазки; — я преподавала французскій языкъ въ пансіонѣ, и притомъ мать моя была Француженка.

Леди Гризельда была побѣждена этой скромностью, и почувствовала невольное снисхожденіе къ нашей героинѣ. Она оплакивала роковыя понятія времени относительно доброкачественности разнообразныхъ и разнохарактерныхъ породъ: но соглашалась въ душѣ, что по крайней мѣрѣ эта *parvenue* вела себя прилично, и никогда не забывала своего положенія въ джентльменскомъ кругу. Леди Гризельда была очень добрая женщина; сострадательна къ бѣднымъ, простодушна въ достаточной степени, незлопамятна и неподозрительна. Было бы весьма неосновательно обвинять ее за то, что она считала себя лучше насъ съ вами, одинъ изъ ея пред-

ковъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ Каракаллы.

Леди Стейнъ, послѣ музыкальной сцены, почувствовала тайное душевное расположеніе къ мистриссъ Бекки. Молодая леди гигантскаго дома принуждены были, одна за другою, уступить силѣ обстоятельствъ. Разъ или два, онѣ пытались напустить на нее извѣстѣйшихъ остроумцевъ, вооруженныхъ саркастическими эпиграммами; но этого имъ не удалось. блистательная леди Стоннингтонъ попробовала однажды выступить противъ нея съ огромнымъ запасомъ колкостей и насмѣшекъ, но неустрашимая мистриссъ Бекки поразила ее наповаль, при самомъ началѣ перестрѣлки. Готовая отразить непріятельскія нападенія во всякое время, она встрѣтила ихъ съ простодушнымъ и невиннымъ видомъ, который въ сущности дѣла, былъ въ ней опаснѣе самыхъ рѣзкихъ проявленій изступленной злобы. Въ такомъ расположеніи духа, она высказывала весьма наивно самыя оскорбительныя колкости, и въ то же время извинялась въ нихъ передъ всѣми самыми безыскусственнымъ образомъ, такъ-что каждый зналъ до мельчайшихъ подробностей, чѣмъ и какъ, въ данномъ случаѣ, она отразила своего врага.

Мистеръ Уэггъ, знаменитый острякъ и начальникъ всѣхъ траншей и подкоповъ милорда Стейна, былъ однажды подготовленъ нѣкоторыми дамами сдѣлать нападеніе на мистриссъ Бекки, и онъ взялся за это дѣло съ отчаянною смѣлостью, подмигнувъ напередъ своимъ прекраснымъ заговорщицамъ, какъ-будто желая сказать: «смотрите, какая пойдетъ потѣ-

ха». Вслѣдъ затѣмъ, онъ разразился безпощадною выходкой на бѣдняжку Бекки, которая между-тѣмъ, ничего не подозревая, спокойно сидѣла за обѣдомъ. Застигнутая такимъ-образомъ врасплохъ, но съ оружіемъ въ рукахъ Ребекка устремила на своего противника младенчески-невинный взоръ, и поразила его не въ бровь, а въ самый глазъ, такъ, что мистеръ Уаггъ покраснѣлъ, побагровѣлъ и совершенно растерялся. Свершивъ этотъ импровизированный подвигъ, она снова принялась за свои супъ, и простодушная улыбка озарила ея кроткое лицо. Великій патронъ Уагга, сидѣвшій тутъ же за обѣдомъ, бросилъ на него такой дикій, изступленный взглядъ, что несчастный готовъ былъ запрятаться подъ столъ, и расплакаться, какъ ребенокъ. Онъ жалобно взглянулъ на милорда, никогда неудостоившаго его своей бесѣдой за обѣдомъ; взглянулъ и на своихъ прекрасныхъ соучастницъ, которыя однакожь отвернулись отъ него съ замѣтнымъ пренебреженіемъ. Около шести недѣль, послѣ этой сцены, не приглашали его къ обѣду, и мистеръ Фичъ, довѣренное лицо милорда, получилъ приказаніе объявить Уаггу, что если онъ опять осмѣлится сказать какую-нибудь грубость мистриссъ Ребеккѣ Кроли, или сдѣлать ее мишенью своихъ глупыхъ шутокъ, то милордъ немедленно соберетъ и представить всѣ его долговѣя обязательства, куда слѣдуетъ, и заморить его въ тюрьмѣ безъ всякаго милосердія и пощады, Уаггъ расплакался передъ Фичемъ, и умолялъ своего милаго друга замолвить за него словечко передъ милордомъ. Затѣмъ онъ на-

писалъ мадригалъ въ честь мистриссъ Ребекки Кроли, появившійся въ ближайшемъ номерѣ «Гарумскарумскаго Магазина», гдѣ редакторомъ былъ самъ мистеръ Уаггъ. Усерднѣншія мольбы его обращались и къ самой Ребеккѣ, когда онъ встрѣчалъ ее въ знакомыхъ домахъ. Въ клубѣ онъ особенно старался угодить мистеру Родону, и завербовать его на свою сторону. Послѣ всѣхъ этихъ усилій и хлопотъ, мистеръ Уаггъ, черезъ нѣсколько времени, снова удостоился приглашенія въ Гигантскій домъ. Ребекка всегда была добра, и не думала сердиться на мистера Уагга.

Совсѣмъ иначе поступалъ мистеръ Венгемъ, визирь и главный довѣренный челядинецъ при особѣ лорда Стейна, имѣвшій мѣсто въ парламентѣ и за его столомъ; онъ былъ очень остороженъ въ своихъ мнѣніяхъ насчетъ мистриссъ Бекки, и дѣйствовалъ гораздо хитрѣе мистера Уагга. Венгемъ былъ въ душѣ заклятымъ ненавистникомъ всѣхъ выскочекъ и разночинцевъ, залетѣвшихъ въ джентльменскій кругъ (самъ онъ, должно замѣтить, происходилъ отъ мелкаго торгаша углями въ сѣверной Англіи); но тѣмъ не менѣе онъ ни разу не обнаруживалъ враждебныхъ чувствъ въ отношеніи къ новой любимицѣ маркиза Стейна. Совсѣмъ напротивъ: онъ преслѣдовалъ ее снисходительною учтивостію и покровительственными комплиментами, которые досаждали Ребеккѣ гораздо болѣе, чѣмъ открытая вражда другихъ особъ.

Гдѣ, какъ и откуда господа Кроли брали деньги на угощеніе въ своемъ домикѣ всѣхъ этихъ наилучшихъ джентль-

меновъ и леди, это оставалось тайной, доставлявшей обильную пищу досужимъ языкамъ, и которая, по всей вѣроятности, придавала особенный вкусъ веселымъ пиршествамъ мистриссъ Бекки. Нѣкоторые догадывались, что сэръ Питтъ Кроли ежегодно выдавалъ брату значительную сумму на покрытие домашнихъ расходовъ; предполагая основательность такой догадки, надлежало бы заключить, что Ребекка имѣла неограниченное вліяніе на баронета, и что характеръ его, съ теченіемъ времени, значительно измѣнился. Другіе намекали, будто мистриссъ Бекки завела похвальный обычай собирать контрибуцію со всѣхъ пріятелей своего мужа; къ одному приходила она вся въ слезахъ, и рассказывала, что немедленно послѣдуетъ опись всего ея движимаго имущества; передъ другимъ — она падала на колѣни, и объявляла, что все ея семейство должно идти въ тюрьму, или наложить на себя руки, если не будетъ выплачена такая-то сумма. Носился слухъ, будто лордъ Саутдаунъ, внимательный къ этимъ патетическимъ мольбамъ, переплатилъ ей многія сотни фунтовъ. Поговаривали также, будто молодой Фельтемъ, драгунъ, обязанный господамъ Кроли своимъ соприсчисленіемъ къ разряду лучшихъ людей (отецъ его былъ шляпный фабрикантъ и продавецъ оружейныхъ издѣлій), сдѣлался также жертвою мистриссъ Бекки по финансовой части. Нѣкоторые наконецъ объявляли подъ секретомъ за истинную правду, будто еще мистриссъ Родонъ выманивала деньги у многихъ простодушныхъ дураковъ на основаніи обѣщанія ходатайствовать за

нихъ передъ правительствомъ о назначеніи имъ выгоднаго мѣста. Всего однакожь мы не беремся и пересчитать, что злые языки выдумывали для помраченія блестящей репутаціи нашей героини. Достоверно только то, что если бы мистриссъ Кроли дѣйствительно владѣла тѣми суммами, которыя, какъ увѣряли, она выманивала, запрашивала, занимала, крала — капиталъ ея, нѣтъ сомнѣнія, былъ бы огромный и совершенно достаточный для продолженія честной жизни, между-тѣмъ какъ... но объ этомъ рѣчь впереди.

Экономія въ хозяйствѣ значить очень много, и если вы съ умѣньемъ станете распоряжаться небольшимъ запасомъ наличныхъ денегъ, то дѣла ваши, по крайней мѣрѣ на время, пойдутъ блистательно на Базарѣ Житейской Суеты. Мы думаемъ и даже убѣждены, что вечернія собранія мистриссъ Бекки, которыя, впрочемъ, были не слишкомъ многочисленны и часты, стоили этой леди довольно дешево, особенно, если взять въ расчетъ, что она платила наличными деньгами чуть-ли не за однѣ только восковыя свѣчи. Гемпширская мыза милорда Стейна и Королевина усадьба въ изобиліи снабжали ее дичью и садовыми плодами. Погребъ лорда Стейна находились въ полномъ распоряженіи мистриссъ Бекки, и знаменитые повара Гигантскаго дома президентствовали на ея кухнѣ, или, по приказанію милорда, изготовляли у себя дома разныя снадобья для полковничьяго стола.

Стыдно злословить честныхъ людей, и я торжественно протестую передъ публикой противъ всѣхъ этихъ клеветъ,

взведенныхъ на мою героиню. Десятая развѣ доля могла заключать частичку правды изъ всего, что о ней говорили. Что же изъ этого? Неужели мы станемъ выгонять изъ своего общества всѣхъ и cadaго, кто попадетъ въ неоплатные долги? Но въ такомъ случаѣ, повѣрьте мнѣ, міръ превратится въ необозримую пустыню, и на Базарѣ Житейской Суеты будетъ страшная тоска. Еслибы мы стали заглядывать въ кошелекъ своего собрата, и допытываться, чѣмъ и какъ онъ промышляетъ, ближній тогда возсталъ бы на ближняго, милостивые государи, и плоды современной цивилизаціи уничтожились бы навѣки. Ссорамъ, сплетнямъ, дракамъ не будетъ и конца; дома наши превратятся въ пещеры, и мы принуждены будемъ ходить въ рубищахъ и лохмотьяхъ. Балы и вечернія собранія прекратятся; купечество обанкрутится; промышленность исчезнетъ. Вино, восковые свѣчи, бѣлила, румяна, брильянты, парики, наколки, ленты, булавки, бронза, фарфоръ, блестящія коляски съ вороними конями, все, все безъ исключенія отправилось бы къ чорту, еслибы свѣтъ вздумалъ принимать только тѣхъ, кто нравится, и тщательно избѣгать тѣхъ, кого злословятъ. Но этого не будетъ. Взаимная терпимость утверждена съ незапамятныхъ временъ на обоихъ полушаріяхъ планеты, и такой порядокъ дѣлъ будетъ продолжаться до скончанія вѣковъ. Позлословить своего ближняго не мѣшаетъ отъ скуки, или, отъ нечего дѣлать, и вы можете даже назвать его иногда негодяемъ; но неужели вы станете желать, чтобы повѣсили его на первой висѣ-

лицѣ? Нѣтъ, нѣтъ, вы этого не хотите. Совсѣмъ напротивъ, вы терпите его въ своемъ обществѣ, и пожимаете ему руку при встрѣчѣ съ нимъ на дорогѣ. Если, притомъ, у него отличный поваръ и хорошее вино, вы рады обѣдать у него чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Вотъ отчего торговля процвѣтаетъ, цивилизація идетъ впередъ, модистки торжествуютъ, магазинщики блаженствуютъ, и виноградники мистера Лафита съ каждымъ годомъ принимаютъ обширнѣйшіе размѣры.

Въ тѣ блаженные времена Георга IV, которыя мы имѣемъ ечастіе описывать, великосвѣтскія леди носили gigots и вплетали въ свои волосы огромныя гребенки наподобіе черепаховыхъ лопатокъ, между-тѣмъ какъ нынче у нихъ — простенькіе рукавчики и плѣнительные вѣнки на головахъ. Вотъ, кажется, и вся существенная разница, произведенная четвертью вѣка въ нравахъ и обычаяхъ модныхъ людей. Ихъ образъ жизни и эстетическія наслажденія такія же теперь, какъ были и тогда. Неизмѣняемость основаній и незыблемость принциповъ — ихъ существенныя свойства. Никто, по крайней мѣрѣ, не будетъ опровергать этой истины въ отношеніи къ наилучшимъ представительницамъ прекраснаго пола. Когда мы, скромные члены средняго сословія, смотримъ на этихъ воздушныхъ нимфъ, онѣ представляются намъ существами неземными, снизлетѣвшими сюда изъ другой планеты, и наслажденія ихъ отуманиваютъ наши взоры. Вотъ почему, имѣя въ виду доставить сердечное утѣшеніе своимъ братьямъ и сестрамъ по происхожденію, я рѣшилъ

ся описать здѣсь похождение возлюбленной нашей Бекки, ея борьбу, триумфы, надежды, неудачи, съ которыми она, какъ и всякая смертная, одаренная талантливою душою, должна была сталкиваться на подмосткахъ житейскаго базара.

Въ эту эпоху перешла къ намъ изъ Франціи весьма пріятная забава играть въ шарады, быстро распространившаяся въ джентльменскомъ кругу, такъ-какъ многія леди находили въ ней для себя превосходный случай обнаружить свои прелести, и нѣкоторыя даже могли тутъ выставить напоказъ свою проницательность и умъ. Милордъ Стейнъ, дѣйствуя по указанію мистриссъ Бекки, считавшей себя равномѣрно и прекрасною и остроумною, рѣшилъ задать въ Гигантскомъ домѣ блестящій балъ, гдѣ, между прочимъ, будутъ представлены нѣкоторыя изъ этихъ миньятюрныхъ драмъ, доставляющихъ столько богатой пищи и сердцу, и уму, и воображенію, и чувству. Мы осмѣливаемся отворить для читателя двери въ это великолѣпное собраніе, причемъ съ прискорбіемъ извѣщаемъ всѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, что это уже послѣднее соігѣе въ джентльменскомъ вкусь, гдѣ благосклонный читатель будетъ присутствовать на Базарѣ Житейской Суеты.

Часть блистательной залы, составлявшей картинную галерею Гигантскаго дома, превратилась въ шарадный театръ. Для этой же цѣли употребляли ее въ бывалыя времена еще при Георгѣ III. Здѣсь былъ, между-прочимъ, портретъ самаго маркиза Гиганта, нарисованнаго во весь ростъ, съ напудренными волосами и розовыми лентами, въ римскомъ вкусь,

какъ думали тогда. Художникъ уловилъ тотъ моментъ, когда маркизь торжественно выступаетъ на сцену въ роли Катона изъ трагедіи мистера Аддисона. Эта трагедія была разыграна здѣсь въ присутствіи принца валлінскаго, принца Вилльяма Генриха, и епископа оснабургскаго. Кулисы и декораціи были опять, для этого торжественнаго случая, примесены сюда съ чердаковъ, гдѣ онѣ лежали дѣскольکو десятковъ лѣтъ, покрытые густыми слоями пыли,

Молодой Бедуинъ Сандсъ, въ ту пору изящный денди и восточный путешественникъ, сдѣланъ главнымъ распорядителсмъ спектакля. Титуль восточнаго путешественника звенѣлъ вообще слишкомъ громко въ тогдашнихъ ушахъ, и мистеръ Бедуинъ, прожившій нѣскольکو мѣсяцевъ подъ палатками пустыни, и потомъ издавшій свои путевыя впечатлѣнія in-quarto, справедливо считался весьма замѣчательнымъ джентльменомъ между лучшими людьми. Должно замѣтить, что къ его изданію приложены были разнообразныя рисунки восточныхъ костюмовъ, и притомъ онъ путешествовалъ въ сопровожденіи Негра весьма непривлекательной наружности, точъ въ точъ, какъ другой Бріанъ де-Буа-Гильбертъ. Такой путешественникъ, какъ Бедуинъ, съ его костюмами и чернымъ слугою, послужилъ, въ настоящемъ случаѣ, драгоцѣннѣйшею находкой для Гигантскаго дома.

Онъ выполнялъ первую шараду. Знатный Турокъ, съ огромнымъ тюрбаномъ на головѣ (предполагается, что янычары еще существуютъ, и тарбушъ не вытѣснилъ древняго

и величественнаго головнаго убора правовѣрныхъ), лежитъ на диванѣ и курить наргиль, то есть, благовонный курительный порошокъ, изъ уваженія къ щекотливому обонянію дамъ. Турецкій сановникъ зѣваетъ немилосердо, и обнаруживаетъ разнообразныя признаки скуки и лѣни. Вдругъ онъ хлопаетъ въ ладоши. Является Мицраимъ, Нубіецъ, съ голыми руками, кинжаломъ, ятаганомъ и другими восточными украшеніями. Онъ высокъ, дородень, отвратителень, гадокъ. Мицраимъ дѣлаетъ селямъ передъ милордомъ-агой.

Смѣшанныя чувства наслажденія и ужаса овладѣваютъ публикой. Дамы перешептываются. Черпый невольникъ подаренъ Сандсу Бедуину египетскимъ пашою въ промѣнъ за три дюжины бутылокъ мараскина. Мицраимъ такъ часто зашивалъ одалисокъ въ мѣшки и топилъ ихъ въ Нилѣ.

— Пусть войдетъ продавецъ невольницъ, говоритъ турецкій ага, дѣлая повелительный жестъ рукою.

Мицраимъ представляетъ продавца невольницъ передъ ясныя очи аги. Съ нимъ входитъ женщина, закрытая покрываломъ. Купецъ сдергиваетъ покрывало. Трепетъ восторга пробѣгаетъ по всей залѣ. Невольницу представляетъ мистриссъ Уинкъуорсъ, леди съ прекрасными волосами и глазами. На ней великолѣпный восточный костюмъ: ея черныя локоны унизаны брильянтами; золотыя піастры блестятъ на ея платьѣ. Ненавистный поклонникъ Мухаммеда плѣняется ея красотой. Она падаетъ на колѣни, и умоляетъ агу возвратить ее въ горы, туда, гдѣ она родилась, гдѣ возлюбленный

ея, молодой Черкесь, оплакиваетъ отсутствіе своей Зюлейки. Но закоснѣлый Гассанъ не внимлетъ мольбамъ красавицы. Онъ смѣется, когда она говоритъ ему о своемъ женихѣ. Зюлейка закрываетъ руками свое лицо, и принимаетъ позу очаровательнаго отчаянія. Уже нѣтъ для нея никакой надежды, какъ... какъ вдругъ выступаетъ на сцену кизляръ-ага.

Кизляръ-ага приноситъ письмо отъ султана. Гассанъ получаетъ и кладетъ себѣ на голову страшный фирманъ. Смертельный ужасъ потрясаетъ его члены, между-тѣмъ какъ лицо Негра (тотъ же Мицраимъ, только въ другомъ костюмѣ) проникается дикою радостью. «Пощади! пощади!» кричитъ паша; но кпизляръ-ага, дѣлая страшную гримасу, вынимаетъ роковой снурокъ.

Занавѣсъ опускается въ ту минуту, когда начинаютъ приводить въ исполненіе фирманъ повелителя правовѣрныхъ.

— Первые два слога! кричитъ Гассанъ, и мистриссъ Родонъ Кроли, выступая теперь на сцену для выполненія своей роли въ шарадѣ, поздравляетъ мистриссъ Уинкъуорсъ съ блистательнымъ успѣхомъ, и разсыпается въ комплиментахъ ея роскошному и вполнѣ изящному костюму.

Начиается вторая часть шарады. Дѣйствіе опять происходитъ на Востокѣ; Гассанъ, въ другомъ костюмѣ, стоитъ подлѣ Зюлейки, совершенно примирившейся съ нимъ. Кизляръ-ага превратился въ чернаго невольника. Восходитъ солнце въ пустынѣ. Турки обращаются головами къ востоку и преклоняются къ песку. За неимѣніемъ дромадеровъ, му-

зыкальный оркестръ играетъ — «верблюды идутъ». На сценѣ появляется огромная египетская голова. Это — голова музыкальная, и къ удивленію восточныхъ путешественниковъ, она поетъ комическую пѣсню, сочиненную мистеромъ Уагомъ. Восточные путешественники отплясываютъ, какъ Папагено и Маврскій Король въ «Волшебной Флейтѣ».

— Послѣдніе два слога! проревѣла голова.

Эгистъ, трепещущій и блѣдный, прокрадывается на цыпочкахъ. Но что это за страшная, зловѣщая фигура выставляется изъ-за перегородки? Эгистъ заноситъ свои кинжалъ на пораженіе спящаго воина, который, въ эту минуту, поворачивается въ постели и открываетъ свою широкую грудь, какъ-будто подставляя ее подъ ударъ. Рука Эгиста дрожить, и у него недостаетъ духа поразить благороднаго вождя. Клитемнестра быстро проскользаетъ въ комнату, какъ призракъ. Ея обнаженныя руки бѣлы какъ снѣгъ, темнорусые волосы волнуются по ея плечамъ, лицо покрыто смертною блѣдностью, и глаза ея сверкаютъ такою убійственною, адскою улыбкой, что зрители проникаются невольнымъ трепетомъ при взглядѣ на нее.

— Великій Боже! Неужели это мистриссъ Родонъ Кроли? раздался чей-то голосъ изъ толпы.

Трепетъ ужаса пробѣгаетъ по всей залѣ. Клитемнестра между-тѣмъ съ презрѣніемъ выхватываетъ кинжалъ изъ рукъ Эгиста, и подходитъ къ постели. При мерцаніи лампы,

она склоняется надъ головой спящаго воина... лампа гаснетъ... раздается стонъ. Все темно.

Внезапный мракъ и быстрота совершившейся сцены перепугали всѣхъ джентльменовъ и леди. Ребекка выполнила свою роль такъ натурально и съ такимъ демонскимъ искусствомъ, что зрители онѣмѣли отъ изумленія, и никто изъ нихъ не могъ произнести ни одного звука, пока снова не засвѣтились лампы. Но тутъ уже оглушительныя рукоплесканія послужили самымъ искреннимъ выраженіемъ всеобщаго восторга.

— Браво! браво! браво! закричалъ лордъ Стейнъ, и голосъ его заглушилъ громкій говоръ всей остальной публики. Но въдь это, господа, такъ натурально, такъ натурально, что... пробормоталъ онъ потомъ сквозь зубы.

Затѣмъ послѣдовалъ дружный вызовъ благородныхъ актеровъ и актрисъ.

— Клитемнестру! Пашу! Клитемнестру! Агамемнонъ не могъ вдругъ показаться въ своей классической туникѣ; онъ остановился на заднемъ планѣ вмѣстѣ съ Эгистомъ и другими исполнителями этой маленькой драмы. Мистеръ Бедуинъ Сандсъ вывелъ Зюлейку и Клитемнестру. Одинъ знатный вельможа непременно хотѣлъ, чтобы его тотчасъ же представили Клитемнестрѣ.

— Мистриссъ Родонъ Кроли была убійственно-очаровательна въ своей роли, замѣтили лордъ Стейнъ.

Озаренная торжественной улыбкой; Бекки раскланива-

лась передъ зрителями, какъ истинная артистка.

Между-тѣмъ явились официанты съ прохладительными лакомствами на огромныхъ подносахъ. Актеры исчезли со сцены, чтобъ приготовиться ко второй шарадной картинѣ.

Три слога этой шарады надлежало изобразить въ пантомимѣ, и выполненіе послѣдовало въ слѣдующемъ порядкѣ:

Первый слогъ. Полковникъ Родонъ Кроли, въ длинномъ сюртукѣ, въ шляпѣ съ широкими полями, съ палкой и фонаремъ въ рукахъ, занятымъ изъ конюшни, проходитъ черезъ сцену, брюзгливымъ крикомъ какъ-будто желая показать обитателямъ дома, что ужъ пора ложиться спать. У нижняго окна сидятъ двое купеческихъ прикащиковъ, и кажется играютъ въ криббиджъ. Игра тянется вяло, и они зѣваютъ. Къ нимъ подходитъ молодой человѣкъ, повидимому, Половой (Джорджъ Рингвудъ, выполнившій эту роль въ совершенствѣ), и останавливаетъ ихъ среди партіи. Скоро появляется горничная (лордъ Саутдаунъ) съ нагрѣвальникомъ и двумя шандалами. Она входитъ въ верхнюю комнату, и нагрѣваетъ постель. Жаровня въ ея рукахъ служить орудіемъ для привлеченія къ ней вниманія прикащиковъ. Горничная уходитъ. Прикащики надѣваютъ ночные колпаки и опускаютъ сторы. Половой выходитъ, и запираетъ снаружи ставни. Затѣмъ вы слышите, какъ при возвращеніи въ комнату, онъ запираетъ дверь извнутри желѣзнымъ болтомъ. Оркестръ играетъ: *«dormez, dormez, chers Amours»*. Голосъ изъ-за занавѣса говоритъ: «Первый слогъ».

Второй слогъ. Лампы внезапно зажигаются. Музыка играет старинный маршъ изъ «Джона Парижскаго:» ah, quel plaisir d'être en voyage. Сцена та же. Между первымъ и вторымъ этажемъ дома зрители видятъ гербы Стейна. Раздается звонъ колокольчиковъ по всему дому. Въ нижней комнатѣ какой-то человѣкъ передаетъ другому исписанный клочокъ бумаги; тотъ беретъ его, читаетъ, принимаетъ грозную позу, сжимаетъ кулакъ, и говорить, что это безстыдно. «Конюхъ, подавай мою одноколку!» кричитъ другой человѣкъ, остановившійся въ дверяхъ. Онъ улыбается горничной (лорду Саутдауну) и ласкаетъ ее за подбородокъ. Молодая дѣвушка, повидимому, оплакиваетъ его отсутствіе, какъ нѣкогда Калипса плакала о другомъ отъѣзжающемъ путешественникѣ, Улисѣ. Половой (Джорджъ Рингвудъ) проходитъ по сценѣ съ деревяннымъ ящикомъ, наполненнымъ серебряными флакончиками, и кричитъ: «Горшки» – съ такимъ неподдѣльнымъ юморомъ и натуральностью, что зала дрожить отъ рукоплесканій, и букетъ падаетъ на сцену. Раздается хлопанье бичей. Хозяинъ, горничная, половой, бѣгутъ къ дверямъ, но въ эту минуту является какой-то зиміенитый гость. Занавѣсъ опускается, и невидимый режиссёръ театра кричитъ: «Второй слогъ».

– Это должно быть «Гостинница», говоритъ капитанъ Бриггсъ.

Зрители смѣются надъ догадливостью капитана, хотя былъ онъ весьма близокъ къ истинѣ.

Передь третьимъ слогомъ оркестръ играетъ разныя морскія мелодіи: «Rule Britannia», «Затихни Борея», и проч. Будеть вѣроятно морская сцена. Съ поднятіемъ занавѣса раздастся звонъ колокола. «Ну, братцы, къ берегу!» кричитъ чей-то голосъ. Пассажиры прощаются другъ съ другомъ. Нѣкоторые съ безпокойствомъ указываютъ на облака, представляемыя на сценѣ темной занавѣской, и тревожно киваютъ головами. Леди Скримсъ (Лордъ Саутдаунъ) съ ридикюлями, узелками и собачкой, и мужъ ея садятся на полъ, и стараются ухватиться за канатъ, Дѣйствіе очевидно происходитъ на кораблѣ.

Капитанъ (полковникъ Кроли) въ треугольной шляпѣ и съ телескопомъ въ рукахъ, выходитъ на палубу и озирается во всѣ стороны, поддерживая въ то же время шляпу на головѣ. Поны его сюртука развѣваются какъ-будто отъ сильнаго вѣтра. Когда рука его опускается, чтобы направить телескопъ къ глазамъ, шляпа слетаетъ съ его головы, и публика аплодируетъ. Вѣтеръ становится сильнѣе; музыка гремитъ громче и громче; пассажиры и матросы, качаемые вѣтромъ, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, какъ-будто на кораблѣ происходитъ сильнѣйшая качка. Буфетчикъ (г. Рингвудъ) выбѣгаетъ на сцену съ шестью тазами, и одинъ изъ нихъ ставитъ передь лордомъ Скримсомъ. Леди Скримсъ даетъ толчокъ своей болонкѣ, и та испускаетъ жалобный визгъ. Потомъ она представляетъ платокъ къ лицу, и дѣлаетъ видъ, что уходитъ въ каюту. Звуки оркестра достигаютъ до неистоваго волненія, и

третій слогъ приведенъ къ концу.

Затѣмъ послѣдовалъ небольшой балетъ «Le Rossignol», доставившій въ тѣ дни блестящую извѣстность господамъ Монтегю и Нобле. Мистеръ Уагъ перенесъ этого «Соловья» на англійскую сцену въ видѣ опернаго балета, къ которому онъ, какъ искусный стихотворецъ, приклеилъ изящные стихи. Актеры выступили во французскихъ костюмахъ. Лордъ Саутдаунъ превратился теперь въ хромую и брюзгливую старуху, вооруженную клюкою.

За сценой слышались мелодическія трели, выходившія изъ маленькой живописной хижинки, покрытой цвѣтами.

— Филомела! Филомела! кричитъ старуха,

Филомела выходитъ. Дружныя рукоплесканія встрѣчаютъ ее въ залѣ. Это опять мистриссъ Родонъ Кроли, напудренная и въ мушкахъ, какъ очаровательнѣйшая маркиза въ мірѣ.

Она смѣется, поетъ, и выпархивая на авансцену со всею невинностью театральной юности, восхитительно раскланивается передъ публикой. Мать спрашиваетъ.

— Отчего ты, дитя мое, все смѣешься и поешь?

Филомела поетъ:

«Роза на моемъ балконѣ всю зиму безъ листьевъ стояла, утренній воздухъ вдыхая, и тоскливо дожидаясь весны. Отчего же теперь цвѣтетъ моя роза, и благовонный запахъ исходитъ изъ ея устъ? Оттого, мама, что весеннее солнце восходитъ, и птички громко поютъ, порхая по небесной лазури.

«Соловей молчалъ между обнаженными кустами, и уны-

ло прислушивался къ завываніямъ зимняго вѣтра, но громко соловьиная трель раздается теперь по зеленой рощѣ, и слышенъ его голосъ въ тиши ночной. Отчего же вдругъ такъ весело запѣлъ голосистый соловей? Оттого, милая мама, что взошло весеннее солнце, и листья зазеленѣли на деревьяхъ.

«Всему своя очередь, мама: птицамъ пѣть, розамъ цвѣсти и отцвѣтать, солнцу всходить к заходить. Лучъ весенняго солнца пробудилъ жизнь и веселье въ моемъ сердцѣ: вотъ отчего, милая мама, я засмѣялась и запѣла».

Въ промежуткахъ между стансами этой пѣсни, *милая мама* съ густыми и длинными усами, едва прикрытыми ея старушечьимъ чепцомъ, обнаруживала казалось самое нѣжное влеченіе къ своей рѣзвой дочкѣ, и не разъ стрмилась прижать ея къ своему материнскому сердцу. Симпатизирующая публика встрѣчала эти ласки съ громкимъ хохотомъ и оглушительными одобреніями. Оркестръ между-тѣмъ выполнялъ симфонію, искусно подражая щебетанію птицъ и соловьиной трели. Удовлетворяя общему желанію восторженной публики, Бекки еще разъ пропѣла свою пѣсню. Рукоплесканія и безконечные букеты посыпались на *Соловья*. Могучій голосъ лорда Стейна раздавался громче всѣхъ. Бекки-Соловей, подбирая цвѣты, которые онъ бросалъ ей, прижимала ихъ къ своему сердцу, съ видомъ совершеннѣйшей актрисы. Лордъ Стейнъ бѣсновался отъ восторга. Энтузіазмъ его гостей принималъ грандіозные размѣры. Куда дѣвалась прекрасная черноокая Черкешенка, возбудившая къ

себѣ такое сочувствіе въ первой шарадѣ? Она была вдвое красивѣе Бекки, но наша героиня совершенно затмила ее своимъ блескомъ. Всѣ голоса были на сторонѣ мистриссъ Родонъ. Стефенсъ, Карадори. Ронци-де-Беньи и другія артистическія имена попеременно были примѣняемы къ ней, и всѣ единодушно согласились, что если бы мистриссъ Кроли была на сценѣ, никто, безъ всякаго сомнѣнія, не сравнялся бы съ нею. Ребекка взобралась въ этотъ вечеръ на самыя верхнія ступени величія и славы: ея голосъ раздавался звонкой трелью надъ бурею рукоплесканій, и былъ столько же высокъ, какъ ея триумфъ.

Послѣ драматическаго спектакля открылся балъ. Всѣ и каждый толпились вокругъ Бекки, и она служила притягательнымъ пунктомъ во весь этотъ вечеръ. Одинъ знатный вельможа, родственникъ самого милорда Бумбумбума, объявилъ напрямикъ, что Ребекка — олицетворенное совершенство, и онъ безпрестанно вступалъ съ ней въ разговоръ. Всѣ эти почести туманили и кружили голову торжествующей артистки, и передъ ней открылось необозримое поле блистательныхъ успѣховъ въ модномъ свѣтѣ. Лордъ Стейнъ, неразлучный ея невольникъ, слѣдовалъ за ней повсюду, и оставлялъ почти безъ вниманія всѣхъ другихъ гостей. Когда начались танцы, она протанцовала менуэтъ съ мосьё де-Трюффины, чиновникомъ французскаго посольства изъ свиты герцога де-ла-Жаботьеръ. Герцогъ помнилъ всѣ артистическія преданія европейскихъ театровъ, и объявилъ положительно,

что мадамъ Кроли могла бы назваться достойною ученицею самого геніальнаго Вестриса. Онъ бы и самъ непрочь танцовать съ нею весь вечеръ, если бы не мѣшала подагра и чувство сознанія возвышенности своего поста. Онъ былъ очень радъ, когда ему сказали, что Ребекка — полуфранцуженка по происхожденію.

— Такъ и должно быть, отозвался *Monsieur le duc de la Jabotière*, — одна только Фраицуженка можетъ говорить и танцовать съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ.

Затѣмъ вальсироваль съ нею донъ Педро Клегенспоръ, кузень Петерварадима, принадлежавшій къ его свитѣ. Великій грандъ Испаніи и Португаліи, донъ Петерварадинъ, забывая свою дипломатическую сановитость, рѣшился также ангажировать на вальсъ эту очаровательную персону, и принялся вертѣться съ нею вокругъ залы, разсыпая по паркету брильянты изъ кисточекъ своихъ ботфуртовъ и гусарскаго ментика. Самъ Папушь-паша былъ бы очень радъ танцовать съ мистриссъ Бекки, если бы эта забава сообразовалась сколько-нибудь съ обычаями правовѣрныхъ. Группы наилучшихъ джентльменовъ безпрестанно тѣснились вокругъ нея, и апплодировали съ такимъ бурнымъ энтузіазмомъ, какъ-будто Бекки была какая-нибудь Тальйони или Нобле. Всѣ были въ очаровательномъ упоеніи, не исключая, разумѣется, и самой мистриссъ Кроли. Съ горделивымъ презрѣніемъ она проходила мимо леди Стоннигтонъ, и принимала покровительственный видъ въ отношеніи къ леди Гигантъ и ея озадачен-

ной невѣсткѣ. Соперницы ея были побѣждены и уничтожены. Куда дѣвалась теперь бѣдная мистриссъ Уикъуорсъ съ ея длинными волосами и большими черными глазами, производившими такой эффектъ при началѣ этого блистательнаго вечера? Нигдѣ не было ея. Если бы мистриссъ Уикъуорсъ выплакала всѣ свои глаза, и вздумала рвать на себѣ волосы, никто бы вѣроятно не замѣтилъ ея тоски и душевнаго расстройства.

Но величайшій триумфъ былъ еще впереди, — за ужиномъ. Мистриссъ Бекки удостоилась чести сидѣть среди знаменитѣйшихъ вельможъ, и кушать на золотыхъ приборахъ. Какъ новая Клеопатра среди этого блистательнаго собранія, она могла бы глотать перлы въ бокалахъ шампанскаго, если бы только пожелала, и донъ Петервардинъ охотно бы пожертвовалъ всѣми своими брильянтами за одинъ ласковый и нѣжный взглядъ изъ ея искрометныхъ глазокъ. Жаботьеръ писалъ о ней своему правительству. Дамы за другими столами, кушавшія на серебрѣ, и наблюдавшія за постояннымъ къ ней вниманіемъ лорда Стейна, клятвенно увѣряя, что милордъ, совершенно потерявшій голову, наносятъ чудовищное оскорбленіе всѣмъ великосвѣтскимъ леди. Если бы сарказмъ могъ производить убійственныя послѣдствія въ буквальномъ смыслѣ этого слова, леди Стоннингтонъ уже давно убила бы Ребекку.

Триумфы этого рода пугали и тревожили бѣднаго Родона Кроли, и онъ съ прискорбіемъ замѣчалъ, что жена его, всѣми

обожаемая, отдаляется отъ него больше и больше. Съ болѣзненнымъ чувствомъ онъ признавался самому себѣ, что Ребекка стоитъ выше его неизмѣримо.

При разъѣздѣ послѣ бала, молодые люди толпами хлынули за мистриссъ Кроли къ ея каретѣ, вызванной вдругъ нѣсколькими голосами. Крикъ этотъ былъ подхваченъ десятками факельщиковъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ воротъ Гигантскаго Дома, и наперерывъ спѣшившихъ принести искреннее поздравленіе всякому выходившему джентльмену съ изъявленіемъ надежды, что «его превосходительству» было конечно весело въ этотъ вечеръ.

Карета мистриссъ Родонъ, послѣ громкихъ возгласовъ, вкатилась на иллюминированный дворъ, и остановилась у крытаго подъѣзда. Родонъ посадилъ свою жену, и экипажъ помчался. Мистеръ Венгемъ вызвался съ полковникомъ идти пѣшкомъ, и предложилъ ему сигару.

Закуривъ сигару у одного изъ факельщиковъ, стоявшихъ у воротъ, Родонъ отправился съ пріятелемъ своимъ Венгемомъ. Въ эту минуту, два человѣка отдѣлились отъ толпы, и послѣдовали за джентльменами. Лишь-только Родонъ и Венгемъ повернули за уголь Гигантскаго Сквера, одинъ изъ этихъ людей, выступивъ впередъ, притронулся къ плечу полковника, и сказалъ:

— Прошу извинить, сэръ, я долженъ переговорить съ вами по секрету объ одномъ важномъ дѣлѣ.

За этими словами, другой незнакомецъ громко свиснулъ,

и въ то же мгновеніе, отъ воротъ Гигантскаго Дома отдѣлился одинъ кабріолетъ. Сдѣлавъ этотъ сигналъ, незнакомецъ загородилъ полковнику дорогу.

Родонъ Кроли мигомъ смекнулъ въ чемъ дѣло: его окружили помощники шерифа, вѣроятно вслѣдствіе жалобы кого-нибудь изъ его многочисленныхъ кредиторовъ. Онъ отпрянулъ назадъ съ угрожающимъ жестомъ отъ джентльмена, который сперва прикоснулся къ его плечу.

— Сопротивленіе бесполезно, милостивый государь, сказалъ джентльмень, — насъ здѣсь трое.

— Вы что ль это Моссъ? сказала полковникъ, угадавшій, повидимому, этого собесѣдника. — Сколько же?

— Бездѣлица, шепнулъ мистеръ Моссъ, помощникъ мидльсекскаго шерифа, что на Курситоръ-Стритъ, — всего только сто-шестьдесятъ-шесть фунтовъ, шесть шиллинговъ и восемь пенсовъ, по форменной жалобѣ мистера Натана.

— Ради Бога, Венгемъ, одолжите мнѣ сто фунтовъ, сказала бѣдный Родонъ, — дома у меня наберется около семидесяти.

— А у меня, въ цѣломъ свѣтѣ, не наберется и десяти, отвѣчалъ Венгемъ, — спокойной ночи, почтеннѣйшій.

— Спокойной ночи, сказалъ Родонъ жалобнымъ тономъ.

И Венгемъ пошелъ своей дорогой. Мистеръ Родонъ Кроли докурить свою сигару, когда кабріолетъ его подъѣхалъ къ дому мистера Мосса.

Глава LI

Лордъ Стейнъ выставляется въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ

Лордъ Стейнъ ничего не дѣлалъ въ-половину; и если онъ рѣшался благодѣтельствовать какому-нибудь смертному, то ужъ благодѣтельствовалъ вполнѣ, безъ числа и мѣры. Это между-прочимъ, къ великой чести милорда, испытало на себѣ джентльменское семейство, проживавшее на Курцонской улицѣ.

Прежде всего благодѣянiя лорда Стейна обратились на малютку Родона. Онъ указалъ его родителямъ на необходимость отправить мальчика въ какое-нибудь общественное заведенiе, гдѣ бы онъ могъ получить образованiе, соотвѣтствующее его будущему назначенiю въ свѣтѣ. Родя ужъ въ такомъ возрастѣ, говорилъ лордъ Стейнъ, когда первыя основанiя латинскаго языка, дѣтское соребнованiе, гимнастическiя упражненiя и общество школьныхъ товарищей, могутъ принести ему величайшую пользу. Отецъ возразилъ на это, что скудныя средства не позволяютъ ему отправить мальчика въ хорошую общественную школу, между-тѣмъ какъ маменька замѣтила весьма основательно, что миссъ Бриггсъ — превосходная наставница и руководительница для ея малютки. Она учила его англiйскому языку, первоначалiя-

мъ латинской этимологіи, и вообще всѣмъ наукамъ, доступнымъ возрасту юнаго Родона. Но всѣ эти возраженія исчезли передъ великодушною настойчивостью маркиза Стейна. Милордъ былъ одинъ изъ попечителей стариннаго учебнаго заведенія, извѣстнаго подъ именемъ «Бѣлаго Собратства». Встарину былъ здѣсь цистерціанскій монастырь, и подлѣ него находилось обширное поле для турнировъ, называемое Смитфильдъ, гдѣ, какъ извѣстно, сожигали закоsnѣлыхъ и упрямыхъ еретиковъ. Генрихъ VIII, покровитель и защитникъ вѣры, удалялъ отсюда сварливыхъ доминиканцевъ, оказавшихъ сопротивленіе его реформѣ. Наконецъ какой-то богатый негоціантъ купилъ этотъ домъ съ принадлежащею къ нему землею, и при помощи значительныхъ пожертвованій отъ другихъ лицъ деньгами и вещами, учредилъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ богоугодное заведеніе для стариковъ, старухъ и дѣтей. Основаніе училищу положено почти подлѣ древнихъ монастырскихъ стѣнъ, и эта школа существуетъ до настоящаго времени со всѣми средневѣковыми обычаями, постановленіями и средневѣковымъ костюмомъ.

Посѣтителями этого заведенія сдѣлались величайшіе нобльмены, прелаты и нѣкоторые изъ первыхъ сановниковъ государства, и такъ-какъ дѣти имѣли здѣсь весьма удобное помѣщеніе, хорошій столъ и приличное платье, и при томъ могли поступать прямо въ Оксфордскій университетъ, откуда, по окончаніи курса, пріискивались для нихъ хорошія мѣста по духовной части, то многіе джентльмены сред-

ней руки были очень рады помѣщать туда своихъ сыновей, и богатые люди охотно продолжали дѣлать вклады на поддержку этого, истинно-филантропическаго института. Первоначально институтъ былъ исключительно назначенъ для бѣдныхъ мальчиковъ изъ духовнаго и свѣтскаго сословія, но впослѣдствіи великодушные попечители заведенія разсудили весьма основательно, что благотѣнія должны изливаться на всѣхъ подданныхъ Трехъ Соединенныхъ Королевствъ. Богатые люди съ своей стороны разсчитали съ удовлетворительною прозорливостью, что было бы безразсудно, кому бы то ни было, презирать заведеніе, гдѣ можно было даромъ получить отличное образованіе и благонадежныя средства къ существованію. На этомъ основаніи, многіе великіе люди начали отправлять туда не только сыновей своихъ родственниковъ, но и собственныхъ своихъ дѣтей, предоставляя себѣ, на всякій случай, полное право покровительствовать дѣтей своихъ усердныхъ слугъ. Такимъ-образомъ, молодой человѣкъ, при вступленіи въ заведеніе, находилъ для себя сверстниковъ изъ всѣхъ сословій.

Родонъ Кроли въ жизнь свою не читалъ ничего кромѣ «Календаря лошадиныхъ скачекъ», его воспоминанія ограничились главнѣйшимъ образомъ розгами, которыя получалъ онъ въ Итонскомъ Коллегіумѣ. При всемъ томъ, честный полковникъ, какъ и всѣ англійскіе джентльмены, питалъ благоговѣйное уваженіе къ классическому образованію, и радовался душевно, что сынъ его, обеспеченный въ сред-

ствахъ къ существованію, сдѣлается современемъ быть-можетъ ученымъ человѣкомъ. И хотя юный Родонъ, единственный его другъ и собесѣдникъ, былъ съ нимъ соединенъ тысячью нѣжнѣйшихъ узъ, неизвѣстныхъ для мистриссъ Бекки, совершенно равнодушной къ сыну, однакожь, тѣмъ не менѣе, полковникъ тотчасъ же согласился на разлуку съ мальчикомъ, имѣя въ виду его будущее счастье. Но прежде, чѣмъ разлука наступила, Родонъ еще не зналъ и самъ, какъ сильно онъ былъ привязанъ къ этому малюткѣ. Грусть и тоска овладѣли бѣднымъ отцомъ, и съ отъѣздомъ сына онъ почувствовалъ себя гораздо печальнѣе, чѣмъ самъ юный Родонъ, который съ радостью вступалъ на новую карьеру, надѣясь найти для себя веселое развлеченіе между многочисленными сверстниками. Два или три раза Бекки принималась хохотать, когда полковникъ простодушно и безсвязно выражалъ свою грусть при отъѣздѣ сына. Осиротѣлый отецъ глубоко почувствовалъ, что теперь отняли у него единственное сокровище въ мірѣ. Часто и тоскливо смотрѣлъ онъ на маленькую постель въ уборной, гдѣ спалъ другъ его, Родя. Отсутствіе его становилось особенно замѣтнымъ по утрамъ, когда полковникъ выходилъ гулять безъ него по парку. Онъ не подозрѣвалъ своего совершеннаго одиночества на бѣломъ свѣтѣ, прежде чѣмъ не отправили въ школу его сына. Полковникъ искренно привязался къ тѣмъ особамъ, которыя любили и ласкали его Родю. Часто ходилъ онъ къ леди Дженни, и сидѣлъ съ нею по цѣлымъ часамъ, разговаривая о нрав-

ственности, умѣ, живости характера и о множествѣ другихъ превосходныхъ свойствъ, замѣчаемыхъ въ юномъ Родонѣ.

Леди Дженни и маленькая дочь ея, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно любили маленькаго Родю, и проливали искреннія слезы при отправленіи его въ школу. Родонъ-старшій сердечно благодарилъ и мать, и дочь, за это нѣжное вниманіе. Лучшія и благороднѣйшія чувства мужчины свободно исходили изъ его отцовской груди, встрѣчая симпатію женщинъ. Леди Дженни начала душевно уважать своего добраго родственника за всѣ эти чувства, которыхъ онъ не смѣлъ обнаружить передъ собственной женой. Невѣстки между-тѣмъ старались встрѣчаться какъ-можно рѣже. Бекки почти открыто смѣялась надъ добродушіемъ леди Дженни, которая въ свою очередь не могла равнодушно смотрѣть на заносчивыя выходки супруги добраго полковника.

Такимъ-образомъ, Родонъ Кроли уже начиналъ чуждаться своей жены, даже болѣе, чѣмъ сколько самъ могъ замѣтить сначала. Это, однакожь, нисколько не тревожило мистриссъ Бекки. Ей нечего было терять въ своемъ мужѣ, потому-что онъ, какъ смиренный и безотвѣтный невольникъ, былъ ей только нуженъ для посылокъ. Пусть онъ груститъ, ворчитъ, хмурится или смѣется: Ребекка ничего не замѣчала, и не хотѣла замѣчать. Да и до того ли ей было? надлежало ей подумать о своемъ положеніи, о перспективѣ блистательныхъ удовольствій, потому-что, какъ всякій видитъ, мистриссъ Кроли должна занять высокое мѣсто въ джентльменскомъ

кругу.

Честная Бриггсъ куптла для Роди маленькую скрипку, передъ его отправленіемъ въ школу. Горничная Молли расплакалась въ сѣняхъ, когда провожала малютку; ей было жаль его, несмотря на то, что господа уже давнымъ-давно не платили жалованья этой доброй и вѣрной служанкѣ. Мистриссъ Бекки не позволила мужу взять свою коляску для отправленія Роди. «Кчему это брать лошадей въ Сити? сказала она, — слыханое ли дѣло. Пусть наймутъ извозчика.» Она и не поцаловала сына передъ отѣздомъ. Малютка тоже не обнаружилъ особеннаго желанія броситься въ материнскія объятія, но онъ охотно поцаловаль старушку Бриггсъ, робкую въ изліяніи сердечныхъ ощущеній, и утѣшилъ ее обѣщаніемъ пріѣзжать домой каждую субботу. Когда извозничій кабріолетъ потащился въ Сити, великолѣпная коляска мистриссъ Бекки помчалась къ Парку. И когда отецъ и сынъ входили въ старинныя ворота благотворительнаго имститута, мистриссъ Родонъ весело разговаривала и смѣялась, окруженная десятками молодыхъ львовъ и денди. Послѣ окончательной разлуки съ сыномъ, Родонъ-старшій вышелъ изъ школы съ разтерзанной душой и убитымъ сердцемъ — чего еще никогда не случилось съ нимъ съ той поры, какъ онъ самъ оставилъ дѣтскую колыбель.

Въ такомъ расположеніи духа воротился онъ домой, и обѣдалъ въ тотъ день наединѣ съ миссъ Бриггсъ. Онъ былъ очень ласковъ и предупредителенъ къ этой старой дѣвицѣ, и душев-

но благодариль ее за любовь и нѣжное вниманіе къ малюткѣ. Совѣсть немножко упрекала его, что онъ воспользовался съ женою ея деньгами, взявъ ихъ займы безъ отдачи. Долго они говорили о маленькомъ Родѣ, и о тѣхъ надеждахъ, которыя подавалъ этотъ прелестный мальчикъ. Бекки не мѣшала имъ: она завернула домой только переодѣться, и потомъ уѣхала обѣдать въ гости. Вечеромъ Родонъ Кроли отправился на Гигантскую улицу пить чай къ леди Дженни. Онъ разсказалъ ей обо всемъ, что случилось. Родя влетѣлъ козыремъ въ свой нумеръ, гдѣ надѣли на него длинный сюртукъ и коротенькіе панталоны. Молодой Бляккболль, сынъ Джека Болля, стараго сослуживца, взялъ его подъ свое покровительство, и обѣщался обходиться съ нимъ ласково.

Въ теченіе одной недѣли Бляккболль вышколилъ изъ малютки Родона отличнаго парня: онъ заставлялъ его чистить сапоги, поджаривать къ чаю пирожки, и учить латинскія склоненія наравнѣ съ англійской этимологіей. Три или четыре раза онъ поколотилъ неопытнаго новичка, но не слишкомъ больно: патрону понравилось добродушное и откровенное лицо маленькаго Родона. Если его били и заставляли чистить сапоги, такъ это собственно говоря, Бляккболль дѣлалъ для его же пользы; кто не знаетъ, что всѣ эти обязанности составляютъ существенную и необходимую часть при воспитаніи молодаго англійскаго джентльмена.

Мы, однакожь, не намѣрены слѣдить здѣсь за возрастаніемъ этого втораго поколѣнія, и отдавать читателю подробный

отчетъ въ успѣхахъ юнаго Родона, иначе исторія наша, въ такомъ случаѣ, можетъ дойти до безконечнаго размѣра. Черезъ нѣсколько дней полковникъ навѣстилъ своего сына, и нашель, что онъ, слава Богу, здоровъ и счастливъ. Родя щеголялъ въ длиннополомъ сюртукѣ и коротенькихъ панталонахъ.

Родонъ-старшій старался приласкать и задобрить на свою сторону Бляккболля, и тотъ общался по чистой совѣсти, оказывать всевозможное благоволеніе къ его сыну. Думать надобно, что и училищное начальство тоже расположено было снисходительно смотрѣть на юнаго питомца, какъ на protégé великаго лорда Стейна. Ктому же онъ былъ племянникомъ знаменитаго представителя Гемпшира и сыномъ полковника, кавалера Бани, котораго имя довольно часто появлялось въ «Morning Post» среди наилучшихъ фамилій. Имѣя весьма порядочный запасъ карманныхъ денегъ, Родя щедро угощаль своихъ товарищей малиновыми тортами, и вскорѣ поставилъ себя съ ними на самую дружескую ногу. Каждую субботу аккуратно отпускали его въ родительской домъ, на Курцонскую улицу, и этотъ день становился для его отца настоящимъ юбилеемъ. Свободный отъ своихъ собственныхъ занятій, Родонъ-старшій ходилъ съ нимъ въ театръ, или отправлялъ его туда съ лакеемъ. По воскресеньямъ Родя ѣздилъ въ церковь съ миссъ Бриггсъ и леди Дженни. Онъ подробно рассказывалъ отцу о своей новой жизни въ школѣ, и тотъ, въ короткое время не хуже самого Роди,

узналъ всѣхъ его товарищей и учителей. Однажды онъ пригласилъ къ себѣ изъ училища одного изъ пріятелей маленькаго Родона, и сводивъ обоихъ мальчиковъ въ театръ, наспивовалъ ихъ разными лакомствами до того, что они чуть не слегли въ постель. Онъ старался показать, что ему знакомъ латинскій языкъ, когда юный Родонъ указывалъ, какъ далеко зашелъ онъ въ грамматикѣ латинской.

— Учись, мой другъ, учись! говорилъ отецъ съ глубокою важностью. Ничего не можетъ быть лучше хорошаго классическаго образованія, ничего!

Между-тѣмъ презрѣніе Ребекки къ мужу возрастало съ каждымъ днемъ.

— Дѣлайте, что вамъ угодно, обѣдайте, гдѣ хотите, курите табакъ и пейте водку въ своемъ клубѣ, или, распѣвайте гимны съ леди Дженни, для меня все-равно; только не требуйте отъ меня, чтобы я занималась *вашимъ* сыномъ. Ваши же интересы у меня въ виду, такъ-какъ вы не можете заботиться о себѣ сами, милостивый государь. Желала бы я знать, гдѣ бы — въ какомъ обществѣ и въ какомъ положеніи вы очутились теперь, еслибъ я не заботилась о васъ?

Тутъ была значительная частица правды. Въ тѣхъ собраніяхъ и обществахъ, куда обыкновенно ѣздила мистриссъ Бекки, никто, повидимому, не интересовался знать, существуетъ ли на свѣтѣ горемычный Родонъ Кроли. Его перестали и приглашать. Часто Ребекка выѣзжала одна, безъ мужа. Она говорила о наилучшихъ людяхъ, какъ-будто жила

среди нихъ отъ колыбели, и когда при дворѣ носили трауръ, мистриссъ Бекки тоже облеклась въ черное платье. Когда такимъ-образомъ устроена была на прочномъ основаніи судьба маленькаго Родона, лордъ Стейнъ; принимавшій истинно-отеческое участіе въ дѣлахъ этого милаго семейства, разсчиталь, что хозяйственные расходы господъ Кроли значительно будутъ сокращены, если удалить отъ нихъ компаньонку Бриггсъ. Въ этой особѣ не оказывалось теперь ни малѣйшей надобности, такъ-какъ умная и расторонная Бекки сама могла завѣдывать всѣми частями маленькаго хозяйства. Уже сказано было въ своемъ мѣстѣ, съ какимъ великодушіемъ этотъ благородный патронъ выдалъ Ребеккѣ деньги, назначенныя въ уплату долга для миссъ Бриггсъ. Послѣ такого распоряженія милордъ имѣлъ право надѣяться, что мистриссъ Родонъ отпустить свою компаньонку, которая, однакожь, какъ видитъ читатель, продолжала до сихъ поръ жить у своей *благодѣтельницы*. Отсюда нетрудно было прійти къ заключенію, что мистриссъ Бекки, сверхъ ожиданія, сдѣлала вѣроятно какое-нибудь другое употребленіе изъ маленькой суммы. Однакожь лордъ Стейнъ не сообщилъ ей своихъ подозрѣній касательно этого предмета. Какъ знать? бѣдная женщина могла имѣть тысячу непріятныхъ побужденій, заставившихъ ее употребить эту маленькую сумму противъ назначенія, сдѣланнаго великодушнымъ милордомъ. Надлежало тѣмъ не менѣе удостовѣриться въ настоящемъ положеніи этого дѣла, и маркизь рѣшился присту-

пить къ необходимымъ разспросамъ деликатно и осторожно.

Нужно было прежде всего повипытать самоё миссъ Бриггсъ. Это была весьма нетрудная операція. Два, три ласковыхъ слова со стороны такой высокой особы, какъ милордъ, и достойная женщина могла повѣдать ему всѣ свои задушевные тайны. Однажды, когда мистриссъ Родомъ выѣхала покататься (мистеръ Фичъ, довѣренное лицо маркиза, зналъ очень хорошо, когда она выѣзжала, свѣдѣнія объ этомъ предметѣ доставлялись ему изъ наемной конюшни, гдѣ содержались экипажъ и лошади господъ Кроли), лордъ Стейнъ завернулъ въ извѣстный домикъ на Курцонской улицѣ, и потребовавъ себѣ чашку кофе, сказалъ миссъ Бриггсъ, что онъ принесъ для нея хорошія вѣсти о маленькомъ Родонѣ Эти слова тотчасъ же развязали языкъ доброй старушки, и менѣе чѣмъ въ пять минутъ лордъ Стейнъ узналъ, что мистриссъ Родонъ не заплатила ей ни одного пенни, и что она подарила ей недавно черное шелковое платье, за которое миссъ Бриггсъ была ей безпредѣльно благодарна.

Милордъ внутренно усмѣхнулся при этомъ безыскусственномъ разсказѣ. Изобрѣтательная мистриссъ Бекки еще такъ недавно извѣщала его, съ какимъ восторгомъ старуха Бриггсъ получила отъ нея свои деньги: тысячу сто двадцать-пять фунтовъ — положенныя теперь въ безопасное мѣсто для приращенія выгоднѣйшими процентами. Ребекка не забыла намекнуть съ восхитительной откровенностію, какъ самой ей трудно было разстаться съ такими заманчивыми де-

нежками. «Почему знать?» думала наша героиня, сочиняя эту фантастическую повесть; «может-быть онъ дастъ мнѣ еще сколько-нибудь.» Однакожь такое ожиданіе не оправдалось, потому вѣроятно, что милордъ и безъ того считалъ себя довольно великодушнымъ.

Продолжая интересную бесѣду, милордъ полюбопытствовалъ узнать подробнѣе обстоятельства миссъ Бриггсъ, и старая словоохотливая дѣвица; рассказала все, что у нея тайлось за душой. Оказалось такимъ-образомъ, что значительную часть наслѣдства послѣ своей незабвенной благодѣтельницы, Матильды Кроли; миссъ Бригсъ раздѣлила между своими родственниками, а остальными деньгами, положенными сначала въ финансовое заведеніе, распорядились теперь мистеръ и мистриссъ Кроли, общавшіеся доставлять ей выгоднѣйшіе проценты. Въ ней, по ихъ просьбѣ, принялъ участіе даже самъ сэръ Питтъ, съ которымъ они недавно держали совѣщаніе, какъ бы скорѣе и надежнѣе обогатить миссъ Бриггсъ; почему баронетъ и воспользуется первымъ случаемъ, чтобы удвадцатерить ея капиталъ.

— А сколько всего они взяли у васъ денегъ? спросилъ лордъ Стейнъ.

— Шестьсотъ фунтовъ, милордъ, отвѣчала Бриггсъ, съ небольшимъ шестьсотъ.

Но тутъ же она спохватилась, что уже черезчуръ откровенна съ этимъ человѣкомъ. Чего добраго, онъ еще пожалуй повредитъ ей какъ-нибудь.

— Вы ужь сдѣлайте милость, не пересказывайте имъ этого нашего разговора, сказала миссъ Бриггсъ, полковникъ такъ добръ, милордъ, мистриссъ Кроли такъ великодушна!.. Если мистеръ Кроли узнаетъ, что я рассказываю о его намѣреніяхъ, онъ конечно отдастъ мнѣ назадъ этотъ капиталъ, и тогда, посудите, что я стану дѣлать?

Лордъ Стейнъ, едва удерживаясь отъ смѣха, обѣщался хранить ея тайну, но онъ захохоталъ отъ полноты душевнаго восторга, когда простился съ этой достойной дѣвицей.

«Какой изворотливый бѣсёнокъ эта женщина! думалъ маркизь, сядя въ свою карету. Какая чудная, блистательная актриса! Она чуть не выманила у меня и еще такую же сумму... Да, Бекки въ грязь затопчетъ всѣхъ этихъ женщинъ, какихъ мнѣ удавалось видѣть на своемъ вѣку. Онѣ, безсмысленные младенцы въ сравненіи съ ней. Я самъ оглупѣлъ въ ея рукахъ на старости лѣтъ. Безпримѣрная, неподражаемая лгунья, надо отдать ей справедливость.»

Удивленіе милорда къ обширнымъ надувательнымъ способностямъ Ребекки увеличилось неизмѣримо. Выманить денегъ у кого бы то ни было, еще не составляетъ большой трудности; но выманить ровно вдвое противъ необходимой суммы и не заплатить никому — вотъ это, что называется, великолѣпная штука, требующая необыкновеннаго искусства и глубочайшихъ соображеній.

«Да и Родонъ Кроли вовсе не такой глупецъ, какимъ прикидывается, думалъ маркизь, Онъ обдѣлалъ эту исторію съ

большимъ умѣньемъ. Кто бы, смотря на его лицо, могъ вообразить, что ему извѣстны эти финансовыя продѣлки? А между-тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ самъ подговорилъ жену, и протранжирилъ эти денежки. Да, видно и онъ мастеръ своего дѣла.»

Мы знаемъ, однакожь, что въ послѣднемъ случаѣ, догадка проницательнаго милорда была не совсѣмъ основательна, но тѣмъ не менѣе, съ этой поры онъ значительно измѣнилъ свои отношенія къ полковнику Родону. При встрѣчѣ съ нимъ милордъ не соблюдалъ уже и той наружной вѣжливости, какая до сихъ поръ отличала поведеніе его съ этгаъ дженгльменомъ. Великодушный другъ и покровитель мистриссъ Кроли никогда не подозрѣвалъ, что эта изобрѣтательная леди, съ нѣкогораго времени, смастерила для себя особый секретный кошелекъ, и, если сказать всю правду, милордъ судилъ о полковникѣ Кроли по своимъ разнообразнымъ и многосложнымъ отношеніямъ къ другимъ. супругамъ, съ которыми судьба сталкивала его въ продолженіе многоопытной жизни, ознакомившей его съ различными слабостями человѣческаго рода. Лордъ Стейнъ знавалъ на своемъ вѣку многихъ легкомысленныхъ мужей, и читатель вѣроятно охотно проститъ ему дерзкое предположеніе относительно РодонаКроли.

Выждавъ удобный случай остаться наединѣ съ мистриссъ Бекки, мллордъ не замедлилъ поздравить ее съ неподражаемаымъ искусствомъ дурачить своихъ друзей. Ребекка смутилась, но весьма немного. Выдумывать сказки было не въ на-

турѣ этого прекраснаго созданія, и она прибѣгала къ этому средству только въ крайнихъ обстоятельствахъ, но ужь какъ скоро представлялись такія обстоятельства, Ребекка пускалась на выдумки съ отчаянною смѣлостію. На этотъ разъ, къ удовольствію своего патропа, она, не болѣе какъ въ одну минуту, сочинила чрезвычайно интересную исторію, обставленную самыми поэтическими подробностями. Прежнее показаніе, представленное ею лорду Стейну, было ложно, совершенно ложно, и Ребекка призналась въ этомъ съ повинной головой, но кто, позвольте спросить, заставилъ ее лгать?

— Ахъ, милордъ, сказала она, вы не знаете, вы не можете и постигнуть, что я терплю и переносу молча, наединѣ съ своимъ бѣднымъ сердцемъ. Обыкновенно вы видите меня веселой и счастливой, когда я съ вами, но вамъ конечно не приходится и въ голову, какія страданія терзаютъ мою душу, когда нѣтъ покровителя подлѣ меня. Угрозами Родонъ заставилъ меня выпросить у васъ безстыднымъ образомъ эту несчастную сумму. Онъ предвидѣлъ съ вашей стороны вопросъ относительно употребленія этихъ денегъ, и я принуждена была сочинить безсовѣстную сказку. Родонъ взялъ эти деньги, и сказалъ, что расплатился съ миссъ Бриггсъ. Я не посмѣла усомниться въ этомъ. Простите несчастнаго, доведеннаго крайними обстоятельствами до необходимости обманывать честныхъ людей, и пожалѣйте бѣдную, бѣдную женщину.

И она зарыдала горько. Еще никогда угнетенная невинность не представлялась въ такомъ жалкомъ видѣ.

Загѣмъ послѣдовало длинное, предлинное объясненіе, въ продолженіе котораго экипажъ мистриссъ Кроли совершилъ нѣсколько объѣздовъ вокругъ Реджентъ-парка. Намъ нѣтъ особенной надобности входить въ подробности этой бесѣды, но слѣдствіемъ ея было то, что, по возвращеніи домой, Бскки вбѣжала въ комнату компаньйонки съ оживленнымъ и веселымъ лицомъ, и объявила, что она принесла пріятныя вѣсти для миссъ Бриггсъ. Дордъ Стейнъ поступилъ какъ благороднѣйшій и великодушнѣйшій джентльменъ. У него только и дѣла, чтобъ помогать и покровительствовать ближнимъ. Теперь, когда въ домѣ не стало больше маленькаго Родона, компаньйонка уже не составляетъ особенной необходимости для Ребекки. Она крайне соболѣзнуетъ и скорбитъ, что принуждена разлучиться съ безцѣнной Бриггсъ, но, къ несчастью, ограниченныя средства заставляютъ ее придумывать всякія сбереженія по хозяйственной части, и при этой разлукѣ, утѣшаетъ ее только то единственное обстоятельство, что, благодаря великодушію лорда Стейна, миссъ Бриггсъ будетъ пристроена гораздо удобнѣе, чѣмъ здѣсь, въ ея скромномъ домикѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: мистриссъ Пилькнигтодъ, ключница на гемпширской мызѣ лорда Стейна, сдѣлалась чрезвычайно стара и слаба. Такой дряхлой старухѣ, разумѣется, нельзя усмотрѣть за огромнымъ хозяйствомъ, и обстоятельства требуютъ пріискать для нея хорошую преемницу. Мѣсто неподходящее. Стейны пріѣзжаютъ туда очень рѣдко, не болѣе одного раза въ продол-

женіе двухъ лѣтъ. Во всякое другое время ключница — полная хозяйка въ господскомъ домѣ. За столомъ всегда у нея четыре блюда, и гости — особы очень почтенныя, навѣщаютъ ее чуть-ли не каждый день. Словомъ сказать, ключница на этой мызѣ живетъ какъ настоящая леди. Такъ на нее и смотрятъ во всемъ Гемпширѣ. Двѣ послѣднія предшественницы мистриссъ Пилькингтонъ вышли за пасторовъ этой усадьбы, да и Пилькингтонъ могла бы выйти, еслибъ теперешній пасторъ не приходился ей племянникомъ. Это мѣсто еще не утверждено за миссъ Бриггсъ, но она можетъ, если ей угодно, сѣздить на этихъ дняхъ къ мистриссъ Пилькингтонъ, и посмотрѣть, удобно ли будетъ занять ее должность.

Никакими словами нельзя изобразить восторженной благодарности миссъ Бриггсъ. Она выговорила для себя единственное условіе, чтобъ маленькому Родону позволяли по временамъ пріѣзжать къ ней на мызу. Бекки охотно согласилась на все. Когда мужъ ея воротился домой, она сообщила ему эту веселую новость. Родонъ былъ радъ, съ его совѣсти нѣкоторымъ образомъ сваливалось тяжелое бремя прями о деньгахъ бѣдой миссъ Бриггсъ. Тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ, что голова была у него какъ-будто не на своемъ мѣстѣ. Когда онъ разсказалъ Саутдауну объ этомъ поступкѣ лорда Стейна, молодой человѣкъ взглянулъ на него какимъ-то страннымъ и двусмысленнымъ видомъ. Это въ нѣкоторой степени, озадачило Родона Кроли.

Леди Дженни, услышавъ объ этомъ второмъ доказатель-

ствѣ щедротѣ и благодѣяній лорда Стейна, тоже посмотрѣла, съ нѣкоторымъ изумленіемъ, на брата своего мужа. Изумил-ся и сэръ Питтъ.

— Она слишкомъ умна и... и можетъ-быть слишкомъ любить свѣтскія развлеченія, чтобъ ей можно было позволить разѣзжать одной, безъ комнанныонки, сказали сэръ Питтъ и леди Дженни. Вы, Родонъ, непременно должны сопровождать ее всюду, и постарайтесь распорядиться такъ, чтобъ дома она не оставалась одна. Не худо бы пригласить которую-нибудь изъ дѣвицъ Королевиной усадьбы, да только имъ кажется не усмотрѣть за вашей женой.

Рѣшено, что при Бекки кто-нибудь долженъ быть. А пока-мѣстъ оказывалось очевиднымъ, что доброй Бриггсъ необходимо было воспользоваться такимъ неожиданнымъ счастьемъ. Къ назначенному дню она уложила свои чемоданчики, и благополучно отправилась въ дорогу, напутствуемая благословеніями своихъ великодушныхъ друзей. Такимъ-образомъ, стражи, охранявшіе до сихъ поръ благополучіе Родона, были теперь въ рукахъ его враговъ.

Спустя нѣсколько времени, сэръ Питтъ имѣлъ серьезное совѣщаніе съ мистриссъ Бекки относительно разныхъ фамильныхъ, деликатныхъ обстоятельствъ. Напрасно она, призвавъ на помощь все свое остроуміе, старалась доказать своему родственнику, какъ необходима протекція лорда Стейна для ея мужа, и какъ было бы жестоко съ ихъ стороны удерживать при себѣ бѣдную миссъ Бриггсъ, когда счастье, мож-

но сказать, само напрашивалось къ ней: сэръ Питтъ остался непреклоненъ и неумолимъ. Ласки, увѣщанія, слезы, рыданія, доказательства, просьбы — ничто не могло образумить и успокоить баронета, и крупный ето разговоръ съ мистриссъ Бекки былъ весьма недалекъ отъ серьёзной ссоры. Сэръ Питтъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ о фамильной чести, о незазорной репутаціи Кроли, и выразился съ великимъ негодованіемъ относительно легкомыслія, съ какимъ его, нѣкогда обожаемая, невѣстка принимала разнохарактерныя толпы гостей.

— Зачѣмъ, скажите, допускаются на ваши вечера эти буйные молодые люди, которые, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не дорожатъ семейнымъ счастьемъ? говорилъ сэръ Питтъ. Да, и самъ лордъ Стейнъ: съ какой стати карета его почти всегда стоитъ у вашего подъѣзда? Это ужъ всѣ, къ стыду нашему, начинаютъ замѣчать, мистриссъ Кроли. Какъ глава и представитель фамиліи, я умоляю васъ быть какъ-можно осторожнѣе. Въ обществѣ уже и безъ того распространяются о васъ слишкомъ обидные слухи. Лордъ Стейнъ, конечно, человѣкъ съ большими талантами и съ вѣсомъ въ нашемъ быту, но короткое съ нимъ знакомство компрометируетъ всякую женщину. Рекомендую вамъ, невѣстка, не забывать своего положенія, и быть осторожнѣе въ сношеніяхъ съ этимъ нобльменомъ.

Подъ конецъ этой аудіенціи, Бешій общала все, чего отъ нея ни требовалъ раздраженный баронетъ, но это нисколько

не измѣнило ея поведенія на будущее время, и лордъ Стейнъ былъ по прежнему постояннымъ ея гостемъ. Гнѣвъ сэра Питта возрасталъ постепенно. Интересно было бы знать: сердилась или рада была леди Дженни, когда наконецъ супругъ ея началъ отыскивать недостатки въ этой, еще такъ недавно идеальной, Ребеккѣ. Съ продолженіемъ визитовъ лорда Стейна, его собственныя посѣщенія въ домикъ на Курцонской улицѣ прекратились, и леди Дженни съ своей стороны, хотѣла было отказаться отъ всякихъ сношеній съ этимъ нобльменомъ, и даже уклонилась отъ чести присутствовать на шарадномъ вечнрѣ, когда маркиза прислала къ ней пригласительный билетъ, но сэръ Питтъ вриказалъ ей однакожь принять это приглашеніе, разсчитывая весьма основательно, что шарадный спектакль удостоятъ своимъ присутствіемъ самыя знаменитыя особы, не исключая родственниковъ милорда Бумбумбума.

При всемъ томъ, сэръ Питтъ и его супруга, прибывшіе на этотъ вечеръ, поспѣшили, прежде всѣхъ другихъ гостей, выбраться изъ Гигантскаго дома, не дождавшись даже окончанія бала. Бекки не обратила тутъ ни малѣйшаго вниманія на свою невѣстку, и едва перебросила нѣсколько словъ съ баронетомъ. Питтъ Кроли объявилъ, что поведеніе его невѣстки чудовищно въ полномъ смыслѣ слова, и отозвался напрямикъ, что обычай играть въ шарады въ высшей степени предосудителенъ для британской леди. По окончаніи спектакля, онъ отозвалъ Родона въ сторону, и сдѣлалъ ему самый

строгій выговоръ за то, что онъ имѣлъ глупость позволить своей женѣ наряжаться въ фантастическіе костюмы.

Родонъ сказалъ, что Ребекка ужъ никогда больше не будетъ принимать участія въ этихъ предосудительныхъ забавахъ. Дѣйствуя вѣроятно по указаніямъ брата и сестры, онъ держалъ теперь ухо остро, и сдѣлался примѣрнымъ семейниномъ. Мало-по-малу онъ оставилъ свои клубы, бильярды, и старался всегда быть дома. Онъ сталъ выѣзжать съ женою на гулянья, и всюду сопровождалъ ее въ гости. Куда бы ни появился милордъ Стейнъ, можно было угадать заранѣе, что онъ встрѣтится съ Родономъ. Какъ-скоро приглашали Бекки выѣхать куда-нибудь безъ мужа, или просили ее одну на какой-нибудь вечеръ, полковникъ однажды навсегда приказалъ женѣ отказываться отъ такихъ приглашеній, и строгій тонъ, съ какимъ было сдѣлано это приказаніе, принуждалъ Ребекку къ безусловному повиновенію. Такая впрочемъ любезность со стороны мужа, повидимому, нравилась нашей героинѣ и приводила ее въ восторгъ. Нѣтъ нужды, что Родонъ былъ повременамъ пасмуренъ и угрюмъ: Бекки была одинаково внимательна къ супругу. Были у нихъ гости или нѣтъ, она всегда смотрѣла на него съ нѣжною улыбкой, и предупреждала исполненіе его желаній. Счастливые дни медоваго мѣсяца возвратились къ нимъ опять. То же добродушіе, веселость, *prévenances*, безыскусственная довѣрчивость и взаимное уваженіе.

— То-ли дѣло, милый другъ, когда ты сидишь теперь под-

лѣ меня въ каретѣ! говорила мистриссъ Бекки. Эта глупая Бриггсъ мнѣ ужасно надоѣла. Будемъ и всегда ѣздить вмѣстѣ, другъ мой милый. О, какъ бы мы были веселы и счастливы, еслибъ всегда водились у насъ деньги!

Родонъ, послѣ обѣда, засыпалъ въ своихъ креслахъ, и никогда не удавалось ему подмѣтить, какимъ озлобленнымъ негодованіемъ покрывалось въ эту пору лицо его супруги, но когда онъ просыпался, свѣжая улыбка вновь появлялась на розовыхъ щечкахъ мистриссъ Бекки, и она цаловала съ восторгомъ *милагодруга*. Родонъ не понималъ, отчего приходили ему въ голову разныя подозрительныя мысли. Да нѣтъ, онъ никогда не подозрѣвалъ; всѣ эти нѣмыя сознінія и мрачныя предчувствія были плодомъ его разстроеннаго воображенія. Теперь онъ опомнился опять и исцѣлился отъ своихъ странныхъ фантазмагорій. Ребекка всегда любила только его одного, это ясно какъ день. Что за бѣда, если она чувствуетъ нѣкоторую склонность къ удовольствіямъ свѣта? она создана, она призвана быть въ свѣтѣ. Какая жеищина можетъ еще такъ превосходно говорить, пѣть, танцовать и быть, въ полномъ смыслѣ, душою всѣхъ этихъ аристократическихъ обществъ? Нѣтъ, ужъ на этотъ счетъ никто не сравняется съ Ребеккой. Жаль только, что она не любитъ малютки, думалъ Родонъ. Мать и сынъ почти никогда не сходились вмѣстѣ.

И когда всѣ эти мысли, безсвязныя, противорѣчащія одна другой, начали бродить въ головѣ довѣрчиваго мужа, произошло то внезапное событіе, о которомъ было упомяну-

то въ концѣ предшествующей главы. Несчастный полковникъ былъ задержанъ, и очутился арестантомъ вдали отъ своего дома.

Глава ЛП

Катастрофа

Другъ нашъ, Родонъ, окруженный внезапно послѣ бала, подъѣхалъ къ дому мистера Мосса на Курситоръ-Стритъ, и былъ какъ слѣдуетъ, представленъ въ это гостепріимное жилище. Уже свѣтало, когда извоищій кабріолетъ остановился у воротъ арестантскаго замка, гдѣ путешественниковъ встрѣтилъ какой-то рыжеватый съ красными глазами. Родона ввели въ покой нижняго этажа. Мистеръ Моссъ, его дорожный товарищъ и хозяинъ, предложилъ своему гостю радужный вопросъ: не желаетъ ли онъ чего-нибудь выпить съ дороги.

Полковникъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ слабыхъ смертныхъ, которые способны предаваться глубокому отчаянію, какъ-скоро заставляютъ ихъ промѣнять великолѣпный палаццо на тѣсныя комнаты въ долговой тюрьмѣ. Впрочемъ, если сказать всю правду, онъ уже не разъ гостилъ въ заведеніи мистера Мосса. До сихъ поръ мы не считали нужнымъ упоминать въ нашей исторіи объ этихъ слишкомъ мелочныхъ событіяхъ повседневной жизни; но читатель, вѣроятно, догадался и самъ, что этихъ маленькихъ неудобствъ трудно избѣжать джентльмену, получающему круглый нуль годового дохода.

При первомъ визитѣ къ мистеру Моссу, полковникъ, тогда еще холостякъ, былъ освобожденъ великодушіемъ своей тѣтки, Матильды Кроли, но когда это несчастіе повстрѣчалось съ женатымъ человѣкомъ, мистриссъ Бекки, воодушевленная необыкновенною отвагой, заняла незначительную сумму у лорда Саутдауна, и заплативъ кредитору своего мужа (этотъ джентльменъ былъ поставщикомъ шалей, бархатныхъ матерій, носовыхъ платковъ, перчатокъ и кружевныхъ издѣлій для мистриссъ Родонъ) частицу долга, уговорила его взять расписку на остальную сумму. Въ обоихъ случаяхъ такимъ-образомъ арестъ и освобожденіе сопровождались дружескою любезностію со всѣхъ сторонъ, и Родонъ Кроли былъ въ лучшихъ отношеніяхъ къ мистеру Моссу.

— Вы найдете здѣсь старую вашу постель, полковникъ, и увидите, что все содержится въ исправномъ порядкѣ, смѣю васъ завѣрить честнымъ словомъ, сказалъ мистеръ Моссъ. Постелька ваша бывала занята все джентльменами. Еще прошлую ночь спалъ на ней кептенъ Фемишъ изъ пятаго драгунскаго полка. Засадилъ молодца недѣли на двѣ, но онъ тутъ заказывалъ только мое шампанское, да еще какъ! весело было смотрѣть. Каждый вечеръ приходили къ нему джентльмены, одинъ красивѣе другаго, все изъ Вестъ-Энда. Вы найдете здѣсь очень пріятное общество, мистеръ Кроли, между прочимъ капитана Рагга, съ которымъ, вѣроятно, вы знакомы. Наверху живетъ у меня одинъ докторъ философіи, человѣкъ очень милый и любезный. Мистриссъ Моссъ содержитъ

общій столъ, и мы обѣдаемъ въ половинѣ шестаго. Вина вдоволь, какого угодно. Послѣ обѣда поигрываемъ въ карты, и занимаемся музыкой. Очень, очень весело. Не прикажете ли теперь чего-нибудь?

— Я позвоню, если что нужно будетъ, сказалъ Родонъ, и спокойно отправился въ свою спальню.

Мы уже сказали, что былъ онъ старый служака, привыкшій встрѣчать мужественно непредвидѣнные удары судьбы. Другой на его мѣстѣ тотчасъ-же распорядился бы отправить письмо къ своей женѣ съ плачевнымъ извѣстіемъ о приключившемся несчастіи, но мистеръ Кроли не думалъ торопиться этой мѣрой.

«Зачѣмъ тревожить ее въ эту же ночь? разсуждалъ нѣжный супругъ. Она и не узнаетъ, дома я, или нѣтъ. Написать успѣю завтра, когда она выспится, да и я вздремну немножко. Сто-семьдесятъ фунтовъ, не велика бѣда; расквитаемся.»

И затѣмъ, подумавъ о малюткѣ Родонѣ (который никакъ не долженъ былъ знать этого непріятнаго приключенія съ отцомъ), полковникъ легъ на постель, гдѣ почивалъ недавно кептенъ Фемишъ, и уснулъ довольно спокойно. Было десять часовъ, когда онъ проснулся. Рыжеватый юноша принесъ ему серебряный бритвенный приборъ отличной доброты. Домъ мистера Мосса былъ довольно грязенъ, но блистателенъ и роскошенъ въ тоже время. На буфетѣ стояли грязные подносы, и початые бутылки съ виномъ; вызолоченные грязные карнизы обрамляли комнаты во всѣхъ этажахъ,

и грязные желтые шелковые занавѣсы картинно рисовались надъ окнами, выходившими на Курситоръ-Стритъ. На стѣнахъ всюду виднѣлись грязныя вызолоченныя рамки, и въ нихъ картины извѣстнѣйшихъ живописцевъ, переходившія тысячу разъ изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, не суждено имъ было украсить собою жилище одного изъ главныхъ помощниковъ лондонскаго шерифа. Полковнику принесли завтракъ на грязномъ и великолѣпномъ серебряномъ подносѣ. Миссъ Моссъ, черноглазая дѣвица въ папильоткахъ, явилась съ чайникомъ, и улыбаясь спросила, какъ полковникъ проведетъ ночь. Она также принесла ему Morning Post, гдѣ, на этотъ разъ, былъ весьма подробно описанъ вчерашній балъ у лорда Стейна съ исчисленіемъ особъ, удостоившихъ своимъ присутствіемъ шарадный спектакль. Мистриссъ Родонъ Кроли была изображена въ самомъ великолѣпномъ свѣтѣ, какъ олицетворенное совершенство во всѣхъ видахъ и родахъ.

Подавъ завтракъ новому гостю, миссъ Моссъ присѣла на противоположномъ концѣ стола, живописно выставивъ на показъ свою ножку, обутую въ грязный шелковый чулокъ и атласный башмачокъ, который былъ когда-то бѣлаго цвѣта. Послѣ нѣкоторыхъ любезностей съ этой леди, полковникъ потребовалъ себѣ бумаги, пера, чернилъ, и миссъ Моссъ немедленно исполнила его желаніе, снабдивъ его въ избыткѣ писчимъ матеріаломъ. Много въ своей жизни эта черноокая дѣвица передавала листовъ бумаги своимъ гостямъ, и

много бѣдняковъ чертили отсюда на скорую руку посланія къ своимъ родственникамъ и знакомымъ, которые должны были ихъ выручить изъ этой западни. Въ ожиданіи отвѣта они обыкновенно расхаживали по комнатѣ взадъ и впередъ. Посланія этого рода, неввѣряемая городской почтѣ, отправляются всегда съ разсылными. Кому не приходилось получать этихъ интересныхъ записочекъ съ предварительнымъ докладомъ, что человѣкъ внизу дожидается отвѣта?

Вотъ что писалъ Родонъ Кроли:

«Любезнейшая Бекки!

«Надѣюсь, ты севодни почивала хорошо, а обо мне ни беспокойся, ежели не принесу тебѣ шикаладу. Вчерась вѣчеромъ когда я возвращался домой и курилъ цыгару случилась непріятность. Подцѣпилъ меня Моссъ изъ Курситоръ-Стрита, и я въ гостяхъ у нево въ той *раззолоченой и демонски роскошной* комнатѣ, гдѣ ты была у меня за два года передъ этимъ. Миссъ Моссъ принесла мне чаю, она растолстела, и какъ водится, чулки у нее *сползли до пятокъ*.

«Это по делу жида Натана, сто пятьдесятъ фунтовъ, а съ процентами и тюремными издержками, пожалуй што набѣрется до сту семидесяти. Пришли мне мою шкатулку и какое-нибудь платье, я вить здѣсь въ бальныхъ чулкахъ и башмакахъ, какъ этакъ какая-нибудь миссъ Моссъ, а тамъ; въ шкатулкѣ-то моей, наберется авось до семидесяти. Отопри и поезжай съ ними къ Натану, и предложи ему семьдесятъ-пять, и попроси, чтобы на остальное взялъ мою росписку,

подождать бы. А за обедомъ мы станемъ пить хересь, а не шампанское — тутъ оно демонски дорого.

«А есть ли паче чаянія жидъ не согласится, возми мой золотыя часы и какія-нибудь изъ своихъ вѣщей, безъ нихъ можешь обойдтись, и отошли ихъ продать на толкучій, авось къ вечеру и все деньги. Хорошо, если Родя не пріехалъ вчера изъ училища домой. Не хочется просидеть больше нынешняго дня, такъ какъ завтра воскресенье. Постели здѣсь ужастъ какъ неопрятны, и я ужъ знаю, спокойно не какъ не уснешь. Но авось къ завтраму будить опять въ твоихъ объятіяхъ

«Твой верный

«Родонъ Кроли.»

P. S: Пожалуста поторопись и пріезжай сама.

Это письмо, запечатанное облаткой, было отправлено съ однимъ изъ разсылныхъ, которые всегда въ изобиліи шатаются около заведенія мистера Мосса. Устроивъ это дѣло, Родонъ вышелъ на тюремный дворъ, и закурилъ сигару. Онъ былъ довольно спокоенъ, несмотря на желѣзныя рѣшотки, возвышавшіяся надъ его головой. Дворъ былъ огражденъ ими, какъ клѣтка, изъ опасенія, чтобы гуляющимъ джентльменамъ не пришла фантазія бѣжать изъ этого гостепріимнаго жилища.

Трехъ часовъ, по его расчетамъ, было слишкомъ довольно, чтобы Бекки могла привести къ окончанію это дѣло, и открыть двери его тюрьмы. Все это время мистеръ Кроли былъ почти такъ же спокоенъ, какъ у себя дома. Онъ курилъ

сигару, почитываль газету, и встрѣтивъ въ общей залѣ прія-
теля своего, капитана Уокера, сыграль съ нимъ въ пикетъ, по
маленькой, чтобъ время не пропадало даромъ.

Но день склонялся нъ вечеру, а разсылный не возвра-
щался. Непріѣзжала и мистриссъ Бекки. Табльдоть мисте-
ра Мосса начался, какъ объявилъ онъ, въ половинѣ шеста-
го, и джентльмены, бывшіе въ состояніи заплатить за этотъ
банкетъ, приглашены были къ столу. Сюда явилась и миссъ
Моссъ, безъ папильотокъ и въ праздничномъ костюмѣ. Ма-
менька ея, тоже принаряженная, сѣла за столомъ на первое
мѣсто, и раздѣлила на порціи баранину съ рѣпнымъ соусомъ
по числу гостей. Полковникъ, противъ обыкновенія, ку-
шалъ безъ большаго аппетита. На вопросъ: не угодно ли ему
поставить для компаніи бутылочку шампанскаго? мистеръ
Кроли отвѣчалъ утвердительно, и дамы выкушали по бока-
лу за его здоровье. Мистеръ Моссъ сдѣлался необыкновенно
разговорчивымъ и любезнымъ.

Среди самого банкета раздался звонокъ у подъѣзда. Ры-
жеватый юноша, сынокъ мистера Мосса, выскочилъ изъ-за
стола съ ключами въ рукахъ, и воротившись черезъ минуту
въ столовую, объявилъ, что воротился разсылный съ шка-
тулкой и письмомъ для полковника Кроли.

— Не церемоньтесь, полковникъ, прошу васъ, читайте,
сколько вамъ угодно, сказала мистриссъ Моссъ, махнувъ ру-
кою.

Родонъ, нѣсколько взволнованный, взялъ поданный ему

конвертъ. То было премиленькое письмоцо, раздушенное, на розовой бумагѣ, запечатанное свѣтлозеленымъ сургучомъ. Полковникъ сломалъ печать, и прочелъ слѣдующее:

«*Mon pauvre cher petit*, я не сомкнула глазъ во всю ночь; и безпрестанно думала о своемъ *ненавистномъ старомъ монстрѣ*. Поутру я принуждена была послать за докторомъ (у меня лихорадка), и мистеръ Бленчъ предписалъ мнѣ успокоительную микстуру. Финетъ приказано не принимать и не пускать ко мнѣ никого, и твой посланный — бѣдняга! долженъ быть часа четыре простоять въ передней, пока мнѣ сдѣлалось легче. Вообрази мое огорченіе, когда я прочитала твое *безграмотное* письмоцо!

«Несмотря на свою болѣзнь, я тотчасъ же приказала заложить лошадей, и даже позабыла свои утренній шоколадъ; да и странно было бы пить его не изъ твоихъ рукъ, *mon pauvre petit chat*. Одѣвшись на скорую руку, я поскакала *ventreàterre* къ жиду Наѳану. Я плакала, умоляла, стояла на колѣняхъ — напрасно: жидъ остался неумолимъ, непреклоненъ. Онъ непременно требуетъ всѣхъ своихъ денегъ, или, говорить онъ, ты сгніешь въ тюрьмѣ, *mon adorable monstre*!

«По возвращеніи домой, я хотѣла захватить всѣ вещи, какими только могу располагать, и сдѣлать *triste visite chez mon oncle*. Но этотъ *дядюшка* и безъ того владѣетъ многими нашими вещами; за всѣ мои теперешнія бездѣлки онъ никакъ не далъ бы больше сотни фунтовъ. Дома я нашла милорда, и

этого *противнаго* Испанца, Питерварадина; они, *vous*, пришли меня поздравить съ блистательнымъ успѣхомъ на вчерашнемъ балу. Затѣмъ, минутъ черезъ десять, прикатили этотъ чопорный заика, Паддингтонъ, и несносный Шампиньякъ; они просто замучили меня своими глупыми конфектными любезностями — меня, которая, не зная какъ отвязаться отъ всѣхъ этихъ господъ, думала буквально каждую секунду о своемъ *rauvre prisonnier*.

«Лишь-только они вышли изъ дверей, я бросилась на колѣни передъ милордомъ, объявила, что намѣрена заложить всѣ свои вещи, что мнѣ дозарѣза нужно двѣсти фунтовъ. Милордъ пришелъ въ неописанную ярость и, послѣ энергической брани, обѣщался прислать мнѣ завтра требуемую сумму. Закладывать вещи, по его словамъ, было бы непростительнымъ безуміемъ. Какъ-скоро деньги будутъ въ моихъ рукахъ, я не замедлю привезти ихъ моему старому чудовищу вмѣстѣ съ горячимъ поцалуемъ.

«Твоя Бекки.»

Р. S. «Пишу въ постели: голова у меня болить страшно, и сердце не на мѣстѣ.»

Прочитавъ это письмо, Родонъ раскраснѣлся, побагровѣлъ, и глаза его приняли такое дикое выраженіе, что присутствовавшіе за столомъ немедленно догадались, что полковникъ получилъ дурныя вѣсти. Всѣ прежнія подозрѣнія, начинавшія мало-по-малу угасать въ послѣднее время, снова вспыхнули въ его разгоряченномъ мозгу. Ребекка не хо-

тѣла даже продать какія-нибудь двѣ, три бездѣлки для выручки своего мужа. Она смѣется и рассказываетъ о своихъ гостяхъ, въ ту пору, какъ мужъ въ тюремномъ заключеніи. Да и кто посадилъ его въ тюрьму? Позвольте: Венгемъ вызвался проводить его послѣ бала... неужели?!.. Ужасное, невыносимое подозрѣніе промелькнуло въ головѣ бѣднаго Родона. Онъ опрометью бросился изъ столовой, вошелъ въ свою комнату, отперъ шкатулку, написалъ на скорую руку записочку, съ адресомъ, на имя сэра Питта, или, леди Дженни, впихнулъ ее въ руки разсыльнаго, приказалъ ему скакать въ Гигантскую улицу, и обѣщалъ подарить ему гинею, если онъ черезъ часъ привезетъ отвѣтъ.

Въ этой запискѣ, именемъ Бога и фамильной чести, онъ умолялъ милаго брата или сестру пріѣхать къ нему немедленно и выручить его изъ затруднительнаго положенія. Онъ былъ въ тюрьмѣ: сотню фунтовъ – только сотню! – ему нужно, чтобъ вырваться на свободу. Любовью къ сыну заклиналъ несчастный отецъ, чтобы выручили его.

Сдѣлавъ эти распоряженія, полковникъ опять воротился въ столовую, и потребовалъ вина. Онъ смѣялся и говорилъ съ какимъ-то буйнымъ одушевленіемъ, какъ показалось, по крайней мѣрѣ, гостямъ мистера Мосса. Рюмку выпивалъ онъ за рюмкой, бокалъ за бокаломъ, и судорожно прислушивался къ стуку экппажей, проѣзжавшихъ мимо дома.

Лишь-только коичился обѣдъ, передъ воротами долговой тюрьмы остановилась карета. Рыжеватый юноша вышелъ

опять съ ключами. Въ каретѣ пріѣхала какая-то леди.

— Здѣсь полковникъ Кроли? спросила она дрожащимъ голосомъ.

Отвѣтъ былъ утвердительный. Рыжеватый юноша заперъ за нею наружную дверь, и затѣмъ, пройдя длинный корридоръ, отперъ и отворилъ внутреннюю дверь, сказавъ:

— Полковникъ, васъ спрашиваютъ.

Дама вошла въ комнату, отведенную для этого арестанта. Она была, повидимому, въ сильномъ волненіи.

— Это я, Родонъ, сказала она робкимъ голосомъ, стараясь, однакожь, сообщить ему веселую имтонацію. Это я, сестра ваша, Дженни.

Присутствіе этой леди и нѣжный ея голосъ произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на мистера Кроли. Онъ подбѣжалъ къ ней, обнялъ ее, пролепеталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, и почти зарыдалъ, склонивъ свое лицо на ея плечо. Леди Дженни не понимала причины этого волненія.

Счеты мистера Мосса немедленно были уплачены, къ очевидному огорченію этого джентльмена, надѣявшагося, что полковникъ останется у него въ гостяхъ, по крайней мѣрѣ до понедѣльника. Счастливая и вполне довольная своимъ поступкомъ, Дженни вывела Родона изъ долговой тюрьмы, и они отправились домой, въ извозицъей каретѣ, въ которой она пріѣхала сюда.

— Питтъ сегодня на парламентскомъ обѣдѣ, и его не было дома, когда принесли ваше письмо, сказала леди Дженни.

Поэтому я ужь сама приѣхала, милый братецъ.

И она крѣпко пожала ему руку. Можетъ-быть это и къ лучшему, что Питта не было дома. Родонъ сотню разъ принимался благодарить *милую сестрицу*, обнаруживая при этомъ какую-то странную пылкость, изумившую и отчасти обезпокоившую супругу баронета.

— Ахъ, охъ... ей-Богу, говорилъ восторженный мистеръ Кроли, — вы еще не знаете, какъ я перемѣнился съ той поры, какъ узналъ васъ и... и... маленькаго Родю. Я бы хотѣлъ совсѣмъ переродиться. Вы видите, что я хочу... слѣдуетъ мнѣ быть... охъ!..

Онъ не кончилъ своей мысли, но леди Дженни понимала, что хотѣлъ онъ сказать. Въ этотъ же вечеръ, когда они разстались, супруга баронета долго просидѣла у постели своего маленькаго сына, и усердно молилась Богу о счастіи своего брата.

* * *

Оставивъ невѣстку въ Гигантской улицѣ, полковникъ пошелъ домой пѣшкомъ. Было девять часовъ вечера. Скорымъ шагомъ прошелъ онъ освѣщенные улицы, и пробѣжалъ блистательные скверы передъ Курцонъ-Стритомъ. Остановившись передъ фасадомъ своего дома, бѣднякъ остолбенѣлъ, облокотился на желѣзные перила, и почувствовалъ, что голова его идетъ кругомъ. Яркій блескъ свѣчей пробивался че-

резь розовыя драпри въ первомъ этажѣ, и онъ слышалъ мелодическіе звуки фортепьяно. Какъ это? Бекки писала, что она лежитъ въ постели!.. лицо несчастнаго мужа покрылось смертельною блѣдностью при соединенномъ отраженіи на немъ газовыхъ фонарей и этого необыкновеннаго освѣщенія въ его собственномъ салонѣ.

Вынувъ изъ кармана ключъ, полковникъ тихонько отворилъ наружную дверь, и при входѣ въ первыя комнаты, встрѣченъ былъ громкимъ хохотомъ, раздавшимся въ будуарѣ его супруги. Онъ былъ въ томъ же бальномъ костюмѣ, въ которомъ арестовали его наканунѣ. Никто въ цѣломъ домѣ не пошевелился при его входѣ, потому-что слуги всѣ были разосланы. Яснымъ и звучнымъ *soprano*, Ребекка пѣла ту самую идиллическую пѣсенку, которая наканунѣ доставила ей такой блестящій успѣхъ въ джентльменскомъ кругу. Хриплый и сардоническій голосъ безпрестанно повторялъ: «Браво! браво!» То былъ голосъ лорда Стейна. Родонъ зашатался, и дыханіе сперлось въ его груди.

Простоявъ нѣсколько минутъ, онъ съ трудомъ перевелъ духъ, и наконецъ рѣшился отворить. Маленькій столъ накрытъ былъ для двоихъ: вино и кушанья были поданы. Во второй комнатѣ, Ребекка въ бальномъ костюмѣ, осыпанная брильянтами, жемчугомъ, цвѣтами, сидѣла на софѣ и протягивала свою руку лорду Стейну, стоявшему передъ ней въ самой поэтической позѣ. Блѣдная фигура Родока, отворившаго дверь, обрисовалась прежде всего въ глазахъ его жены.

Ребекка пспустила легкій крикъ, потомъ одумалась и попыталась улыбнуться, но ея улыбка на этотъ разъ получила видъ самой отвратительной гримасы. Лордъ Стейнъ обернулся; въ его глазахъ обозначались вмѣстѣ изумленіе и гнѣвъ; потомъ онъ тоже захотѣлъ улыбнуться, и принять, какъ слѣдуетъ, ошеломленнаго мужа.

— Ба! какими это судьбами! все ли вы здоровы, мистеръ Кроли!

Было на лицѣ Родона выраженіе страшное, отчаянное, отстранявшее всякую возможность остроумія и шутки.

— Я невинна, Родонъ! вскричала Ребекка; бросаясь къ мужу и обвивъ его шею своими голыми руками, украшенными браслетами, золотыми змѣйками и драгоценностями всякаго рода. Милордъ, милордъ! скажите ему, что я невинна!

Лордъ Стейнъ въ свою очередь вообразилъ, что его поймали въ разставленную западню. Жена и мужъ уже давно потеряли всякое уваженіе въ его глазахъ, и теперь онъ былъ убѣжденъ столько же въ коварствѣ Ребекки, сколько и въ трусости Родона Кроли. Заранѣе подготовленный обманъ обрисовался въ его воображеніи со всѣми небывалыми подробностями.

— Невинна! И ты смѣешь увѣрять въ этомъ меня, воплощенный дьяволъ? закричалъ громовымъ голосомъ лордъ Стейнъ. Кому же, какъ не мнѣ, принадлежать всѣ эта брильянты и камни? И при всемъ этомъ, она невинна, чортъ побери! Ты грабила меня вмѣстѣ съ этимъ господиномъ, кото-

рый проѣдалъ и пропивалъ мой деньги! Невинна такъ же, какъ мать твоя, актриса, и твой презрѣнный мужъ! Я не боюсь васъ, милостивый государь, слышите ли вы это?.. Прочь съ дороги?

И лордъ Стейнъ взялъ свою шляпу. Гордо, съ пылающими взоромъ смотрѣлъ онъ прямо въ лицо своему врагу, несколько не сомнѣваясь въ своемъ триумфѣ, но Родонъ Кроли былъ не трусъ. если жизнь его никогда не отличалась строгой нравственностью, если онъ позволялъ себѣ дурачить игроковъ въ карты и героевъ билльярда, зато на личной его храбрости не было до сихъ поръ ни малѣйшаго пятна. Въ эту минуту взволновалась вся его натура, пылкая, раздражительная, буйная. Онъ схватилъ за галстухъ лорда Стейна и началъ его душить съ такимъ неистовствомъ, что тотъ закрихтѣлъ и зашатался.

— Ты лжешь, несчастный! вскричалъ Родонъ, ты лжешь!

И съ этими словами онъ оттолкнулъ его на нѣсколько шаговъ. Лордъ зашатался и упалъ.

Ребекка трепетала всѣми членами; не смѣя съ своей стороны принять ни малѣйшаго участія въ этой развязкѣ. Въ первый разъ она удивлялась своему мужу, страшному, храброму и сильному въ своей побѣдѣ. Родонъ Кроли выросъ въ ее глазахъ до степени гиганта.

— Поди сюда, сказалъ онъ ей. Она подошла. Долой всѣ эти вещи!

И дрожащею рукою она принялась снимать браслеты,

кольца, ожерелья, не спуская глазъ съ грознаго супруга.

— Брось все это на полъ.

Ребекка повиновалась. Затѣмъ онъ сорвалъ аграфъ съ ея груди и бросилъ его въ лицо лорда Стейна; шрамъ на лбу отъ этого удара не заживалъ во всю его жизнь.

— Пойдемъ наверхъ, сказалъ онъ женѣ.

— Не убивай меня! О, не убивай меня, Родонъ! воскликнула Ребекка.

Полковникъ дико захохоталъ.

— Я хочу знать и видѣть, сказалъ онъ, оклеветалъ ли тебя этотъ человѣкъ такъ, какъ онъ оклеветалъ меня. Давалъ ли онъ тебѣ деньги?

— Нѣтъ, проговорила Ребекка, — это...

— Дай мнѣ ключи!

И они вмѣстѣ пошли наверхъ.

Ребекка отдала всѣ ключи, кромѣ одного крошечнаго ключика отъ завѣтной шкатулки, хранившейся въ секретномъ мѣстѣ, и которая, какъ знаетъ читатель, принадлежала миссъ Амеліи Седли. Бѣдняжка надѣялась спасти свои сокровища. Родонъ отворилъ замки, перерылъ пюпитры, коммоды, ящики и наконецъ добрался до завѣтной шкатулки. Ребекка принуждена была отпереть, тамъ хранились бумаги, старыя любовныя записки, драгоценныя бездѣлки женскаго туалета — и, наконецъ, туго-набитый портфель съ банковыми билетами. Нѣкоторые были уже получены давно, лѣтъ за десять, но однѣ, въ тысячу фунтовъ, былъ еще новый: его

прислать лордъ Стейнъ.

— Онъ что ли далъ тебѣ этотъ? сказалъ Родонъ.

— Онъ.

— Я отошлю его назадъ сегодня, сказалъ полковникъ (эти розыски продолжались нѣсколько часовъ, и разсвѣтъ новаго дня уже проглядывалъ въ окна). Надо заплатить нѣкоторые долги, и расчитаться съ честною Бригсъ: она такъ любила моего Родю. Ты мнѣ скажешь; куда послать остальные билеты. Ахъ, Бекки! тебѣ бы ничего не стоило удѣлить для меня изъ всѣхъ этихъ денегъ одну сотню фунтовъ: я всегда дѣлился съ тобою.

— Я невинна! сказала Бекки.

Родонъ оставилъ ее, не проговоривъ больше ни одного слова.

Она осталась неподвижною на мѣстѣ страшной сцены. Разсвѣтало. Часы быстро проходили одинъ за другимъ, и солнце уже бросило яркій лучъ въ печальную комнату, но Ребекка все еще сидѣла на краю своей постели. Шкафы были отворены; драгоценныя бездѣлки разбросаны по всѣмъ угламъ, шарфы и письма валялись по ковру; можно было подумать, что ночью происходилъ грабежъ. Въ ту пору, какъ Родонъ спустился съ лѣстницы, наружная дверь затворилась, Ребекка мало по малу вышла изъ своего усыпленія и угадала, что ему не воротиться. «Убьетъ ли онъ себя? спрашивала она сама себя. Нѣтъ, напередъ онъ отправитъ лорда Стейна.» Она оглянулась на свою длинную пршедшую жизнь, блиста-

тельную и мрачную вмѣстѣ, дѣятельную и бесплодную, шумную снаружи, грустную и пустынную внутри; бѣдная, бѣдная женщина! Не принять ли ей *Laudanum* и разомъ покончить о всѣми этими надеждами, хитростями, мечтами, интригами, долгами?

Въ этомъ положеніи, среди развалинъ страшнаго крушенія, застала ее *mademoiselle Fifine*, Француженка-горничная, пришедшая поутру къ своей миледи. Эта дѣвушка была подкуплена лордомъ Стейномъ.

— *Mon Dieu, Madame*, что такое случилось? спросила она.

Что же случилось въ самомъ дѣлѣ? Преступна или нѣтъ, была мистриссъ Бекки? «Нѣтъ», говорила она сама: «но какъ тутъ разберешь? чему вѣрить и чему не вѣрить въ устахъ этой странной героини? Очень могло статься, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ развращенное ея сердце было довольно чисто. Для насъ это — дѣло закрытое. Какъ бы то ни было, всѣ хитрости и пронырства мистриссъ Бекки, ея эгоизмъ и геній — всѣ ея воздушные замки разбились въдребезги въ одну минуту. Мамзель Фифина задернула занавѣсы, и обнаруживая всѣ признаки истиннаго или мнимаго участія, упростила свою добрую миледи лечь въ постель. Затѣмъ она сошла внизъ, и тщательно подобрала драгоценныя бездѣлки, валявшіяся на полу съ той поры, какъ Ребекка, при уходѣ лорда Стейна, сбросила ихъ по повелѣнію своего мужа.

Глава XLIII

Воскресенье послѣ битвы

Великолѣпный чертогъ сэра Питта на большой Гигантской улицѣ только-что начиналъ охорашиваться и принаряжаться къ встрѣчѣ утренняго солнца, когда Родонъ Кроли въ своемъ вечернемъ костюмѣ, котораго не скидалъ онъ въ продолженіе двоихъ сутокъ, пробрался мимо испуганной женщины, подмѣтавшей лѣстницу, и вошелъ въ кабинетъ своего брата. Леди Дженни, въ утреннемъ капотѣ, сидѣла въ дѣтской, наблюдая за туалетомъ своихъ малютокъ, и слушая, какъ они читаютъ утреннія молитвы. Эту благочестивую обязанность мать и дѣти совершали сперва наединѣ, и потомъ церемоніально, въ присутствіи сэра Питта, собиравшаго на этотъ обрядъ всѣхъ домашнихъ своихъ слугъ и служанокъ. Родонъ сидѣлъ въ кабинетѣ за столомъ баронета, украшеннымъ синими книгами, бумагами, письмами и разнокалиберными памфлетами политическаго содержанія. Счетныя книги, портфѣли, «Quarterly Review» и «Court Gurde», симметрически расположенныя, стояли какъ-будто на парадѣ, ожидая, когда главнокомандующій начнетъ генеральный смотръ.

Фамильная книга нравственнаго содержанія, откуда сэръ Питтъ каждое воскресное утро выбиралъ по главѣ для про-

чтенія своимъ чадамъ и домочадцамъ, также лежала на этомъ ученомъ столѣ, и подлѣ нея находилась газета «Observer», опрятно-сложенная и только-что вышедшая изъ типографскихъ станковъ. «Observer» назначался для исключительнаго употребленія сэра Питта. Одинъ только камердинеръ пользовался случаемъ заглянуть въ эту газету прежде, чѣмъ она окончательно поступала въ кабинетъ его господина. Сегодня утромъ онъ прочиталъ въ ней между-прочимъ весьма интересную статейку, подъ заглавіемъ «Пиршества въ Гигантскомъ домѣ», гдѣ подробно писчислены были имена всѣхъ присутствовавшихъ на балѣ знатныхъ особъ, со включеніемъ полковника Кроли. Кушая чай съ маслеными пирожками въ обществѣ ключницы и ея племянницы, этотъ джентльменъ сообщилъ, по поводу вышеозначенной статейки, нѣсколько чрезвычайно остроумныхъ замѣчаній, недоумѣвая впрочемъ, какъ залетѣли туда эти *шарамыжники*, Родоны Кроли. Затѣмъ, свернувъ какъ слѣдуетъ газету, и помочивъ ее немножко, онъ уже окончательно положилъ ее на опредѣленное мѣсто, и «Observer», снова совершенно свѣжій и невинный, готовъ былъ, въ приличномъ видѣ представиться хозяину джентльменскаго дома.

Бѣдный Родонъ взялъ газету, и шшробовалъ читать въ ожиданіи своего брата, но печать какъ-то странно рябила въ его глазахъ, и онъ самъ не зналъ, что читаетъ. Оффиціальныя извѣстія и правительственныя назначенія (для нихъ-то собственно и выписывался «Observer», въ противномъ слу-

чаѣ, воскресная газета, чуждая, какъ извѣстно, всякихъ политическихъ толковъ и парламентскихъ преній, не могла бы найти мѣста на дипломатическомъ столѣ сэра Питта), театральныя критики, заклады, подвиги знаменитѣйшихъ боксеровъ, лѣтопись увеселеній Гигантскаго дома и подробный отчетъ о блистательныхъ успѣхахъ мистрисъ Бекки въ шарадномъ спектаклѣ: все это затуманивалось передъ умственнымъ взоромъ мистера Кроли.

Наконецъ, минута въ минуту, когда звонкій колокольчикъ, на черномъ мраморномъ кабинетномъ хронометрѣ, пробилъ девять часовъ, явился сэръ Питтъ, баронетъ и членъ парламента, опрятный, свѣжій, гладко-выбритый, гладко-причесанный и припомаженный, съ чистыми вылощенными щеками, окаймленными съ обѣихъ сторонъ рубашечными воротничками, въ бѣломъ туго-накрахмаленномъ галстухѣ и въ сѣромъ байковомъ сюртукѣ — явился однимъ словомъ, какъ истинный англійскій джентльменъ древней породы, образецъ изящества, опрятности, совершеннѣйшаго комфорта. Ногти его были подрѣзаны и подчищены маленькимъ инструментомъ, приспособленнымъ для этой цѣли; операцію подрѣзанія и подчищенія сэръ Питтъ совершалъ аккуратно каждое утро, когда спускался съ лѣстничныхъ ступеней, чтобы войти въ свой кабинетъ.

Баронетъ остолбенѣлъ и невольно попятился назадъ при взглядѣ на бѣднаго Родона въ его измятомъ платьѣ, съ глазами, налитыми кровью, съ волосами, растрепанными по-ли-

цу. Ему представилось, что братъ его пьянь, и возвращается, въ этомъ безобразномъ видѣ, съ какой-нибудь вечерней оргіи.

— Великій Боже! воскликнулъ озадаченный сэръ Питтъ. Какими судьбами ты очутился здѣсь въ этотъ утренній часъ? Отчего ты не дома?

— Донма?! отвѣчалъ Родонъ съ буйнымъ смѣхомъ. Не бойся, Питтъ. Я не пьянь. Запри дверь, мнѣ надобно поговорить съ тобою.

Питтъ заперъ дверь и помѣстился въ другомъ незанятомъ креслѣ, гдѣ предназначалось сидѣть управляющему, агенту и другимъ особамъ, завѣдывающимъ дѣлами баронета. Склонивъ голову на грудь, сэръ Питтъ продолжалъ теперь, съ усиленною дѣятельностью, операцію подчищенія ногтей.

— Все кончилось, Питтъ, сказалъ полковникъ послѣ кратковременной паузы. Я погибъ.

— А я напередъ зналъ, и давно говорилъ, что дойдетъ до этого, запальчиво подхватилъ баронетъ, начиная барабанить по столу своими подрѣзанными и подчищенными ногтями. Я предостерегалъ тебя тысячу разъ, и ужъ теперь прошу не пенять на меня. Помочь я рѣшительно не въ состояніи. Капиталь мой распредѣленъ до послѣдняго шиллинга. Даже эти сто фунтовъ, выданные тебѣ женою, назначены были завтра поутру одному изъ моихъ адвокатовъ, и отсутствіе этой суммы поставляетъ меня въ значительное затрудненіе. Это ни значить, однакожь, что я вовсе не намѣренъ оказывать тебѣ

ни малѣйшаго пособія, но удовлетворить всѣхъ кредиторовъ, для меня столько же невозможно какъ уплатить національный долгъ Британіи. Безумно было бы и думать объ этомъ. Тебѣ остается уговорить кредиторовъ на уступки, какъ несостоятельному должнику. Это, конечно, окомпрометируетъ нѣкоторымъ образомъ всю нашу фамилію, но какъ тутъ иначе извернешься? Не мы первые, не мы и послѣдніе. Вотъ, напримѣръ, Джорджъ Китли, сынъ лорда Регланда, попалъ въ тюрьму на прошлой недѣлѣ, и былъ, что называется, выжать весь какъ губка. Лордъ Регландъ не хотѣлъ платить даже шиллинга, и...

— Не о деньгахъ пришелъ я говорить съ тобою, любезный братъ, возразилъ полковникъ. Рѣчь не обо мнѣ. Пусть будетъ со мной, что будетъ, но...

— Такъ въ чемъ же дѣло? сказалъ Питтъ, очевидно обрадованный этимъ открытіемъ.

— Я пришелъ просить тебя о моемъ сынѣ, продолжалъ Родонъ хриплымъ голосомъ. Обѣщай несчастному отцу, что ты возьмешь его подъ свое покровительство, когда меня не станетъ. Твоя добрая сострадательная жена всегда ласкова была къ моему малюткѣ, и Родя любить ее гораздо больше, чѣмъ свою... Проклятіе! Послушай, Питтъ, тебѣ извѣстно, что я долженъ былъ получить наслѣдство послѣ тѣтки. Меня воспитывали совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ воспитывать младшихъ братьевъ. Совсѣмъ напротивъ: во мнѣ развивали праздность, поддерживали наклонность къ расточитель-

ности. При хорошемъ образованіи, изъ меня вышелъ бы, конечно, совсѣмъ другой человѣкъ. При всемъ томъ, извѣстно тебѣ, что въ полку служилъ я недурно, и ничѣмъ не запятналъ фамильной чести. Ты знаешь, какъ я потерялъ наследство, и кто завладѣлъ имъ.

— Послѣ пожертвованій, мною сдѣланныхъ въ пользу твоего семейства, я полагаю, Родонъ, что упрекъ этотъ бесполезенъ, сказалъ сэръ Питтъ. Женитьба была твое дѣло, не мое.

— Все теперь кончено, сказалъ Родонъ, все кончено!

И слова эти сопровождались такимъ ужаснымъ стономъ, что братъ его невольно вздрогнулъ.

— Ахъ, Боже мой, не умерла ли она? воскликнулъ встревоженный сэръ Питтъ; проникнутый на этотъ разъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ.

— Я бы самъ желалъ умереть, отвѣчалъ Родонъ. Еслибъ не малютка Родя, я всадилъ бы себѣ пулю въ лобъ, и... и отправилъ бы напередъ этого негодяя.

Сэръ Питтъ мгновенно угадалъ истину, и понялъ, что титулъ негодяя относится на этотъ разъ къ милорду Стейну. Затѣмъ полковникъ разсказалъ, въ сильныхъ и краткихъ выраженіяхъ, всѣ обстоятельства дѣла.

— Между этимъ мерзавцемъ и моей женой былъ, по всей вѣроятности, строго обдуманый планъ, говорилъ мистеръ Кроли. Шерифскіе помощники накинудись на меня въ ту пору, какъ я возвращался домой съ этого бала. Когда я послалъ къ ней письмо, она отвѣчала, что лежитъ въ постели, и вы-

ручить меня завтра. По возвращеніи домой, я засталъ ее въ брдльянтахъ наединѣ съ этимъ негодяемъ.

Потомъ онъ коротко описалъ личное столкновеніе съ лордомъ Стейномъ. Дѣла этого рода оканчиваются, разумѣется, извѣстнымъ и единственнымъ способомъ и вотъ онъ, посовѣтовавшись напередъ и переговоривъ съ, своимъ братомъ, пойдетъ дѣлать необходимыя приготовленія къ дуэли.

— И если пуля просверлитъ меня, любезный братъ, заключилъ Родонъ прерывающимся голосомъ, малютка останется безъ отца и... и безъ матери. Я долженъ поручить его твоему покровительству и твоей жены, любезный братъ. Смерть не испугаетъ меня, если ты не откажешь мнѣ въ этой послѣдней просьбѣ.

Старшій братъ казался очень растроганнымъ, и пожимая руки мистера Кроли, обнаружилъ чувствительность, рѣдко замѣчаемую въ немъ. Родонъ провелъ рукою по своимъ косматымъ бровямъ.

— Благодарю тебя, Питтъ, сказалъ онъ. Я знаю, на твое слово можно положиться.

— Будь увѣренъ, братъ, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, отвѣчалъ баронетъ.

И такимъ-образомъ, безъ дальнихъ околичностей, они обезпечили судьбу маленькаго Роди.

Но этимъ еще не окончились переговоры. Полковникъ вынулъ изъ кармана небольшой портфѣль, отысканный въ шкапулкѣ мистриссъ Бекки. Въ портфѣли были ассигнаціи и бан-

ковые билеты.

— Вотъ здѣсь шестьсотъ фунтовъ... сказали Родонъ, ты конечно не зналъ, что я такъ богатъ. Потрудись передать эти деньги старухѣ Бриггсъ: это у нея взято. Бѣдняжка такъ любила Родю, и мнѣ всегда было совѣстно, что мы вздумали обобрать ее. А вотъ здѣсь побольше шестисотъ... надо выдѣлить и для Бекки небольшую сумму: пусть распоряжается какъ умѣетъ.

Говоря это, онъ хотѣлъ передать брату и другіе векселя, но руки его задрожали, и онъ выронилъ бумажникъ на полъ. При этомъ паденіи, выскочилъ оттуда тысяча фунтовый билетъ — послѣднее пріобрѣтеніе мистриссъ Бекки.

Питтъ изумился такому огромному богатству. Онъ нагнулся и поднялъ деньги.

— Нѣтъ, братъ, этотъ билетъ останется покамѣстъ у меня, сказалъ Родонъ. Я намѣренъ завернуть имъ пулю, когда стану стрѣлять въ этого негодяя. Его это деньги.

Бѣднякъ думалъ этимъ способомъ усугубить наказаніе злодѣю, разрушителю семейнаго счастья.

Послѣ этого разговора, братья еще разъ пожали другъ друга румы, и разстались.

Леди Дя;енни слышала о прибытіи полковника, и дожидалась своего мужа въ столовой, смежной съ кабинетомъ. Женскій инстинктъ ея предугадывалъ бѣду. Дверь въ столовой была немножко пріотворена, и супруга баронета случайно выставилась изъ этой коднаты въ ту минуту, какъ братья вы-

ходили изъ кабинета. Она протянула руку мистеру Кроли, и сказала, что очень рада съ нимъ позавтракать, хотя нетрудно было угадать по его небритому лицу и мрачнымъ взглядамъ баронета, что они вовсе не думали о завтракахъ. Родонъ пробормоталъ въ отвѣтъ какое-то извиненіе, и крѣпко пожалъ нѣжную ручку своей невѣстки. Умоляющіе глаза ея видѣли ясно бѣдствіе, изображавшееся на лицѣ мистера Кроли, но онъ уипель, не проговоривъ ни слова. Сэръ Питтъ не представилъ также никакихъ объясненій своей супругѣ. Когда дѣти подбѣжали къ нему для утренняго привѣтствія, онъ поцаловалъ ихъ съ обыкновеннымъ спокойствіемъ, холодно и чинно. Тѣмъ крѣпче прижала ихъ мать къ своей груди, и тѣмъ усерднѣе она молилась съ ними, когда глава семейства, окруженный лакеями въ праздничныхъ ливреяхъ, читалъ утреннюю молитву. Эта церемонія всегда производилась въ столовой, гдѣ въ то же время на другомъ концѣ приготавлиали чай съ буттербротами и пирожками. Завтракъ сегодня начался поздно вслѣдствіе непредвидѣнной задержки, и когда семейство сѣло за столъ, колокольный звонъ въ ближайшихъ церквахъ возвѣстилъ о наступленіи богослуженія. Леди Дженни не поѣхала къ обѣднѣ, отговорившись головою болью. Мысли ея блуждали теперь далеко за предѣлами родной семьи.

Родонъ Кроли между-тѣмъ, добравшись до Гигантскаго дома, поразилъ молоткомъ бронзовую голову Медузы, сторожившей парадный входъ палаццо. На этотъ стукъ вышелъ

пурпуровый слуга въ красномъ и серебряномъ жилетѣ, отправлявшій должность привратника въ этомъ чертогѣ. Растрепанный видъ полковника напугалъ слугу до такой степени, что онъ поспѣшилъ загородить дорогу, какъ-будто опасаясь насильственного вторженія. Однакожь полковникъ Кроли ограничился только тѣмъ, что передалъ свою карточку для доставленія лорду Стейну, и велѣлъ сказать, что онъ, полковникъ, сегодня не будетъ дома, но милордъ если ему угодно, можетъ найти его въ Реджедтскомъ клубѣ на Сен-Джемской улицѣ. Жирный, краснорожій швейцаръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на мистера Кроли, когда онъ отошелъ отъ дверей. Такое же изумленіе, при взглядѣ на него, обнаруживали всѣ пѣшеходы, отправлявшіеся къ обѣднѣ мальчишки изъ пріютовъ, мелочные лавочными и торговцы, запиравшіе, при началѣ церковной службы, ставни своихъ лавокъ съ солнечной стороны. Извозчики тоже подсмѣивались надъ его наружностью, когда онъ, взявъ кабріолетъ, приказалъ вести себя къ казармамъ у Рыцарскаго моста.

Всѣ колокола загудѣли и зазвонили, когда онъ приближался къ этому мѣсту. Будь онъ немножко повнимательнѣе къ окружающимъ предметамъ, онъ увидѣлъ бы вѣроятно старинную свою знакомку, мистриссъ Эмми, которая шла пѣшкомъ изъ своего жилища на Россель-Скверъ. Мальчишки изъ разныхъ школъ стройными толпами отправлялись въ церковь; блестящіе тротуары и имперіалы омнибусовъ были наполнены народомъ, спѣшившимъ за городъ для празд-

ничныхъ удовольствій; но мистеръ Кроли, занятый своимъ собственнымъ дѣломъ, не обращалъ, казалось, ни малѣйшаго вниманія на всѣ эти феномены. Подѣхавъ къ казармамъ, онъ побѣжалъ въ комнату своего стараго пріятеля и сослуживца, капитана Макмурдо, который, къ счастью, былъ дома.

Капитанъ Макмурдо, старый служака и герой ватерлооской битвы, любимецъ всего полка, недостигшій высшихъ чиновъ только по недостатку въ деньгахъ, спокойно наслаждался утреннимъ кейфомъ въ своей постели, при входѣ неожиданнаго гостя. Наканунъ былъ онъ на вечеръ у капитана Сенкбара, въ его собственномъ домѣ на Бромптонскомъ Скверѣ. На этомъ вечерѣ присутствовали молодые люди изъ того полка, гдѣ служилъ Макмурдо, и молодые люди изъ Corps-de-ballet. Капитанъ Макмурдо постоянно приходилъ въ соприкосновеніе съ джентльменами и леди всякихъ возрастовъ и сословій: съ доѣзжачими, франтами, танцовщицами, боксёрами ипрочая. Утомленный вчерашней попойкой, и свободный отъ служебныхъ занятій, онъ лежалъ теперь въ постели; думая о различныхъ явленіяхъ житейскаго базара.

Комната капитана Макмурдо обвѣшана была картинами, представляющими весьма интересныя сцены изъ повседневнаго быта спортсменовъ, боксеровъ, танцовщицъ. Всѣ эти картины получилъ онъ въ подарокъ отъ своихъ пріятелей-сослуживцевъ, которые, выходя въ отставку, вступали въ бракъ и обзаводились домашнимъ хозяйствомъ. Въ настоящее время было ему отъ роду около пятидесяти лѣтъ, и такъ-ка-

къ онъ состоялъ на службѣ цѣлую четверть вѣка, то нѣтъ ничего мудренаго, что комната его превратилась въ музей, представлявшій зрителю коллекціи разнообразныхъ вещей. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, единственнымъ для него соперникомъ могъ быть только мистеръ Кроли, когда онъ еще не выходилъ въ отставку. Наружность мистера Макмурдо не представляла слишкомъ замѣчательныхъ особенностей: у него были красныя щеки, красный носъ, нафабранные усы и плѣшивая голова, прикрытая дома шелковымъ колпакомъ. Въ настоящемъ случаѣ, капитанъ Макмурдо лежалъ въ постели, и читалъ, въ одной книгѣ, описаніе кулачнаго боя; происшедшаго недавно между двумя извѣстнѣйшими боксерами, изъ которыхъ одинъ назывался Тотбери Петъ, другой — Баркинъ-Ботчеръ.

Когда Родонъ сказалъ, что ему нуженъ пріятель по нѣкоему дѣлу, капитанъ тотчасъ же понялъ и принялъ къ свѣдѣнію, въ чемъ должна состоять сущность этого дѣльца. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ славился необыкновеннымъ искусствомъ и предусмотрительностію, и покойный главнокомандующій особенно цѣнилъ мистера Макмурдо. Молодые люди, поставленные въ затруднительное положеніе, всегда находили въ немъ достойнаго совѣтника, помощника и друга.

— Ну, дружище, съ кѣмъ тамъ у васъ, изъ-за чего и какъ? рассказывай, началъ старый воинъ. Опять, что-ли карточная

исторія, какъ съ этимъ капитаномъ Маркеромъ, котораго мы подстрѣлили?

— Нѣтъ, другъ... теперь изъ-за жены, отвѣчалъ Кроли, покраснѣвъ, и потупивъ глаза въ землю.

Макмурдо свистнулъ.

— Вотъ какъ! я всегда, признаться, говорилъ, что оно того... сказалъ Макмурдо, да и спохватился, когда увидѣлъ, что лицо полковника вытянулось необыкновеннымъ образомъ при началѣ этой рѣчи.

Дѣло въ томъ, что въ казармахъ уже давненько смотрѣли, съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, на личный характеръ полковницы Кроли, поговаривали о ней довольно легкомысленно. Въ клубахъ нѣкоторые джентльмены держали пари относительно вѣроятной судьбы мистера Родона. Макмурдо съ своей стороны былъ убѣжденъ, что ему не сдобровать.

— Что? развѣ ужъ слишкомъ далеко зашло? продолжалъ капитанъ серьезнымъ тономъ. Нельзя ли какъ-нибудь уладить это дѣло потихоньку, безъ огласки? Можетъ-быть тутъ одии только подозрѣнія, или ужъ оно, того... что бишь я хотѣлъ? Письма можетъ-быть — голубиныя намеки, что-ли? Лучше бы, право, не шумѣть, и похоронить все это втайнѣ...

«И онъ спохватился только что теперь! подумалъ про себя капитанъ Макмурдо. Ему пришли въ голову разнообразыя и шумныя засѣданія за общимъ столомъ, гдѣ репутація мистриссъ Кроли давно разбита была въ дребезги.

— Нѣтъ, другъ, одинъ только конецъ этой исторіи, отвѣ-

чалъ Родонъ, — нечего больше дѣлать, какъ... понимаешь? Меня арестовали на дорогѣ, засадили въ долговую тюрьму, я освободился, и засталъ ихъ наединѣ. Я сказалъ ему, что онъ негодяй, лжецъ и трусъ, повалилъ и оттузилъ его. А ужъ, послѣ того, извѣстный конецъ.

— Разумѣется, сказалъ Макмурдо. Кто же онъ?

— Лордъ Стейдъ.

— Маркизь? Вотъ оно куда метнуло!.. Давновпрочемъ болтали, что онъ... то-есть, была у насъ рѣчь, что ты...

— Что я? проревѣлъ Родонъ. Хочешь ли ты этимъ сказать, что у васъ тутъ говорили вро мою жену?.. Отчего же ты не извѣстилъ меня, Макъ?

— Ну, да вѣдь мало-ли что говорится, языкъ безъ костей, не всякое слово въ строку, отвѣчалъ Макмурдо. За какимъ дьяволомъ я сталъ бы извѣщать тебя обо всѣхъ этихъ пустякахъ?

— Нѣтъ, братъ, ты поступилъ не по-дружески, Макмурдо, сказалъ озадаченный Родомъ.

И закрывъ свое лицо обѣими руками, онъ обнаружилъ такіе энергическіе признаки глубочайшей грусти, что старый его товарищъ почувствовалъ невольный припадокъ соболѣзнованія и симпатіи.

— Ну, полно, полно, старина! сказалъ онъ. Будь онъ чортъ или маркизь, милордъ или дьяволъ, мы повалимъ его, дружище. Ну, а что касается до женщинъ, то много ихъ на одинъ салтыкъ, — повѣрь мнѣ.

— Ахъ, ты не знаешь, какъ я любилъ эту женщину! проговорилъ несчастный Родонъ. Я слѣдовалъ за ней повсюду, какъ лакей, всѣмъ ей пожертвовалъ, нищимъ сдѣлался изъ любви къ ней. Чортъ побери, я не разъ продавалъ и закладывалъ свои карманные часы, чтобы только угодить ея прихотямъ, а она?.. Она отказалась прислать мнѣ на выручку сотню фунтовъ, тогда-какъ въ ея распоряженіи были тысячи, о которыхъ я и не зналъ.

И терзаемый порывами отчаянія, которыхъ прежде никто и никогда не замѣчалъ въ немъ, полковникъ разсказалъ, въ безсвязныхъ выраженіяхъ, всѣ обстоятельства и подробности этой исторіи. Маимурдо не проронилъ тутъ ни одного слова и, какъ опытный совѣтникъ, тотчасъ же рѣшился обратить нѣкоторые намеки въ его пользу.

— А что, братъ, вѣдь пожалуй что она, въ самомъ дѣлѣ невинная, сказалъ онъ. Сама она утверждаетъ это. Изъ того, что ты видѣлъ ее съ милордомъ, еще ровно ничего не слѣдуетъ. Лордъ Стейнъ бывалъ у ней и прежде тысячу разъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, проговорилъ Родонъ грустнымъ тономъ, — а вотъ что ты на это скажешь, любезный другъ?

И онъ показалъ капитану тысяча-фунтовый билетъ, наименный въ шкатулкѣ Ребекки.

— Это онъ ей далъ, Макмурдо, продолжалъ полковникъ. Я ничего не зналъ объ этомъ. И съ такими деньгами она заставила меня сидѣть въ тюрьмѣ изъ-за сотни фунтовъ!

Капитанъ принуждёнъ былъ согласиться, что скромность этого рода имѣсть подозрительный характеръ.

Еще до начала этой конференціи, Родонъ отправилъ капитанскаго деньщика на Курцонскую улицу съ приказаніемъ къ своему каммердимеру, чтобы тотъ вручилъ подателю узелъ съ платьемъ, въ которомъ полковникъ, щеголявшій все еще въ бальномъ костюмѣ, очень нуждался. И въ отсутствіе этого слуги Родонъ и его секундантъ, пользуясь пособіемъ джонсонова словаря, необходимаго для справокъ въ правописаніи, сочинили письмо, которое Макмурдо долженъ былъ отправить къ лорду Стейну отъ своего имени. Письмо вышло толковитое и складное. Капитанъ Макмурдо, свидѣтельствуя наиглубочайшее почтеніе маркизу Стейну, имѣлъ честь все-нижайше извѣстить, что полковникъ Родонъ Кроли уполномочилъ его сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія касательно извѣстной встрѣчи, неизбежной послѣ событій этого утра, и которой безъ сомнѣнія милордъ будетъ требовать самъ отъ полковника Кроли. На этомъ основаніи капитанъ Макмурдо убѣдительно просилъ лорда Стейна прислать къ нему довѣреннаго друга, съ которымъ бы онъ, капитанъ, могъ переговорить о взаимныхъ условіяхъ съ той и другой стороны. Свидѣтельствуя еще разъ наиглубочайшее почтеніе, Макмурдо учтивѣйшимъ образомъ изъявилъ желаніе, чтобы вышеозначенная встрѣча устроена была какъ-можно скорѣе.

Въ постскриптѣ капитанъ объявилъ, что въ его распоряженіи находится банковый билетъ въ значительную сумму,

которая, по весьма вѣроятному предположенію полковника Кроли, составляетъ собственность маркиза Стейна. капитанъ желалъ, при первой возможности, передать билетъ его владѣльцу.

Когда письмо это было сочинено и переписано, капитанскій деньщикъ, отправившійся на Курцонскую улицу, воротился, но безъ узла и чемодана, за которыми былъ посланъ, и притомъ лицо его выражало какое-то странное безпокойство и досаду.

— Ну что, любезный? спросилъ Родонъ. Принесъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ деньщикъ.

— Отчего же?

— Не отдають вашихъ вещей.

— Какъ не отдають?

— Да такъ-съ. Подите-ка, самъ чортъ тамъ голову сломить. Суматоха такая, что видимо-невидимо. Всѣ перепились. Пришелъ самъ хозяинъ, и занялъ вашу квартиру. Они тамъ говорятъ, сударь, что вы унесли съ собой серебро, полковникъ.... да мало ли еще что тамъ они болтають, прибавилъ добродушный слуга послѣ минутной паузы. Горничная кажись ужъ сбѣжала. Симпсонъ, вашъ каммердинеръ, пьянъ какъ стелька, и буянить пуще всѣхъ. Онъ говоритъ, что не позволить тряпки вынести изъ дома, пока не заплатятъ ему жалованья.

Отчетъ объ этомъ маленькомъ волненіи на Майской ярмаркѣ изумилъ пріятелей, и сообщилъ нѣкоторую живость

ихъ разговору. Оба они вдоволь посмѣялись, когда выслушали забавный рассказъ деньщика.

— Я радъ, по крайней мѣрѣ, что мальчугана моего нѣтъ дома, сказала Родонъ, кусая свои ногти. Ты вѣдь помнишь, Макмурдо, какъ онъ ѣздилъ въ береиторской школѣ? Онъ сидѣлъ въ ту пору настоящимъ козыремъ: не правда ли?

— Правда, мой другъ, правда, подтвердилъ капитанъ Макмурдо.

Маленькій Родонъ, одинъ изъ пятидесяти другихъ мальчиковъ, сидѣлъ въ это самое время въ капеллѣ школы Бѣлаго Собратства, думая о томъ, какъ онъ поѣдетъ домой въ будущую субботу, и какъ, по всей вѣроятности, папа возьметъ его съ собой въ театръ.

— Да, братъ, этотъ мальчикъ — настоящій козырь, продолжалъ отецъ, все еще думая о своемъ сынѣ. Вотъ что, Макмурдо, если этакъ что случится... если я буду убить... ужь, пожалуйста, другъ, не откажи... сходи ты къ этому мальчугану, и скажи, что я очень... очень любилъ его, и ужь... самъ знаешь что. Да еще, не забудь, другъ Макмурдо... вотъ эти золотыя пуговицы вручи ты ему отъ меня... на... на память. Больше мнѣ нечего ему оставить.

Онъ закрылъ лицо своими черными руками, и крупныя слезы покатились бѣлыми бороздами по его щекамъ. Мистеръ Макмурдо воспользовался также случаемъ снять съ головы своей шелковый колпакъ, и отереть имъ свои глаза.

— Ступай-ка, любезный, закажи намъ завтракъ, да получи-

ше, громко сказалъ онъ своему деньщику веселымъ тономъ. Чего ты хочешь, Кроли? Почекъ съ перцомъ? Селедку? Ну, и того, и другаго. Да вотъ что, Клей, продолжалъ онъ; обращаясь опять къ деньщику, — вынь изъ коммоды какое-нибудь платье для полковника; мы съ нимъ бывали встарину одного роста и дородства. Помнишь ли, Родонъ, какъ мы разъѣзжали съ тобой на этихъ полковыхъ рыскахъ? Охъ, старина, старина!

Съ этими словами, чтобы не мѣшать полковнику одѣваться, онъ повернулся къ стѣнѣ, и принялся опять дочитывать интересную статейку о борьбѣ двухъ боксёровъ. Когда туалетъ Родона былъ конченъ, Макмурдо бросилъ газету, и началъ одѣваться самъ.

Но, приготовляясь къ свиданью съ лордомъ, капитанъ Макмурдо употребилъ на этотъ разъ особенную тщательность при своемъ собственномъ туалетѣ. Онъ нафабрилъ усы до степени блистательнаго лоска, туго натянулъ бѣлый галстухъ, и надѣлъ превосходнѣйшій лосинный жилетъ. Когда онъ и пріятель его вошли въ общую залу; гдѣ былъ для нихъ приготовленъ завтракъ, молодые офицеры встрѣтили съ громкими комплиментами мистера Макмурдо, и спросили, ужь не намѣренъ ли онъ жениться въ это воскресенье.

Глава LIV

Тотъ же день и тотъ же предметъ

Озадаченная роковыми событіями предшествующей ночи, мистриссъ Бекки долго не могла выйти изъ своего оцѣпененія и пролежала въ постели до двѣнадцати чаеовъ. Звонъ воскресныхъ колоколовъ привелъ ее въ себя. Приподнявшись съ постели, она принялась наигрывать въ свой собственный колокольчикъ, призывая француженку-горничную, которая, какъ мы знаемъ, оставила ее за нѣсколько часовъ.

Мистриссъ Родонъ Кроли звонила долго и громко, но безъ всякаго успѣха, и хотя наконецъ она дернула за сонетку съ такимъ отчаяннымъ усиліемъ, что снурокъ отъ колокольчика остался въ ея рукахъ, однакожь мамзель Фифина не явилась; — да, рѣшительно не явилась и тогда, какъ раздраженная миледи, съ оборванной сонеткой въ рукахъ и растрепанными волосами, выбѣжала въ корридоръ, и начала, громкимъ голосомъ и топая ногами, кликать свою служанку.

Дѣло въ томъ, что *mademoiselle Fifine*, не спросясь ничего позволенія, изволила совсѣмъ оставить хозяйственное заведеніе на Курцонской улицѣ. Подобравъ брильянты и другія бездѣлки, оставленныя въ гостиной, Фифина взошла къ себѣ наверхъ и тщательно уложила. всѣ свои картонки, ящички

и сундучки. Затѣмъ, выбравшись на улицу, она наняла извозничью карету для собственнаго употребленія, и вынесла собственноручно весь свой багажъ, безъ всякой посторонней помощи, въ которой вѣроятно ей бы отказали, такъ-какъ вся домашняя челядь ненавидѣла отъ всей души эту заносчивую Парижанку. Такимъ-образомъ, не простившись ни съ кѣмъ, мамзель Фифина покинула Курцонскую улицу однажды навсегда.

Игра, по ея мнѣнію, совсѣмъ окончилась въ этомъ маленькомъ хозяйствѣ, и mademoiselle Fifine уѣхала въ наемной каретѣ, какъ вѣроятно многія изъ ея прекрасныхъ соотечественницъ поступили бы на ея мѣстѣ. Собираясь въ путь далекій, она забрала не только свои собственные пожитки, но и нѣкоторыя довольно замѣчательныя вещи, составлявшія собственность мистриссъ Кроли (если только можно допустить въ строгомъ смыслѣ какую-нибудь собственность у этой миледи). Кромѣ вышеупомянутыхъ брильянтовъ и нѣкоторыхъ нарядныхъ платьевъ, уже давно привлекавшихъ вниманіе этой любезной служанки, мамзель Фифи захватила ненарокомъ четыре богатѣйшіе вызолоченные подсвѣчника à la Louis-Quatorze, шесть вызолоченныхъ альманаховъ, столько же кипсековъ, золотую эмалевую табакерку, принадлежавшую когда-то мадамъ дю-Барри, хорошенькую маленькую чериильницу и перламутровый письменный приборъ, употреблявшійся въ извѣстныхъ случаяхъ при сочиненіи очаровательныхъ записочекъ на розовой бумагѣ. Се-

ребряныя вилки и ножи; лежавшіе на маленькомъ столѣ по поводу *petit festin*, прерваннаго Родономъ, также исчезли изъ джентльменскаго домика вмѣстѣ съ исчезновеніемъ мамзель Фифины. Но другія металлическія принадлежности, неудобныя для перенесенія вслѣдствіе ихъ тяжело-вѣсности, она оставила на своемъ мѣстѣ, и по этой же причинѣ остались неприкосновенности каминныя приборы, каминныя зеркала и фортепьяно изъ розоваго дерева. Спустя нѣсколько времени, одна почтенная дама привлекательной наружности, похожая какъ двѣ капли воды на мамзель Фпфину, открыла въ Парижѣ модный магазинъ въ Rue du Helder, гдѣ она жила, пользуясь большимъ кредитомъ, и наслаждаясь покровительствомъ милорда Стейна. Эта особа отзывалась всегда объ Англіи, какъ о самой негодной странѣ въ мірѣ, и рассказывала своимъ молодымъ воспитанникамъ, что она была нѣкогда *affreusement volée* туземцами этого острова. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ состраданія къ этимъ несчастіямъ, великодушный маркизь оказывалъ свое покровительство почтенной *madame de Saint Amarante*. Да здравствуетъ она мпогія лѣта на Базарѣ Житейской Суеты! Мы не будемъ имѣть съ ней никакого дѣла.

Услышавъ необыкновенную толкотню и движеніе внизу, мистриссъ Родонъ Кроли, пораженная сильнѣйшимъ негодованіемъ на безстыдство прислуги, неотвѣчавшей на ея многократный призывъ, накинула на плеча свои утренній пенюаръ, и величественно сошла въ гостиную, откуда слышался

этотъ демонскій гвалтъ.

Тамъ кухарка съ грязнымъ лицомъ и въ засаленомъ передникѣ, сидѣла на прекрасной ситцовой софѣ подлѣ мистриссъ Реггльсъ, которую подчивала мараскиномъ. Вертячий пажъ, еще недавно разносившій розовыя записочки мистриссъ Кроли, и проворно вилявшій около ея маленькой коляски, запускать свои пальцы въ банку съ малиновымъ вареньемъ; каммердинеръ серьезно разговаривалъ съ мистеромъ Реггльсомъ, котораго лицо выражало глубокое разстройство и печаль — и увь! хотя дверь была отворена, и Ребекка уже нѣсколько разъ топала своей миньятюрной ножкой, никто изъ слугъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на присутствіе миледи.

— Еще рюмочку, голубушка! говорила кухарка, обращаясь къ мистриссъ Реггльсъ, когда Ребекка стояла среди комнаты.

— Симпсонъ! Троттеръ! кричала раздраженная миледи. Какъ вы смѣсте здѣсь оставаться, когда слышите мой голосъ? Какъ вы смѣете сидѣть въ моемъ присутствіи? Гдѣ моя горничная?

Пажъ вострепнулся и поспѣшилъ высвободить изъ банки свои пальцы, но кухарка храбро додила свой стаканъ, и еще храбрѣе уставила глаза на мистриссъ Кроли. Ликеръ, повидимому, возбудилъ въ ней яростное присутствіе духа.

— Ваша софа! поди-ка-ты какія новости! сказала кухарка. Я сижу на софѣ мистриссъ Реггльсъ, не на вашей. Иистриссъ Реггльсъ, не шевелись, моя голубушка, не тревожься. Я сижу

на собственной софѣ мистера и мистриссъ Реггльсъ; они купили ее на честныя денежки, и дорого она имъ стоитъ, охъ какъ дорого! Какъ вы думаете, мистриссъ Реггльсъ, если я буду тутъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока заплатятъ мое жалованье, долго-ли я просижу? Ха, ха, ха!

И затѣмъ кухарка налила себѣ другой стаканчикъ сладкаго ликера, и выпила его съ отвратительной злостью.

— Троттеръ! Симпсонъ! Вытолкайте эту пьяницу, кричала мистриссъ Кроли.

— Вытолкайте ее сами, если есть охота, сказалъ Троттеръ, каммердинеръ. Заплатите намъ деньги и, пожалуй, гоните всю прислугу. Мы знаемъ, добра нечего ждать отъ васъ.

— Неужели всѣ вы сговорились обижать меня? кричала Ребекка съ ужасающимъ неистовствомъ. Вотъ погодите, какъ скоро воротится мистеръ Кроли...

Но при этомъ слуги разразились такимъ адскимъ хохотомъ, что въ комнатѣ задребезжали стекла. Одинъ только мистеръ Реггльсъ, скромный и печальный, не принималъ участія въ отвратительной сценѣ.

— Мистеръ Кроли не воротится, сударыня, если вамъ угодно знать, сказалъ каммердинеръ. Онъ присылалъ сюда за своими вещами, но я не отдалъ ничего, хотя мистеръ Реггльсъ и совѣтовалъ отдать. Заплатите намъ жалованье, и мы уйдемъ. Я тутъ не останусь. Заплатите намъ жалованье, заплатите.

Каммердинеръ былъ пьянъ: это доказывали его багровыя щеки и дерзкій языкъ.

— Мистеръ Реггльсъ, сказала Бекки въ припадкѣ ужаснаго отчаянія, неужели вы не защитите меня отъ этихъ пьяницъ.

— Не буянь, Троттеръ, сдѣлай милость! сказалъ пажъ, жалившійся надъ плачевнымъ состояніемъ своей миледи, и желавшій показать, что титулъ пьяницы къ нему никакъ не можетъ относиться.

— Мистриссъ Кроли, мистриссъ Кроли! воскликнулъ наконецъ мистеръ Реггльсъ. Думалъ ли я дожить до такого несчастнаго дня! Я знаю вашу фамилію съ дѣтскихъ лѣтъ. Тридцать лѣтъ былъ я камердинеромъ у миссъ Матильды Кроли, и не грезилось мнѣ даже во снѣ, что одинъ изъ членовъ этой фамиліи раззорить меня въ конецъ... да, въ конецъ! говорилъ бѣдняга, заливаясь горькими слезами. Будетъ ли мнѣ отъ васъ какая-нибудь плата? Вы жили въ этомъ домѣ четыре года, кушали мой хлѣбъ, пользовались моею мебелью. Одного молока и масла вы набрали на мой счетъ больше чѣмъ на сотню фунтовъ стерлинговъ, а сколько пошло на васъ муки, яицъ и сливокъ въ эти четыре года! Одна ваша комнатная собачка проѣдала больше, чѣмъ шиллингъ въ сутки!

— Зато она не заботилась о своей собственной плоти и крови, перебила кухарка. Вѣдь ея ребѣнокъ умеръ бы съ голоду, если бы я за нимъ не ходила.

— Его отдали въ пріютъ, кухарка, слышала ты это? сказалъ Троттеръ.

Между-тѣмъ честный Реггльсъ продолжалъ плачевнымъ тономъ исчислять свои убытки... Все; что онъ говорилъ, бы-

ло справедливо: Бекки и мужъ ея раззорили его въ конецъ. Каждую недѣлю со всѣхъ сторонъ приходили къ нему новые счета, и онъ даже рисковалъ быть выгнаннымъ изъ собственнаго дома, такъ-какъ имѣлъ несчастіе вездѣ поручаться за фамилію Кроли. Его слезы и жалобы, повидимому, еще больше растревожали Ребекку.

— Всѣ вы противъ меня, всѣ до одного! сказала она раздраженнымъ тономъ. Чего же вы хотите? Не расплачиваться же мнѣ съ вами въ воскресенье. Приходите завтра, и каждый изъ васъ получить все до копѣйки... Я думала, мужъ мой рассчиталъ васъ. вхВсе-равно; рассчитаетъ завтра. Увѣряю васъ честью, сегодня поутру онъ вышелъ изъ дома съ двумя тысячами фунтовъ въ карманѣ. Мнѣ онъ не оставилъ ничего. Обратитесь къ нему. Дайте мнѣ шляпку и шаль; я пойду къ нему. Была ссора между нами сегодня поутру... вы знаете это всѣ. Даю честное слово, что онъ расплатится со всѣми... Онъ получилъ хорошее мѣсто. Сейчасъ къ нему иду.

Эта смѣлая рѣчь сильно подѣйствовала на мистера Реггльса и на всѣхъ присутствующихъ. Онѣ переглянулись съ великимъ изумленіемъ другъ на друга, когда мистриссъ Бекки, величественная и страшная въ своемъ гнѣвѣ, вышла изъ гостиной. Она пошла къ себѣ наверхъ, и одѣлась на этотъ разъ безъ помощи своей французской служанки. Затѣмъ она пошла въ кабинетъ Родона, и увидѣла тутъ нѣсколько узловъ и чемоданъ съ надписью, сдѣланною карандашомъ: «отослать ко мнѣ по первому востребованіи». Затѣмъ мистриссъ Кро-

ли направила свои шаги на чердакъ, въ каморку, гдѣ жила ея горничная; всѣ шкафы были опорожнены тутъ, и не осталось ни одной вещицы послѣ форсированнаго бѣгства этой служанки. Ребекка вспомнила о брильянтахъ, брошенныхъ ею на полъ, и страшная истина со всѣми подробностями обрисовалась передъ ея умственнымъ взоромъ.

— Великій Боже! вскричала она въ припадкѣ страшнаго отчаянія, — какая бѣдственная, непостижимо-злосчастная судьба! Быть такъ близко къ счастью, и потерять все, все въ одну минуту!.. Но неужели я слишкомъ опоздала? Нѣтъ, еще можно попытаться.

Она одѣлась на скорую руку, и вышла изъ дома, неоскорбляемая на этотъ разъ дерзостью прислуги; но вышла одна, безъ человѣка. Было четыре часа. Быстро бѣжала она изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ (извозчика нанять было не на что) и остановилась перевести духъ только на Большой Гигантской уллицѣ, передъ домомъ сэра Питта Кроли.

— Дома ли леди Дженни Кроли?

— Нѣтъ. Она въ церкви.

Бекки не смутилась. Сэръ Питтъ былъ въ кабинетѣ, и приказалъ никого не принимать, но ей надобно же было его видѣть; она прдскользнула мимо ливрейнаго лакея, и очутилась въ комнатѣ сэра Питта, прежде чѣмъ изумленный баронетъ положилъ на столъ прочитанную газету.

Онъ покраснѣлъ и отпрянулъ на спинку кресель съ видо-

мъ величайшаго волненія и страха.

— Не смотрите на меня такими ужасными глазами; начала Ребекка; я не преступна, Питтъ, дорогой; безцѣнный Питтъ... вы были когда-то моимъ покровителемъ и другомъ. Клянусь небомъ, я не преступна, хотя всѣ наружныя обстоятельства обвиняють меня... и въ какую минуту, Боже мой, въ какую минуту! когда всѣ мой надежды готовы были исполниться, и блистательная карьера ожидала насъ впереди!

— Правда ли это, что я вижу въ нынѣшней газетѣ? сказалъ Питтъ, указывая на параграфъ, поразившій его необыкновеннымъ изумленіемъ.

— Совершенная правда. Лордъ Стейнъ извѣстилъ меня объ этомъ еще въ пятницу, наканунѣ этого роковаго бала. Онъ обѣщалъ это мѣсто еще за шесть мѣсяцевъ. Мистеръ Мартиръ, колониальный секретарь, сказалъ вчера милорду, что уже сдѣланы всѣ распоряженія по этому дѣлу. Послѣдоваль несчастный арестъ, и за нимъ — ужасная встрѣча. Вся моя вина лишь въ томъ, что я слишкомъ старалась и хлопотала объ интересахъ Родона. Лордъ Стейнъ былъ у меня и прежде больше сотни разъ. Признаюсь откровенно; у меня были деньги, о которыхъ ничего не зналъ Родонъ. Развѣ вы не знаете, какъ онъ безпеченъ? Могла ли я отдавать въ его распоряженіе эти суммы?

И такъ далѣе. Исторія вышла складная, стройная, обставленная весьма искусно многими поэтическими подробностями. Сэръ Питтъ слушалъ, мигалъ и не вѣрилъ ушамъ, Бек-

ки признавалась откровенно, хотя съ глубокимъ сокрушеніемъ, что уже давно подмѣтила особенную привязанность къ себѣ лорда Стейна (при этомъ имени баронетъ покраснѣлъ); но, совершенно увѣренная въ своей добродѣтели, рѣшилась воспользоваться этимъ обстоятельствомъ къ возвышенію чести и достоинства фамиліи.

— Я рассчитывала сдѣлать васъ пэромъ, и могла бы добиться этого при содѣйствіи лорда Стейна (сэръ Питтъ покраснѣлъ опять). Мы уже говорили объ этомъ. Вашъ геній и участіе лорда Стейна привели бы въ исполненіе эту надежду, еслибы не эта страшная катастрофа. Но я должна признаться откровенно, что всѣ мои первоначальные планы и расчеты были обращены на одинъ предметъ — на то, чтобы вывести обожаемаго супруга изъ этого состоянія бѣдности и окончательнаго раззоренія, которое уже готово было обрушиться надъ нашей головою. Да, я замѣчала особенную приверженность къ себѣ лорда Стейна, продолжала она, потупивъ глаза въ землю. Прпзнаюсь, я употребляла даже всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы понравиться этому человѣку — сколько это позволительно честной женщинѣ, и пріобрѣсть его благосклонность и... уваженіе. Только въ пятницу поутру получено было извѣстіе о смерти губернатора Ковентрійскаго Острова, и милордъ принялся немедленно ходатайствовать за моего мужа. Мы сговорились сдѣлать ему сюрпризъ, и онъ самъ долженъ былъ прочесть въ сегодняшней газетѣ извѣстіе о своемъ назначеніи. Между-тѣмъ его арестовали;

лордъ Стейнъ великодушно вызвался освободить его самъ, и сказалъ, чтобъ я не дѣлала по этому поводу никакихъ распоряженій. Милордъ смѣялся вмѣстѣ со мной, и говорилъ, какъ эта радостная и совершенно неожиданная вѣсть должна будетъ утѣшить горемычнаго плѣнника по выходѣ его изъ долговой тюрьмы. Но вотъ онъ самъ неожиданно воротился домой. Всѣ его подозрѣнія возобновились, онъ вспыхнулъ, и, страшная сцена произошла между лордомъ Стейномъ и моимъ жестокимъ... жестокимъ Родономъ. Все теперь кончилось, исчезли всѣ надежды, и, о Боже мой! Что со мною будетъ? Сжальтесь надъ несчастной женщиной, великодушный другъ мой! Помирите насъ.

Кончивъ эту исторію, она стала на колѣни, и схвативъ руку сэра Щтта, начала цловать ее страстно, заливаясь при этомъ горькими слезами.

Въ этомъ положеніи застала ихъ леди Дженни. Когда, по возвращеніи изъ церкви, сказали ей, что мистриссъ Кроли въ кабинетѣ, она опрометью бросилась въ комнату баронета.

— Меня очень удивляетъ, что эта женщина осмѣлилась перешагнуть черезъ порогъ этой комнаты, сказала леди Дженни, трепещущая и блѣдная, какъ полотно.

Должно замѣтить, что; немедленно послѣ завтрака, миледи отправила на Курцонскую улицу свою горничную, хорошо знакомую съ семействомъ мистера Реггльса. Развѣдавъ всю подноготную, горничная представила своей барынѣ подробнѣйшее донесеніе о роковомъ событіи, со включеніемъ

другихъ фантастическихъ добродѣтелей, изобрѣтенныхъ латинскими головами.

— Желая знать, продолжала раздраженная миледи, какъ смѣетъ эта женщина входить въ домъ... честнаго семейства?

Сэръ Питтъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, изумленный энергическою выходкой своей супруги, онъ никогда не подозревалъ въ ней такой энергіи, Ребекка продолжна стоять на колѣняхъ въ своей поэтической позѣ.

— Скажите ей, что она не знаетъ всѣхъ обстоятельствъ. Увѣрьте ее, что я невинна, всхлипывала мистриссъ Кроли.

— Послушай, мой ангелъ, мнѣ кажется, что ты несправедливо обвиняешь мистриссъ Кроли, началъ сэръ Питтъ, причемъ Ребекка почувствовала значительное облегченіе. Я увѣренъ съ своей стороны, что она...

— Что она? закричала леди Дженни звучнымъ, произительнымъ, рѣзкимъ голосомъ, причемъ сердце ея забило сильнѣйшую тревогу, — что она, спрашиваю васъ? Преступная жеищина, безсердечная мать, фальшивая жена? Она никогда не любила своего малютку, и бѣдняжка не разъ мнѣ жаловался на ея жестокое обхожденіе съ нимъ. Стыдъ и бѣдствіе приносить она во всякое семейство, разстроиваетъ и ослабляетъ, всѣ даже самыя священныя отношенія и связи. Нѣтъ ничего искренняго въ этой женщинѣ; все въ ней лезть, хвастовство, обманъ. Она обманывала своего мужа, какъ обманывала всѣхъ; душа ея запачкана тщеславіемъ, любостяжаніемъ, всякими пороками. Я вся дрожу, когда дотрогива-

юсь до нея. Я боюсь показывать дѣтей на ея глаза. Я...

— Леди Дженни! перебилъ сэръ Питтъ. Этотъ языкъ вашъ...

— Я была всегда для васъ вѣрною женою, сэръ Питтъ, продолжала неустрашимая леди Дженни, я свято сохраняла супружескій обѣтъ, произнесенный передъ Богомъ, и повиновалась вамъ, какъ преданная, послушная жена. Но есть предѣлы всему, сэръ Питтъ, и я объявляю, что если эта женщина еще разъ осмѣлится показаться на ваши глаза, я и мои дѣти въ ту же минуту оставимъ вашъ домъ. Она недостойна быть въ обществѣ честныхъ людей. Вы... вы должны, сэръ, выбирать между ней и мною.

Съ этими словами, леди Дженни, изумленная своею собственною смѣлостью, выпорхнула изъ кабинета, озадачивъ въ высшей степени и Ребекку, и баронета. Впрочемъ мистриссъ Кроли скоро опомнилась отъ изумленія, и даже почувствовала нѣкоторую усладу въ своемъ сердцѣ.

— Это все надѣлала брильянтовая браслетка, которую вы мнѣ подарили, сказала она сэру Питту, опуская его руку.

Баронетъ обѣщался ходатайствовать за нее передъ братомъ, и употребить все свое содѣйствіе къ примиренію супруговъ. Затѣмъ они простились, и леди Дженни имѣла удовольствіе видѣть изъ окна, какъ *эта женщина* оставила ея домъ.

Въ общей залѣ Родонъ нашель нѣсколько молодыхъ офицеровъ, сидѣвшихъ за столомъ. Онъ безъ труда согласился принять участіе въ ихъ трапезѣ, и кушалъ, съ удовлетворительнымъ аппетитомъ, наперченныхъ цыплятъ, приготовленныхъ къ этому завтраку. Содовая вода употреблялась на этотъ разъ вмѣсто водки. Молодые люди разсуждали о современныхъ событіяхъ, распространяясь преимущественно о мамзель Аріанѣ, французской танцовщицѣ, оставленной своимъ покровителемъ, и уже отыскавшей новаго обожателя въ особѣ Пантера Карра. Кулачный бой, происходившій между Петомъ и Ботчеромъ, также входилъ въ составъ этой интересной бесѣды. Мистеръ Тандиманъ, юноша лѣтъ семнадцати, старавшійся закрутить усы, которые покамѣстъ у него еще не выросли; былъ свидѣтелемъ этой знаменитой схватки, и разсуждалъ о ней тономъ знатока. Онъ самъ привезъ Ботчера на мѣсто сцены, и провелъ въ его обществѣ весь предшествующій вечеръ. Ботчеръ непремѣнно бы остался побѣдителемъ, если бы тутъ не было фальши. Тандиманъ проигралъ закладъ, но платить не хотѣлъ. Пусть они бѣснуются тамъ, сколько хотятъ, а ужъ онъ не заплатитъ.

Интересная бесѣда была во всемъ разгарѣ, когда наконецъ пришелъ и мистеръ Макмурдо. Съ прибытіемъ его вновь были пересмотрѣны и обсужены всѣ подробности относитель-

но танцовщицъ и боксеровъ. Макмурдо, несмотря на свои сѣдые волосы, любилъ преимущественно компанію молодыхъ людей, и самъ рассказывалъ въ ихъ духѣ многіе чрезвычайно замысловатые анекдоты, возбуждавшіе единодушный восторгъ. Нельзя впрочемъ сказать, чтобъ почтенный капитанъ былъ вполнѣ человѣкъ свѣтскій и угодникъ дамскій; молодые люди охотно приглашали его на свои обѣды, но они не считали нужнымъ знакомить его съ своими сестрами и матерями. Образъ жизни мистера Макмурдо былъ далеко не блистателенъ съ джентльменской точки зрѣнія, но онъ вполнѣ былъ доволенъ своей судьбой, и пріобрѣлъ всеобщее расположеніе за свою простоту и добросердечную откровенность.

Покаместъ капитанъ Макмурдо завтракалъ, другіе джентльмены, уже вышедшіе изъ-за стола, предавались различнымъ увеселеніямъ и забавамъ. Молодой лордъ Варинасъ вооружился огромной пенковой трубкой, а капитанъ Югсъ закурилъ гаванскую сигару. Мистеръ Тандиманъ, юноша сорви-голова, молодцоватый на всѣ штуки, предложилъ капитану Десису поиграть въ орлянку, и бросалъ къ потолку шиллингъ за шиллингомъ, попутно толкая бульдога, вертѣвшагося у его ногъ. Само-собою разумѣется, что капитанъ Макмурдо и Родонъ Кроли ничѣмъ не обнаружили своихъ тайныхъ мыслей. Совсѣмъ напротивъ: они принимали живѣйшее участіе въ разговорѣ, и отнюдь не думали разстраивать всеобщаго веселья. Пированье, попойка, смѣхъ и *залихватская болтовня* (ribaldry) идутъ рука объ руку на

всѣхъ балаганныхъ подмосткахъ житейскаго базара.

Послѣ завтрака, полковникъ и капитанъ вышли изъ казармъ, повидимому, въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Народъ толпами выходилъ изъ церквей, когда они вступили на Сент-Джемскую улицу и вошли въ свои клубъ.

Привычные посѣтители клуба, засѣдающіе обыкновенно подлѣ его оконъ, еще не явились къ своимъ постамъ, и газетная комната была почти пуста. Вертѣлся тамъ одинъ джентльменъ, незнакомый Родону, да еще другой, съ которымъ полковникъ не имѣлъ особеннаго желанія встрѣчаться вслѣдствіе карточного долгишки. Третій джентльменъ, казалось, пристально читалъ «Роялиста», заменитую въ ту пору воскресную газету. Этотъ взглянулъ на Кроли съ видимымъ участіемъ, и сказалъ:

— Поздравляю тебя, Кроли.

— Съ чѣмъ? спросилъ полковникъ.

— Ну да, объ этомъ слово въ слово публикуютъ и «Роялистъ» и «Наблюдатель» (Observer), сказалъ Смитъ.

— О чемъ публикуютъ? вскричалъ взволнованный Родонъ.

Ему показалось, что дѣло его съ лордомъ Стейномъ уже предано тисненію во всеобщую извѣстность. Смитъ любовался замѣшательствомъ полковника, когда онъ взялъ газету дрожащими руками, и началъ читать.

Мистеръ Смитъ и мистеръ Браунъ (джентльменъ, которому полковникъ былъ долженъ за вистъ) уже разговаривали о полковникѣ еще до его прихода.

– Вѣдь вотъ, подумаешь, на ловца и звѣрь бѣжитъ, замѣтилъ Смитъ, – у Кроли, я полагаю, нѣтъ и шиллинга за душой.

– Теперь будетъ и на его улицѣ праздникъ, сказалъ мистеръ Браунъ. Повѣялъ попутный вѣтерокъ, который авось пахнетъ и на насъ. Надѣюсь, теперь онъ расквитается со мной.

– А развѣ онъ тебѣ долженъ?

– Какъ же? Кромѣ карточного долга, онъ еще не заплатилъ мнѣ за пони.

– Какъ велико жалованье? спросилъ Смитъ.

– Двѣ или три тысячи фунтовъ, отвѣчалъ Браунъ. Только климатъ, говорятъ, адскій, и почти никто его не выноситъ. Ливерсиджъ умеръ черезъ полтора года, а предшественникъ его не прожилъ тамъ и шести недѣль.

– Да, ужъ начинаютъ поговаривать, что братъ его – умнѣйшій человѣкъ, хотя прежде можно была думать, что изъ него не выйдетъ никакого проку, замѣтилъ Смитъ. Вліяніе его становится замѣтнымъ. Это вѣдь онъ, конечно, досталъ полковнику мѣсто?

– Онъ? какъ бы не такъ!

– Кто же?

– Выше подымай, сказалъ Браунъ съ двусмысленной улыбкой. Лордъ Стейнъ.

– Неужели?

– Я тебѣ говорю.

– Что же его заставило тутъ принимать такое родственное

участіе? спросилъ Смитъ.

– Добродѣтельная жена есть вѣнецъ своему мужу, отвѣчаѣ Браунъ загадочнымъ тономъ, принимаясь опять за газету.

Родонъ между-тѣмъ съ изумленіемъ прочелъ въ «Роялистѣ» слѣдующій параграфъ:

Губернаторство Ковентрійскаго острова. – Корабль «Желтый Ванька» шкиперъ Джавдерсъ, привезъ на этихъ дняхъ письма и бумаги съ Ковентрійскаго острова. Его превосходительство, сэръ Томасъ Ливерсиджъ сдѣлался недавно жертвою госродствовавшей эпидеміи въ Саумтаунѣ. Потеря его весьма чувствительна для сей процвѣтающей колоніи. До насъ дошли слухи, что губернаторство предложено полковнику Родону Кроли, кавалеру Бани, отличному ватерлооскому офицеру. Дѣла нашихъ колоній должны быть поручаемы людямъ, владѣющимъ административными талантами, и мы нисколько не сомнѣваемся, что храбрый джентльменъ, выбранный колоніальнымъ вѣдомствомъ для замѣщенія упразднившейся вакансіи, вполне оправдаетъ общую довѣренность при управленіи одной изъ важнѣйшихъ нашихъ колоній.»

– Ковентрійскій островъ! Гдѣ это онъ лежитъ, проваль его возьми? И кто бы это назначилъ его губернаторомъ? въ раздуми спрашивалъ себя капитанъ Макмурдо.

– Послушай, старина, сказалъ онъ громко, ты долженъ взять меня въ секретари..

И когда они сидѣли такимъ-образомъ, разсуждая объ этомъ необыкновенномъ и непостыжимомъ назначеніи, швейцаръ клуба подаль Родону карточку, гдѣ отлитографирована была фамилія мистера Венгема, желавшаго повидаться съ полковникомъ Кроли.

Родось и Макмурдо вышли навстрѣчу къ этому джентльмену, справедливо подозрѣвая въ немъ герольда отъ лорда Стейна.

— Здравствуйте, Кроли! Очень радъ васъ видѣть, сказалъ мистеръ Венгемъ съ ласковой улыбкой, радушно пожимая руку должковника Кроли.

— Вы, безъ сомнѣнія, пришли къ намъ отъ...

— Именно такъ, подхватилъ мистеръ Вевгеягъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте рекомендовать вамъ друга моего, капитана Макмурдо.

— Очень радъ познакомиться съ капитаномъ Макмурдо, сказалъ мистеръ Венгемъ, съ улыбкой протягивая руку секунданту мистера Кроли.

Макмурдо протянулъ одинъ палецъ, вооруженный замшевой перчаткой, и сдѣлалъ, черезъ свои туго-накрахмаленный галстухъ, весьма холодный поклонъ мистеру Венгему. Капитанъ, казалось, былъ очень недоволенъ, что ему приходится имѣть дѣло съ простымъ адвокатомъ: онъ воображалъ, что лордъ Стейнъ пришлетъ къ нему по крайней мѣрѣ полковника.

— Такъ-какъ Макмурдо представляетъ здѣсь меня, и зна-

еть вполнѣ мои намѣренія, сказалъ Кроли, то я могу, конечно, удалиться и оставить васъ однихъ.

— Разумѣтся, сказалъ Макмурдо.

— Нѣтъ, нѣтъ, вовсе не разумѣтся, подхватилъ мистеръ Венгемъ, — я пришелъ повидаться лично съ вами, почтеннѣйшій мистеръ Кроли, хотя, конечно, общество капитана Макмурдо нисколько намъ не помѣшаетъ. Я даже увѣренъ, капитанъ, что присутствіе ваше поможетъ намъ дойти до благопріятнѣйшихъ послѣдствій, которыхъ, кажется, вовсе не ожидаетъ почтенный другъ мой, полковникъ Кроли.

— Гмъ! промычалъ капитанъ Макмурдо. «Чортъ бы побралъ всѣхъ этихъ адвокатовъ, подумалъ онъ, говорятъ какъ трещетки, а дѣла ни на шагъ».

Мистеръ Венгемъ взялъ стулъ, котораго ему не предлагали, вынулъ изъ кармана газетный листокъ, и продолжалъ.

— Вы уже, конечно, прочли, полковникъ, это пріятнѣйшее извѣстіе въ сегодняшнихъ газетахъ? Правительство приобрѣло безцѣннаго слугу, а вы — превосходнѣйшее мѣсто. Тутъ нечего и сомнѣваться, что вы съ удовольствіемъ пріимете на себя эту должность. Три тысячи фунтовъ жалованья, прекрасный климатъ, отличный губернаторскій домъ, и вся колонія въ вашихъ рукахъ. Поздравляю васъ отъ всего сердца. Вы, конечно, догадываетесь, господа, кому почтенный другъ мой одолженъ этимъ мѣстомъ?

— Ведите меня на висѣлицу, если я тутъ понимаю что-нибудь, проговорилъ капитанъ.

Мистеръ Кроли поблѣднѣлъ.

— А дѣло между-тѣмъ чрезвычайно понятное, продолжалъ Венгемъ, Великодушнѣйшій и добрѣйшій изъ людей, превосходнѣйшій другъ мой, маркизь Стейнъ, ходатайствовалъ за почтеннаго моего друга, мистера Кроли, и его-то ходатайству...

— Я не приму этого мѣста, проревѣлъ Родонъ.

— Ахъ, полковникъ, вы, я вижу, находитесь въ раздражительномъ состояніи духа, спокойно возразилъ мистеръ Венгемъ, — вы сердитесь, почтеннѣйшій, и негодуете на благороднѣйшаго изъ людей.

— Еще бы!

— А за что? позвольте васъ спросить именемъ человѣческой справедливосій и здраваго смысла. За что?

— За что?! вскричалъ отуманенный Родонъ.

— Какъ за что? проговорилъ капитанъ, ударивъ объ полъ своею палкой.

— Вы удивляетесь, госнода, продолжалъ мистеръ Венгемъ съ пріятнѣйшей улыбкой, — удивляюсь и я, смотря на непопугиваемое ваше предубѣжденіе къ превосходнѣйшему моему другу. Будьте хладнокровнѣе, полковникъ, и разберите это дѣло какъ свѣтскій джентльменъ, или просто, какъ честный человѣкъ; въ такомъ случаѣ вы сейчасъ увидите, что сами виноваты кругомъ. Возвращаетесь вы домой... изъ путешествія, и находите... ну, что вы находите? Милордъ Стейнъ ужинаетъ въ вашемъ домѣ на Курцонской улицѣ вмѣстѣ съ

мистриссъ Кроли. Что тутъ страннаго и необыкновеннаго? Развѣ прежде этого никогда не было? Развѣ вы не заставляли его больше сотни разъ въ обществѣ вашей супруги? Какъ джентльменъ и честный человѣкъ (здѣсь мистеръ Венгемъ, какъ парламентскій ораторъ, приложилъ свою руку къ жилетному карману), я объявляю торжественно, что ваши подозрѣвія чудовищно-неосновательны, нелѣпы, и вы наносите самое чувствительное оскорбленіе какъ этому великодушнѣйшему нобльмену, истинному вашему благодѣтелю и патрону, такъ и этой невнной, безпорочной леди, заслуживающей полного вашего уваженія и любви.

— Стало-быть вы полагаете, что Кроли введенъ былъ въ заблужденіе? сказалъ мистеръ Макмурдо,

— Не полагаю, а совершенно увѣренъ въ этомъ, отвѣчалъ мистеръ Венгемъ съ великой энергіей. Я убѣжденъ, что мистриссъ Кроли невинна точно такъ же, какъ моя жена, мистриссъ Венгемъ. Ослѣпленный адскою ревностію и выведенный изъ себя, почтенный другъ мой поразилъ оскорбительнымъ ударомъ слабаго старца, убѣленнаго сѣдымъ волосами, но и собственную свою супругу — перль добродѣтелей женскихъ, красу и честь его дома — разбѣлъ въ дребезги будущую репутацію своего сына и затмилъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, блистательную перспективу своей жизни.

— Вотъ что случилось, милостивые государи, продолжалъ мистеръ Венгемъ съ великою торжественностію. Сегодня утромъ присылаетъ за мною лордъ Стейнъ, прихожу, и на-

хожу его въ самомъ плачевномъ состояніи!.. Вы понимаете, полковникъ, въ какомъ положеніи долженъ находиться слабый старикъ послѣ борьбы съ такимъ гигантомъ, какъ вы, милостивый государь... Да, въ глаза скажу, вы жестоко, сэръ, воспользовались своимъ физическимъ преимуществомъ надъ слабостію старика. Не одно только тѣлесное страданіе сокрушаетъ въ настоящую минуту великодушнаго моего друга, нѣтъ; душа его растерзана, сердце обливается кровью. Человѣкъ обремененный, такъ сказать, заваленный, загруженный его благодѣянiями; джентльменъ, имъ уважаемый, любимый, защищаемый и покровительствуемый — этотъ самый джентльменъ, милостивые государи, поступилъ съ нимъ оскорбительно, жестоко, безчеловѣчно.... И чѣмъ, какъ не безпредѣльнымъ великодушiемъ лорда Стейна, объясните вы это самое назначеніе, о которомъ публикуютъ нынѣшнія газеты? Да, милордъ былъ истинно въ плачевномъ состояніи, когда я сегодня поутру явился на его призывъ; такъ же какъ и вы, милостивый государь, онъ старалъ желаніемъ кровію смыть обиду; нанесенную ему, и возстановить оскорбленное достоинство его возраста и сана. Вамъ извѣстны, конечно, доказательства его неустрашимости, полковникъ Кроли?

— Лордъ Стейнъ не трусъ: это всѣ знаютъ, отвѣчалъ полковникъ.

— Первымъ его приказаніемъ было: написать вызовъ и отправить его къ полковнику Кроли. «Одинъ изъ насъ», сказа-

ль онъ, «не пережить этой обиды».

— Наконецъ-то вы добрались до дѣла, мистеръ Венгемъ, сказалъ полковникъ, кивнувъ головой.

— Я употребилъ съ своей стороны всѣ зависящія отъ меня средства, чтобъ успокоить лорда Стейна. Великій Боже! воскликнулъ я, какъ это жаль, сэръ, что мистриссъ Венгемъ и я не могли воспользоваться приглашеніемъ мистриссъ Кроли на ея ужинъ!

— Она просила васъ ужинать? сказалъ капитанъ Макмурдо.

— Послѣ оперы. Вотъ ея записка... позвольте... да... нѣтъ, это другая бумага... я полагалъ, что она со мной; ну, да это все равно: увѣряю васъ честнымъ словомъ джентльмена въ дѣйствительности факта. Еслибы пошли — головная боль мистриссъ Венгемъ помѣшала этому визиту; она страдаетъ очень часто, особенно въ весеннее время — такъ, еслибы мы пришли, говорю я, и вы застали насъ по возвращеніи домой, не было бы тогда никакой ссоры, никакихъ обидъ, никакихъ подозрѣній. А теперь? Боже мой, какія страшныя послѣдствія отъ такой ничтожной причины! изъ-за мигрени моей жены подвергается опасности жизнь двухъ честнѣйшихъ, благороднѣйшихъ людей, и погружаются въ глубокую печаль двѣ древнѣйшія и знатнѣйшія фамиліи во всей Англіи!

Макмурдо посмотрѣлъ на своего пріятеля съ видомъ человѣка, поставленнаго въ совершенный тупикъ. Родонъ

скрежеталъ зубами при мысли, что жертва ускользаетъ изъ его рукъ. Онъ не вѣрилъ ни одному слову во всей этой исторіи, и, однакожь, какъ прикажете опровергать ее?

Между-тѣмъ рѣчь мистера Венгема продолжала изливаться быстрѣйшимъ потокомъ, къ чести ораторскаго таланта, неоднократно обнаруженнаго имъ въ засѣданіяхъ Верхняго Парламента.

— Больше часу просидѣлъ я у постели страждущаго старца, и всѣми силами убѣждалъ его, уговаривалъ, умолялъ, отказаться отъ намѣренія посылать къ вамъ этотъ роковой вызовъ. Я объяснилъ и доказалъ, что обстоятельства, въ самомъ дѣлѣ, могли показаться довольно подозрительными съ перваго взгляда. Я признался, что многіе, на вашемъ мѣстѣ, были бы введены въ это роковое заблужденіе, и старался доказать, что человѣкъ, одержимый припадками ревности, дѣйствуетъ какъ помѣшанный; его, даже въ юридическомъ смыслѣ, должно считать не иначе, какъ съумасшедшимъ. Дуэль между вами была бы въ высшей степени непріятною для всѣхъ сторонъ, и притомъ вы, лордъ Стейнъ, не имѣете никакого права рисковать своей жизнью въ такія преклонныя лѣта, когда, можно сказать, дни ваши сочтены, и каждая минута ваша драгоцѣнна для отечества. Что скажетъ милордъ Бумбумбумъ? Что станутъ говорить въ большемъ свѣтѣ? Не хорошо, очень не хорошо. Пусть вы невинны, но все же безразсудная толпа наброситъ невыгодную тѣнь на вашу незапятнанную репутацію. Таковы ужъ нынѣ времена, и таковы

нравы. И вотъ такимъ-то способомъ, милостивые государи, мнѣ удалось, наконецъ, уговорить его не посылать этого бѣдственнаго вызова.

— Не вѣрю я ни одному слову во всей этой баснѣ, сказалъ Родонъ, выведенный наконецъ изъ себя. Все это чистѣйшая ложь, и вы, мистеръ Венгемъ, первый въ ней соучастникъ. Если онъ не вызываетъ, можете его увѣрить, что вызовъ этотъ послѣдуетъ отъ меня.

Мистеръ Венгемъ поблѣднѣлъ смертельно при этомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла, и пугливо посмотрѣлъ на дверь.

Но тутъ, къ счастью, явился на выручку самъ капитанъ Макмурдо. Этотъ джентльменъ гнѣвно поднялся съ своего мѣста, и безъ церемоніи сказалъ полковнику Родону, чтобы онъ прикусилъ себѣ языкъ,

— Ты поручилъ мнѣ это дѣло, и, стало-быть, твоя обязанность — слушаться меня, а не распоряжаться, какъ тебѣ вздумается. Ты не имѣешь никакого права обижать моего почтеннаго друга, и вы, мистеръ Венгемъ, можете, если вамъ угодно, потребовать отъ него удовлетворенія. Что жъ касается до вызова лорду Стейну, то ужъ, прошу извинить: посылай съ нимъ кого хочешь, а я не пойду. Ищи себѣ другаго секунданта. Чортъ побери совсѣмъ: мы отколотили, съ нами объясняются, и мы еще ломаемся! Это изъ рукъ вонъ. Если милордъ соглашается сидѣть смирно, не шевелись и ты. А что касается до этого дѣла... относительно мистриссъ Кроли, объяв-

ляю тебѣ, дружище, я совершенію согласенъ съ мистеромъ Венгемомъ, что она чиста и непорочна, какъ голубица. Ты вспылить безъ всякаго повода, и не доказаль ничего. Наконецъ, другъ ты мой любезный, надобно быть совершеннымъ глупцомъ, чтобы не принять этого мѣста, которое тебѣ предлагаютъ. Нечего отказываться отъ счастья, если оно само въ ротъ лѣзеть.

— Капитанъ Макмурдо! вы говорите, какъ умнѣйшій человекъ въ мірѣ, вскричалъ мистеръ Венгемъ, у котораго, при этой выходкѣ, какъ-будто гора свалилась съ плечъ. Я съ своей стороны забываю все, что сказалъ противъ меня полковникъ Кроли въ минуту неестественнаго раздраженія.

— Ужь, конечно, вы забудете, сказалъ Родонъ съ презрительной насмѣшкой.

— Типунъ бы тебѣ на языкъ, мой милый, возразилъ Макмурдо добродушнымъ тономъ. Мистеръ Венгемъ человекъ смирный, не забіяка, какъ мы съ тобой, и притомъ, онъ совершенно правъ.

— Само-собою, господа, что все это дѣло должно быть предано глубочайшему забвенію, сказалъ агентъ маркиза Стейна. Пусть оно умолкнетъ, погребено будетъ, запечатано, какъ выразился одинъ знакомый мнѣ ораторъ. Ни одинъ звукъ изъ этой тайны не перелетитъ за порогъ этого дома. Я говорю это сколько изъ интересовъ моего друга, столько же для пользы и счастья самого полковника Кроли, который съ непонятнымъ ожесточеніемъ и упорствомъ продолжаетъ считать меня

своимъ врагомъ.

— Лордъ Стейнъ, думать надобно, не заикнется объ этой исторіи, замѣтилъ капитанъ Макмурдо, — да и намъ болтать не кстати. Дѣло, сказать правду, не совсѣмъ красивое, и, разумѣется, чѣмъ меньше говорить объ этомъ, тѣмъ лучше. Конецъ нашимъ переговорамъ. Поколотили-то собственно васъ, а не насъ, и если вы довольны, такъ мы и подавно!

Мистеръ Венгемъ раскланялся, и взялъ шляпу. Капитанъ Макмурдо вышелъ на минуту съ нимъ изъ-за дверей, оставивъ Родона одного. Когда дверь за ними затворилась, веселое лицо капитана приняло какое-то странное выраженіе, близкое къ презрительной насмѣшкѣ.

— Вы, кажется, не привыкли затрудняться какими-нибудь бездѣлицами, мистеръ Венгемъ, сказалъ онъ.

— Вы мнѣ льстите, капитанъ Макмурдо, съ улыбкой отвѣчалъ агентъ милорда. Однакожь, право, я сказалъ по чистой совѣсти, что мистриссъ Кроли просила насъ ужинать послѣ оперы.

— Разумѣется. И вы бы, вѣроятно, поужинали, еслибы не мигрень мистриссъ Венгемъ. Дѣло, однакожь, вотъ въ чемъ: у меня хранится тысяча-фунтовый билетъ, который я намѣренъ передать вамъ для доставленія лорду Стейну, если вы потрудитесь дать росписку въ полученіи. Кроли не станетъ драться; но все же лучше спровадить эти денежки по принадлежности.

— Все это ошибка, недоразумѣніе, повѣрьте мнѣ, по-

чтеннѣйшій, сказалъ Венгемъ съ видомъ совершеннѣйшей невинности.

И сопровождаемый капитаномъ, онъ началъ спускаться съ лѣстничныхъ ступеней въ ту минуту, какъ сэръ Питтъ соби-
рался взойти наверхъ. Макмурдо былъ нѣсколько знакомъ
съ этимъ джентльменомъ. Оставивъ своего спутника, и со-
провождая сэра Питта, онъ намекнулъ ему по довѣренности,
что дѣло относительно дуэли, благодаря его содѣйствию, за-
мялось кое-какъ, и онъ не допустилъ полковника до драки.

Это извѣстіе произвело, повидимому, весьма пріятное
впечатлѣніе на сэра Питта, и онъ душевно поздравилъ бра-
та съ благополучнымъ окончаніемъ исторіи, чрезвычайно
непріятной, и даже скандальзной, если пустить ее въ огласку.
Причемъ баронетъ не преминулъ сдѣлать нѣсколько общихъ
замѣчаній о дуэляхъ, развивая преимущественно ту назида-
тельную мысль, что дуэли представляютъ самый неудовле-
творительный скособъ возмездія за нанесенную обиду.

Послѣ этой прелюдіи сэръ Питтъ, облеченный во все-
оружіе парламентскаго краснорѣчія, приступилъ къ прими-
ренію полковника съ его женою. Онъ изложилъ въ систе-
матическомъ порядкѣ показанія мистриссъ Бскки, указавъ
на ихъ весьма вѣроятную правдивость, и окончательно объ-
явилъ, что самъ онъ твердо убѣжденъ въ невинности своей
невѣстки.

Но мистеръ Кроли ничего не хотѣлъ слышать.

— Она скрывала отъ меня свои деньги цѣлыя десять лѣтъ,

сказалъ онъ, отвѣчая на доказательства баронета. Не дальше какъ вчера вечеромъ она клялась, что ничего не получала отъ лорда Стейна. Истина обнаружилась только тогда, когда я собственными руками открылъ ея шкатулку. Если она была тутъ непреступна, то все же въ ея характерѣ открылись демонскія свойства, и я не увижу ея никогда, никогда!

Съ этими словами полковникъ склонилъ голову на грудь, и на лицѣ его отразилась невыразимая тоска.

— Бѣдный парень! проговорилъ Макмурдо, покачавъ головой.

* * *

Нѣсколько времени Родонъ Кроли противился намѣренію взять мѣсто, исходатайствованное для него такимъ ненавистнымъ патрономъ, и онъ собирался также удалить своего сына изъ учебнаго заведенія, куда помѣстилъ его лордъ Стейнъ. Мало-по-малу, однакожь, онъ уgomонился, и рѣшился вполнѣ воспользоваться этими благодѣяніями, убѣжденный просьбами брата и доказательствами мистера Макмурдо. Капитанъ представилъ, между-прочимъ какъ бѣсноваться будетъ милордъ Стейнъ, когда узнаетъ, что самъ же онъ упрочилъ счастье своего врага, и этотъ аргументъ окончательно образумилъ полковника Кроли.

Передъ отъѣздомъ лорда Стейна за границу, колоніальный секретарь, раскланиваясь съ маркизомъ, приносилъ

ему, отъ имени всей колоніи, чувствительную благодарность за назначеніе такого мужественнаго и опытнаго губернатора на Ковентрійскій островъ; можно вообразить, съ какими чувствами маркизь выслушалъ такую благодарность. Отъѣздъ его за границу послѣдовалъ немедленно послѣ описанныхъ нами событій,

Тайна роковой *встрѣчи* между нимъ и полковникомъ Кроли предана была глубочайшему забвенію, какъ выразился мистеръ Венгемъ. То-есть, дуэлисты и секунданты, дѣйствительно, похоронили ее въ тайникахъ своей души, но прежде даже, чѣмъ окончился воскресный вечеръ, ее разнесли повсюду на балаганныхъ подмосткахъ житейскаго базара, и толковали о ней по крайней мѣрѣ въ пятидесяти домахъ за обѣденнымъ столомъ. Мистеръ Кеккельби разсказалъ въ одинъ день на семи вечернихъ собраніяхъ эту занимательную исторію, дѣлая къ ней приличныя дополненія, объясненія и вставки. Можете представить, какъ радовалась мистриссъ Вашингтонъ Уайтъ! Супруга илинскаго епископа предавалась безмѣрному огорченію, и достопочтенный мужъ ея, въ тотъ же день, отправился въ Гигантскій домъ, чтобы написать свою фамилію въ визитной книгѣ. Молодой Саутдаунъ огорчился душевно, и сестрица его, леди Дженни, сокрушилась сердечно. Леди Саутдаунъ тотчасъ же написала къ своей старшей дочери умиленное посланіе на Мысь Доброй Надежды. Великобританская столица толковала объ этомъ по крайней мѣрѣ три дня, и мистеру Уаггу, дѣйствовавшему

по узаконенію Венгема, стоило величайшихъ усилій и хлопотъ, чтобы не впустить эту сплетню на столбцы газетныхъ листовъ.

Полицейскіе чиновники, оцѣнщики и маклера толпами нахлынули на бѣднаго Реггльса, вступившаго во владѣніе своимъ домомъ на Курцонской улицѣ, и — ужъ дѣло извѣстное, зачѣмъ они нахлынули. Какъ-скоро мы читаемъ въ услужливой газетѣ, что такой-то нобльменъ, вслѣдствіе разстроенныхъ обстоятельствъ, принужденъ удалиться за границу, и продать съ молотка все свое движимое и недвижимое имущество, а такой-то джентльменъ задолжалъ своимъ кредиторамъ до семи или восьми милійоновъ, — джентльменскій дефицитъ является нашему воображенію въ размѣрахъ исполинскихъ, и мы невольно удивляемся жертвѣ мотовства и безумно-близорукихъ расчетовъ. Но кто, примѣромъ сказать, пожалѣетъ бѣднаго цирюльника, который никакъ не можетъ получить своихъ деньжонокъ за то, что цѣлые годы пудрилъ головы ливреннымъ лакеямъ, или какого-нибудь раувге diable портнаго, убившаго весь свои капиталишко на ливреи, которыя онъ имѣлъ честь изготовлять для жирныхъ лакеевъ такого-то милорда? Какъ-скоро падаетъ какая-нибудь громадная фирма, всѣ эти спекуляторы гибнутъ незамѣтно подъ гигантскими развалинами, точь-въ-точь какъ въ индійскихъ поэмахъ мелкіе чертенята милійонами низвергаются въ пропасть по слѣдамъ погибшаго Ассура. На Базарѣ Житейской Суеты ничего не было говорено о мистерѣ Реггльсѣ.

Куда же дѣвалась прекрасная обитательница джентльменскаго домика на Курцонской улицѣ? Какіе были о ней толки? Была ли она преступна, или нѣтъ? Извѣстно всѣмъ и каждому, какіе обыкновенно приговоры въ этихъ сомнительныхъ случаяхъ дѣлаются на Базарѣ Жятейской Суеты. Нѣкоторые увѣряли, что Ребекка уѣхала въ Неаполь вслѣдъ за лордомъ Стейномъ; другіе распространяли слухъ, что милордъ немедленно оставилъ этотъ городъ, когда услышалъ о прибытіи Бекки въ Палермо. Была и такая молва, будто Бекка играетъ изъ себя *dams d'honneur* въ какомъ-то германскомъ городѣ; нѣкоторые, наконецъ, увѣряли положительно, будто видѣли ее собственными глазами въ Чельтенгемѣ, гдѣ она наняла скромную квартиру со столомъ и прислугой.

Достоверно то, что Родонъ назначилъ своей супругѣ довольно порядочный пожизненный пенсіонъ, и читатель можетъ быть увѣренъ, что въ рукахъ нашей героини и послѣдняя копейка станетъ ребромъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Англіи, Родонъ хотѣлъ застраховать свою жизнь въ пользу сына, но ни одна компанія не рѣшилась рисковать своими деньгами, принимая въ соображеніе слишкомъ дурной климатъ Ковентрійскаго Острова, куда отправлялся полковникъ. Оттуда онъ ежемѣсячно присылалъ письма и сэру Питту, и маленькому Родѣ. Макмурдо получалъ отъ него сигары, леди Дженни морскія раковины, стручковый перецъ, жгучія пикули и другія произведенія колоніи. Брату своему онъ аккуратно высылалъ ковен-

трійскую газету «Swamp Town Gazette»; гдѣ превозносили до небесъ этого новаго губернатора, исполненнаго необыкновеннаго мужества и отваги, тогда-какъ другая газета «Swamp Town Sentinel», низвергала его до преисподней, утверждая, что Калигула и Неронъ были предобрѣйшими созданіями въ сравненіи съ господиномъ Кроли. Этотъ послѣдній отзывъ объяснялся собственно тѣмъ, что Родонъ забылъ однажды пригласить къ себѣ на вечеръ жену издателя «Сентинеля». Маленькій Родя читаль обѣ газеты съ величайшимъ удовольствіемъ.

Матери своей не видалъ онъ никогда, потому-что мистриссъ Бекки не удосужилась сдѣлать прощальнаго визита своему сыну. По воскресеньямъ и въ другіе праздничные дни, Родя отправлялся обыкновенно къ свосй тѣтушкѣ, леди Дженни. Скоро онъ узналъ всѣ гнѣзда на Королевиной усадьбѣ, и сталъ выѣзжать на охоту съ собаками сэра Гуддельстона, которымъ онъ столько удивлялся при своемъ первомъ незабвеннымъ посѣщеніи Гемпшира.

Глава LV

Джорджинька превратился въ джентльмена

Юный Джорджъ Осборнъ поселился, какъ мы видѣли, въ Россель-Скверскомъ палаццо своего дѣда, и занялъ бывшую комнату своего отца. Скоро дѣла пошли такимъ-образомъ, что его начали считать единственнымъ наслѣдникомъ богатаго негоціанта. Привлекательная наружность Джорджиньки, его любезное обхожденіе и джентльменская осанка произвели побѣдительное вліяніе на сердце старика, и мистеръ Осборнъ гордился внукомъ столько же, какъ нѣкогда гордился своимъ единственнымъ сыномъ.

Даже болѣе. Джорджинька, что называется, купался въ роскошныхъ наслажденіяхъ, и пользовался такими привилегіями, которыхъ вовсе не имѣлъ покойный его отецъ. Знаменитая фирма достигла въ послѣдніе годы до высшей степени величія и блеска. Богатство старика Осборна и значеніе его въ Сити обнаружилось въ огромнѣйшихъ размѣрахъ. Встарину былъ онъ очень радъ, когда нашелъ возможность помѣстить своего сына, съ нѣкоторымъ комфортомъ, въ учебномъ заведеніи, и гордость его была вполне удовлетворена, когда въ послѣдствіи Джорджъ-старшій поступилъ въ военную службу. Теперь не то. Для маленькаго Джорджа старикъ со-

бирался устроить гораздо болѣе почетную и блистательнѣйшую карьеру. Смѣло заглядывая въ будущность своими старческими глазами, онъ видѣлъ его членомъ ученыхъ обществъ; ораторомъ Парламента, баронетомъ, можетъ-быть, и даже пэромъ. «Джорджинька долженъ быть джентльменомъ, и будетъ джентльменомъ», горорилъ безпрестанно мистеръ Осборнъ всѣмъ своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Старикъ воображалъ, что онъ умретъ спокойно и съ чистою совѣстью, какъ-скоро увидитъ своего внука на этой широкой дорогѣ къ почестямъ и славѣ. Образованіе Джорджиньки должно поручить не иначе, какъ первоклассному ученому, вполнѣ знакомому съ современнымъ ходомъ искусствъ и наукъ, а не то, чтобъ какому-нибудь шарлатану, примѣромъ сказать, изъ Оксфордскаго Коллегіума. Всѣ эти оксфордскіе верхогляды торгуютъ своей латынью, какъ голодныя собаки и что всего хуже, не имѣютъ никакого уваженія къ почтенному британскому негоціанту, которому, однакожь, стоитъ только свистнуть, чтобъ накликать ихъ цѣлую свору на свои дворъ. Впрочемъ, за нѣсколько лѣтъ мистеръ Осборнъ ставилъ ни во что вообще все ученое сословіе, но въ настоящую пору, мнѣнія его на этотъ счетъ зпачительно перемѣнились. Онъ сожалѣлъ искренно, душевно, что самъ не получилъ въ молодости надлежащаго воспитанія, приличнаго англійскому джентльмену, и неоднократно указывалъ юному Джорджу, въ пышныхъ и торжественныхъ выраженіяхъ, на необходимость и превосходство классическаго образованія.

Когда они встрѣчались за обѣдомъ, дѣдъ обыкновенно разспрашивалъ внука, какимъ чтеніемъ занимался онъ сегодня, и когда мальчикъ представлялъ подробный отчетъ о планѣ и методѣ своихъ занятій, старикъ подмигивалъ, улыбался и выслушивалъ съ видимымъ удовольствіемъ каждое слово, притворяясь, будто онъ отлично разумѣетъ всѣ эти ученія дѣла. Но разсуждая о нихъ самъ въ присутствіи юнаго питомца, мистеръ Осборнъ дѣлалъ сотни ребяческихъ промаховъ, и обнаруживалъ свое невѣжество на каждомъ шагу. Это, конечно, не могло увеличить уваженія внука къ его престарѣлому патрону. Мальчикъ бойкій и живой, Джорджинька мигомъ смекнула, что дѣдушка его — совершеннѣйшій профанъ въ дѣлѣ классической науки, и на этомъ основаніи началъ смотрѣть на него свысока. Прежнее воспитаніе, несмотря на тѣсный объемъ предметовъ и крайнюю ограниченность средствъ, могло выработать изъ Джорджиньки истиннаго джентльмена гораздо скорѣе и надежнѣе, нежели какъ разсчитывалъ теперь мистеръ Осборнъ. Воспитывала его женщина добрая, слабая и нѣжная, гордившаяся только имъ однимъ и чистое ея сердце организовано было такимъ-образомъ, что она, безъ всякихъ внѣшнихъ усилій, могла быть и казаться истиною леди. Она восвятила себя исключительно исполненію материнскаго долга, и если мистриссъ Эмми никогда не отличалась блистательнымъ краснорѣчіемъ, зато никогда также изъ устъ ея не вырывались пошлости, безсмысленныя и пустыя. Существо невинное и чистое, про-

стосердечное и безыскусственное, могла ли Амелія не быть благодарною женщиною въ полномъ смыслѣ этого слова?

Юный Джорджъ господствовалъ безусловно надъ этою уступчивою натурой, и когда теперь пришелъ онъ въ соприкосновеніе съ надменнымъ старикомъ, выставлявшимъ на показъ свое чванство и небывалую ученость, Джорджинька немедленно принялъ его подъ свою команду, и сдѣлался такимъ-образомъ полновластнымъ господиномъ на Россель-Скверѣ, онъ составилъ о себѣ самое высокое понятіе, какъ избалованный сынокъ какого-нибудь милорда Бумбумбума.

Между-тѣмъ, какъ нѣжная мать безпрестанно ожидала свиданія съ нимъ на Аделаидиныхъ Виллахъ, и думала о немъ только по днямъ и по ночамъ, каждый часъ и каждую минуту, Джорджъ, окруженный безчисленными удовольствіями и наслажденіями, переносилъ разлуку съ мистриссъ Эмми безъ малѣйшей душевной скорби. Дѣти весьма часто проливаютъ горькія слезы, когда ихъ отправляютъ въ школу, но источникомъ этихъ слезъ бываетъ почти исключительно представленіе о той горькой участи, которая ожидаетъ ихъ между чужими. Не всѣ изъ нихъ плачутъ изъ одной только привязанности къ матери или отцу. Если вы пріимете на себя трудъ припомнить, какимъ образомъ, въ эти счастливые годы дѣтства, глазки ваши осушались при видѣ какой-нибудь инбирной коврижки, и булочка съ изюмомъ окончательно исцѣляла васъ отъ сердечной тоски послѣ раз-

луки съ своей мама, то вы не будете, конечно, о возлюбленный собратъ и другъ мой, слишкомъ довѣрять и въ настоящую минуту совершеннѣйшему безкорыстію и чистотѣ своихъ собственныхъ чувствъ.

Очень хорошо. Мастеръ¹ Джорджъ Осборнъ утопалъ въ океанѣ наслажденій, и расточительный старикъ безъ счета бросалъ деньги на удовлетвореніе прихотей своего избалованнаго внука. Кучеру приказано было купить для него превосходнѣйшаго пони, какого только можно пріобрѣсть за деньги, и ѣздить на этой лошаdkѣ Джорджинька учился въ берейторской школѣ, гдѣ, въ кратчайшее время, познакомили его со всѣмъ тонкостями всадническаго искусства, такъ-что онъ удовлетворительно скакалъ безъ шпоръ, и перепрыгивалъ черезъ небольшіе барьеры. Затѣмъ, въ сопровожденіи кучера Мартына, началъ онъ выѣзжать, парадно и торжественно, сперва въ Реджентъ-Паркъ, а потомъ и въ Гайдъ-Паркъ. Старикъ Осборнъ, неимѣвшій теперь слишкомъ головоломныхъ и многотрудныхъ занятій въ Сити, гдѣ должность его исправлялъ одинъ изъ младшихъ товарищей фирмы, весьма часто выѣзжалъ съ старшей своей дочерью на эти публичныя гулянья. Джорджинька постоянно рисовался подлѣ экипажа, заставлялъ свою лошаdkу выдѣлывать пре-

¹ Master. – Если, переводя англійскихъ писателей, мы буквально переносимъ въ свои языкъ обыкновенные англійскіе титулы мужчинъ и женщинъ, «Lady, Mylady, Miss, Mistress, Mister, Sir», то я не вижу никакихъ препятствій включить сюда еще титулъ мальчика «Master», титулъ столько же неудобопереводимый, какъ «Mister» или «Sir».

хитрые курбеты, и это доставило невыразимое наслажденіе его дѣду. Самодовольный старичокъ, подталкивая локтемъ свою дочь, восклицалъ отъ полноты душевнаго восторга:

— Посмотрите-ка, миссъ Осборнъ! Ухъ, какой молодець!

И за тѣмъ онъ принимался хохотать, и щеки его покрывались краской живѣйшаго удовольствія, когда онъ выглядывалъ изъ кареты на прекраснаго мальчика, и когда лакей, стоявшій на запяткахъ, привѣтствовалъ мастера Джорджа. Здѣсь также, въ ряду катающихся экипажей, можно было замѣтить, каждый день, великолѣпную карету съ фамильными золотыми гербами господъ Буллокъ, Гулькеръ и Компаніи. Мистриссъ Фредерикъ Буллокъ засѣдала въ ней съ своими тремя *конфектными* птенцами въ перьяхъ и кокардахъ, глазѣвшими изъ оконъ экипажа. Склонивъ голову на одну сторону, пріосанившись и подбоченившись, мастеръ Джорджъ, гордый и великолѣпный, какъ лордъ, нерѣдко проѣзжалъ мимо своей тѣтки, и мистриссъ Фредерикъ Буллокъ бросала на него взгляды, исполненные самой искренней ненависти и задушевнаго презрѣнія.

Джорджинькѣ было въ эту эпоху около одиннадцати лѣтъ, но онъ носилъ уже штрипки и прекраснѣйшіе сапожки, достойные украшать ногу джентльмена зрѣлыхъ лѣтъ. У него были вызолоченные шпоры, хлыстикъ съ золотой верхушкой, превосходная булавка въ бантикѣ шейнаго платка и щегольскія лайковыя перчатки изъ первыхъ сортовъ моднаго магазина на Кондюитъ-Стритѣ. Мистриссъ Эмми, отправляя

Джорджиньку въ чужой домъ, снабдила его двумя галстухами отличной работы, и собственаыми руками сшила для него нѣсколько сорочекъ изъ тончайшаго полотна, но когда сынъ первый розъ навѣстилъ вдову на Аделаидиныхъ Виллахъ, Амелія замѣтила, что не было на немъ ни одного лоскутка ея собственнаго рукодѣлья. Джорджинька щеголялъ въ батистовыхъ рубашкахъ, украшенныхъ на груди блестящими рядами драгоценныхъ пуговокъ. Скромные ея подарки скрылись подъ спудомъ, и миссъ Осборнъ, думать надобно, наградила ими кучерскаго сына. Амелія принудила себя думать, что ей чрезвычайно нравится такая перемена, и дѣйствительно, она была вполне счастлива при взглядѣ на прелестнаго мальчика, одѣтаго по-джентльменски.

Черный силуэтикъ Джорджа, пріобрѣтенный за шиллингъ, висѣлъ, съ нѣкотораго времени, надъ постелью мистриссъ Эмми подлѣ другаго безцѣннаго портрета. Когда мастеръ Джорджъ дѣлалъ свои обычные визиты на Аделаидины Виллы, обитатели этого скромнаго захолустья съ любопытствомъ смотрѣли на него изъ своихъ оконъ, и любовались на маленькаго всадника, галопирующаго на чудесномъ скакунѣ. Однажды малютка Джорджъ вошелъ въ хижину своей матери съ какимъ-то особенно торжественнымъ лицомъ, и послѣ обычныхъ привѣтствій, вынулъ изъ кармана своего сюртука (то былъ самый модный бѣлый сюртучокъ съ бархатнымъ воротникомъ) красный сафьянный футляръ.

— Вотъ тебѣ, мама, сказалъ онъ съ торжествующимъ лицо-

мъ, подавая футляръ мистриссъ Эмми. Я купилъ его на свои собственные деньги. Надѣюсь, это будетъ тебѣ очень пріятно.

Открывъ футляръ, Амелія съ радостнымъ крикомъ заключила малютку въ свои объятія, и покрыла его тысячью поцалуетъ. То былъ мимьютюрный портретъ самого Джорджинки, весьма искусно сдѣланный, хотя, разумѣется; оригиналь миньютюра въ милйонъ разъ былъ лучше, какъ думала вдова. Однажды старикъ Осборнъ, проѣзжая по Соутамптонской улицѣ, замѣтилъ въ окнѣ магазина превосходныя картины, и немедленно заказалъ ихъ художнику портретъ своего внука. Впродолженіе одного изъ сеансовъ, мастеръ Джорджъ, располагавшій значительною суммою карманныхъ денегъ, вздумалъ спросить живописца, что будетъ стоить копія миньютюрнаго портрета, и сказалъ, что онъ готовъ заплатить за работу своими собственными деньгами, такъ-какъ миньютюръ предназначается въ подарокъ мамашѣ. Художникъ согласился за бездѣлицу исполнить желаніе малютки, и когда старикъ Осборнъ услышалъ объ этомъ событіи, Джордждныка получилъ отъ него вдвое больше совершенъ, сколько заплатилъ онъ за копію миньютюра.

Дѣдъ былъ очень радъ обнаруженію такихъ великодушныхъ чувствъ въ своемъ внукѣ.

Но что значила эта радость въ сравненіи съ восторгомъ, овладѣвшимъ душою мистриссъ Эмми? Это доказательство сердечной привязанности малютки очаровало ее въ самой

высокой степени, и Амелія была теперь душевно убѣждена, что не было въ мірѣ мальчика, способнаго равняться въ великодушіи съ ея сыномъ. Мысль о его любви осчастливила ее на нѣсколько недѣль. Сонъ мистриссъ Эмми сдѣлался отраднѣе и спокойнѣе, когда портретъ Джорджиньки лежалъ подъ ея изголовьемъ, и намъ было бы неудобно пересчитать, сколько разъ она цаловала его и плакала надъ нимъ. Робкое сердце нѣжной вдовы проникалось неизрѣченною благодарностью, какъ-скоро она видѣла какія-нибудь доказательства привязанности отъ любимыхъ ею особъ. Въ первый разъ теперь была она утѣшена и вполне счастлива послѣ разлуки съ сыномъ.

Въ новомъ своемъ домѣ мастеръ Джорджъ хозяйничалъ и распоряжался, какъ истинный милордъ. За обѣдомъ онъ подчивалъ виномъ, и самъ тянулъ шампанское съ такимъ джентльменскимъ видомъ, что старый дѣдъ былъ отъ него въ восторгѣ.

— Посмотрите-ка на него, посмотрите! говаривалъ обыкновенно мистеръ Осборнъ, подталкивая локтемъ своего сосѣда, причемъ самодовольное лицо его покрывалось пурпуровой краской. Гдѣ, спрашивается, видали вы такого молодца? Ахъ, Боже мой! Да вѣдь ему скоро понадобятся туалетъ и бритва! Мы не успѣемъ оглянуться, какъ у него вырастутъ усы. Это ужъ я вамъ говорю.

Должно однакожь замѣтить, что продѣлки этого удивительнаго мальчика не совсѣмъ нравились гостямъ и пріят-

телямъ стараго джентльмена. Судья Коффинъ не находилъ ни малѣйшаго удовольствія въ томъ, что мастеръ Джорджъ безпрестанно вмѣшивался въ разговоръ, и прерывалъ его на самыхъ интересныхъ мѣстахъ. Полковникъ Фоги, казалось, вовсе не интересовался зрѣлищемъ полупьянаго мальчишки. Мистриссъ Тоффи, супруга королевскаго адвоката, не чувствовала никакого удовольствія, когда вертлявый Джорджинька столкнулъ однажды своимъ локтемъ рюмку портвейна на ея желтое атласное платье, и самъ же захоталъ надъ этой бѣдой. Еще менѣе забавнымъ покзалось ей то обстоятельство, когда мастеръ Джорджъ отколотилъ на Россель-Скверѣ ея третьяго сына, годомъ постарше Джорджа. Этотъ юный джентльмень учился въ школѣ доктора Тикклея, откуда онъ пріѣзжалъ по праздникамъ домой, гдѣ злосчастная судьба впервые столкнула его съ мастеромъ Джорджемъ. Но этотъ геройскій подвигъ особенно понравился мистеру Осборну, и онъ поспѣшилъ наградить внука двумя соверенами, съ обѣщаніемъ давать ему по столько же за cadaго мальчишку старше его годами, котораго удастся «оттузить» мистеру Джорджу. Трудно сказать, что именно хорошо ваходилъ старикъ въ этихъ битвахъ; вѣроятно смекалъ онъ, что мальчишки исподоволь должны пріучиться къ мужественной отвагѣ, столько необходимой для нихъ въ послѣдствіи на широкой дорогѣ жизни. Впрочемъ англійское юношество воспитывается въ такихъ нравахъ съ незапамятныхъ временъ, и много между нами сто-

ическихъ философовъ, готовыхъ всѣми силами отстаивать необходимость всѣхъ этихъ дѣтскихъ забавъ. Гордый славою и побѣдой надъ мастеромъ Тоффи, Джорджъ естественнымъ образомъ возымѣлъ желаніе сообщить своимъ подвигамъ обширнѣйшіе размѣры. Случай представился весьма скоро. Однажды юный Джорджъ, разодѣтый въ пухъ и перетянутый въ ниточку, вышелъ погулять въ сопровожденіи своего пріятеля, мастера Тодда, сына младшаго партнёра фирмы Осборна и Компаніи. Наружность юнаго Осборна обратила на себя виманіе булочникова сына, и онъ былъ столько дерзокъ, что осмѣлился, по этому поводу, высказать вслухъ нѣсколько саркастическихъ замѣчаній. Джорджинька, неговоря дурнаго слова, скинулъ свою куртку, отдалъ ее на сохраненіе мастеру Тодду и, засучивъ рурва, рѣшился наказать грубіяна. Но фортуна на этотъ разъ обратилась къ нему спиною, и побѣдителемъ остался негодный булочникъ! Мастеръ Джорджъ возвратился домой съ подбитымъ глазомъ, и по воротничкамъ его голландской рубашки струился клареть, откупоренный изъ собственнаго его носа. Онъ сказалъ дѣдушкѣ, что соперникомъ его въ битвѣ былъ гигантъ, и вслѣдъ за тѣмъ перепугалъ свою бѣдную мать на Аделаидиныхъ Виллахъ, представивъ ей весьма длинный и достовѣрный отчетъ о подробностяхъ битвы.

Этотъ юный Тоддъ, изъ Корамской улицы, что на Россель-Скверѣ, былъ задушевымъ другомъ и поклонникомъ мистера Джорджа. Оба они, съ одинаковымъ искусствомъ,

рисовали театральныя фигуры, кушали съ одинаковымъ аппетитомъ пирожки и малиновые торты, катались по льду на копыкахъ по Реджентъ-Парку, какъ-скоро вода замерзала въ зимнее время, и оба, наконецъ, съ одинаковой охотой ѣздили въ театръ, куда, по приказанію мистера Осборна, сопровождалъ ихъ Раусонъ, тѣлохранитель мастера Джорджа.

Подъ руководствомъ этого джентльмена, молодые люди обозрѣли всѣ главнѣшнія зрѣлища столицы, и познакомились съ именами всѣхъ актёровъ отъ Дрюриленскаго театра до Sedler's Wells. На домашнемъ театрѣ, въ семействѣ Тодда, они сами разыгрывали многія роли съ блистательнымъ успѣхомъ. Послѣ спектакля, обязательный Раусонъ нерѣдко угощалъ своихъ юныхъ господъ устрицами и пуншемъ. Можно съ достовѣрностію заключить, что и мастеръ Джорджъ оставался въ свою очередь благодарнымъ къ этому великодушію слуги.

Мистеръ Вульси, знаменитый портной изъ Вест-Энда, получилъ приказаніе украсить джентльменскую особу мастера Джорджа самымъ блистательнымъ образомъ, не щадя никакихъ издержекъ. Старикъ Осборнъ и слышать не хотѣлъ о портныхъ изъ Сити или Гольборна, которые шили платье на него самого. Мистеръ Вульси далъ полный разгулъ своей фантазіи, и снабдилъ мальчика фантастическими панталонами, фантастическими жилетами и фантастическими куртками, которыхъ могло бы достать на цѣлую школу маленькихъ денди. Были у него бѣлые жилеты для баловъ, и черные

бархатные жилеты для обѣдовъ. Къ столу онъ всегда являлся «настоящимъ вест-индскимъ франтомъ», какъ справедливо замѣчалъ его сосѣдъ. Одному изъ слугъ поручено было завѣдывать туалетомъ мастера Джорджа, отвѣчать на его колокольчикъ и подавать ему письма не иначе, какъ на серебряномъ подносѣ.

Послѣ завтрака, Джорджинька сидѣла обыкновенно въ столовой, въ большихъ креслахъ, и читала «Morning Post», принимая позу и осанку взрослого джентльмена. «Какой у него гордый и повелительный видъ!» замѣчала прислуга, удивляясь преждевременному развитію малютки. Тѣ, которые хорошо помнили капитана, его отца, утверждали положительно, что мастеръ Джорджъ похожъ на него, какъ двѣ капли воды. Неугомонная дѣятельность этого удивительнаго мальчика, его бранчивость, грозныя и повелительныя манеры оживляли какъ-нельзя больше унылый домъ богатаго негоціанта.

Воспитаніе Джорджа поручено было знаменитому ученому и педагогу, приготовлявшему нобльменовъ и джентльменовъ для поступленія въ университеты, юридическія коллегіи, и для занятія разныхъ ученыхъ профессій. Въ программѣ этого заведенія было объяснено, что «благородные юноши, поступающіе въ сей учебный институтъ, будутъ наслаждаться, въ семействѣ содержателя, всѣми выгодами изящно-утонченныхъ обществъ, равно какъ чувствами родственной довѣренности и родительской любви». Этимъ объяв-

ленієм достопочтенный Лоренсъ Виль, капелланъ лорда Барикриса, и супруга его, мистриссъ Виль, надѣялись заманить къ себѣ благородное юношество изъ многихъ столичныхъ домовъ. Жительство ихъ было въ Блумсбери, на улицѣ Оленей.

Репутація заведенія, въ скоромъ времени утвердилась на прочномъ основаніи, и достопочтенный Виль справедливо могъ гордиться блистательными успѣхами одного или двухъ учениковъ. Изъ настоящихъ питомцевъ особенно былъ замѣчательнъ долговязый Индіецъ съ оливковымъ цвѣтомъ лица, съ курчавыми шелковистыми волосами и съ величественной осанкой истиннаго денди. Казалось, не было у него ни племени, ни рода, и никто не навѣщалъ его въ пансіонѣ достопочтеннаго Виля. Другимъ питомцемъ былъ неуклюжій малый двадцати-трехъ лѣтъ. Воспитаніе его до сихъ поръ находилось въ крайнемъ запустѣніи, и достопочтенный содержатель пансіона принялъ на себя обязанность ввести атого недоросля на поприще джентльменской жизни. Были здѣсь еще два сына полковника Бенглса, состоявшаго за океаномъ на службѣ Ост-индской Компаніи. Эти четыре джентльмена сидѣли за обѣденнымъ столомъ мистриссъ Виль, когда Джорджинька впервые былъ представленъ въ «сей благородный институтъ».

Мастеръ Джорджъ, какъ и дюжина другихъ питомцевъ, былъ только полупансіонеръ. Онъ приходилъ по утрамъ въ сопровожденіи пріятели своего мистера Раусона, или, пріѣзжалъ верхомъ на своей лошаdkѣ, въ сопровожденіи грума,

какъ-скоро была хорошая погода. Богатство его дѣдушки считалось въ этой школѣ неизмѣримымъ и несмѣтнымъ. Достопочтенный мистеръ Виль привѣтствовалъ лично юнаго Джорджа, какъ богатѣйшаго наслѣдника, предназначеннаго судьбою для высокихъ цѣлей въ джентльменскомъ мірѣ. Онъ увѣщевалъ его быть ревностнымъ, прилежнымъ, кроткимъ и послушнымъ въ лѣтахъ цвѣтущей юности, для того, чтобы достойнымъ образомъ приготовить себя къ высокимъ почестямъ и должностямъ, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, онъ долженъ будетъ занимать въ лѣтахъ зрѣлой возмужалости. Повиновеніе въ дитяти, говорилъ достопочтенный Виль, есть вѣрнѣйшій залогъ и ручательство въ его способностяхъ повелѣвать, какъ-скоро онъ войдетъ въ возрастъ мужа. И на этомъ основаніи, достопочтенный Виль убѣдительно просилъ мастера Джорджа не приносить съ собой въ школу слое-ныхъ пирожковъ, и не разстроивать здоровья юныхъ Бенгль-совъ, которые, слава-Богу, всегда сыты и довольны за госте-пріимнымъ столомъ мистриссъ Виль.

Ходъ преподаванія, или «Curriculum», какъ обыкновенно выражался достопочтенный Виль, былъ въ его заведеніи устроенъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, и молодые джентль-мены на улицѣ Оленей безъ труда могли усвоить себѣ окончательные результаты всѣхъ искусствъ и наукъ, извѣстныхъ современному міру. Къ ихъ услугамъ предложены были глобусы, небесный и земной, электрическая машина, токарный станокъ, театръ, устроенный въ прачешной, химическіе ап-

параты и отборная бібліотека изъ всѣхъ писателей, древнихъ и новыхъ, писавшихъ на всѣхъ европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ языкахъ. Достопочтенный Виль водилъ своихъ питомцевъ въ «Британскій Музеумъ», и разсуждалъ съ ними тамъ о разныхъ археологическихъ статьяхъ и предметахъ естественной исторіи съ такимъ удивительнымъ краснорѣчіемъ и глубокомысліемъ, что вся публика Музеума съ наслажденіемъ слушала знаменитаго профессора, владѣющаго такими энциклопедическими свѣдѣніями. Вся улица Оленей была преисполнена глубочайшаго уваженія и удивленія къ всеобъемлющему педагогу. Разсуждая безъ умолку обо всѣхъ возможныхъ предметахъ, достопочтенный Виль всегда старался вклеить въ свою рѣчь латинскій или греческій эпитетъ, какой только могъ отыскаться въ словарѣ: это было, въ его глазахъ, однимъ изъ величайшихъ средствъ пріобрѣтенія громкой славы между профанами, которые, какъ извѣстно, всегда удивляются тому, чего не понимаютъ. Должно притомъ замѣтить, что онъ старался протягивать и округлять свои періоды, какъ Цицеронъ, и рѣчь его принимала торжественный тонъ даже въ такихъ случаяхъ, когда глубокомысленный профессоръ толковалъ о простыхъ житейскихъ дѣлахъ.

Однажды, когда мастеръ Джорджъ пришелъ въ школу, достопочтенный Виль обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью:

«Возвращаясь вчера ночью съ учено-литературнаго вечера у превосходнѣйшаго друга моего, доктора

Большерса — это великій археологъ, милостивые государи, прошу васъ замѣтить, великій археологъ — я вдругъ, *ex improviso*, или правильнѣе, *ex abrupto*, долженъ былъ, проходя по Россель-Скверу, обратить вниманіе на то, что окна въ истинно джентльменскихъ чертогахъ вашего высокочтимого и уважаемаго мною дѣда, были иллюминированы великолѣпно, какъ-будто для нѣкаго торжества, или правильнѣе — пиршества. Итакъ, мастеръ Джорджъ, справедлива ли моя гипотеза, что мистеръ Осборнъ принималъ въ своемъ палаццо великолѣпное общество гостей, *magnificentissimam spirituum ingeniorumque sacietatem*?»

Юный Джорджъ, неистощимый въ остроуміи, передразнивалъ съ большимъ успѣхомъ мистера Виля, и смѣялся надъ нимъ въ глаза. На этотъ разъ, однакожь, отвѣчалъ онъ очень скромно, что догадка почтеннаго профессора совершенно справедлива.

«Нѣтъ, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія, милостивые государи, продолжалъ профессоръ, что особы удостоившіяся чести быть приглашенными въ домъ мистера Осборна, остались вполнѣ довольными его гостепріимствомъ. Я самъ не разъ былъ очсвиднымъ свидѣтелемъ пиршествъ, производившихся въ домѣ высокопочтеннѣйшаго негоціанта. (Замѣчу здѣсь кстати, мастеръ Осборнъ, что сегодня вы пожаловали къ намъ слишкомъ поздно, и вы уже не однажды погрѣшаете въ этомъ отношеніи.) Да, милостивые государи, я самъ, не смотря на скромное

положеніе, занамаемое мною въ свѣтъ, удостоивался приглашеній въ домъ мистера Осборна, и персонально принималъ участіе въ его изящномъ гостепріимствѣ. И хотя я раздѣляю по временамъ трапезу съ людьми великими и благородными въ полномъ смыслѣ этого слова — къ нимъ между прочимъ, *ex jure et lege* отномится превосходный другъ мой и патронъ, высокопревосходительный милордъ Джорджъ Барикрисъ — однакожь, тѣмъ не менѣе, милостивые государи, принимаю на себя смѣлость увѣрить всѣхъ васъ вообще, и каждого въ томъ, что гостепріимный столъ британскаго негоціанта роскошенъ и великолѣпенъ столько же, какъ у перааго вельможи сей столицы. И такъ, мистеръ Блоккъ, мы остановились на интересномъ мѣстѣ эвтропѣевой исторіи, когда помѣшалъ намъ мистеръ Джорджъ своимъ позднимъ прибытіемъ въ классъ. Продолжайте, сэръ, прошу васъ покорнѣйше.»

И этотъ великій мужъ, свѣтило всѣхъ искусствъ и наукъ, принялъ на себя первоначальное образованіе маленькаго Джорджа. Амелія весьма часто не доискивалась никакого смысла въ его высокопарныхъ фразахъ, и по этой самой причинѣ считала его чудомъ глубочайшей эрудиціи. Имѣя въ виду особыя таинственныя цѣли, бѣдная вдова познакомилась и подружилась съ мистриссъ Виль. Она любила присутствовать въ стѣнахъ учебнаго заведенія, и наблюдать, когда приходилъ ея Джорджинька. Повременамъ мистриссъ Виль препровождала къ ней пригласительные билетки на

«*Conversazioni*», производившіяся одинъ разъ въ мѣсяцъ, какъ обозначено было на розовыхъ карточкахъ, гдѣ греческими буквами напечатано было: «*Αἰῖνες*». На этихъ вечерахъ знаменитый профессоръ угощалъ своихъ пріятелей и питомцевъ душистымъ чаемъ и поучительной бесѣдой! Мистриссъ Эмми ни разу не пропускала этихъ «*Conversazioni*», и считала ихъ восхитительными до той поры, пока Джорджинька сидѣла подлѣ нея. И какая бы ни была погода, Амелія на другой день по-утру, опять приходила къ мистриссъ Виль и приносила ей искреннее благодареніе за восхитительный вечеръ, въ которомъ она принимала личное участіе, но какъ-скоро классы оканчивались, и Джорджинька уходилъ домой въ сопровожденіи мистера Раусона, бѣдная мистриссъ Осборнъ надѣвала шляпку, шаль, и немедленно отправлялась на Аделаидины Виллы.

Само-собою разумѣется, что образованіе Джорджиньки, подѣ руководствомъ такого всеобъемлющаго педагога, двигалось впередъ исполинскими шагами, какъ объ этомъ ясно значилось въ аттестатахъ, доставляемыхъ еженедѣльно мистеру Осборну въ его Россель-Скверскій палаццо. Имена нѣсколькихъ дюжинъ искусствъ и наукъ печатались на классной табличкѣ, и профессоръ собственною рукою отмѣчалъ степень успѣховъ, сдѣланныхъ его учениками въ той или другой отрасли человѣческаго вѣдѣнія. Мастеръ Джорджъ въ греческомъ языкѣ оказался *ἀρίστος*, въ латянскомъ *optimus*, во французскомъ *très-bien*, и такъ далѣе. Къ концу акаде-

мическаго года, всѣ и каждый получали награды, соотвѣтственныя блистательнымъ успѣхамъ въ той или другой наукѣ. Даже мистеръ Шварцъ, шелковисто-курчавый джентльменъ, сводный братецъ высокородной мистриссъ Мак-Мулль, и мистеръ Блакъ, двадцати-трехъ-лѣтній недоросль съ тупою головою, и этотъ молодой верхоглядъ, вышеупомянутый мастеръ Тоддъ — даже они получили маленькія книжечки по восемнадцати пенсовъ за штуку съ греческой эмблемой «Аѳины», и пышной латинской надписью отъ профессора молодымъ его друзьямъ.

Семейство мастера Тодда связано было съ домомъ Осборна безчисленными благодѣянiями. Отецъ его былъ первоначально конторщикомъ Осборна, и возвысился впослѣдствіи до степени младшаго товарища богатой фирмы.

Мистеръ Осборнъ былъ крестнымъ отцомъ мистера Тодда, который, на этомъ основаніи, кончивъ курсъ наукъ, писалъ на своихъ визитныхъ карточкахъ: «мистеръ Осборнъ Тоддъ», и сдѣлался мало-по-малу однимъ изъ самыхъ модныхъ джситльменовъ. Миссъ Мери Тоддъ приходилась крестницей миссъ Осборнъ, которая каждый годъ, въ день именинъ, дарила ей значительную коллекцію назидательныхъ трактатовъ, брошюрку новѣйшихъ стихотвореній поучительнаго содержанія и другія, болѣе или менѣе драгоценныя сокровища въ этомъ родѣ. Повременамъ миссъ Осборнъ вывозила въ своей каретѣ юныхъ членовъ фамиліи Тоддъ, и когда кто-нибудь изъ нихъ былъ боленъ, долговязый лакей,

въ плисовыхъ панталонахъ, и красномъ жилетѣ, относилъ жене и другія цѣлительныя лакомства изъ Россель-Сквера на улицу Корамъ. Корамская улица трепетала передъ Россель-Скверомъ, и смотрѣла на него подобострастными глазами. Мистриссъ Тоддъ, прославившаяся необыкновеннымъ искусствомъ поджаривать баранину и выдѣлывать цвѣточки изъ рѣпы и моркови, довольно часто путешествовала на Россель-Скверъ и завѣдывала приготовленіями къ парадному обѣду, не думая сама добиваться чести присутствовать за джентльменскимъ банкетомъ. Старикъ Тоддъ получалъ приглашеніе на обѣдъ только въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь изъ гостей не являлся въ урочный часъ. Мистриссъ Тоддъ и миссъ Мери прокрадывались обыкновенно вечеромъ, безъ стука и безъ звона, на дамскую половину уже послѣ обѣда, когда миссъ Осборнъ и другія леди подъ ея конвоемъ удалялись въ гостиную въ ожиданіи джентльменовъ. И когда, наконецъ, являлись джентльмены, миссъ Мери садилась за фортепьяно и начинала пѣть романсы и сонаты. Бѣдная молодая леди! Какъ тяжело работала она надъ этими романсами и сонатами въ своей одинокой комнатѣ на Корамской улицѣ; прежде чѣмъ осмѣливалась представиться джентльменской публикѣ на Россель-Скверѣ.

Мастеръ Джорджъ рѣшительно владычествовалъ надъ всѣми, съ кѣмъ только сталкивала его судьба. Пріятели, родственники, друзья, всѣ слуги и служанки, казалось, готовы были преклонить колѣна передъ юнымъ джентльменомъ, и

мы обязаны признаться, что мастеръ Джорджъ, какъ и многіе другіе смертные, весьма охотно подчинился этимъ распоряженіямъ судьбы. Роль полновластнаго господина пристала къ нему какъ-нельзя лучше.

Всѣ и каждый на Россель-Скверѣ боялись мистера Осборна, но мистеръ Осборнъ, въ свою очередь, боялся мастера Джорджа. Необыкновенная юркость мальчика, его смѣлыя манеры, болтовня о книгахъ и ученыхъ предметахъ, его чрезвычайное сходство съ покойнымъ отцемъ, не получившимъ родительскаго благословенія передъ смертью: все это озадачивало стараго джентльмена, и безусловно подчиняло его капризамъ маленькаго внука. Старикъ вздрагивалъ при взглядѣ на какую-нибудь наслѣдственную черту, безсознательно обнаруживаемую внукомъ, и повременамъ мерещилось ему, будто онъ опять видитъ въ мальчнкѣ старшаго Джорджа. Снисходительностью и благосклонностью къ своему внуку, мистеръ Осборнъ надѣялся загладить, нѣкоторымъ образомъ, свои проступки въ отношеніи къ его отцу. Всѣ удивлялись и недоумѣвали, отчего старикъ обнаруживаетъ такую нѣжность. Онъ былъ обыкновенно суровъ въ присутствіи своей дочери, и попрежнему ворчалъ на безотвѣтную миссъ Осборнъ, но угрюмое лицо его мигомъ прояснялось, и онъ улыбался, когда Джорджинька садился за столъ завтракать или обѣдать.

Миссъ Осборнъ, тѣтушка Джорджа, была теперь въ полномъ смыслѣ перезрѣлая старая дѣва, согбенная подъ тяжестію

сорока лѣтъ скуки, тоски, несбывшихся мечтаній и надеждъ. Командавать ею было весьма удобно и легко. Какъ-скоро Джорджинька хотѣль у нея выманить какую-нибудь вещьцу — баночку съ вареньемъ изъ буфета, или завялый цвѣтокъ изъ альбома (то былъ старинный, дорогой альбомъ, завешенный еще въ ту поэтическую эпоху, когда миссъ Осборнъ училась живописи у мистера Сми, незабвеннаго друга ея сердца) — вещьца немедленно переходила въ его владѣніе, и удовлетворивъ такимъ-образомъ своему желанію, мастеръ Джорджъ уже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на свою тетку.

Всѣ его сверстники и пріатели, посѣщавшіе школу, благоговѣли передъ юнымъ джентльменомъ, такъ-какъ старшій ихъ учитель вѣжливо раскланивался и почтительно разговаривалъ съ мастеромъ Джорджемъ. Леди, посѣщавшія домъ мистера Осборна, всѣ безъ исключенія ласкали хорошенькаго мальчика. Мистриссъ Тоддъ съ очевиднымъ удовольствіемъ оставляла съ нимъ свою младшую дочи Розу Джемиму, прелестную малютку восьми лѣтъ.

— Какая чудесная парочка! говорила мистриссъ Тоддъ своимъ душевнымъ пріятельницамъ, которыя однакожь никогда не посѣщали Россель-Сквера, вслѣдствіе чего нѣжная мать могла вполнѣ положиться на ихъ скромность. — Какая чудесная парочка! Сердце не нарадуется, когда смотришь на нихъ. И кто знаетъ, что можетъ случиться?..

Дѣдушка съ матерней стороны, разбитый горемъ старикъ,

прозябавшій на Аделаидиныхъ Виллахъ, безусловно, также подчинился самовластному джентльмену. И могъ ли онъ не уважать мальчика въ такомъ прекрасномъ платьѣ, разѣзжавшаго на чудесной лошаdkѣ въ сопровожденіи грума? Джорджинька, напротивъ того, безпрестанно слышала самыя злыя сатиры, обращенныя на Джона Седли его старымъ и закоснѣлымъ врагомъ. Мистеръ Осборнъ обыкновенно называлъ его старымъ нищимъ, старымъ угольщикомъ, старымъ банкротомъ, и весьма нерѣдко названія этого рода сопровождались другими сильнѣйшими эпитетами, обличавшими необузданный гнѣвъ и глубоко затаенную злобу. Весьма немудрено, что, при такихъ обстоятельствахъ, Джорджинька совсѣмъ перестала уважать несчастнаго отца мистриссъ Эмми. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ водворенія его на Россель-Скверѣ, старушка мистриссъ Седли умерла. Мальчикъ питалъ къ ней очень слабую привязанность, и равнодушно выслушалъ печальную вѣсть о кончинѣ своей бабушки. Онъ сдѣлалъ визитъ своей матери въ прекрасномъ траурномъ костюмѣ, и былъ очень недоволенъ, что не могъ въ тотъ вечеръ ѣхать въ театръ, гдѣ давали одну изъ любимыхъ его пьесъ.

Болѣзнь старушки поглощала въ послѣднее время всю дѣятельность мистриссъ Эмми, и, быть-можетъ, служила для нея спасительнымъ развлеченіемъ послѣ разлуки съ сыномъ.

Изъ креселъ въ гостиной старушка перешла въ постель, съ которой уже не суждено было ей встать. Мистриссъ Осборнъ переселилась также въ спальню больной матери, и отлуча-

лась отъ нея на короткое время для свиданія съ Джорджемъ. Старушка бранила ее даже за эти рѣдкія отлучки, и брюзгливость ея, казалось, возрастала съ увеличеніемъ предсмертнаго недуга. Кто бы могъ подумать, что мистриссъ Седли, нѣкогда добрая, нѣжная, улыбающаяся мать, превратится въ капризную и подозрительную старуху, какъ-скоро бѣдность, нищета и физическіе недуги истребятъ изъ ея души всѣ лучшія человѣческія свойства? Но болѣзнь и горкіе упреки матери не могли сокрушить чувствительнаго сердца мистриссъ Эмми. Совсѣмъ напротивъ: она тѣмъ легче переносила другое бѣдствіе, тяготѣвшее надъ ея душой, и безпрестанныя жалобы страдальцы отвлекали ее отъ другихъ безпокойныхъ и тревожныхъ мыслей! Предупредительная и нѣжная, Амелія всегда готова была отвѣчать на сварливый голосъ немощной старушки, всегда утѣшала ее словами небесной надежды, исходившими прямо отъ этого чистаго сердца, и наконецъ ей суждено было закрыть навсегда эти глаза, которые нѣкогда смотрѣли на нее съ материнской любовью.

Съ этой поры состраданіе и нѣжность мистриссъ Эмми обратились на ея осиротѣлаго старика-отца, въ-конецъ оглушеннаго этимъ роковымъ ударомъ. Мистеръ Седли былъ теперь въ полномъ смыслѣ сирота, одинокій въ цѣломъ мірѣ. Его спокойствіе, честь, счастье, все, что любилъ онъ въ жизни, навсегда сокрылись въ могилѣ съ трупомъ его жены. Одна только Амелія своими непрерывными ласками и утѣшеніями могла еще нѣкоторымъ образомъ привязывать къ

жизни этого немощнаго старца, задавленнаго душевной тоскою.

Однакожь я не намѣренъ писать для васъ исторію, милостивые государи, это было бы и утомительно, и скучно. Базаръ Житейской Суеты терпѣть не можетъ послѣдовательныхъ исторій. Слѣдовательно... *d'avance!*

* * *

Однажды, когда молодые джентльмены засѣдали, по обыкновенію, въ кабинетѣ достопочтеннаго Виля, высокоумный профессоръ всѣхъ искусствъ и наукъ объяснялъ имъ неизвѣстныя тайны классической премудрости, щегольской экипажъ подъѣхалъ къ портику, украшенному статуей Минервы, и два джентльмена постучались у подъѣзда. Юные Бенгльсы немедленно бросились къ окну въ смутной надеждѣ увидѣть своего отца, пріѣхавшаго изъ Бомбея. Неуклюжій недоросль двадцати-трехъ лѣтъ, томившійся въ эту минуту надъ Эвтропіемъ, съ нетерпѣніемъ бросивъ книгу, успѣшилъ отереть свой носъ объ оконное стекло; ему первому удалось увидѣть, какъ Laquais de place спрыгнулъ съ козелъ, отворилъ дверцу кареты, и выпустилъ оттуда двухъ незнакомыхъ джентльменовъ.

— Одинъ какой то толстякъ, а другой не слишкомъ тонокъ и не слишкомъ толстъ, сказалъ мистеръ Бляккъ, когда раздался громовый стукъ у подъѣзда.

Всѣ заинтересовались этой вѣстью, отъ достопочтеннаго профессора, надѣявшагося увидѣть родителей своихъ будущихъ питомцевъ, до мистера Джорджа, готоваго воспользоваться всякимъ предлогомъ, чтобъ оторваться отъ книги.

Минуты черезъ двѣ, лакей въ оборванной ливреѣ вошелъ въ докторскій кабинетъ, и сказалъ:

— Какіе-то два джентльмена желаютъ видѣть мастера Осборна.

Достопочтенный профессоръ имѣлъ поутру маленькую непріятность съ этимъ юнымъ джентльменомъ по поводу хлопущекъ, принесенныхъ имъ въ учебную залу, но лицо его; при этомъ докладѣ, приняло обычное выраженіе предупредительной вѣжливости, и онъ сказалъ:

— Мистеръ Осборнъ, даю вамъ совершеннѣйшее мое позволеніе повидаться съ вашими друзьями, пріѣхавшими въ каретѣ. Свидѣтельствуйте имъ глубочайшее почтеніе отъ меня и мистриссъ Виль.

Джорджъ пошелъ въ пріемную, и увидѣвъ двухъ незнакомцевъ, окинулъ ихъ съ ногъ до головы своимъ горделивымъ и надменнымъ взглядомъ. Одинъ былъ дѣйствительно жирный толстякъ съ бакенбардами и усами; другой — тощій и длинный джентльменъ, въ синемъ сюртукѣ, смуглолицый и немного посѣдѣлый.

— Агъ, Боже мой, какъ онъ похожъ! воскликнулъ длинный джентльменъ, съ изумленіемъ отступая назадъ. Можешь ли ты догадаться, кто мы, Джорджъ?

Мальчикъ вспыхнулъ, и глаза его засверкали необыкновеннымъ блескомъ.

— Этого господина я не знаю, сказалъ онъ, — но вы, по всей вѣроятности, майоръ Доббинъ.

То былъ дѣйствительно майоръ Доббинъ, старый нашъ другъ и пріятель. Его голосъ задрожалъ отъ удовольствія, когда онъ поцаловалъ малютку, и притянулъ его къ себѣ за обѣ руки.

— Маменька твоя, вѣроятно, говорила тебѣ обо мнѣ: не правда ли, Джорджъ?

— Какъ же! отвѣчалъ Джорджъ. Я слышалъ о васъ отъ нея больше тысячи разъ.

Глава LVI

Вліяніе морскихъ вѣтровъ на здоровье благороднаго путешественника

Гордость старика Осборна находила для себя богатѣйшую пищу въ томъ обстоятельствѣ, что старикъ Джонъ Седли, исконный его соперникъ, врагъ и благодѣтель, былъ теперь, на закатѣ своей жизни, совершенно разбитъ ударами судьбы, и доведенъ до такого уничиженія, что ему необходимо было принимать денежныя обязательства изъ рукъ человѣка, который больше всѣхъ оскорблялъ его и злословилъ. Знаменитый негоціантъ Британіи проклиналъ старика Седли отъ всей души, и повременамъ оказывалъ ему помощь. Снабжая своего внука деньгами, назначаемыми для Амеліи, мистеръ Осборнъ считалъ своей обязанностію внушить мальчику въ энергическихъ и ясныхъ выраженіяхъ, что дѣдъ его съ матерней стороны есть не что иное, какъ жалкій банкротъ, нищій, обязанный всѣмъ своимъ существованіемъ ему, Осборну, котораго онъ, Джонъ Седли долженъ благодарить за помощь, оказываемую ему съ такимъ великодушіемъ. Мистеръ Джорджъ, ловившій на лету всѣ грубые намеки Россель-Скверскаго дѣда, относилъ это подаяніе своей матери

и несчастному старику-вдовцу, находившему теперь единственное утѣшеніе и отраду въ нѣжныхъ ласкахъ своей дочери, посвятившей ему всѣ свои заботы.

Быть-можетъ это было недостаткомъ «джентльменской гордости» въ мистриссъ Эмми, что она соглашалась принимать денежныя вспоможенія изъ рукъ закоснѣлаго врага своего отца, но мы должны замѣтить, что джентльменская гордость никогда не находила себѣ пріюта въ сердцѣ мистриссъ Эмми. Слабая, беззащитная и уступчивая по своей природѣ, она всегда зависѣла отъ покровительства постороннихъ людей.

И длинный рядъ бодрости, униженія. ежедневныхъ лишеній, трудовъ и ничѣмъ вознаграждаемыхъ услугъ, сдѣлался ея постояннымъ удѣломъ съ той поры, какъ она вступила въ злосчастное супружество съ Джорджемъ Осборномъ. И сколько на свѣтѣ существъ, подверженныхъ такой же участи, какую претерпѣвала бѣдняжка Эмми? Мы даже не останавливаемся при взглядѣ на нихъ, и самодовольно повторяемъ, что все это въ порядкѣ вещей. Изрѣдка только философы житейскаго Базара призадумывались надъ явленіями этого рода, и еще старимный нашъ пріятель, Сенека, предлагалъ въ свое время о томъ вопросъ. Но изъ этого не вышло никакого толку. *Ex jure naturali*, отвѣчаетъ современный милордъ Лукулль, и вслѣдъ за тѣмъ приводитъ въ доказательство остроумную сентенцію знаменитаго германскаго мыслителя, который сказалъ: «Was wirklich, das

geschichtlich. Такъ было, есть; и, слѣдовательно, такъ должно быть. Wirklich-то оно дѣйствительно wirklich, милостивые государи; по почему же оно geschichtlich? Вотъ въ чемъ задача, какъ выразился другъ нашъ Шекспиръ.

Поэтому я долженъ признаться, что пріятельница моя, Амелія, безъ зазрѣнія совѣсти; и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ благодарности, подбирала крупички, упавшія на ея долю съ роскошнаго стола россель-скверскаго негоціанта. Этими крупичками она питала своего престарѣлаго отца. Молодая женщина забрала себѣ въ голову (ей минуло теперь тридцать лѣтъ, и, стало-быть, милостивыя государины, вы охотно позвольте мнѣ называть еще ее молодою женщиной), итакъ, говорю я, молодая женщина забрала себѣ въ голову, что ей въ нѣкоторомъ смыслѣ, на-роду было написано жертвовать собою въ пользу того или другаго любимаго предмета. Сколько безсонныхъ, неблагодарныхъ ночей провела она надъ постелью маленькаго Джорджа, приготовляя собственными руками разнообразныя принадлежности дѣтскаго туалета, когда малютка былъ еще дома? Сколько нуждъ, огорченій и лишеній вытерпѣла она ради своей матери и отца? И среди всѣхъ этихъ пожертвованій, невидимыхъ, неоцѣнимыхъ заслугъ, Амелія уважала себя нисколько не больше противъ того, какъ уважали ее постороннія особы. Мнѣ даже кажется, что она, въ простотѣ сердечной, считала себя ничтожнымъ созданіемъ, далеко не стоившимъ того счастья, которымъ наградила ее судьба.

Итакъ мистриссъ Эмми поддерживала свое существованіе благостыней отъ дѣдушки своего сына. Жизнь ея, сначала цвѣтущая и радостная, снизошла мало-по-малу до унижительной зависимости и тяжелаго затворничества. Изрѣдка малютка Джорджъ услаждалъ ея плѣнь своими кратковременными визитами на Аделаидины Виллы. Россель-Скверъ сдѣлался теперь порубежной границей ея тюрьмы, она продолжала ходить туда повременамъ, возвращаясь всегда позднимъ вечеромъ въ свою собственную келью. Здѣсь ожидали ее печальныя обязанности, грустныя заботы при болѣзненномъ одрѣ, сварливость и незаслуженныя упреки бѣдной пациентки. Сколько тысячъ существъ, преимущественно женщинъ, обречены на такое безвыходное труженичество, невознаграждаемое даже ласковымъ словомъ, или улыбкой благодарности? Сколько между нами *истинныхъ сестеръ милосердія*, посвятившихъ себя исключительно нашему спокойствію, и которыя, однакожъ, исчезаютъ съ лица земли, невѣдомыя міру, и неоплаканныя никѣмъ? Какъ часто возвышается здѣсь какой-нибудь эгоистъ, негодяй или глупецъ, между-тѣмъ какъ достойнѣйшія существа, исполненныя благородства, честности и высокой нравственной энергіи, прозябають незамѣтно въ какомъ-нибудь углу, или гибнутъ жертвою столкновенія съ эгоистическими интересами на Базарѣ житейской Суеты!.. Смирись духомъ, и будь кротокъ сердцемъ, о возлюбленный братъ мой, если дѣла твои процвѣтають въ здѣшнемъ мірѣ, и ты благоденствуешь въ кругу своихъ

ближнихъ. Будь благородень и великодушень къ тѣмъ, которыхъ судьба, можетъ-быть незаслуженно, унизила передъ тобой. Какъ-знать? быть-можетъ добродѣтель твоя объясняется отсутствіемъ искушеній, и богатство твое было слѣдствіемъ слѣпой удачи. Смирись!

Старушку Седли похоронили на Бромптонскомъ кладбищѣ, подлѣ той же церкви, гдѣ нѣкогда вѣнчалась мистриссъ Эмии. День былъ пасмурный, холодный и дождливый, такой же, какъ при бракосочетаніи Джорджа и Амеліи. Малютка Джорджъ сидѣлъ подлѣ своей матери въ пышномъ траурномъ костюмѣ. Амелія припомнила и сторожиху, отводившую мѣста для посѣтителей, и пасторскаго помощника. Когда пасторъ читалъ молитвы по усопшей, мысли ея унеслись далеко, въ былыя времена. Не будь подлѣ нея Джорджа, она бы желала, вѣроятно, быть въ эту минуту на мѣстѣ своей матери, но разсудокъ и материнская любовь сильно и дружно возстали противъ такого эгоистическаго желанія. Амелія плакала и молилась.

Теперь болѣе чѣмъ когда-либо, нужны ей были силы для перенесенія своей горемычной доли. Амелія рѣшалась употребить всѣ зависѣвшія отъ нея средства, чтобъ успокоить и осчастливить старика-отца. Покорная своей судьбѣ, она трудилась изо всѣхъ силъ, шила, починивала и заштопывала платья, играла на фортепьяно и въ триктракъ, пѣла любимыя пѣсни Джона Седли, читала для него газеты, стряпала на кухне, гуляла съ нимъ въ кенсингтонскихъ садахъ, слушала, съ

неутомимою улыбкой, его безконечныя исторіи о давно-минувшихъ временахъ, или — сидѣла задумчиво подлѣ него, углубляясь въ свои собственныя воспоминанія и размышленія, когда старикъ, слабый и ворчаливый, грѣлся на солнышкѣ въ саду, и пускался въ безсвязныя разсужденія о своихъ неудачахъ и несбывшихся надеждахъ. О, какъ грустны и тоскливы были всѣ эти мысли осиротѣлаго старца! Группы дѣтей бѣгавшихъ взадъ и впередъ по садовымъ аллеямъ, возобновляли въ воображеніи мистриссъ Эмми ея собственнаго Джорджиньку, котораго у нея отняли. Джорджъ-старшій былъ тоже отнять отъ нея, и какъ жестоко отнять! Въ томъ и другомъ случаѣ, думала мистриссъ Эмми, судьба наказала ее за эгоистическую любовь. Она старалась увѣрить себя неопровержимыми доказательствами, что это наказаніе достойнымъ образомъ обрушилось на ея голову. Подлѣломъ ей, легкомысленной эгоисткѣ! Что тутъ прикажете дѣлать? мистриссъ Эмми была совершенно одинока въ этомъ мірѣ.

Разсказъ объ этомъ одинокомъ затворничествѣ ее — видимо скученъ, я это отлично знаю, и желалъ бы душевно, для потѣхи читателя, оживить его какимъ-нибудь веселымъ событіемъ въ юмористическомъ тонѣ. Дѣло очень возможное. Въ этихъ случаяхъ, какъ извѣстно всему свѣту, можно бы, напримѣръ, вывести на сцену нѣжнаго тюремщика съ пасторальными наклонностями, или мышъ, выбѣгающую изъ-подъ пола, чтобъ поиграть бородой и усами арестанта, или, еще лучше, заставить его вырыть подземный подкопъ не

иначе, какъ съ помощію только своихъ ногтей и зубочистки. Все это, повѣрьте мнѣ, было бы очень весело и забавно, но, увы! исторія затворничества бѣдняжки Эмми решительно не представляетъ такихъ поэтическихъ приключеній и событій. Въ эту эпоху своей жизни была она вообще очень печальна и грустна, хотя это отнюдь по мѣшало ей улыбаться, когда кто-нибудь вступалъ съ нею въ интересную бесѣду. Она пѣла пѣсенки, стряпала пуддинги, играла въ карты и починивала чулки для удовольствія и пользы своего престарѣлаго отца. И только. И больше ничего. Изъ всего этого читатель можетъ, если ему угодно, вывести весьма правдоподобное заключеніе, что мистриссъ Эмми вела весьма прозаическую жизнь, какую, напримѣръ, ведутъ десятки милльоновъ существъ, одаренныхъ разумомъ. Но, банкротъ вы, или нѣтъ, милостивый государь; сварливый старикашка, или просто маститый старецъ, убѣленный сѣдыми волосами; во всякомъ случаѣ я искренно желаю, чтобы на закатѣ своихъ старческихъ дней, вы нашли мягкое и нѣжное женское плечо для своей опоры на гуляньѣ, и сострадательную, заботливую руку, готовую во всякое время разглаживать подушки на вашей одинокой постелѣ. Этого я вамъ искренно желаю.

Старикъ Седли, послѣ смерти своей жены; чрезвычайно полюбилъ свою дочь, и Амелія находила для себя единственное утѣшеніе въ исполненіи своихъ обязанностей въ отношеніи къ старому джентльмену.

Мы, однакожь, не хотимъ оставить навсегда въ этомъ уни-

женномъ состояніи нѣжнаго отца и нѣжнѣйшую дочь. Скоро наступятъ для нихъ лучшіе дни въ сей юдоли плача и скорбей. Смѣтливый читатель, вѣроятно, уже догадался, кто былъ этотъ жирный и толстый джентльменъ, который, въ сопровожденіи стариннаго нашего пріятеля, майора Доббина, сдѣлалъ визитъ мастеру Джорджу въ его школѣ. Это, однимъ словомъ, другой, тоже старинный, нашъ другъ и пріятель, воротившійся изъ-за океана въ предѣлы туманнаго Альбіона. И воротился онъ въ такое время, когда присутствіе его сдѣлалось неизбѣжно-необходимымъ для его родни.

Майоръ Доббинъ выхлопоталъ безъ труда, у своего добраго командира, позволеніе отлучиться, по своимъ собственнымъ, нетерпящимъ отлагательства дѣламъ, въ Мадрасъ, и оттуда, по всей вѣроятности, въ Европу. И выхлопотавъ это позволеніе, онъ скакалъ день и ночь съ такою стрѣлообразною быстротою, что, по прибытіи въ Мадрасъ, открылась у него сильнѣйшая горячка. Слуги майора перенесли его въ домъ одного пріятеля, у котораго онъ намѣревался прогостить до своего отъѣзда въ Европу. Открылся между-тѣмъ весьма опасный бредъ, и эскулапы нѣсколько дней оставались при томъ мнѣніи, что заморскій нашъ путешественникъ уѣдетъ никакъ не далѣе Георгіевскаго кладбища, гдѣ будетъ сдѣланъ окончательно ружейный салютъ надъ его могилой, и гдѣ, вдали отъ родной земли, покоятся сномъ непробуднымъ многіе храбрые молодые люди.

И когда онъ томился такимъ-образомъ въ пароксизмахъ

лютой болѣзни, окружавшія его особы слышали не разъ, какъ онъ произносялъ въ бреду имя Амеліи. Мысль, что ему не суждено больше увидѣть ее на этомъ свѣтѣ, безпрестанно представлялась его воображенію въ минуты умственнаго просвѣтленія. Майоръ думалъ, что наступаютъ уже послѣдніе часы его жизни, и собравшись съ духомъ, рѣшился сдѣлать торжественныя приготовленія къ своему отправленію на тотъ свѣтъ. Онъ привелъ въ порядокъ свои мірскія дѣла, и оставилъ свою маленькую собственность особамъ, которымъ желалъ оказать посильное благодѣяніе. Пріятель, давшій ему пріютъ въ своемъ домѣ, былъ свидѣтелемъ этого завѣщанія. Доббинъ желалъ, чтобы съ нимъ похоронили и каштановую волосяную цѣпочку, обвивавшую его шею, и которую, если сказать всю правду, получилъ онъ еще въ Брюсселѣ отъ горничной мистриссъ Эмми, когда волосы молодой вдовы были обрѣзаны въ продолженіе горячки, постигшей ее послѣ смерти Джорджа Осборна.

Мало-по-малу, однакожь, майоръ Доббинъ началъ поправляться, несмотря на многократныя кровопусканія и значительныя дозы каломели, доказавшія неоспоримымъ образомъ природную крѣпость его организма. Онъ былъ почти какъ скелетъ, когда перенесли его на бордъ корабля «Рамчондеръ», состоящаго подъ управленіемъ капитана Брагга. Другъ, ухаживавшій за нимъ въ продолженіе болѣзни, предсказывалъ весьма серьезно, что майору никакъ не пережить этого путешествія, и что, въ одно прекрасное утро, его, за-

вернутаго въ саванъ и койку, непременно перекинуть черезъ бортъ на дно морское, гдѣ онъ останется навѣки вмѣстѣ съ волосяной цѣпочкой, обвивавшей его шею. Дружеское предсказаніе не сбылось. Морской воздухъ и надежда скоро увидѣтъ родиный край произвели такое чудотворное вліяніе на изможденный организмъ, что майоръ почти совершенно выздоровѣлъ, прежде чѣмъ «Рамчондеръ» подошелъ къ Мысу Доброй Надежды.

— Ну, теперь мистеръ Киркъ чуть-ли не ошибется въ своихъ расчетахъ на повышеніе въ майорскій чинъ, сказалъ улыбаясь другъ нашъ Доббинъ, не прочесть ему въ газетахъ своего имени, когда полкъ воротится домой.

Мы забыли упоминуть, что Трильйонный полкъ, простоявшій нѣсколько лѣтъ за океаномъ послѣ своихъ подвиговъ на поляхъ ватерлооскихъ, снова получилъ предписаніе возвратиться на родину въ ту самую пору, когда майоръ Доббинъ томился горячкою въ Мадрасѣ. Онъ могъ бы отправиться изъ Индіи въ Европу вмѣстѣ съ своими товарищами, еслибъ подождалъ прибытія ихъ въ этотъ городъ.

Но майоръ не хотѣлъ дожидаться, быть-можетъ и потому, между прочимъ, что считалъ для себя опаснымъ близкое сосѣдство и покровительство миссъ Глорвины, которая, по всей вѣроятности, приняла бы подъ свою опеку больного офицера.

— Миссъ Одаудъ, я увѣренъ, уgomонила бы меня окончательно, говорилъ Доббинъ одному изъ своихъ дорожныхъ то-

варящей. Не сдобровать бы и тебѣ, любезный другъ. Опустивъ меня на дно морское, Глорвина, повѣрь мнѣ, добралась бы и до тебя. По прибытіи корабля въ Соутамптонъ, ты послужилъ бы для нея чудеснымъ призомъ.

Этотъ любезный другъ былъ не кто другой, какъ пріятель нашъ Джозефъ Седли, возвращавшійся также на родину вмѣстѣ съ майоромъ. Онъ прожилъ въ Индіи десять лѣтъ. Постоянные обѣды, завтраки, полдники, ужины, портеръ и кларетъ, изнурительные труды по сбору податей и пощлинь, и значительныя порціи бенгальской водки, произвели разрушительное вліяніе на желѣзный организмъ этого ватерлооскаго героя. Врачи посовѣтовали ему предпринять путешествіе въ Европу. Джой выслужилъ урочное число лѣтъ, и накопилъ порядочную сушу денегъ. Ост-индская Компанія наградила его пожизненнымъ пенсіономъ. Онъ могъ или остаться въ Аигліи, или воротиться опять въ Бенгалию на свое теплое мѣстечко, столько приспособленное къ его обширнымъ талантамъ.

Былъ онъ толстъ и жирень, но все же не въ такой степени, какъ мы застали его при первомъ появленіи на Базарѣ Житейской Суеты. Зато осанка мистера Джоя была теперь гораздо величественнѣе и торжественнѣе. Онъ носилъ усы, уполномоченный на это своею службою при Ватерлоо, и на головѣ его красовалась величественная бархатная фуражка съ золотой кокардой. Выходя на палубу, Джой въ полномъ смыслѣ блисталъ драгоценными камнями и сверкалъ брильянто-

выми булавками. Онъ завтракалъ въ своей каютѣ, и всегда одѣвался съ великою торжественностью, какъ-скоро рѣшался выставить свою особу на шканцахъ. Можно было подумать, что онъ гуляетъ по моднымъ улицамъ Лопдона, или въ публичныхъ садахъ Калькутты. Въ услуженіи при немъ находился индійскій туземецъ, каммердинеръ его и хранитель трубокъ, проводившій вообще злосчастную жизнь подъ командой Седли. Джонъ былъ тщеславенъ какъ женщина, и заботился о своемъ туалетѣ ничуть не меньше какой-нибудь увядшей кокетки. Младшіе пассажиры, Шефферсъ и Риккетсъ, возвращавшіеся домой послѣ сильнѣйшихъ пароксизмовъ горячки, дружно нападали на мистера Седли за общими столомъ, и заставляли его рассказывать изумительныя исторіи о собственныхъ его подвигахъ противъ негровъ и Наполеона. Онъ былъ истинно великъ, когда посѣтилъ теперь на островѣ Елены, могилу Бонапарта. Впродолженіе этого путешествія, мистеръ Джой, увернувшись отъ майора Доббина, рассказалъ подробно молодымъ офицерамъ и другимъ пассажирамъ, какъ происходила ватерлооская битва, и какое участіе онъ самъ принималъ въ ней. Давая полную волю своему поэтическому воображенію, онъ объявилъ положительно, что никогда бы Европѣ не удалось засадить въ Лонгвудѣ этого великаго человѣка, еслибъ не онъ, Джозефъ Седли.

Когда корабль оставилъ островъ Св. Елены, Джой сдѣлался необыкновенно великодушенъ въ раздѣлѣ между своими товарищами разныхъ корабельныхъ запасовъ. При немъ бы-

ли: ящикъ съ бутылками кларета, нѣсколько банокъ съ вареньемъ и огромный боченокъ содовой воды, взятой изъ Калькутты для собственной его улады. Дамъ не было на кораблѣ, и первымъ сановникомъ между пассажирами считался Джо-зефъ Седли, такъ-какъ майоръ Доббинъ охотно уступилъ ему право превосходства. Капитанъ Брагъ и другіе офицеры корабля тоже свидѣтельствовали ему глубокое почтеніе, соотвѣтствующее его высокому рангу. Впродолженіе двухдневнаго шторма, мистеръ Джой, одержимый паническимъ страхомъ, закупорилъ себя въ каютѣ, и углубился въ назидательное чтеніе «Восторгнутыхъ Класовъ», оставленныхъ на кораблѣ достопочтенною леди Эмилиєю Горнблауэръ, супругою достопочтеннаго Мельхиседека Горнблауэра, основателя сходки Кувыркателей на Мысѣ Доброй Надежды. Но въ обыкновенное, благополучное время, Джой забавлялся повѣстями и романами, которыми охотно снабжалъ весь корабельный экипажъ, осыпанный вообще милостями и щедротами этого знаменитаго путешественника.

Много поэтическихъ вечеровъ провели въ своемъ путешествіи, майоръ Доббинъ и мистеръ Седли, когда корабль освѣщаемый звѣздами и луной, разсѣкалъ волны безбрежнаго океана. Они сидѣли вдвоемъ на квартердекѣ и бесѣдовали о своей родинѣ; Доббинъ покуривалъ черуть, Седли потягивалъ гукахъ, приготовленный для него туземнымъ слугою.

Впродолженіе всѣхъ этихъ бесѣдъ, майоръ Доббинъ, съ рѣдкимъ постоянствомъ и удивительнымъ остроуміемъ,

умѣлъ всегда свести рѣчь на предметы, имѣвшіе ближайшее отношеніе къ мистриссъ Эмми и маленькому ея сыну. Джой былъ немножко недоволенъ хозяйственнымъ разстройствомъ и безцеремонными требованіями своего отца, но майоръ приводилъ краснорѣчивѣйшія доказательства къ его оправданію, опираясь преимущественно на старческія лѣта мистера Седли. Сановникъ Индіи рассчитывалъ первоначально, что ему будетъ очень неудобно жить въ обществѣ стариковъ, такъ-какъ ихъ нравы и обычаи во многомъ должны противорѣчить образу жизни молодаго человѣка, привыкшаго къ аристократическому кругу, но майоръ доказалъ, что въ положеніи Джоя всего лучше обзавестись въ Лондонѣ своимъ собственнымъ домомъ и жить не на холостую ногу, какъ прежде. Сестра его, Амелія, говорилъ майоръ, будетъ завѣдывать его хозяйствомъ, и ужъ, разумѣется, такой хозяйки, какъ мистриссъ Эмми, не найдется въ цѣломъ мірѣ. Своими изящными и вполне благородными манерами, она сдѣлаетъ конечно честь любой аристократической фамиліи. Доббинъ представилъ подробную исторію блистательныхъ успѣховъ, которыми въ свое время славилась мистриссъ Джорджъ Осборнъ, какъ въ Брюсселѣ, такъ и въ Лондонѣ, гдѣ бывало удивлялись ей особы самаго высшаго и моднаго круга. Вслѣдъ затѣмъ онъ намекнулъ, что не мѣшаетъ молодаго Джерджа отправить въ школу и заняться, какъ слѣдуетъ, образованіемъ его ума и сердца; оставаясь дома, мальчикъ конечно будетъ шалить, и легко станется, что мать испортить

его излишнимъ баловствомъ. Представивъ такимъ-образомъ длинный рядъ краснорѣчивѣйшихъ доказательствъ, хитрый майоръ уговорилъ наконецъ отставнаго чиновника остиндской Компаніи взять подъ свое непосредственное покровительство и племянника, и сестру. Послѣднія событія въ маленькомъ семействѣ Седли были еще неизвѣстны майору: его не извѣстили о смерти старушки-матери, и о томъ, что богатые люди удалили юнаго Джорджа отъ мистриссъ Эмми. Но дѣло въ томъ, что этотъ пожилой джентльменъ, снѣдаемый любовной страстью, думалъ каждый день о предметѣ своей любви, и пріискивалъ всѣ возможные средства осчастливить мистриссъ Осборнъ. Онъ всячески старался угождать Джозефу Седли, и осыпалъ его комплиментами съ безпримѣрною щедростію. Дѣло житейское: какъ-скоро есть у васъ хорошенькая дочь или сестра, годная для замужетва, молодые джентльмены, имѣющіе на нее виды, бываютъ съ вами необыкновенно учтивы и любезны. Доббинъ лицемѣрилъ вѣроятно безъ яснаго сознанія о своихъ поступкахъ.

Мы забыли упоминуть, что майоръ Доббинъ прибылъ на бордъ Рамчондера совсѣмъ больной, и силы его нисколько не поправились въ продолженіе трехъ дней, когда корабль стоялъ въ мадрасскомъ рейдѣ. Свиданіе его съ мистеромъ Седли, повидимому, не производило особенно благотѣльнаго вліянія на его организмъ до той поры, пока не произошелъ между ними разговоръ, довольно замѣчательный въ психологическомъ смыслѣ. Это случилось въ одно прекрас-

ное утро, когда Вильямъ, терзаемый тѣлесными недугами, лежалъ и тосковалъ на фордекѣ.

— Умирать, такъ умирать, сказали онъ, нечего тутъ дѣлать. Въ завѣщаніи, которое я оставляю, крестникъ мой не забыть. Надѣюсь, мистриссъ Осборнъ вспомнить обо мнѣ безъ огорченія, и я желаю душевно, чтобы она была счастлива въ своемъ новомъ бракѣ.

— Это что за новости? возразилъ Джой. Въ какомъ это новомъ бракѣ?

— Какъ? Неужели ты не слыхалъ, что мистриссъ Осборнъ выходитъ замужъ?

— Не слыхалъ, отвѣчалъ Джой. Совсѣмъ напротивъ: Амедія въ письмѣ къ мнѣ намекаетъ, что майоръ Доббинъ намѣренъ вступить въ бракъ, и желаетъ также, чтобы ты былъ счастливъ съ своей женой. Это однакожь, очень странно, ты и она помѣшались на одной мысли.

— А когда ты получилъ отъ нея это письмо? съ живостію спросилъ майоръ Доббинъ.

Джой не помнилъ хорошенько, но по сдѣланной справкѣ оказалось, что Амелія писала къ брату мѣсяца два спустя послѣ извѣстій, полученныхъ майоромъ.

Черезъ нѣсколько времени корабельный врачъ поздравлялъ себя съ блистательнымъ успѣхомъ, съ какимъ удалось ему вылечить этого паціента, переданнаго ему мадрасскимъ докторомъ почти въ безнадежномъ состояніи; майоръ Доббинъ быстро началъ поправляться съ той самой минуты, какъ на

корабль предписали ему новую микстуру. Вотъ почему заслуженный воинъ, кептенъ Киркъ, потерялъ надежду на производство въ майорскій чинъ.

Когда «Рамчондеръ» оставилъ гавань Св. Елены, веселость и живость Доббина обнаружались мало-по-малу въ такихъ обширнѣйшихъ размѣрахъ, что онъ изумилъ и озадачилъ всѣхъ пассажировъ ворабля. Онъ подшучивалъ надъ мичманами, игралъ въ дубинку (single stieck) съ капитанскими помощниками, и однажды вечеромъ, когда вся компанія, послѣ ужина, потягивала грогъ, мистеръ Доббинъ затянулъ, для общей потѣхи, самую веселую, комическую пѣсню. Его живость, предупредительность, остроуміе и любезность были такого рода, что самъ капитанъ Браггъ, не видѣвшій сначала никакого прока въ этомъ пассажирѣ, принужденъ былъ сознаться, что майоръ — образованнѣйшій джентльменъ, достойный уваженія во многихъ отношеніяхъ.

— Никакъ нельзя сказать, что манеры его вполне изящны, замѣтилъ капитанъ Браггъ своему старшему подшкиперу, — его натурально не могутъ принимать въ губернаторскомъ домѣ, гдѣ мы такъ часто веселились... да, веселились. Лордъ Вилльямъ и его супруга были такъ добры, что обходились съ мой, могу сказать, безъ всякой церемоніи, однажды даже я былъ приглашенъ къ нимъ на обѣдъ въ присутствіи самого главнокомандующаго... Ну, да, манеры Доббина вовсе не изящны, но при всемъ томъ — понимаете?

Какъ не понимать? Подшкиперъ выразилъ свое убѣжде-

піе, что капитанъ Браггъ, постигая вполнѣ корабельное искусство, умѣлъ въ тоже время различать людей.

Но когда дней за десять пути отъ береговъ Британіи, корабль заштилѣлъ и остановился неподвижно на одномъ мѣстѣ, майоръ Доббинъ совершенно повѣсилъ носъ, и обнаружилъ такіе признаки нетерпѣливаго и даже отчасти сварливаго характера, что изумленные пассажиры никакъ не могли угадать въ немъ прежняго весельчака. Онъ пересталъ хандрить не прежде, какъ снова подулъ попутный вѣтерокъ, и радость его достигла до неизрѣченнаго восторга, когда штурманъ опять взялся за руль. Великій Боже! Какую сильную тревогу забило его сердце, когда наконецъ, послѣ продолжительнаго плаванія, передъ глазами путешественниковъ открылись шпицы соутамптонскаго адмиралтейства!

Глава LVII

Другъ нашъ майоръ

Другъ нашъ майоръ пріобрѣлъ на корабль такую популярность, что, когда онъ и мистеръ Седли, по прибытіи въ соутамптонскую гавань, спустились на береговую шлюпку, весь корабельный экипажъ, офицеры и матросы, со включеніемъ самого капитана Брагга, огласили воздухъ троекратнымъ «ура» въ честь майора Доббина, который на этотъ разъ раскраснѣлся какъ стыдливая дѣвушка, и, потупивъ глаза, раскланивался передъ своими пріятелями направо и налево. Мистеръ Джой, принимавшій эти комплименты на свои счетъ, величественно снялъ фуражку съ золотой кокардой, и еще величественнѣе принялся размахивать ею по воздуху, прощаясь окончательно съ корабельными друзьями. Когда шлюпка причалила къ берегу, путешественники, отправились въ гостиницу Джорджа.

Великолѣпные ростбифы британскаго приготовленія и серебряныя кружечки съ національнымъ портеромъ и пивомъ, выставляемыя на показъ при входѣ въ общую залу гостиницы Джорджа, производятъ обыкновенно такое могущественное вліяніе на глаза путешественника, пробывшаго нѣсколько лѣтъ сряду за границей, что онъ невольно обнаруживаетъ желаніе прогостить здѣсь дня три, четыре, принимая въ

соображеніе и то весьма уважительное обстоятельство, что ему необходимо отдохнуть и собраться съ силами послѣ продолжительной корабельной качки. Но мистеръ Доббинъ былъ джентльменъ выше всякаго соблазна, представляемаго національнымъ комфортомъ. Едва только нога его переступила за порогъ общей залы, какъ онъ началъ поговаривать о постыждѣ, и не успѣвъ взглянуть на Соутамптонъ, изъявилъ непремѣнное желаніе продолжать свой путь въ Лондонъ безъ всякой отсрочки, и безъ малѣйшаго промедленія. Къ несчастью, однакожь, встрѣтились непредвидѣнныя затрудненія со стороны Джоя. Этотъ джентльменъ, привыкшій дѣйствовать систематически и методически не хотѣлъ и слышать о продолженіи путешествія въ тотъ же вечеръ. И какъ это можно? Неужели онъ, для какой-нибудь скарёдной сидѣйки въ почтовой каретѣ, откажется отъ удовольствія понѣжиться эту ночь на мягкихъ пуховикахъ, готовыхъ здѣсь, въ прекраснѣйшемъ, уютномъ номерѣ, замѣнить для него эту гадкую морскую койку, гдѣ тучное его тѣло бултыхалось столько дней и ночей въ продолженіе утомительнаго и скучнаго переѣзда? Нѣтъ, мистеръ Джой не тронется съ мѣста, пока не будетъ доставленъ съ корабля весь его багажъ, и не сядетъ въ карету безъ своего *Chillum*. Такимъ образомъ майоръ принужденъ былъ переждать эту ночь. Онъ отправилъ къ родственникамъ въ Лондонъ письмо съ извѣстіемъ о своемъ пріѣздѣ, и убѣдилъ Джоя сдѣлать то же самое въ отношеніи къ своей семьѣ. Джой обѣщаль, но не сдержалъ обѣщанія.

Кептенъ Браггъ, корабельный врачъ, да еще два, три пассажира пришли въ гостиницу Джорджа пообѣдать съ нашими друзьями. Поѣздка въ Лондонъ отложена до слѣдующаго дня. Джой обнаружилъ всю сановитость и великолѣпіе Индійскаго набоба, когда заказывалъ пышный обѣдъ, и содержатель гостиницы рассказывалъ послѣ, что ему весело было смотрѣть, когда мистеръ Седли принялся пить первую кружку шотландскаго пива. Будь у меня досугъ и охота къ поэтическимъ отступленіямъ, я бы готовъ былъ, для наслажденія читателей, написать цѣлую главу объ удовольствіи кушать первую кружку портера или пива на британской почвѣ. О, если бы вы знали, какъ это вкусно! Стоить, по моему мнѣнію, отлучиться изъ отечества на цѣлый годъ единственно для того, чтобы, по возвращеніи, насладиться этимъ напиткомъ.

На другой день поутру майоръ Доббинъ, по заведенному порядку, обрился, умылся и одѣлся. Было очень рано, и никто еще не просыпался въ цѣломъ домѣ, кромѣ неутомимаго полового, который, повидимому, не спитъ никогда. Проходя по корридору, отъ одного нумера до другаго, майоръ явственно могъ слышать храпѣніе и позвоту трактирныхъ жильцовъ. Затѣмъ онъ видѣлъ, какъ безсонный половой, переходя изъ одной двери въ другую, подбиралъ у пороговъ сапоги разныхъ цѣнностей и наименованій, блюхеровскіе съ высокими каблуками, Веллингтоновскіе съ кисточками, оксфордскіе ботфорты, и такъ далѣе. Затѣмъ проснулся *туземецъ* Джоя, и началъ приводить въ порядокъ разнооб-

разныя туалетныя статьи своего господина, и готовить его гукахъ. Затѣмъ поднялись на ноги трактирныя служанки, и встрѣтившись съ туземцемъ въ корридоръ, испустили пронзительный визгъ, вообразивъ, что передъ ними стоитъ самъ чортъ. Онъ и Доббинъ споткнулись на ихъ ведра, когда онѣ готовились мыть полъ. Когда, наконецъ, появился первый нестриженный слуга, и началъ отпирать ворота гостиницы Джорджа, майоръ подумалъ, что время отъѣзда наступило, и приказалъ подавать постшезъ.

Затѣмъ онъ направилъ свои шаги въ комнату мистера Седли, и открылъ богатые занавѣсы большой семейной постели; гдѣ храпѣлъ индійскій набобъ.

— Что это ты заспался, любезный? сказалъ майоръ, расталкивая своего друга. Вставай, Седли, вставай! пора ѣхать. Черезъ полчаса подадутъ постшезъ.

Джой повернулся на другой бокъ, и пожелалъ освѣдомиться изъ-подъ пуховаго одѣяла, который бы теперь былъ часъ, но когда заикающійся Доббинъ, въ жизнь неприбѣгавшій къ обманамъ и уверткамъ, какъ бы впрочемъ это ни могло быть выгодно для его цѣлей, удовлетворилъ желаніе своего пріятеля относительно ранней утренней поры, Джой разразился такимъ залпомъ энергическихъ словъ и выраженій, которыя мы никакъ не осмѣливаемся внести въ эту назидательную исторію, назначенную собственно для читателей съ джентльменскимъ вкусомъ. Можно, впрочемъ, объявить по секрету, что индійскій набобъ отправилъ нашего друга къ чорту, и

сказаль положительно, наотрѣзь, что онъ не намѣренъ продолжать путешествія съ такимъ безсовѣстнымъ джентльменомъ, который не стыдится, безъ всякаго основательнаго довода, беспокоить своего товарища въ ранній утренній часъ, когда сонъ особенно сладокъ и пріятенъ. Такое обнаруженіе воли со стороны индійскаго набоба отстраняло всякую возможность возраженій. Озадаченный майоръ, скрѣпя сердце, принужденъ былъ удалиться, оставивъ своего товарища продолжать прерванный сонъ.

Между-тѣмъ подали постшезь, и майоръ не хотѣлъ медлить ни минуты.

Будь мистеръ Доббинъ англійскимъ нобльменомъ, развѣзжающимъ для собственнаго удовольствія, или британскимъ курьеромъ, скачущимъ съ правительственными депешами, путешествіе его не могло бы совершаться и тогда съ большей быстротою. Щедрою рукою бросаль онъ на водку каждую станцію, и приводилъ въ изумленіе своихъ ямщиковъ. Какъ пріятно смотрѣть на цвѣтущія зеленые поля, когда постшезь быстро катится по гладкой дорогѣ отъ одного мильнаго столба до другаго! Вы проѣзжаете черезъ маленькіе провинціальныя города, чистые и опрятные, гдѣ содержатели гостинницъ выходятъ къ вамъ навстрѣчу съ низкими поклонами и привѣтливой улыбкой; летите по открытому полю мимо придорожныхъ трактировъ, гдѣ ямщикъ выводитъ на водопой своихъ усталыхъ коней, или отдыхаетъ самъ подъ тѣнію развѣспетыхъ деревьевъ; мимо древнихъ замковъ, парко-

въ, дворцовъ, мимо деревенскихъ хижинъ сгруппированны-хъ вокругъ старинныхъ церквей. Что можетъ быть живопис-нѣе этихъ чудныхъ ландшафтовъ, разбросанныхъ почти всю-ду по нашимъ англійскимъ дорогамъ? Путешественникъ, во-ротившійся на родину, любитъся по неволѣ всѣми этими ви-дами и роскошнымъ картинами сельской природы, но все это — увы! — не производило ни малѣйшаго впечатлѣнія на безчувственного майора Доббина, когда онъ проѣзжалъ изъ Соутамптона въ Лондонъ. Вниманіе его было только обра-щено на мильные столбы, и больше ничего онъ не видѣлъ. Ему, извольте видѣть, нужно было поскорѣе увидѣться съ своими родителями въ Кемберъ-Уэллѣ. Но вотъ и Лондонъ. Проѣхавъ Пиккадилли, мистеръ Доббинъ приказалъ ямщи-ку повернуть къ военнымъ казармамъ, въ гостиницу Пест-раго Быка, гдѣ живалъ онъ встарину. Много утекло воды съ той поры, какъ оставилъ онъ это убѣжище въ послѣдній разъ. Онъ и Джорджъ Осборнъ, тогда еще молодые люди, дѣлили здѣсь и радость, и горе, пировали и веселились. Время быст-ро измѣнилось. Майоръ Доббинъ попалъ въ разрядъ пожи-лыхъ джентльменовъ. Его волосы посѣдѣли, и многія чув-ства, волновавшія тогда его душу, совсѣмъ загасли. Но у во-ротъ гостиницы, теперь какъ и тогда, стоялъ тотъ же самый старый слуга въ поношенномъ черномъ фракѣ, съ раздвоен-нымъ подбородкомъ и отдутливымъ лицомъ. Тѣ же огром-ныя печати болтаются на его бронзовой часовой цѣпочкѣ, и попрежнему бренчатъ мелкія деньги въ его карманахъ. Онъ

встрѣчаетъ майора съ обычными привѣтствіями, какъ будто мистеръ Доббинъ оставилъ это мѣсто не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ.

— Неси вещи майора въ его комнату, двадцать-третій номеръ, сказалъ Джонъ, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ изумленія. Къ вашему обѣду, я полагаю, подать жаренаго цыпленка. Вы охотникъ до цыплятъ. Женаты вы или нѣтъ? Пронесся слухъ, что вы женились... былъ здѣсь недавно шотландскій лекаръ изъ вашего полка. Нѣтъ, то былъ капитанъ Гумбы изъ Бильйоннаго полка. Прикажете теплой водицы? Что это вамъ вздумалось ѣхать въ постшезъ? Въ дилижансѣ было бы спокойнѣе.

И съ этими словами вѣрный слуга, знавшій наперечетъ и помнившій всѣхъ офицеровъ, посѣщавшихъ этотъ домъ, повелъ мистера Доббина въ его старую комнату, гдѣ стояла большая постель, и на полу былъ попрежнему разосланъ ветхій коверъ. Всѣ старинные разряды почернѣлой мѣбели, прикрыты были полинялымъ ситцемъ, точь въ точь, какъ въ бывалое время, когда мистеръ Доббинъ квартировалъ здѣсь въ цвѣтущую эпоху своей юности.

Живо припомнилъ нашъ почтенный другъ, какъ, въ этой самой комнатѣ мистеръ Джорджъ, наканунѣ своей свадьбы, кусалъ свои пальцы, и клялся, что старшина, рано или поздно перемѣнитъ гнѣвъ на милость, особенно, если онъ, Джорджъ Осборнъ, покроетъ себя безсмертными лаврами въ предстоящую кампанію. И припомнилъ мистеръ Доббинъ,

какъ пріятель его, расхаживая взадъ и впередь, объявилъ съ геройскою рѣшимостью, что онъ сѹмѣетъ, силою собственнаго генія, пробить себѣ блистательную каррьеру въ свѣтѣ сквозъ милльйоны препятствій...

— Вы однакожь не помолодѣли, мистеръ Доббинъ, сказали Джонъ, спокойно обозрѣвая своего стариннаго знакольца съ ногъ до головы.

Доббинъ засмѣялся.

— Десять лѣтъ и пароксизмы гнилой горячки не придаютъ, говорятъ, молодости нашему брату, другъ мой Джонъ, замѣтилъ майоръ, — а вотъ ты такъ всегда молодъ... нѣтъ, правда, ты всегда старичина.

— Какъ-то теперь поживаетъ вдова капитана Осборна? сказали Джоль. Славный былъ человѣкъ этотъ капитанъ. Кутилъ напропалую, и бросалъ денежки зажмуря глаза. Послѣ женитьбы намъ ужъ не приходилось его видѣть. Онъ долженъ мнѣ три фунтика по настоящую минуту. Это еще ясно значится въ моей книгѣ. Не угодно ли взглянуть: «апрѣля 10. 1815, за капитаномъ Осборномъ три фунтика». Интересно бы знать, расплатится ли со мной его отецъ.

И говоря это, старый Джонъ вынулъ изъ кармана записную книгу въ сафьянномъ переплетѣ, гдѣ на засаленной страницѣ, собственноручно записалъ онъ этотъ капитанскій долгъ, и гдѣ хранились многія памятные записочки, имѣвшія отношенія къ стариннымъ посѣтителямъ Пестраго Быка, уже давнымъ-давно истлѣвшимъ въ сырой землѣ.

Отведя такимъ-образомъ старинный номеръ своему старинному жильцу, Джонъ удалился на свое мѣсто съ рѣшительнымъ спокойствіемъ. Майоръ Добблнъ, позабавившись надъ своимъ, нѣсколько страннымъ положеніемъ послѣ форсированной почтовой ѣзды, поспѣшилъ вынуть изъ чемодана самый щегольской статскій костюмъ, какой только былъ въ его распоряженіи. Одѣвшись на скорую руку, онъ заглянулъ въ тусклое зеркало, стоявшее въ туалетѣ, и отъ души посмѣялся надъ своимъ тощимъ, исхудалымъ лицомъ и сѣдыми волосами.

— Это однакожь хорошо, что старикъ Джонъ не забылъ меня, подумалъ мистеръ Доббинъ, — надѣюсь, что и она узнаетъ меня.

И затѣмъ, выходя изъ гостиницы, онъ направилъ свои шаги на Аделаидины Виллы, въ Бромптонъ.

Подробности послѣдняго свиданія съ мистриссъ Эмми представились до мельчайшихъ подробностей его воображенію, когда онъ теперь снова, черезъ десять лѣтъ, шелъ въ ея домъ. Въ Пиккадилли замѣтилъ онъ новую арку и статую Ахиллеса, воздвигнутую въ его отсутствіе. Тысячи другихъ перемѣнъ совершились въ эти десять лѣтъ. Доббинъ затрепеталъ, когда вышелъ на Бромптонскій проспектъ, по которому такъ часто встарину онъ путешествовалъ въ жилище мистриссъ Эмми. Вотъ наконецъ и Виллы Аделаиды. Замужемъ она, или нѣтъ? Что если онъ встрѣтитъ ее съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, — великій Боже! что тогда станетъ

майоръ дѣлать?... Вотъ идетъ какая-то женщина съ малюткой лѣтъ пяти: не Амелія ли? При одной этой мысли, ноги мистера Доббина подкосились. Подойдя наконецъ къ домику, гдѣ жила мистриссъ Эмми, онъ ухватился за калитку и остановился перевести духъ. Въ эту минуту онъ могъ слышать бѣненіе своего собственнаго сердца.

— Что бы ни случилось, воскликнулъ онъ изъ глубины души, — да благословить ее всемогущій Богъ! но почему я знаю, что она живетъ здѣсь? быть-можетъ нѣтъ и слѣдовъ ея въ этомъ домѣ, проговорилъ онъ, отворивъ калитку.

Окно въ гостиной, гдѣ нѣкогда сидѣла мистриссъ Эмми, было открыто, но казалось, не было тамъ ни одной живой души. Впрочемъ Доббинъ хорошо разглядѣлъ знакомое ему фортепьяно, и надъ нимъ — тоже знакомую картину. Надъ дверью висѣла мѣдная дощечка съ именемъ хозяина дома, мистера Клеппа. Доббинъ взялся за дверную скобку, и постучался два раза.

Смазливая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, съ яркими глазами и пурпуровыми щеками, вышла на этотъ стукъ, и устремила на майора пытливый взоръ. Онъ былъ блѣденъ какъ привидѣніе и едва могъ пролепетать слова:

— Здѣсь ли живетъ мистриссъ Осборнъ?

Дѣвушка еще разъ обратила на него пристальный взглядъ, и поблѣднѣла въ свою очередь, какъ полотно.

— Ахъ Боже мой! вскричала она. Вы ли это, майоръ Доббинъ?

И она протянула ему обѣ руки.

— Помните ли вы меня, мистеръ Доббинъ? Я? бывало называла васъ сахарнымъ майоромъ.

Послѣ этого комплимента, майоръ Доббинъ заключилъ молодую дѣвушку въ свои объятія, и принялся целовать ее съ необыкновенною горячностью, позволяя себѣ такой поступокъ чуть-ли не первый разъ въ своей жизни. Молодая дѣвица засмѣялась и заплакала въ одно и то же время, и принялась кричать изо всей силы: «Папа! Мама!» Въ одну минуту весь домъ поднялся на ноги. Почтенные родители означенной дѣвицы, подбѣжавъ къ окну, съ изумленіемъ увидѣли, что дочь ихъ обнимается въ корридорѣ съ какимъ-то высокимъ джентльменомъ въ голубомъ фракѣ и бѣлыхъ лосиныхъ панталонахъ.

— Я старый вашъ знакомый, сказалъ майоръ Доббинъ, съ трудомъ оправляясь отъ своего замѣшательства, — развѣ вы не помните меня, мистриссъ Клеппъ? Вы еще, бывало, подавали къ чаю сладкіе пирожки. Не помните ли вы меня, мистеръ Клеппъ? Я крестный отецъ Джорджа... сейчасъ только изъ Индіи пріѣхалъ.

Послѣдовали привѣтствія, поклоны и великое пожатіе рукъ. Мистриссъ Клеппъ была приведена въ самое восторженное состояніе, но никакъ не могла сосчитать, сколько лѣтъ и зимъ не видала она дорогаго гостя.

Хозяинъ и хозяйка повели майора въ гостиную своихъ жильцовъ. Доббинъ отлично помнилъ свою гостиную

мѣбель, отъ старой мѣдной дощечки, украшавшей фортепьяно — замѣчательный музыкальный инструментъ работы Стотгарда — до ширмъ и алебастроваго миньятюрнаго камня, въ центрѣ котораго тиликали, бывало, золотые часики мистера Седли. И когда нашъ заморскій путешественникъ усьлся въ креслахъ передъ столомъ, мать, отецъ и дочь, перестрѣливаясь мелкою дробью краснорѣчиваго повѣствованія, увѣдомили майора Доббина о многихъ, извѣстныхъ читателю, событіяхъ, случившихся въ послѣднее время. Они рассказали съ удовлетворительною подробностію, какъ умерла старушка Седли, и какъ ее похоронили; какъ юный Джорджъ переселился на Россель-Скверъ, и приобрѣлъ благосклонность дѣдушки Осборна, какъ бѣдная вдова грустила и тосковала по разлукѣ съ сыномъ, и въ какомъ состояніи находится мистеръ Седли, Два или три раза майоръ собирался навести справку относительно вторичнаго вступленія въ бракъ мистриссъ Эмми, но языкъ его какъ-то невольно прилипалъ къ гортани. Ему и не хотѣлось быть совершенно откровеннымъ съ этими добрыми людьми. Наконецъ, было ему донесено, что мистриссъ Осборнъ пошла гулять съ своимъ отцомъ въ кенсингтонскіе сады. Они обыкновенно гуляютъ послѣ обѣда, если позволяетъ погода. Старикъ теперь очень слабъ, угрюмъ, и ведетъ вообще печальную жизнь. Единственное утѣшеніе и отраду находитъ онъ только въ своей дочери, и надобно сказать по совѣстя, что мистриссъ Осборнъ для него — настоящій ангель.

— Какъ это жаль, сказалъ майоръ, что у меня сегодня вечеромъ множество дѣлъ, нетерпящихъ отлагательства, и я принужденъ слишкомъ дорожить временемъ. Мнѣ бы, одна-кожъ, хотѣлось повидаться съ мистриссъ Осборнъ. Не можете ли вы, миссъ Мери, проводить меня въ кенсингтонскіе сады, или по крайней мѣрѣ, указать дорогу?

Это предложеніе пришлось какъ-нельзя лучше по вкусу обязательной миссъ Мери.

«Она знала дорогу, какъ свои пять пальцевъ. Очень рада проводить майора Доббина. Она часто сама ходила гулять съ мистеромъ Седли, когда мистриссъ Осборнъ отправлялась на Россель-Скверъ. Она знаетъ и скамейку, гдѣ обыкновенно любить сидѣть мистеръ Седли».

Миссъ Мери прошмыгнула въ свою комнату, и черезъ нѣсколько минутъ явилась опять въ гостиной, совсѣмъ готовая къ путешествію съ майоромъ. На ней была теперь чудесная шляпка и желтая шаль ея маменьки, со включеніемъ огромной брошки на груди. Всѣми этими украшеніями миссъ Мери позаимствовалась у своей матери съ тою единственною цѣлію, чтобы явиться достойною спутницею майора,

Мистеръ Доббинъ, щеголявшій въ голубомъ фракѣ, подалъ руку молодой дѣвушкѣ, и они весело отправились въ путь. Приготовляясь къ торжественному свиданью, майоръ былъ очень радъ, что идетъ не одинъ. Дорогой онъ продолжалъ спрашивать свою прекрасную спутницу о дальнѣйшихъ подробностяхъ относительно мистриссъ Эмми. Чув-

ствительное его сердце обливалась кровію при мысли, что Амелія принуждена была разстаться съ своимъ сыномъ. Какъ она перенесла эту разлуку? Часто ли она видитъ маленькаго Джорджа? Чѣмъ и какъ обезпечено состояніе мистера Седли? Не терпитъ ли онъ слишкомъ большихъ нуждъ? На всѣ эти вопросы миссъ Мери отвѣчала, какъ умѣла.

На половинѣ этой дороги повстрѣчалось событіе, весьма простое въ сущности, однакожь такое, которое доставило майору Доббину величайшую усладу. На Бромптонскомъ проспектѣ гулялъ блѣдный молодой человѣкъ степенной наружности, съ рѣденькими усами и въ туго-накрахмаленномъ галстухѣ, и гулялъ онъ съ двумя леди, ведя подъ руки и ту и другую. Одна изъ нихъ была высокая пожилая дама повелительнаго вида, похожая нѣсколько на своего кавалера; другая — смуглолицая, приземистая женщина весьма невзрачной наружности, украшенная превосходной новой шляпкой и золотыми часами, блиставшими на ея груди. Поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ этими спутницами джентльменъ, кромѣ того, несъ еще дамскій зонтикъ, шаль и корзинку, такъ-что обѣ руки его были совершенію спутаны, и разумѣется, не было ему физической возможности прикоснуться къ полямъ своей шляпы въ отвѣтъ на учтивое привѣтствіе миссъ Маріи Клеппъ. Это однакожь не мѣшало ему кивнуть слегка головой, когда миссъ Мери сдѣлала реверансъ. Дамы салютовали ее съ покровительственнымъ видомъ, и въ то же время, кавалеръ ихъ устремилъ чрезвычайно суровый и строгій

взглядъ на джентльмена въ голубомъ фракѣ и съ бамбуковой тростью, который былъ спутникомъ миссъ Мери Клеппъ.

— Что это за человѣкъ? спросилъ майоръ, когда группа удалилась отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе.

Въ глазахъ миссъ Мери заискрилось довольно лукавое выраженіе.

— Это нашъ приходскій викарій, достопочтенный мистеръ Бинни (майоръ Доббинъ вздрогнулъ) и сестрица его, миссъ Бинни. О, еслибъ вы знали, какъ она надоѣдаетъ своимъ бѣднымъ ученицамъ въ приходской школѣ! А другая маленькая леди съ бѣльмомъ на глазу и хорошенькими часами на груди — сама мистриссъ Бинни, урожденная миссъ Гритсъ. Отецъ ея — мелкій торговецъ, и у него между-прочимъ есть лавочка въ Кенсингтонѣ, гдѣ онъ торгуетъ чайниками своего собственнаго изобрѣтенія. Хорошіе чайники. Мистеръ Бинни и миссъ Гритсъ обвѣнчались мѣсяць назадъ, и теперь они кажется возвращаются изъ Маргета. Она принесла въ приданое пять тысячъ фунтовъ, и бракъ этотъ устроила миссъ Бинни. Впрочемъ она кажется уже поссорилась съ своей невѣсткой.

Майоръ Доббинъ затрепеталъ теперь всѣми членами, и ударилъ своею бамбуковою тростью по землѣ съ такимъ эффектомъ, что спутница его вскрикнула «ахъ!» и захохотала. Съ минуту простоялъ онъ молча съ открытымъ ртомъ, глазѣя на удаляющуюся молодую чету, между-тѣмъ, какъ миссъ Мери рассказывала свою исторію. Но Доббинъ уже ни-

чего не хотѣлъ слышать, послѣ извѣстія о супружескихъ узѣхъ достопочтеннаго джентльмена. Голова его закружилась отъ напора восторженныхъ идей. Послѣ этой встрѣчи, онъ пошелъ вдвое скорѣе къ мѣсту своего назначенія, и черезъ нѣсколько минутъ они были у воротъ кенсингтонскихъ садовъ.

— Вотъ они! вотъ они! вскричала миссъ Мери, и почувствовала въ ту же минуту, что рука ея спутника сильно задрожала.

Здѣсь мы должны замѣтить, что миссъ Мери, вѣрнѣйшій и постоянный другъ Амеліи, знала всѣ ея тайны. Исторія сношеній ея съ майоромъ была ей столько же извѣстна, какъ интересные эпизоды въ любимыхъ ею повѣстяхъ и романахъ, каковы напримѣру. «Сиротка Фанни», или. «Шотландскіе вожди»,

— Вамъ бы, я полагаю, не мѣшало забѣжать впередъ, и предупредить ихъ о моемъ визитѣ, сказалъ майоръ.

Миссъ Мери бросилась со всѣхъ ногъ, и желтая шаль ея заколыхалась отъ дуновенія вѣтра.

Старикъ Седли сидѣлъ на скамѣ, придерживая между колѣнами носовой платокъ. Онъ рассказывалъ чуть-ли не въ сотый разъ какую-то диковинную повѣсть о старыхъ временахъ. Амелія слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, исподоволь бросая на отца одобрительную и ласковую улыбку. Можно, впрочемъ съ достовѣрностію полагать, что она размышляла о своихъ собственныхъ дѣлахъ, и старинная по-

въсть едва-ли производила какое-нибудь впечатлѣніе на ея душу. Завидѣвъ издали бѣгушую миссъ Мери, Амелія съ испугомъ отпрянула отъ своего мѣста. не случилось ли чего-нибудь съ Джорджинькой, подумала она, но веселое лицо и нетерпѣливыя движенія молодой дѣвушки мгновенно разсѣяли этотъ страхъ изъ робкой материнской груди.

— Новости вамъ, новости! закричала посланница майора Доббина. — Онъ пріѣхаль, пріѣхаль!

— Кто пріѣхаль? спросила Эмми, все еще продолжая думать о своемъ сынѣ.

— Посмотрите сюда! отвѣчала миссъ Клеппъ, оборачиваясь назадъ.

Мистриссъ Осборнъ устремила слеза по указанному направленію, и увидѣла тощую фигуру и длинную тѣнь майора. Въ одно мгновеніе лицо ея покрылось розовой краской, и затрепетавъ въ свою очередь всѣми членами, она принялась плакать, горько плакать. Мы уже имѣли случай докладывать внимательному читателю, что это простодушное созданіе совершенно одинаковымъ способомъ выражало и радость свою и горе.

Мы не беремся описывать, съ какою нѣжностію и любовью взглянулъ на нее мистеръ Добоимъ, когда она подбѣжала къ нему съ распростертыми руками. Амелія не перемѣнилась. Станъ ея немножко округлился, и щеки ея немножко поблѣднѣли: вотъ и всѣ видоизмѣненія, совершившіяся въ ея фигурѣ въ продолженіе десяти лѣтъ. Глаза ея блистали

такую же неизмѣнною вѣрностію и добротой, какъ въ бывалое время. Въ каштановыхъ волосахъ ея едва можно было замѣтить двѣ, три линіи серебристаго цвѣта. Она подала ему свои обѣ руки, и улыбаясь смотрѣла сквозь слезы на его добродушное и честное лицо. Доббинъ взялъ эти миньятюрныя ручки, и съ минуту оставался безмолвнымъ. Зачѣмъ онъ не заключилъ ее въ свои объятія, и зачѣмъ не поклялся, что онъ уже не разстанется съ нею до могилы? Амелія была бы не въ силахъ оказать ему сопротивленія, и подчинилась бы безпрекословно его волѣ.

— Скоро вы увидите еще другую особу, воротившуюся также изъ Индіи, сказалъ майоръ послѣ кратковременной паузы.

— Какую? мистриссъ Доббинъ? спросила Амелія, дѣлая невольное движеніе имадъ. «Зачѣмъ же онъ не сказалъ этого прежде?» подумала она.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Доббинъ, опуская ея руки. — Кто сообщилъ вамъ эту ложную вѣсть? Я хотѣлъ сказать, что на одномъ со мною кораблѣ прибылъ братъ вашъ, Джозефъ Седли, и прибылъ затѣмъ, чтобъ осчастливить своихъ добрыхъ родственниковъ.

— Папепька, папенька! вскричала мистриссъ Эмвіи;— радостная новость для васъ! Братъ мой въ Англіи. Онъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ осчастливить васъ. Вотъ майоръ Доббинъ.

Мистеръ Седли, перекачиваясь съ боку на бокъ, поднял-

ся на ноги, и старался собраться съ мыслями. Затѣмъ, выступая впередъ, онъ сдѣлалъ майору старомодный поклонъ, назвалъ его господиномъ Доббиномъ, и выразилъ лестную увѣренность, что почтенный его родитель, сэръ Вилльямъ, здоровъ слава Богу.

— А я вотъ все собираюсь навѣстить сэра Вилльяма, продолжалъ мистеръ Седли, — господинъ альдерменъ недавно удостоилъ меня своимъ визитомъ.

Мистеръ Седли разумѣлъ визитъ, сдѣланный ему лѣтъ за восемь предъ этимъ.

— Папенька очень слабъ и разстроень, шепнула Эмми, когда Доббинъ подошелъ къ старику, и радушно пожалъ ему руку.

Хотя у майора были въ этотъ вечеръ дѣла, нетерпѣвшія никакого отлагательства, однакожь онъ весьма охотно согласился на предложеніе мистера Седли откушать у него чаю. Амелія взяла подъ руку свою молодую подругу съ желтой шалью, и пошла съ нею впереди этого маленькаго общества на возвратномъ пути домой. Старикъ Седли достался во владѣніе майора. Онъ шелъ весьма медленно, едва переступая съ ноги на ногу, и рассказывалъ дорогой старинныя исторіи о себѣ самомъ, о бѣдной мистриссъ Бесси, покойной своей супругѣ, о своемъ первоначальномъ процвѣтаніи и постепенномъ упадкѣ. Его мысли, какъ обыкновенно водится съ старыми людьми, принадлежали исключительно временамъ давно минувшимъ. Впрочемъ онъ плохо зналъ прошед-

шія событія, за исключеніемъ одной только катастрофы, постоянно тяготѣвшей надъ его головой. Майоръ былъ очень радъ, что спутникъ его говорилъ безъ умолку. Глаза его были неподвижно устремлены на фигуру, рисовавшуюся впереди — прелестную, очаровательную фигуру; о которой привыкъ мечтать онъ съ давнихъ лѣтъ, и во снѣ и на яву.

Весь этотъ вечеръ Амелія была очень дѣятельна и очень счастлива. Она исполняла свои маленькія хозяйственныя обязанности съ необыкновенной граціей, какъ думалъ мистеръ Доббинъ, неспускавшій съ нея глазъ, когда они сидѣли въ сумерки за чайнымъ столомъ. О, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался онъ этой минуты, мечтая денно и ночью о всеильной владычицѣ своего сердца подъ вліяніемъ жгучихъ лучей индійскаго солнца! Оказалось теперь, что идеаль, имъ составленный, вполне соотвѣтствовалъ счастливой дѣятельности. Я вовсе не хочу сказать, что этотъ идеаль черезъ-чуръ высокъ, и мнѣ даже кажется, что истинный геній не способенъ чувствовать особеннаго наслажденія при взглядѣ на смачные бутерброды, хотя бы они были приготовлены рукою мистриссъ Эмми, но таковъ именно былъ вкусъ почтеннаго моего друга, и уже давнымъ-давно доказано, что о вкусахъ спорить не должно. Въ присутствіи Амеліи, мистеръ Доббинъ былъ счастливъ до такой степени, что готовъ былъ, какъ новый докторъ Джонсонъ, выпить въ одинъ вечеръ около дюжины чашекъ чаю.

Замѣтивъ эту наклонность въ своемъ заморскомъ другѣ,

Амелія съ лукавой улыбкой наливала ему чашку за чашкой. Въ миньятюрную ея головку никакъ не западала мысль, что майоръ Доббинъ не вкушалъ еще ни хлѣба, ни вина во весь этотъ день. Въ гостиницѣ Пестраго Быка приготовили для него обѣдъ, и столъ накрытъ былъ въ той самой комнатѣ, гдѣ нѣкогда майоръ и мистеръ Джорджъ разсуждали о разныхъ розностяхъ, между-тѣмъ какъ малютка Эмми поучалась уму-разуму въ благородной для дѣвицъ Академіи миссъ Пинкертонъ на Чизвиккскомъ проспектѣ.

Первою вещицей, которую мистриссъ Эмми показала своему дорогому гостю, былъ миньятюрный портретъ малннькаго Джорджа. Она сбѣгала за нимъ въ свою комнату, тотчасъ же по прибытіи домой. Портретъ былъ, конечно, далеко не такъ хорошъ какъ оригиналъ, но какъ это великодушно и благородно со стороны мальчика, что онъ вздумалъ предложить своей матери этотъ истинно-драгодѣнный подарокъ! Впрочемъ Амелія не слишкомъ много распространялась о своемъ Джорджинькѣ, когда отецъ ея сидѣлъ въ креслахъ съ открытыми глазами. Старикъ вообще не любилъ слушать о Россель-Скверскихъ дѣлахъ, и особенно объ этомъ гордецѣ, мистерѣ Осборнѣ; онъ не зналъ, по всей вѣроятности, и не подозрѣвалъ, что уже нѣсколько мѣсяцевъ существуетъ щедротами этого гордеца. Догадка въ этомъ родѣ могла бы окончательно разрушить его старческій покой.

Доббинъ разсказалъ ему все, даже нѣсколько болѣе того, что на самомъ дѣлѣ происходило на кораблѣ «Рамчондеръ»;

онъ возвысиль до необъятной величины филантропическія расположенія Джоя, и великодушную его готовность усладить послѣдніе дни старика-отца. Дѣло въ строгомъ смыслѣ, происходило такимъ-образомъ, что майоръ, въ продолженіе своего путешествія, всячески старался внушить своему товарищу чувство родственнаго долга, и вынудилъ наконецъ у него обѣщаніе взять подъ свое покровительство сестру съ ея сыномъ. Джой былъ очень недоволенъ послѣдними распоряженіями стараго джентльмена, и особенно денежными счетами, которые мистеръ Седли вздумалъ отправить въ Индію на его имя, но майоръ искусно умѣлъ обратить все это въ смѣшную сторону, рассказавъ о собственныхъ своихъ убыткахъ по этому предмету, когда старый джентльмень угостилъ его цѣлыми бочками негоднаго вина. Такимъ-образомъ мистеръ Джой, джентльмень вовсе не злой по своей природѣ, быть мало-по-малу доведенъ до великодушнаго расположенія къ своей европейской роднѣ.

Давая полный разгулъ своему воображенію, лицемѣрный другъ нашъ представилъ эту исторію въ такомъ свѣтѣ, что будто мистеръ Джой собственно и воротился въ Европу, чтобы облаженствовать своего престарѣлаго отца.

Въ урочный часъ мистеръ Седли началъ, по обыкновенію, дремать въ своихъ креслахъ, и Амелія воспользовалась этимъ случаемъ для начатія бесѣды, имѣвшей исключительное отношеніе къ Джорджу. Она даже не заикнулась о своихъ собственныхъ страданіяхъ, испытанныхъ ею въ послѣднее

время; достойная женщина бѣй почти убита разлукою съ сыномъ, но тѣмъ не менѣе, она считала, безсовѣстнымъ и даже преступнымъ жаловаться на свою судьбу. О нравственныхъ свойствахъ Джорджиньки, о его умственныхъ и эстетическихъ талантахъ, и блистательной перспективѣ, ожидавшей его впереди на широкомъ поприщѣ жизни, мистриссъ Эмми распространилась съ величайшею подробностію. Въ сильныхъ и чрезвычайно живописныхъ выраженіяхъ она описала его чудную, неземную красоту, и представила сотню примѣровъ въ подтвержденіе необыкновенной возвышенности его духа. Оказалось, что на него заглядывались даже нѣкоторыя особы изъ фамиліи милорда Бумбумбума, когда мистриссъ Эмми гуляла съ нимъ въ кенсингтонскихъ садахъ. Она изобразила живѣйшими красками, какимъ джентльменомъ онъ сдѣлался въ настоящую эпоху, какой у него грумъ, и какая чудесная лошадка. Учитель Джорджиньки, достопочтенный Лоренсъ Виль, представленъ былъ ею образцомъ изящнаго вкуса, идеаломъ всѣхъ ученыхъ мужей.

— Все знаетъ онъ, говорила мистриссъ Эмми, — и нѣтъ для него тайнъ въ искусствахъ и наукахъ. Какое у него общество, какіе вечера! Вы сами человѣкъ образованный: многому учились, многое читали, вы такъ умны, Вилльямъ, такъ проникательны — не запирайтесь: *покойникъ* всегда отзывался о васъ съ самой лестной стороны — вы, говорю я, непременно придете въ восторгъ отъ вечеровъ мистера Виля, профессора моего Джорджиньки. У него собираются въ послѣд-

ній вечеръ cadaго мѣсяца. Онъ говоритъ, что Джорджинька можетъ добиваться какого угодно мѣста въ Парламентѣ, или въ университетѣ по ученой части. Вы не можете представить, какъ онъ уменъ. Да вотъ не хотите ли удостовѣриться собственными глазами.

И подойдя къ фортепьяно, она вынула изъ ящика тетрадку, гдѣ хранилось собственноручное сочиненіе Джорджа. Сей великій памятникъ генія находится еще до сихъ поръ въ распоряженіи мистриссъ Эмми. Вотъ онъ:

О самолюбіи. — Изъ всѣхъ возможныхъ пороковъ, унижающихъ характеръ человѣка, самолюбіе есть порокъ самый ненавистный, чудовищный, и достойный презрѣнія. Непозволительная любовь къ самому себѣ, или лучше, къ своему я, неизбѣжно ведетъ къ самымъ ужаснымъ, страшнымъ преступленіямъ, и причиняетъ величайшія несчастія какъ цѣлымъ обществамъ, такъ и фамиліямъ отдѣльно взятымъ. Такъ мы видимъ, что самолюбивый мужъ вовлекаетъ въ нищету свое семейство, и нерѣдко причиняетъ оному гибель. Такъ случается равномѣрно, что и глава цѣлаго общества наноситъ оному обществу ужасный вредъ, если не обуздываетъ, силою воли, порывовъ своего самолюбія.

Примѣръ. — Самолюбіе Ахиллеса, какъ справедливо замѣтилъ поэтъ Гомеръ, причинило Грекамъ тысячи несчастій (См. Hom. Iliad. Lib. 1. v. 2). Такъ, и въ наше время, самолюбіе покойнаго Наполеона Бонапарта причинило Европейцамъ безчисленныя бѣдствія. Да и что выигралъ самъ онъ, сей новый

Ахиллесь нашего времени? Гибель, всеконечную гибель: его изгнали изъ Европы и заточили на пустынномъ островѣ среди Атлантическаго Океана, на островѣ Св. Елены.

Изъ всѣхъ сихъ примѣровъ легко можетъ убѣдиться всякій, что намъ никакъ не должно слѣдовать обманчивымъ внушеніямъ своекорыстныхъ и честолюбивыхъ разсчетовъ. Напротивъ-того, мы всѣми мѣрами должны стараться, при своемъ образѣ дѣйствія, сообразоваться съ интересами и разсчетами своихъ ближнихъ.

Джорджъ Седли Осборнъ.

Сочинено въ домѣ Минервы, 24 апрѣля, 1827.

— Какъ вамъ это покажется? Въ его лѣта приводитъ примѣры изъ греческихъ писателей на ихъ собственномъ языкѣ! продолжала восторженная мать. О, Вилльямъ, прибавила она, протягивая свою руку майору, — какое сокровище Провидѣніе ниспослало мнѣ въ этомъ малюткѣ! Онъ единственное утѣшеніе моей жизни, онъ... онъ — истинный образъ и подобіе своего отца!

«Сердиться ли мнѣ, что она по сю пору такъ вѣрна ему? думалъ Вилльямъ. Ревновать ли мнѣ ее къ своему другу, истлѣвшему въ могилѣ? Могу ли я сѣтовать, что Амелія способна полюбить только однажды и навсегда? О, Джорджъ, Джорджъ, какъ мало ты умѣлъ цѣнить сокровище, бывшее въ твоихъ рукахъ!»

Эта мысль быстро промелькнула въ головѣ Вилльяма, ко-

гда онъ держаль руку Амеліи, приставившей платокъ къ своимъ глазамъ.

— Другъ мой, говорила она, — вы всегда были такъ предупредительны, такъ добры ко мнѣ!.. Тсс! Папа кажется проснулся, — извѣстите завтра Джорджиньку, общайте мнѣ это.

— Навѣщу, только не завтра, сказалъ бѣдный майоръ Доббинъ. Дайте напередъ поуправиться мнѣ съ своими дѣлами.

Онъ не считалъ нужнымъ признаться, что еще не видѣлся съ своими родителями и сестрицей Анной; всякой благонамѣренный читатель, нѣтъ сомнѣнія, побранить за это опущеніе почтеннаго моего друга. Скоро онъ простился съ мистриссъ Эмми и ея отцомъ, оставивъ имъ, на всякой случай, городской адресъ Джоя.

Такъ прошелъ первый день по прибытіи майора Доббина въ британскую столицу.

Когда онъ воротился въ гостинницу Пестраго Быка, жареная курица, приготовленная къ обѣду, совсѣмъ простыла, и въ этомъ охлажденномъ состояніи мистеръ Доббинъ скушалъ ее за ужиномъ. Зная очень хорошо, что члены родной его семьи ложатся спать очень рано, майоръ разсчиталъ, что было бы весьма неблагоразумно беспокоить ихъ своимъ визитомъ въ такую позднюю пору, и на этомъ основаніи онъ отправился провести вечеръ въ партеръ Геймаркетскаго театра, гдѣ, думать надобно, было ему очень весело.

Глава LVIII

Старое фортепьяно

Визитъ майора погрузилъ престарѣлаго Джона Седли въ бездну раздумья и душевныѣ волненій. Во весь этотъ вечеръ Амелія уже никакъ не могла обратить своего отца къ его обыкновеннымъ занятіямъ и развлеченіямъ. Лишь-только неожиданный гость вышелъ со двора, мистеръ Седли принялся копаться въ своихъ ящикахъ и конторкахъ, перерылъ ихъ и перевязалъ бумаги дрожащими руками, сортируя все, какъ слѣдуетъ, по статьямъ, которыя надлежало представлять вниманію Джозефа, какъ-скоро нога его переступить черезъ порогъ родительскаго дома. Все приведено было въ стройный, систематическій порядокъ, и ниточки, и тесѣмки, и покромки, и векселя, и росписки, и письма, полученные въ разное время, отъ юристовъ и корреспондентовъ по коммерческимъ дѣламъ. При одномъ взглядѣ на эти документы можно было видѣть, напримѣръ, какой правильный ходъ, съ самаго начала, приняла торговля винами, неудавшаяся потомъ вслѣдствіе какихъ-то непостижимыхъ обстоятельствъ, которыхъ при всей прозорливости, нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить. Проектъ относительно торговли каменнымъ углемъ былъ также составленъ превосходно, и будь на тотъ разъ необходимый капиталъ у мистера Седли, нѣтъ со-

мнѣнія, онъ ворочаль бы милльонами на британской биржѣ. Патентованныя пильныя мельницы, знаменитый проектъ относительно удобосгараемости опилокъ, равно какъ другіе, болѣе или менѣ замѣчательные проекты и планы, были еще разъ пересмотрѣны и приведены въ очевиднѣйшую извѣстность. Было уже далеко за полночь, когда мистеръ Седли окончательно обозрѣлъ всѣ эти документы, и пересталъ ходить, дрожащею стопой, изъ одной комнаты въ другую. При чемъ нагорѣлая свѣча трепетала и тряслась въ его слабой рукѣ.

— Насилу-то управился, сказалъ наконецъ мистеръ Седли, въ назиданіе своей дочери, слѣдившей за всѣми движеніями старца, — вотъ это бумаги по виннымъ погребамъ, а вотъ опилочные документы, угольные, селитряные. Вотъ мои письма въ Калькутту и Мадрасъ, и отвѣты изъ Индіи майора Доббина, кавалера Бани, а вотъ и письмо Джозефа. Надѣюсь, другъ мой Эмми, заключилъ старый джентльменъ, — что сынъ мой не найдетъ никакой неправильности во всѣхъ этихъ дѣлахъ.

Эмми улыбнулась.

— Едва-ли, папа, Джой станетъ смотрѣть на эти бумаги, сказала она, — я не думаю,

— Ты, мой другъ, не знаешь этихъ вещей, возразилъ старецъ, многозначительно кивая головой.

Дѣйствительно, мистриссъ Эмми не отличалась тутъ особенными свѣдѣніями, но и слишкомъ свѣдуція особы, какъ намъ кажется, заслуживаютъ иногда большаго сожалѣнія.

Всѣ эти грошовые документы, разложенные на столѣ, старикъ тщательно прикрылъ чистымъ шелковымъ платкомъ, полученнымъ изъ Индіи въ подарокъ отъ майора Доббина, и отдалъ торжественное приказаніе домовой хозяйкѣ и ея служанкѣ, чтобы онѣ ни подѣ какимъ видомъ не осмѣливались трогать этихъ бумагъ, имѣющихъ быть представленными на разсмотрѣніе «господину Джорджу Седли, высокородному сановнику ост-индской Компаніи, воротившемуся изъ Калькутты въ Лондонъ». Этотъ инспекторскій смотръ долженъ, по всѣмъ разсчетамъ, начаться завтра по-утру.

И на другой день по-утру Амелія нашла своего отца еще болѣе недужнымъ, печальнымъ и разстроеннымъ, нежели какимъ былъ онъ въ послѣднее время.

— Мнѣ что-то дурно спалось въ эту ночь, другъ мой Эмми, сказалъ онъ, я думалъ о бѣдной моей Бесси. Какъ бы теперь хорошо было ѣздить ей въ каретѣ Джоя, если бы она была жива! Были времена, когда мистриссъ Седли держала свои собственный экипажъ.

И глаза его наполнились слезами, заструившимися по его старческому, морщинистому лицу. Амелія отерла ихъ своимъ платкомъ, съ улыбкой поцаловала старика, сдѣлала щегольской узелъ на его галстухѣ, и украсила его грудь превосходною булавкой. Затѣмъ мистеръ Седли надѣлъ великолѣпныя манжеты, праздничный фракъ, и принялся въ этомъ нарядѣ ожидать своего сына съ шести часовъ утра.

На главной Соутамптонской улицѣ есть блистательные магазины съ готовымъ платьемъ, откуда черезъ прозрачныя стекла проглядываютъ днемъ и ночью пышные жилеты всѣхъ сортовъ, шелковые и бархатные, бланжевые и малиновые, сизые и голубые. Тутъ же разставлены въ симметрическомъ порядкѣ послѣднія модныя картинки съ изображеніемъ чудныхъ джентльменовъ, плутовски-лорнирующихъ окружающіе предметы; чудныхъ мальчиковъ съ огромными бычьими глазами и курчавыми волосами; чудно-безобразныхъ леди въ амазонскомъ платьѣ, галопирующихъ въ Пиккадилли подлѣ вновь сооруженной статуи Ахиллеса. Мистеръ Джой, какъ любознательный путешественникъ, обратилъ ученое вниманіе на всѣ эти произведенія изящнаго искусства, и хотя калькуттскіе художники снабдили его разнообразными и богатѣйшими статьями мужскаго туалета, однакожь, при въѣздѣ въ британскую столицу, онъ считалъ теперь неизбѣжно-необходимымъ заpastись и украсить свою особу наилучшими произведеніями европейской иголки. На этомъ основаніи, сановникъ Индіи пріобрѣлъ для себя превосходные жилеты: малиновый атласный, испещренный золотистыми бабочками, черный бархатный съ волнистымъ воротникомъ и красный тортановый съ бѣлыми полосками. Прибавивъ къ этому сокровищу богатѣйшій голубой атласный галстухъ съ

золотой булавкой огромнаго размѣра, мистеръ Седли, самодовольный и счастливый, разсчиталъ весьма основательно, что онъ можетъ теперь, съ нѣкоторымъ достоинствомъ, вѣхаться въ столицу Трехъ Соединенныхъ Королевствъ. Въ послѣдніе десять лѣтъ характеръ Джоя нѣсколько перемѣнился. Прежняя застѣнчивость и дѣвственная робость, вызывавшая краску на его лицо, уступили теперь мѣсто болѣе прочному и мужественному сознанію своихъ собственныхъ достоинствъ.

— Признаюсь откровенно, господа, говаривалъ ватерлооскій Седли своимъ калькуттскимъ друзьямъ, люблю опрятность въ своемъ костюмѣ, и даже допускаю необходимость щегольства, потому-что хорошее платье служить нѣкоторымъ-образомъ вывѣскою душевныхъ свойствъ.

Присутствіе дамъ нѣкоторымъ-образомъ смущало его на губернаторскихъ балахъ въ Калькуттѣ: онъ краснѣлъ и даже съ безпокойствомъ отвращалъ отъ нихъ свои взоры; но все это происходило по большей части изъ опасенія, чтобъ какая-нибудь леди не вздумала въ него влюбиться. Джой разсказывалъ всѣмъ и каждому, что онъ чувствуетъ рѣшительное отвращеніе отъ женитьбы. Не было однакожь во всей Бенгаліи такого франта, какъ ватерлооскій Седли, онъ давалъ холостякамъ роскошныя обѣды, и столовый его приборъ изъ массивнаго серебра, считался лучшимъ въ остиндской столицѣ.

На выборъ приличнаго ассортимента галстуховъ и жиле-

товъ употреблень былъ почти цѣлый день, за исключеніе утра, посвященнаго наниманію европейскаго слуги, который, вмѣстѣ съ туземцемъ, долженъ былъ ухаживать за особой мистера Седли. Другой день былъ собственно посвященъ выгрузкѣ изъ корабля вещей этого сановника, и Джой, отдавая порученіе агенту, смотрѣлъ и наблюдалъ собственными глазами, какъ приводили въ порядокъ его сундуки, ящики, книги, которыхъ никогда онъ не читалъ, и богатѣйшій ассортиментъ кашмировыхъ шалей, назначенныхъ въ подарокъ особамъ, которыхъ никогда онъ не видалъ.

Наконецъ, уже на третій день, мистеръ Джозефъ Седли, въ новомъ жилетѣ и новомъ галстухѣ европейскаго издѣлія, рѣшился двинуться съ мѣста для совершенія окончательнаго пути въ столицу. Чувствительный къ холоду туземецъ, постукивая зубами, закутался шалью, и помѣстился на козлахъ подлѣ новаго европейскаго слуги. Джой закурилъ трубку и сѣлъ въ коляску. Поѣздъ былъ вообще великолѣпный, такъ-что мальчишки повсюду встрѣчали его дружнымъ «ура», и многіе воображали, что знаменитый путешественникъ долженъ быть по крайней мѣрѣ генераль-губернаторъ.

Это ужъ само-собою разумѣется, что мистеръ Седли повсюду склонялся снисходительно на просьбы содержателей гостинницъ, приглашавшихъ его выйти изъ экипажа и освѣжиться за ихъ гостепріимнымъ столомъ. Еще въ Соутамптонѣ онъ скушалъ нѣсколько яичекъ въ-смятку и три или четыре форели подъ жирнымъ соусомъ, такъ-что оказалась

настоятельная необходимость залить эти яства стаканчикомъ хорошаго хереса, и эту обязанность путешественникъ выполнилъ въ Винчестерѣ, гдѣ экипажъ остановился для первой смѣны лошадей. Въ Альтонѣ мистеръ Седли вышелъ изъ коляски по предложенію европейскаго слуги, напомнившаго, что въ этомъ мѣстечкѣ готовятъ отличный портеръ. Въ Фарнгеймѣ, послѣ обозрѣнія епископскаго замка, онъ остановился собственно затѣмъ, чтобы перекусить что-нибудь. Здѣсь приготовили для него легкій обѣдъ, и мистеръ Седли кушалъ съ большимъ аппетитомъ маринованные угри, телячьи котлетки и французскіе бобы, послѣ которыхъ понадобилась бутылка кларета. На слѣдующей станціи, въ Багшотъ-Гитѣ, онъ подкрѣпилъ себя стаканомъ горячаго пунша единственно потому, что индійскій его лакей, прозябшій въ дорогѣ, выпросилъ позволеніе погрѣться въ трактирѣ этого мѣстечка. Словомъ путешествіе совершалось очень весело, и къ концу его мистеръ Седли, нагруженный портеромъ, виномъ котлетками, ростбифомъ, ветчиной, вишневкой и табакомъ, представлялъ изъ себя истянное подобіе маленькаго буфета на пароходѣ. Былъ уже поздній вечеръ, когда коляска его съ громомъ подкатилась къ маленькому подъѣзду на Аделаидиныхъ Виллахъ. Руководимый чувствомъ сыновней любви, мистеръ Седли прямо въѣхалъ въ домъ своего отца, не заглянувъ даже въ гостиницу Пестраго Быка, гдѣ Доббинъ приготовилъ для него великолѣпную квартиру.

Изъ всѣхъ оконъ на Аделаидиныхъ Виллахъ выставилась

разнообразная коллекція лицъ, мужскихъ и женскихъ, и все мгновенно переполошилось въ квартирѣ старика Седли. Маленькая служанка выбѣжала къ воротамъ; мистриссъ Клеппъ и миссъ Мери взапуски бросились изъ кухни къ открытому окну; мистриссъ Эмми, задыхаясь отъ внутренняго волненія, остановилась въ корридорѣ между шляпами, сюртуками и шинелями; старикъ Седли, неподвижный и степенный, остался въ гостиной на своемъ мѣстѣ и трепеталъ всѣмъ тѣломъ при мысли о торжественномъ свиданіи. Джой опустился на подножки и вышелъ изъ экипажа въ ужасномъ состояніи. Его поддерживали новый соутамптонскій лакей и несчастный туземецъ, дрожавшій отъ стужи, какъ въ лихорадкѣ, такъ-что бурное лицо его побагровѣло, и сдѣлалось по цвѣту нѣсколько похожимъ на зобъ индѣйки. Проводивъ своего господина, горемычный Лолль Джуабъ усьлся въ корридорѣ на скамьѣ, и скоро здѣсь нашли его мистриссъ и миссъ Клеппъ въ самомъ жалкомъ положеніи: посинѣлый туземецъ страшно моргалъ своими желтыми глазами, и отчаянно стучалъ бѣлыми зубами.

Хозяйка и дочь ея, озадаченныя видѣніемъ страшнаго туземца, прибѣжали въ корридоръ съ единственною цѣлью подслушать, что происходило въ затворенной гостиной, гдѣ соединились теперь всѣ остававшіеся въ живыхъ члены семейства Седли. Старикъ былъ очень растроганъ, дочь его тоже, и самъ Джой, думать надобно, былъ тоже подъ вліяніемъ сильнѣйшихъ ощущеній. Десятилѣтняя разлука способ-

на произвести могущественное впечатлѣніе даже на законѣлаго эгоиста, и не разъ, въ этотъ промежутокъ времени, онъ подумаетъ о кровныхъ связяхъ и родительскомъ домѣ. Дальность разстоянія освящаетъ и то, и другое. Продолжительное размышленіе объ утраченныхъ удовольствіяхъ, испытанныхъ на родинѣ, обыкновенно увеличиваетъ ихъ очарованіе и прелесть. Джой былъ искренно радъ видѣть своего отца, и съ неподдѣльнымъ восторгомъ обнялъ свою сестру, которую, передъ отъѣздомъ на чужбину, оставилъ въ цвѣтѣ молодости и красоты. Но перемѣна, произведенная въ недужномъ старцѣ временемъ, печалью и несчастными обстоятельствами, огорчила Джоя. Эмми была въ траурѣ. Объясняя причину этого явленія своему брату, она шопотомъ извѣстила его о смерти матери, и намекнула, чтобы онъ не заводилъ объ этомъ рѣчи въ настоящую минуту. Тщетная предосторожность! Старикъ Седли самъ немедленно началъ этотъ печальный разговоръ, и повѣствуя о подробностяхъ, сопровождавшихъ кончину его супруги, расплакался какъ дитя. Это въ высшей степени растрогало индійскаго набоба, и тутъ, едва ли не первый разъ въ жизни, увидѣлъ мистеръ Джой, что онъ далеко не отличается тою гранитною твердостью духа, какимъ воображалъ въ себѣ до настоящей минуты.

Результатъ свиданія былъ вѣроятно удовлетворителенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Когда Джой снова сѣлъ въ коляску, и отправился къ гостинницѣ Пестраго Быка, Эмми обняла отца

съ необыкновенною нѣжностью, и бросая на него торжествующій взглядъ, спросила:

— Не правда ли, папа, я всегда вамъ говорила, что у Джоя чувствительное сердце?

— Правда, дочь моя, правда, отвѣчалъ утѣшенный старикъ.

Въ самомъ дѣдѣ, Джозефъ Седли приведенъ былъ въ трогательное умиленіе бѣдственнымъ положеніемъ своихъ родныхъ и, слѣдуя первому побужденію своего сердца, объявилъ, что съ этой поры отецъ его и сестра не будутъ болѣе терпѣть никакихъ житейскихъ неудобствъ. Онъ пріѣхалъ въ Англію надолго, быть-можетъ даже, навсегда. Его домъ и всѣ предметы домашняго хозяйства будутъ въ ихъ полномъ распоряженіи. Амелія займетъ первое мѣсто за столомъ, и мистеръ Джой надѣялся, что она будетъ у него превосходною хозяйкой, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, пока не прійдетъ ей въ голову желаніе обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ.

Эмми грустно покачала головой и, какъ водится, миньютюрное ея личико оросилось крупными слезами. Она знала на что собственно хотѣлъ намекнуть любезный ея братецъ. Она и молодая ея подруга, миссъ Мери, долго и подробно разсуждали объ этой матеріи ночью послѣ перваго майорскаго визита. Сообщая плоды своихъ собственныхъ наблюденій и открытій, миссъ Мери описала обстоятельно, какъ майоръ невольно обнаружилъ свои чувства послѣ встрѣчи съ достопочтеннымъ Бинни, и какъ былъ онъ радъ, когда узналъ, что

ему нечего бояться соперниковъ.

— И развѣ сами вы не замѣтили, какъ онъ весь затрепеталъ, когда вы спросили, не женатъ ли онъ? Припомните, съ какими негодованиемъ былъ произнесенъ его отвѣтъ: «кто сообщилъ вамъ эту ложную вѣсть?» И вѣдь дѣло въ томъ, сударыня, что онъ ни на минуту не отрывалъ отъ васъ своихъ глазъ. Я даже увѣрена, что онъ и посѣдѣлъ-то отъ любви къ вамъ.

Амелія взглянула на свою постель, на драгоценные портреты, висѣвшіе надъ ней, и сказала своей молодой подругѣ, чтобы она никогда, никогда не заикалась впередъ объ этомъ предметѣ.

— Майоръ Доббинъ, конечно, прекрасный человекъ; въ этомъ спора нѣтъ, продолжала мистриссъ Эмми, — онъ былъ искреннимъ другомъ покойнаго моего мужа, и я должна сказать по совѣсти, что мы съ Джорджинькой осыпаны его благодарностями. Благодарность моя къ Вильяму безпредѣльна, и я люблю его, какъ брата, но дѣло въ томъ, мой другъ, что женщина, бывшая уже однажды замужемъ, не можетъ думать о второмъ бракѣ, если мужъ ея былъ такимъ чуднымъ... несравненнымъ.

Тутъ Амелія указала на стѣну, и залилась горячими слезами.

Миссъ Мери испустила глубокій вздохъ. Былъ и у нея дражайшій другъ сердца, нѣкто мистеръ Томкинсъ, молодой помощникъ хирурга. Уже давно слѣдитъ онъ за нею пытливымъ взоромъ на всѣхъ собраньяхъ и гуляньяхъ, и давно уже

сердце молодой дѣвушки пылаетъ нѣжной страстью. Предложи онъ ей руку, она готова быть его женой хоть сію-же минуту, но что ей дѣлать если мистеръ Томкинсъ снизойдетъ въ преждевременную могилу? А это очень можетъ быть. Говорятъ, будто молодой человѣкъ страдаетъ чахоткой, и это подтверждается багрянымъ цвѣтомъ его лица. Вотъ о чемъ задумалась миссъ Мери, и вотъ отчего испустила она глубочайшій вздохъ.

Зная однакожъ въ совершенствѣ нѣжную къ себѣ привязанность майора, мистриссъ Эмми не чувствовала въ его присутствіи ни малѣйшаго безпокойства, и не думала награждать презрѣніемъ его рѣшительную страсть. Зачѣмъ и для чего? Намъ извѣстно фактически, что проявленіе истинной страсти никогда не огорчаетъ прекрасныхъ представительницъ женскаго пола. Дездемона не сердилась на Кассіо, хотя нѣтъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что она знала пристрастіе къ себѣ этого джентльмена, и я даже увѣренъ, что были въ этой исторіи нѣкоторыя тайны, оставшіяся неизвѣстными для достойнаго Мавра. Миранда была даже снисходительна и добра къ чувствительному Калибану, хотя, разумѣется ей и въ голову не приходило ободрять страсть этого гадкаго чудовища — какъ это можно? По этой же самой причинѣ, мистриссъ Эмми отнюдь не думала разжигать и поощрять страсть честнаго Вилльяма. Она будетъ конечно стоять съ нимъ на дружеской ногѣ, какъ этого онъ заслуживалъ за свою испытанную вѣрность, она будетъ съ нимъ лас-

кова, любезна и совершенно откровенна до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не сдѣлаетъ онъ формальнаго предложенія. Тогда совсѣмъ другое дѣло. Тогда мистриссъ Эмми еще успѣетъ разъ навсегда положить предѣлъ дерзкимъ надеждамъ своего искренняго друга. Теперь торопиться не къ чему: пусть его мечтаетъ, если это доставляетъ ему удовольствіе.

Подъ вліяніемъ этихъ успокоительныхъ и *младенчески-невинныхъ* размышленій, мистриссъ Эмми уснула въ эту ночь самымъ сладкимъ сномъ, и она чувствовала себя рѣшительно счастливою, несмотря на запоздалость Джоя.

— Это однакожь хорошо, и я рада, что Вилльямъ не женился на миссъ Одаудъ, думала мистриссъ Эмми. Сестра полковника Одаудъ едва-ли можетъ составить приличную партію для такого совершеннѣйшаго джентльмена, какъ майоръ Доббинъ.

Какая же смертная, изъ амеліиныхъ знакомыхъ, могла совершеннонѣйшимъ образомъ осчастливить честнаго Вилльяма? Ужь конечно не миссъ Бинни: она слишкомъ стара, сварлива и злоязычна. Миссъ Осборнъ тоже черезъ-чуръ стара. Малютка Мери слишкомъ молода. Кто же? — Мистриссъ Осборнъ никакъ не могла подобрать приличной партіи для своего друга, и въ этомъ раздумьи пошла спать.

Поутру на другой день, когда уже были сдѣланы окончательно всѣ распоряженія къ приличной встрѣчѣ Джоя, почтальонъ принесъ отъ него письмо съ штемпелемъ изъ Соутамптона. Джой писалъ сестрѣ, что, утомленный трудностями

ми продолжительнаго морскаго путешествія, онъ отдыхаетъ покамѣстъ въ гостинницѣ, и выѣдетъ изъ Соутамптона завтра поутру. Завтра же вечеромъ онъ надѣется увидѣться съ своимъ отцомъ и матерью, которымъ препровождаетъ теперь свое глубокое почтеніе и усердный поклонъ.

Читая это посланіе своему отцу, Амелія инстинктивно пріостановилась надъ послѣдней фразой, было ясно, что братъ ея не зналъ еще о смерти своей матери. Онъ и не могъ знать, хотя майоръ рассчитывалъ съ нѣкоторою основательностью, что дорожный его товарищъ придетъ въ движеніе не иначе, какъ черезъ сутки, однакожь, послѣ свиданья съ Амеліей, онъ не написалъ къ Джою о послѣднемъ несчастіи, постигшемъ семейство Седли.

То же утро и отъ того же джентльмена привезло письмо къ майору Доббину въ гостинницу Пестраго Быка. Свидѣтельствуя свое искреннее почтеніе майору, Джой извинялся, что онъ такъ неосторожно *вспылилъ* на него вчера поутру: у него демонски болѣла голова, и притомъ первый сонъ на сухопутной постели такъ сладокъ и пріятенъ послѣ этой корабельной качки. Въ заключеніе, онъ убѣдительно просилъ обязательнаго Доба занять въ гостинницѣ Пестраго Быка приличную квартиру для мистера Седли и его прислуги. Впродолженіе этого путешествія, майоръ сдѣлался совершенно необходимымъ для Джоя, и онъ привыкъ рассчитывать на его готовность къ одолженіямъ всякаго рода. Другіе пассажиры почти всѣ уѣхали въ Лондонъ. Молодой Риккет-

съ и пріятель его Чифферсъ въ тотъ же день отправились въ дилижансѣ: Риккетсъ помѣстился на козлахъ, и отобралъ у кучера возжи. Морской докторъ ускакалъ въ Портси, къ своему семейству; капитанъ Браггъ поторопился къ своимъ друзьямъ, оставивъ на кораблѣ своего перваго помощника, занятаго выгрузкою товаровъ. такимъ-образомъ мистеръ Джой очутился одинокимъ въ Соутамптонѣ, и быть-можетъ онъ потерпѣлъ бы страшную скуку, если бы содержатель гостиницы не согласился раздѣлить съ нимъ его обѣдъ и бутылку вина.

Въ тотъ же день и въ тотъ же часъ майоръ Доббинъ обѣдалъ у своего отца, альдермена. Сестрица его, Анна, уже знала, что онъ былъ на Аделаидиныхъ виллахъ, у мистриссъ Джорджъ Осборнъ. Откуда и какъ дошли до нея эти свѣдѣнія — прикрито мракомъ неизвѣстности. Самъ майоръ не любилъ никакихъ сплетней, и мы знаемъ, что, въ домѣ своего отца, онъ не заикнулся ни полсловомъ объ этомъ визитѣ.

* * *

По прибытіи въ столицу, мистеръ Джой устроился съ величайшимъ комфортомъ въ апартаментахъ, приготовленныхъ для него заботливостію майора. Весела и беззаботно покушивалъ онъ свой гукахъ, и еще веселѣе отправлялся каждый вечеръ въ спектакли лондонскихъ театровъ. Впол-

нѣ счастливый и довольный своею судьбою, мистеръ Джой, нѣтъ сомнѣнія, согласился бы навсегда остаться въ гостиницѣ Пестраго Быка, что на Мартынскомъ переулкѣ, еслибы такому намѣренію не воспрепятствовалъ майоръ Доббинъ. Этотъ юркій джентльменъ не давалъ бенгальскому сановнику покоя до той поры, пока онъ не рѣшился привести въ исполненіе свое обѣщаніе, относительно устройства дома для Амеліи и ея престарѣлаго отца. Джой былъ податливъ и сговорчивъ въ постороннихъ рукахъ, и мистеръ Доббинъ обнаруживалъ необыкновенную дѣятельность всякій разъ, когда приходилось ему хлопотать въ пользу какого-нибудь пріятеля или друга. При такомъ порядкѣ вещей, сановникъ ост-индской компаніи вполне подчинился дипломатическимъ хитростямъ майора, и обнаружилъ совершеннѣйшую готовность плясать подъ его дудку. Скоро начались покупки, наймы, передѣлки и поправки. Горемычный туземецъ, Лолль Джуабъ, подвергавшійся на европейской почвѣ безпрестаннымъ насмѣшкамъ отъ уличныхъ мальчишекъ, былъ отправленъ назадъ въ Калькутту на одномъ изъ ост-индскихъ кораблей, гдѣ альдерменъ Доббинъ имѣлъ свой пай. Это отправление, какъ и слѣдовало ожидать, совершилось уже тогда, какъ онъ выучилъ европейскаго слугу готовить для своего господина корри, пилавъ и трубку на индійскій манеръ.

Первымъ дѣломъ мистера Джоя было заказать для себя щегольской экипажъ у перваго столичнаго каретника, и мы

не беремся передавать душевнаго восторга, съ какимъ индійскій сановиикъ слѣдилъ за сооруженіемъ этой парадной колесницы. Вслѣдъ затѣмъ были пріобрѣтены кургузые рысаки отличной породы, и мистеръ Джой началъ свои торжественные выѣзды на публичныя гулянья. Амелія весьма нерѣдко сидѣла на этихъ выѣздахъ подлѣ своего брата, и тутъ же, на заднемъ планѣ, рисовался Вилльямъ Доббинъ. Повременамъ экипажъ отдавался въ распоряженіе старика Седли и его дочери: въ этихъ случаяхъ ѣздила съ ними и миссъ Клеппъ. Восторгъ этой дѣвицы, щеголявшей по обыкновенію въ желтой шали, доходилъ до огромнѣйшихъ размѣровъ, когда коляска проѣзжала мимо извѣстной аптеки, откуда, черезъ стору, любовался на нее извѣстный молодой человѣкъ съ чахоточнымъ цвѣтомъ лица.

Вскорѣ послѣ появленія Джоя на Аделаидиныхъ Виллахъ, произошла весьма печальная и горестная сцена въ той скромной хижинѣ, гдѣ семейство Седли провело послѣднія десять лѣтъ своей жизни. Въ одинъ пасмурный день, къ воротамъ этой хижины подъѣхала коляска Джоя (экипажъ наемный, употреблявшійся до сооруженія торжественной колесницы), и увезла старика Седли и мистриссъ Эмми, которымъ не суждено было больше возвращаться на Аделаидины Виллы. Хозяйка и дочь ея проливали, при этой разлукѣ, самыя горестныя и притомъ совершенно искреннія слезы, какія только проливались когда-нибудь въ продолженіе этой незатѣливой исторіи. И какъ же иначе? Мистриссъ

и миссъ Клеппъ, пользовавшіяся дружелюбнымъ расположеніемъ мистриссъ Эмми, не слыхали отъ нея ни одного грубаго или жесткаго слова во все это время. Олицетворяя въ себѣ необыкновенную снисходительность и душевную доброту, Амелія всегда была благодарна, всегда ласкова и мила, даже въ томъ случаѣ, когда домовая хозяйка, выведенная изъ терпѣнья, безотвязно требовала денегъ за квартиру. И теперь, при окончательной разлукѣ, мистриссъ Клеппъ осыпала себя горькими упреками за неосторожныя выраженія, какія, въ разное время, она позволяла себѣ употреблять противъ этихъ несравненныхъ жильцовъ. Да, ужъ теперь не найти имъ такихъ жильцовъ, это ясно какъ день, и горько плакала мистриссъ Клеппъ, прибывая къ своимъ окнамъ билетикъ съ обозначеніемъ, что «сіи комнатки отдаются внаймы». Послѣдствія оправдали печальныя предчувствія: новые жильцы были дурны изъ рукъ вонъ. Сокрушаясь о постепенной порчѣ человѣческаго рода, мистриссъ Клеппъ надѣялась утѣшить себя тѣмъ, что наложила новую контрибуцію на чай, буттербродты и баранину съ хрѣномъ; но такая мѣра не произвела ожидаемыхъ послѣдствій. Нахлѣбники хмурились, ворчали, нѣкоторые не заплатили ни гроша, и всѣ мало-по-малу выѣхали изъ этой квартиры. Тѣмъ больше оказалось причинъ жалѣть этихъ старыхъ испытанныхъ друзей, оставившихъ ея домъ.

Что касается до миссъ Мери, горестъ ея при разлукѣ съ Амеліей была такого рода, что я отказываюсь изобразить

ее перомъ. Молодая дѣвушка, привыкшая видѣть мистриссъ Эмми каждый день, полюбила ее всѣми силами своей души, и теперь, когда коляска остановилась у воротъ, она бросилась въ объятія своей безцѣнной подруги, и обмерла на ея шеѣ. Амелія съ своей стороны была растрогана почти столько же, какъ сама миссъ Мери. Она любила ее какъ собственную дочь. Одиннадцать лѣтъ сряду эта дѣвочка была постояннымъ ея другомъ и повѣренной всѣхъ ея тайнъ. Разлука была дѣйствительно весьма прискорбна для обѣихъ особъ, и ужь, конечно, было рѣшено, что миссъ Мери какъ-можно чаще будетъ гостить въ большомъ новомъ домѣ, куда отправлялась на жительство мистриссъ Эмми. Молодая дѣвушка была, впрочемъ, увѣрена, что скромная леди можетъ быть вполне счастливою только въ скромной и смиренной хижинѣ, какъ миссъ Клеппъ называла свои домики на языкѣ любимыхъ ею повѣстей и романовъ.

Станемъ, однакожь, надѣяться, что философія этой дѣвицы была построена на шаткомъ и ложномъ принципѣ. Немного счастливыхъ дней бѣдняжка Эмми провела въ этой хижинѣ, скромной и смиренной. Рука бѣдственной судьбы тяготѣла здѣсь надъ нею. Оставивъ Аделаидимы Виллы, Амелія уже никогда не возвращалась на свою прежнюю квартиру, и не любила встрѣчаться съ хозяйкой, ворчавшей нѣкогда на нее всякій разъ, какъ оказывалась недоимка въ квартирныхъ деньгахъ. Грубая фамиллярность мистриссъ Клеппъ была столько же несносна, какъ ея брюзгливость. Ея при-

торное раболѣпство въ настоящую эпоху процвѣтанія мистриссъ Эмми всего менѣе приходилось по вкусу этой леди. Осматривая новый домъ своей прежней жилицы, мистриссъ Клеппъ восклицала отъ изумленія на каждомъ шагу, и перевозносила до небесъ каждую мѣбель и каждую бездѣлку туалета. Она ощупывала своими грубыми пальцами платья мистриссъ Осборнъ, и старалась опредѣлить ихъ относительную цѣнность. Нельзя было, по ея словамъ, пріискать наряда, вполнѣ достойнаго этой милой, доброй, несравненной и безцѣнной миледи. Тѣмъ живѣе, при этихъ вычурныхъ комплиментахъ, воображенію мистриссъ Эмми представлялись прежнія грубѣйшія выходки хозяйки, непринимавшей въ расчетъ никакихъ соображеній, когда надлежало содрать съ жилища квартирную недоимку. Нерѣдко старуха Клеппъ упрекала Амелію въ глупой расточительности, когда она покупала какія-нибудь лакомства для больной матери или отца. Теперь она унижалась передъ счастливой женщиной, а нѣкогда мистриссъ Клеппъ командовала надъ нею безконтрольно въ ея плачевные дни непрерывныхъ бѣдствій.

Амелія не роптала и не жаловалась, и никто не зналъ всѣхъ огорченій, испытанныхъ ею въ послѣднее время на Аделаидиныхъ Виллахъ. Она тщательно скрывала ихъ отъ своего недужнаго отца, который отчасти собственною неосторожностію сдѣлался причиною ея страданій. Ей суждено было окончательно отвѣчать за всѣ его промахи, и мистриссъ Эмми, какъ безотвѣтная жертва, безропотно подчи-

нилась своей судьбѣ. Есть причины надѣяться, что теперь мистриссъ Эмми не будетъ больше переносить этихъ грубыхъ обхожденій. Сказано давно, что во всякой печали содержится зародышъ утѣшенія, и эту истину намъ удобно теперь доказать примѣромъ бѣдняжки Мери. Подверженная страшнымъ истерическимъ припадкамъ послѣ отъѣзда своей пріятельницы, она поручена была вниманію и надзору нѣкоего молодаго человѣка изъ сосѣдней аптеки, и тотъ, говорятъ, излечилъ ее отъ всѣхъ недуговъ въ самое короткое время. Собираясь оставить Аделаидины Виллы, мистриссъ Эмми подарила своей подругѣ всю свою мѣбель, за исключеніемъ только двухъ миньятюрныхъ портретовъ, висѣвшихъ надъ ея постелью, и маленькаго стараго фортепьяно, доведеннаго теперь до жалобнаго состоянія дребезжащаго инструмента. Эмми уважала эту погремушку вслѣдствіе особыхъ причинъ, извѣстныхъ только ей одной. Она брнчала на ней еще въ дѣтскихъ лѣтахъ, когда родители подарили ей это фортепьяно въ день ея именинъ. Въ эпоху бѣдствія, разразившагося надъ домомъ, несчастный инструментъ, въ числѣ другихъ, болѣе или менѣе цѣнныхъ предметовъ, попалъ на аукціонъ, и читатель уже знаетъ, какими судьбами онъ потомъ попалъ въ руки мистриссъ Эмми.

Майоръ Доббинъ безъ усталы слѣдилъ за устройствомъ новаго дома, которому, по его соображеніямъ, надлежало придать видъ величайшаго изящества и совершенѣйшаго комфорта. Когда такимъ-образомъ хлопоталъ онъ изъ всѣхъ

силъ, въ одно прекрасное утро пріѣхала изъ Бромптона телѣга, нагруженная ящиками, сундуками и картонками нашихъ переселенцевъ, и честный Вилльямъ замѣтилъ съ неизъяснимымъ восторгомъ между этимъ хламомъ и старое фортепьяно. Амелія непременно хотѣла поставить этотъ инструментъ въ своей гостиной, прелестной комнаткѣ втораго этажа, смежной съ спальнею ея отца. Здѣсь обыкновенно старый джентльменъ проводилъ свои вечера.

Когда извошки остановились на лѣстницѣ съ этимъ древнимъ музыкальнымъ ящикомъ, Амелія приказала имъ идти наверхъ въ свою коммату. Доббинъ задрожалъ отъ восторга.

— Мнѣ очень пріятно, что вы позаботились объ этомъ инструментѣ, сказалъ майоръ весьма нѣжнымъ и чувствительнымъ тономъ, — я полагалъ, напротивъ, что вы оставите его безъ всякаго вниманія.

— Какъ это можно! воскликнула мистриссъ Эми, я дорожу этимъ фортепьяно болѣе всего на свѣтѣ.

— Неужели, Амелія, неужели! вскричалъ обрадованный майоръ.

Хотя майоръ никогда не говорилъ Амеліи о подробностяхъ покупки этого инструмента, но до сихъ поръ ему и въ голову не приходило, что она не знаетъ настоящаго покупателя. Такимъ-образомъ естественно было подумать на его мѣстѣ, что она дорожитъ старымъ фортепьяно, какъ подаркомъ, полученнымъ изъ его рукъ.

— Неужели! повторилъ онъ съ особенной энергіей, и на губахъ его уже вертѣлся вопросъ — великій вопросъ его жизни. Амелія отвѣчала:

— Странно, какъ вы объ этомъ меня спрашиваете, Вилльямъ, развѣ не онъ подарилъ его мнѣ?

— А! воскликнулъ ошеломленный Доббинъ, и лицо его вытянулось во всю длину. Я не зналъ этого, мистриссъ Джорджъ, не зналъ.

Эмми сначала не обратила на это обстоятельство никакого вниманія, и даже не замѣтила, отчего такъ печально вытянулось лицо ея друга. Послѣ, однакожь, она думала объ этомъ долго, и принуждена была, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, дойти до печальнаго заключенія, что фортепьяно было куплено Вилльямомъ, а не Джорджемъ, какъ она воображала.

И такъ одинъ, всего только одинъ подарокъ получила она отъ своего милаго друга, да и тотъ оказывался не его! Зачѣмъ же она такъ любила, такъ лелѣяла этотъ негодный инструментъ? Зачѣмъ ей нужно было повѣрять ему свои мысли и чувства о незабвенномъ Джорджѣ? Зачѣмъ она просиживала надъ нимъ длинные вечера, разыгрывая на его клавишахъ всѣ свои лучшія меланхолическія аріи, и обливала его своими горькими слезами? Вѣдь это не Джорджемъ подарокъ. Онъ ничего не подарилъ ей.

И фортепьяно потеряло въ глазахъ мистриссъ Эмми всю свою цѣну. Когда, черезъ нѣсколько времени послѣ этого печальнаго открытія, старикъ Седли попросилъ ее поиграть,

мистриссъ Эмми отвѣчала, что фортепьяно ужасно разстроено, что у нея страшно болить голова, и что она совсѣмъ не умѣетъ играть.

Затѣмъ, по заведенному порядку, она усердно принялась упрекать себя въ неблагодарности, и рѣшилась загладить передъ честнымъ Вилльямомъ свой проступокъ. Однажды послѣ обѣда, когда они сидѣли въ гостиной, и мистеръ Джой дремалъ въ своихъ креслахъ, Амелія сказала майору Доббину трепещущимъ голосомъ:

— Я должна передъ вами извиниться, Вилльямъ.

— Въ чемъ это?

— Я еще ни разу не благодарила васъ за это маленькое четвероугольное фортепьяно; вы подарили мнѣ его давно, прежде чѣмъ я вышла замужъ. Мнѣ все казалось, что я получила этотъ подарокъ отъ другой особы. Благодарю васъ, Вилльямъ.

Она протянула ему руку, причемъ сердце бѣдной женщины облилось кровью, и водяныя шлюзы, какъ водится, заиграли въ ея глазахъ.

Вилльямъ не могъ болѣе обуздать восторженности своихъ чувствъ.

— Амелія, Амелія, сказалъ онъ, — я точно купилъ для васъ это фортепьяно. Тогда, какъ и теперь, я любилъ и люблю васъ. Откровенно говорю вамъ это первый, и, быть-можетъ; послѣдній разъ. Любовь моя, мнѣ кажется, начинается съ той минуты, какъ я впервые увидѣлъ васъ, когда Джорджъ при-

вель меня въ вашъ домъ, чтобъ показать сею невѣсту. Тогда вы были дѣвочкой въ бѣломъ платьицѣ, и я какъ сейчасъ смотрю на прекрасные ваши локоны. Вы сошли внизъ, и напѣвали какую-то пѣсню: помните ли вы это? Тогда мы всѣ отправились въ воксаль. Съ той поры я думалъ только объ одной женщинѣ въ мірѣ, и этою женщиною были вы. Не было продолженіе двѣнадцати лѣтъ ни одного часа, когда бы я не мечталъ о васъ. Я хотѣлъ сказать вамъ объ этомъ передъ отъѣздомъ въ Индію, но тогда вы не расположены были слушать. Вы не обратили на меня ни малѣйшаго вниманія, и, казалось, было для васъ все-равно — остаюсь я, или ѣду.

— Я была очень неблагодарна, проговорила мистриссъ Эмми.

— Нѣтъ, только равнодушны, продолжалъ майоръ, — и это въ порядкѣ вещей. Такой человекъ, какъ я, ничѣмъ не можетъ привлечь къ себѣ сердце женщины. Могу догадываться, что вы чувствуете въ настоящую минуту. Вы страдаете по поводу открытія объ этомъ несчастномъ фортепьяно, и вамъ больно, что подарокъ сдѣланъ мною, а не Джорджемъ. Я забылъ, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало говорить объ этомъ. Не вы, а я долженъ просить у васъ прощенья. Мнѣ казалось, впрочемъ, что годы постоянной преданности и любви могутъ послужить для меня оправданіемъ.

— Вы становитесь жестокимъ, Вильямъ, сказала Амелія съ особеннымъ одушевленіемъ, — Джорджъ, одинъ мой супругъ, здѣсь какъ и на небесахъ. Могу ли я полюбить ко-

го-нибудь, кромѣ него? Я принадлежу ему теперь точно такъ же, какъ въ ту минуту, когда вы въ первый разъ увидѣли меня, любезный Вилльямъ. Онъ первый сказалъ мнѣ, какъ вы добры, великодушны; и первый научилъ меня любить васъ какъ брата. Послѣдствія оправдали отзывъ моего супруга. Послѣ его смерти, вы остались для меня и малютки Джорджа единственнымъ покровителемъ и другомъ. Вы замѣнили для насъ все, что только есть драгоцѣннаго на свѣтѣ. Приѣзжайте вы изъ Индіи нѣсколькими мѣсяцами раньше, я увѣрена, вы бы освободили меня отъ этой... этой страшной разлуки. О, это почти убило меня, Вилльямъ!.. Но вы не пріѣхали въ свое время, хотя я молилась о вашемъ возвращеніи... опоздали вы, Вилльямъ, и они безжалостно отняли у матери ея единственнаго сына. Какой онъ умный, благородный мальчикъ, Вилльямъ: не правда ли? Продолжайте, умоляю васъ, продолжайте быть нашимъ покровителемъ и другомъ.

Здѣсь голосъ мистриссъ Эмми заколебался, задрожалъ, и она поспѣшила укрыть свое лицо на плечѣ своего покровителя и друга.

Майоръ обвилъ ея станъ своими руками, и держалъ ее въ объятіяхъ, какъ ребенка, что впрочемъ не мѣшало ему целовать головку мистриссъ Эмми:

— Я не перемѣнюсь, Амелія, сказалъ онъ, любите меня какъ брата, больше я ничего не требую. Позвольте мнѣ только видѣть васъ какъ-можно чаще.

— О, да; приходите къ намъ какъ-можно чаще! подтверди-

ла мистриссъ Эмми.

Такимъ-образомъ майору Доббину предоставлена была полная свобода смотрѣть во всѣ глаза, любоваться на свою возлюбленную и облизываться, сколько ему было угодно. Такъ, по обыкновенію, мальчишки-школьники, у которыхъ нѣтъ ни пенни въ карманѣ, облизываются при взглядѣ на лу-кошко пирожницы, тартинки и тминныя коврижки.

Глава LIX

Новая жизнь и новые лица

Фортуна вновь обратилась лицомъ къ мистриссъ Эмми и подарила ее ласковой улыбкой. Намъ пріятно вывести ее изъ этой низшей сферы, гдѣ она, такъ сказать, пресмыкалась до сихъ поръ, и мы съ удовольствіемъ идемъ за нею въ образованный, высшій кругъ, далеко, впрочемъ, уступающій тѣмъ истинно-великимъ и утонченнымъ обществамъ, среди которыхъ еще такъ недавно вращалась другая наша пріятельница, мистриссъ Бекки. Тѣмъ не менѣе, однакожь, новые лица, окружающія скромную вдову, объявляютъ рѣшительное притязаніе на принадлежность къ джентльменскому и, во всѣхъ отношеніяхъ, фешнэбльному кругу, и это, конечно, дѣлаетъ имъ великую честь. Столичные пріатели мистера Джоя были всѣ изъ трехъ президентствъ, и новый его домъ находился въ комфортѣбльномъ англо-индійскомъ кварталѣ, центромъ котораго служитъ Мойра-Плесь, Минто-Скверъ, Большая улица лорда Клайва, Уарренова улица, Гастингсова улица, Ochterlony Place, Flassy Square, Assaye-Terrace: кто не знаетъ всѣхъ этихъ почтенныхъ жилищъ уединившейся индійской аристократіи, наслаждающейся европейскими благами въ кварталѣ, который, совершенно незаслуженно, получилъ отъ нѣкоторыхъ остроумцевъ, въ томъ числѣ отъ ми-

стера Венгема, характеристическое названіе Черной Ямы? Ограниченныя средства Джоя и не совсѣмъ блистательное значеніе его на Базарѣ Житейской Суеты не позволяли ему обзавестись домомъ на Мойра-Плесѣ, гдѣ могутъ жить только отставные чины ост-индскаго Совѣта и партнеры индійскихъ торговыхъ домовъ. Эти господа, по обыкновенію, переводятъ на своихъ женъ сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ кашгала, и затѣмъ, объявивъ себя банкротами, живутъ очень скромно въ философическомъ уединеніи, довольствуясь только четырьмя тысячами фунтовъ ежегоднаго дѣхода. Мистеръ Джой занялъ комфортабельный домикъ втораго или третьяго разряда на Джимиспай-Стритѣ. Ковры, зеркала и всю драгоценную мебель новѣйшаго фасона работы Седдона, Джой скупилъ отъ агентовъ мдстера Скепа, бывшаго въ послѣднее время партнеромъ калькуттскаго торговаго дома гг. Фогля, Краккемана и Фека. На этотъ палаццо средней руки мистеръ Скепъ усадилъ до семидесяти тысячъ фунтовъ, составлявшихъ все его стяжаніе продолжительной и честной жизни. Онъ занялъ мѣсто Фека, удалившагося въ Суссексъ, гдѣ отдѣлали для него великолѣпнѣйшій палаццо. Фогльсы уже давно выдѣлились изъ фирмы и не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что глава этой фамиліи, сэръ Горацій Фогльсъ скоро надѣется быть пэромъ Англіи подъ именемъ барона Банданы.

Скепъ добился чести быть партнеромъ знаменитой фирмы за два года передъ тѣмъ, какъ она обанкротилась на

миліонъ и пустила по-міру цѣлая сотни индійскихъ торга-шей.

Честный Скепъ разорился вмѣстѣ съ другими. Убитый го-ремъ шестидесяти-пяти-лѣтній старецъ, онъ отправился въ Калькутту устроить и поправлять дѣла знаменитой фир-мы. Вальтеръ Скепъ, взятый до окончанія курса изъ итон-ской коллегіи, вступилъ конторщикомъ въ новый торговый домъ. Флоренса Скепъ и Фанни Скепъ уѣхали съ матерью въ Булонь, и больше мы ничего объ нихъ не услышимъ. Ко-ротко и ясно: Джой вступилъ во владѣніе оставленнымъ до-момъ, скупилъ ковры прежнихъ жильцовъ, ихъ буфеты, и съ чистою совѣстію принялся любоваться на себя въ огромны-хъ зеркалахъ, отражавшихъ незадолго передъ тѣмъ прекрас-ныя лица молодыхъ дѣвицъ. Продавцы имущества Скепа, получивъ сполна всѣ деньги, оставили свои карточки мисте-ру Седли изъявивъ готовность оказывать услуги, необходи-мыя въ его новомъ хозяйствѣ. Длинные лакеи, въ бѣлыхъ жи-летахъ, прислуживавшіе за столомъ мистера Скепа, зеленъ-щики, разносчики и молочники оставили свои адреса и по-дружились, на всякой случай, съ буфетчикомъ новаго хозяи-на. Мистеръ Чомми, трубочистъ, пережившій три послѣднія фамиліи, занимавшія этотъ домъ, старался преимуществен-но обратить на себя благосклонное вниманіе буфетчикова помощника, котораго прямою обязанностію было покрови-тельствовать мистриссъ Эмми въ ея прогулкахъ по улица-мъ столицы. Онъ носилъ узенькіе гультіки со штрипками, и

фракъ его блисталь свѣтлѣйшими пуговицами.

Хозяйственное заведеніе новаго господина имѣло, впрочемъ, довольно скромный характеръ. Буфетчикъ Джоя былъ въ то же время каммердинеромъ, и къ чести его мы обязаны сказать, что онъ напивался пьянъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда этого требовало особенное уваженіе къ винамъ его господина. Для мистриссъ Эмми наняли особую служанку, получившую свое первоначальное воспитаніе въ загородномъ имѣніи альдермена, сэра Вильяма Доббина. Это была добрая дѣвушка, совершенно обезоружившая мистриссъ Эмми, которая сначала испугалась одной мысли имѣть при себѣ горничную, и никакъ не понимала, зачѣмъ ей такая особа. Оказалось, однакожь, что дѣвушка могла принести существенную пользу въ новомъ хозяйствѣ: она ухаживала за мистеромъ Седли, который теперь оставался почти безвыходно въ своей комнатѣ и не принималъ никакого участія въ домашнихъ развлеченіяхъ и увеселеніяхъ.

Немедленно послѣ водворенія въ домъ брата, мистриссъ Эмми начала принимать безпрестанные и разнообразные визиты. Леди Доббинъ и дочери ея пріѣхали поздравить ее съ счастливой переменой въ житейскихъ дѣлахъ, и засвидѣтельствовать ей свою душевную радость и искреннѣе уваженіе. Съ этою же цѣлью миссъ Осборнъ прискакала изъ Россель-Сквера въ фамильной каретѣ съ пламенными гербами. Повсюду разнеслась молва, что мистеръ Джой богатъ неизмѣримо. Старикъ Осборнъ не запрещалъ Джорджинкѣ на-

вѣщать своего дядю.

— Еще бы! Тутъ ничего нѣтъ дурнаго, если, кромѣ моего имѣнія, онъ овладѣетъ наслѣдствомъ послѣ Джозефа Седли, говорилъ мистеръ Осборнъ. Мы сдѣлаемъ изъ него джентльмена на славу, и вотъ увидите, что мистеръ Джорджъ будетъ гремѣть въ парламентъ еще до моей смерти. Вы можете, миссъ Осборнъ, навѣстить его мать, хотя разумѣется, она не должна показываться мнѣ на глаза.

И на этомъ основаніи, миссъ Осборнъ сдѣлала визитъ скромной вдовѣ. Эмми, конечно, была очень рада видѣть тетку своего Джорджиньки, и этотъ юный джентльмень могъ теперь безпрепятственно навѣщать свою мать. Два или три раза въ недѣлю ему позволялось обѣдать на Джиллипай-Стритѣ, гдѣ тотчасъ же забралъ онъ подъ свою команду всѣхъ слугъ и всѣхъ своихъ родственниковъ, точь въ точь какъ на Россель-Скверѣ.

Однакожь юный Джорджъ былъ всегда почтителенъ къ майору Доббину, и въ присутствіи этого джентльмена велъ себя очень скромно. Мальчикъ умный и смысленый, онъ въ нѣкоторой степени даже боялся майора, и всегда удивлялся его добродушію, простотѣ, его разнообразной учености, любви къ истинѣ и справедливости. Такого человѣка Джорджинька еще не видѣла на кратковременномъ поприщѣ своей жизни. Онъ полюбилъ душевно своего крестнаго отца, съ восторгомъ гулялъ съ нимъ въ паркѣ и жадно вслушивался въ каждое его слово. Вильямъ говорилъ Джорджу

объ его отцѣ, объ Индіи, Ватерлоо, обо всемъ говорилъ только не о себѣ самомъ. Какъ-скоро Джорджимъка принимался слишкомъ важничать и мечтать, майоръ подшучивалъ надъ нимъ очень остроумно, и мистриссъ Осборнъ находила эти шутки чрезвычайно колкими. Однажды они пошли въ театръ, и мальчикъ объявилъ заранѣе, что онъ, какъ порядочный джентльменъ, не намѣренъ сидѣть въ партерѣ. Не дѣлая никакихъ возраженій, майоръ отвелъ его въ ложу, оставилъ тамъ одного, и самъ поспѣшилъ занять мѣсто въ креслахъ. Едва прошло нѣсколько минутъ, какъ онъ почувствовалъ дѣтскую руку на своемъ плечѣ, и затѣмъ лайковая перчатка маленькаго денди дружелюбно протянулась къ его рукѣ. Джорджъ увидѣлъ нелѣпость своего упрямства, и спустился внизъ изъ верхнихъ областей. Нѣжная и благосклонная улыбка проглянула на лицѣ майора, когда онъ встрѣтился съ глазами упряма, обратившагося на истинный путь. Онъ любилъ этого мальчжа, какъ любилъ все, что могло имѣть какое-нибудь отношеніе къ мистриссъ Эмми. Съ какимъ восторгомъ услышала она объ этомъ безпримѣрномъ благородствѣ юнаго Джорджа! Въ глазахъ ея заискрилась необыкновенная нѣжность, когда она взглянула на Вильяма, и ему показалось, будто щеки мистриссъ Эмми зардѣлись въ эту минуту самымъ яркимъ румянцемъ.

Джорджинька между-тѣмъ неутомимо разсыпался въ похвалахъ майору почти всякой разъ, какъ оставался наединѣ съ своей мамой.

– Можно ли не любить его, мама? говорилъ однажды мастеръ Джорджъ. Доббинъ знаетъ кажется всѣ науки, и при всемъ томъ онъ ничуть не похожъ на этого стараго Виля, который всегда хвастается своей латинью и длинными словами: ты вѣдь это замѣтила, мама? Мой товарищъ въ пансіонѣ зовутъ его «Длиннохвостымъ». Я первый далъ ему это прозвище: не правда ли, какъ оно хорошо?.. Доббинъ читаетъ по-латинѣ съ такою же легкостію, какъ по-англійски и по-французски, это ужъ я тебѣ говорю. Когда мы гуляемъ вмѣстѣ, онъ рассказываетъ мнѣ множество интересныхъ анекдотовъ о моемъ папѣ ... о себѣ только ничего не говоритъ. А вотъ, за обѣдомъ у дѣдушки, полковникъ Бокклеръ рассказывалъ намъ, что майоръ Доббинъ – одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ во всей арміи, и не разъ отличался удивительными подвигами. Дѣдушка былъ очень изумленъ, и сказалъ: «Неужто! А я, дескать, думалъ, что ему не спугнуть и гуся!» – Нѣтъ, мама, спугнуть, ужъ за это я ручаюсь: не правда ли?

Эмми засмѣялась, и подумала, что на этотъ предметъ, вѣроятно, достанетъ храбрости у майора.

Но если существовала искренняя прдвязанность между Джорджемъ и майоромъ, мы должны признаться съ нѣкоторымъ прискорбіемъ, что дядя и племянникъ, повидимому, не слишкомъ любили другъ друга. Въ короткое время Джорджинька мастерски выучился надувать свои щеки, и засовывать руки въ карманные жилеты, передразнивая старика

Джоза съ такимъ совершенствомъ, что никто не могъ удержаться отъ смѣха, особенно, когда онъ произносилъ на манеръ своего дядюшки: «Ахъ, Боже мой, не говорите этого, не говорите!» Слуги невольно фыркали въ продолженіе обѣда, когда мистеръ Джорджъ, пришепеливая и картавя, требовалъ какой-нибудь вещи, не бывшей за столомъ. Даже мистеръ Доббинъ покатывался со смѣху, любуясь на подражательное искусство своего крестьяника. Если Джорджъ не осмѣливался передразнивать дядю въ глаза, то единственно потому, что это строго-настрого запретилъ ему мистеръ Доббинъ. Просьбы испуганной Амеліи тоже удорживали въ приличныхъ границахъ этого маленькаго шалуна. При всемъ томъ, достойный сановникъ Индіи былъ, казалось, проникнутъ смутнымъ сознаніемъ, что племянникъ не чувствуетъ къ нему достойнаго уваженія. Не желая подавать повода къ насмѣшкамъ, мистеръ Джой былъ до крайности робокъ, щепетилень, и, слѣдовательно, вдвое смѣшонъ въ присутствіи мистера Джорджа. Какъ-скоро заранѣе становилось извѣстнымъ, что въ такой-то день юный джентльменъ будетъ обѣдать у своей матери на Джиллиспай-Стритъ, мистеръ Джой обыкновенно уходилъ изъ дома, отговариваясь тѣмъ, что ему необходимо переговорить съ своими пріятелями въ клубъ. И никто, казалось, не былъ огорченъ отсутствіемъ Джоя. Въ тѣ дни старикъ Седли обыкновенно выходилъ изъ своего убѣжища, и въ столовой собиралось маленькое общество, въ которомъ неизбѣжно принималъ участіе майоръ Доббинъ. Онъ былъ

истиннымъ *ami de la maison*, другомъ старика Седли, другомъ мистриссъ Эмми, другомъ Джорджиньки, совѣтникомъ и правою рукою мистера Джоя.

— Судя потому, что мы видимъ и слышимъ, ужь право, было бы ему гораздо лучше оставаться въ Мадрасъ! замѣчала миссъ Анна Доббинъ въ Кемберъуэллѣ.

— Ахъ, миссъ Анна! Неужели вамъ досадно, что майоръ не женился до сихъ поръ?...

Джозефъ Седли старался зажить наширокую ногу, какъ подобаеть истинному джентльмену съ его высокими талантами. Должностныя запятія были, разумѣется, брошены имъ тотчасъ же по прїѣздѣ въ Лондонъ. Первымъ и существеннымъ пунктомъ было сдѣлаться членомъ Восточнаго Клуба, гдѣ онъ проводилъ утренніе часы въ обществѣ своихъ индійскихъ собратій; тамъ онъ обѣдалъ, и оттуда проводилъ домой гостей.

Амелія должна была принимать и увеселять этихъ джентльменовъ съ ихъ прекрасными леди. Отъ нихъ между-прочимъ узнала она, какъ скоро мистеръ Смитъ будетъ засѣдать въ совѣтѣ, и сколько тюковъ мистеръ Джонсъ привезъ въ Лондонъ, какъ торговый лондонскій домъ Томсона отказался платить векселя бомбѣйской фирмы Томсонъ, Киббжи и Компанія, и какъ, по всѣмъ соображеніямъ, оказывалось, что то же станется и съ калькуттскимъ домомъ, какъ скверно вообще, не говоря дурнаго слова, ведетъ себя мистриссъ Браунъ, жена господина Брауна и Компаніи;— она

уже давно дѣлаетъ глазки молодому Суанки, лейб-гвардейцу, она сидѣла съ нимъ на палубѣ по цѣлымъ часамъ и, вообразите: когда корабль остановился у мыса Доброй Надежды, они ускакали вдвоемъ, Богъ-знаетъ куда, и пропадали чуть-ли не цѣлый день. Прескверный анекдотъ. Изъ этого же источника узнала мистриссъ Эмми, какимъ-образомъ мистриссъ Гардиманъ изгораздилась сбыть съ рукъ тринадцать своихъ сестеръ, дочерей сельскаго пастора, достопочтеннаго Феликса Риббитса: одиннадцать пристроены очень хорошо, остальные двѣ такъ-себѣ, ни то, ни сѣ. Горнбэй чуть не сошелъ съ ума, когда узналъ, что жена его намѣрена остаться въ Европѣ, и вообразите, будто Троттеръ назначенъ сборщикомъ податей и пошлинъ въ Уммературу. Въ этихъ и подобныхъ разговорахъ весьма назидательнаго свойства проходило время на большихъ обѣдахъ всѣхъ этихъ господъ. Вездѣ повторялись однѣ и тѣ же сентенціи, болѣе или менѣе остроумныя, подавались одни и тѣже блюда изъ массивнаго серебра, одна и та же баранина, тѣ же гуси, индѣйки, рябчики. Политика употреблялась уже собственно послѣ десерта, когда прекрасныя леди, уходя къ себѣ наверхъ, заводили продолжительную бесѣду относительно кори, оспы, ревматизма и коклюшей.

Mutaiis mutandis, милостивые государи, или, выражаясь на простомъ языкѣ: повсюду и всегда одна и та же исторія, только на другой манеръ. Развѣ почтенныя супруги адвокатовъ не разсуждаютъ о разныхъ назидательныхъ предме-

тахъ по судейской части? Развѣ полковныя дамы не заводятъ сплетни относительно своихъ полковъ? И если наилучшія леди изъ наилучшихъ круговъ болтаютъ, такъ-сказать, безъ умолку и безъ устали о великихъ смертныхъ, принадлежащихъ къ ихъ разряду, то почему же нашимъ индійскимъ пріятелямъ не создать своей особой, оригинальной бесѣды, поучительной во всѣхъ отношеніяхъ для особъ, желающихъ изучить заморскіе обычаи и нравы? Но если нѣтъ въ васъ этого желанія, вы можете молчать, слушать и зѣвать, сколько душѣ угодно, не разстроивая общаго веселья.

Скоро мистриссъ Эмми обзавелась визитной книжкой, и начала свои парадные разъѣзды. Она сдѣлала визитъ господжѣ Блюдъайеръ, супругѣ генераль-майора, сэра Роджера Блюдъайера, кавалера Бани первой степени; господжѣ Гуффъ, супругѣ сэра Джильса Гуффа, изъ Бонбэя; господжѣ Пайсъ, супругѣ Пайса, директора ост-индской компаніи, и прочая, и прочая. Мы ужъ такъ созданы, что каждый и каждая изъ насъ весьма скоро привыкаютъ ко всякимъ переменамъ и тревоженіямъ жизни. Привыкла и Амелія. Великолѣпная колѣсница на Джимиспай-Стритъ покатывалась каждый день, и длинный лакей въ блестящей ливреѣ, прыгивая съ козелъ, вручалъ, кому слѣдуетъ, визитныя карточки мистриссъ Осборнъ и мистера Джозефа Седли. Въ назначенный часъ Эмми заѣзжала въ клубъ за своимъ братомъ, и они катались вмѣстѣ. Въ другой разъ мистриссъ Эмми сажала въ колѣсницу своего отца, и выѣзжала въ Реджентъ-Пар-

къ. Такимъ-образомъ, коляска и горничная, визитная книга и лакей съ свѣтлыми пуговицами, вошли въ составъ повседневной амеліиной жизни, и замѣнили для нея скромную рутину на Аделаидиныхъ Виллахъ. Въ двѣ, три недѣли она совершенно освоилась съ привычками и манерами новаго круга. Еслибъ судьба занесла ее на самую вершину джентльменскихъ обществъ, Амелія и тамъ была бы, вѣроятно, на своемъ мѣстѣ. Жеищины въ компаніи Джоя находили ее довольно интересной молодой особой; не слишкомъ умной, но и не глупой.

Мужчинамъ между-тѣмъ чрезвычайно нравилась безыскусственная простота и наивность мистриссъ Эмми. Молодые Индійскіе денди, проживавшіе въ отпуску, безъ церемоній объявили себя обожателями Амеліи, и наперерывъ добивались чести дѣлать ей утренніе визиты. Блистая кольцами, цѣпочками и усами, эти господа, привычные обитатели вест-эндскихъ отелей, разѣзжающіе не иначе какъ въ одноколкахъ самаго хитраго устройства, свидѣтельствовали каждый разъ глубочайшее почтеніе великолѣпной коляскѣ мистриссъ Осборнъ, катающейся по парку. Самъ господинъ Суанки, лейбъ-гвардеецъ, преопаснѣйшій молодой человекъ, считавшійся первымъ франтомъ на берегахъ Ганга, ухаживалъ весьма усердно за мистриссъ Эмми, и майоръ подмѣтилъ однажды, съ какимъ одушевленіемъ онъ рассказывалъ ей про охоту за кабанами; тогда они сидѣли вдвоемъ, tkte-à-tkte, и Амелія, казалось, принимала живѣйшее участіе въ

этой болтовнѣ. Впослѣдствіи Суанки дѣлалъ очень невыгодные отзывы о майорѣ: «этотъ неуклюжій верзила, что безпрестайно слоняется около дома мистриссъ Осборнъ, самый несносный болванъ, и я не понимаю, какъ терпять его въ этихъ обществахъ», говорилъ мистеръ Суанки.

Будь майоръ нѣсколько самолюбивѣе и тщеславнѣе онъ, конечно бы, началъ ревновать свою возлюбленную къ этому опасному франту, но слишкомъ простой и великодушный по своей природѣ, мистеръ Доббинъ не позволялъ себѣ никакихъ сомнѣній относительно мистриссъ Эмми. Онъ даже радовался, что молодые люди отдають ей должную справедливость и восхищаются ея прелестями. Развѣ мало бѣдствій и всякихъ униженій перенесла она со времени замужества? Майоръ радовался при видѣ, какъ возникаютъ изъ-подъ спуда лучшія свойства ея души, и какъ оживляется она съ каждымъ днемъ въ этой новой сферѣ жизни. Всѣ безъ исключенія особы, имѣвшія случай сблизиться съ мистриссъ Эмми, и узнать ее покороче, отдавали справедливость благоразумному выбору майора, если только можно допустить какое-нибудь благоразуміе въ человѣкѣ, обуреваемомъ пылкими страстями.

* * *

Само-собою разумѣется, что мистеръ Джой, немедленно по прибытіи въ столицу, счелъ своей непремѣнной обязанно-

стью представиться милорду Бумбумбуму, и само-собою разумѣется, что, обласканный милордомъ Бумбумбумомъ, онъ сдѣлался съ той самой минуты самымъ заклятымъ тори. Онъ даже вознамѣрился, при слѣдующемъ визитѣ, представить и свою сестрицу. Давая полный разгулъ своему воображенію, мистеръ Джой увѣрилъ себя мало-по-малу, что отъ него дѣйствительно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, зависитъ благосостояніе Трехъ Соединенныхъ Королеветвъ.

— Милорду Бумбумбуму, я надѣюсь, пріятно будетъ видѣть членовъ моей фамиліи, сказала Джой своей сестрѣ. Ты не будешь казаться лишнею въ его палаццо, Амелія.

Эмми засмѣялась.

— Въ чемъ же я поѣду, Джой? сказала она. Гдѣ мой фамильные брильянты?

«Что бы стоило ей приказать мнѣ закупить для нея брильянтовъ! подумалъ майоръ Доббинъ. «Желалъ бы я знать, какіе брильянты не пристанутъ къ мистриссъ Эмми!»

Глава LX

Загасли вдругъ два свѣтила

Наступилъ печальный день на Джиллиспай-Стритъ. Ходъ обычныхъ удовольствій и торжественныхъ пиршествъ въ домъ мистера Джозефа Седли былъ внезапно прерванъ событіемъ весьма обыкновеннымъ на поприщѣ житейскаго базара. Пробираясь въ своей квартирѣ по лѣстницѣ изъ гостиной въ спальню наверхъ, вы замѣчали, конечно, небольшую арку въ стѣнѣ прямо передъ вашими глазами, откуда снисходитъ свѣтъ на лѣстницу, ведущую изъ втораго этажа въ третій, гдѣ обыкновенно помѣщаются дѣтскія и комнаты для прислуги. Это полукруглое отверстіе весьма полезно еще для другаго употребленія, о которомъ можно навести справку у работниковъ гробовщика. Здѣсь, на этой самой аркѣ, они устанавливають гробы, или пропускають ихъ черезъ него осторожно, чинно, такимъ-образомъ, чтобы ни на волосъ не растревожить вѣчнаго покоя охладѣвшаго лица. Присядьте, если вамъ угодно, на гладкой площадкѣ втораго этажа, всмотритесь хорошенько въ это сводистое отверстіе, обращенное на главный ходъ, его же не минуетъ ни одна живая душа, обитающая подъ кровлей британскаго дома. И прежде всего, не минуетъ его кухарка, которой суждено каждый день, передъ разсвѣтомъ спускаться изъ верхни-

хъ областей, чтобы чистить на кухнѣ кострюли и горшки, и между-тѣмъ, какъ она лѣниво, съ ноги на ногу, перебирается къ мѣсту своего назначенія, протирая заспанные глаза, навстрѣчу ей, по тѣмъ же ступенямъ, взбирается молодой хозяйскій сынокъ, босоногій, усталый, блѣдный; онъ пропировалъ всю ночь съ веселыми друзьями въ трактирѣ или клубѣ, и по возвращеніи домой, скинулъ въ корридорѣ сапоги, чтобы безшумно совершить путешествіе въ свою спальню. Отсюда снисходитъ осторожною стопой миссъ Роза или Фіалка, старшая дочь домовладѣльца, блистательная и прекрасная, сіяющая лентами, цвѣтами, и вооруженная дѣвственными прелестями для завоеванія джентльменскихъ сердецъ на бальномъ вечерѣ или раутѣ, и между-тѣмъ какъ, потупивъ голову, она крадется медленными и нерѣшительными шагами, подбравъ обѣими руками свое муслиновое платице, вертлявый ея братъ, мастеръ Томми, скользитъ, съ быстротою стрѣлы, по периламъ той же лѣстницы, презирая всякую опасность, и находя этотъ способъ путешествія самымъ вѣрнымъ, легкимъ и удобнымъ. Здѣсь же нѣжный и заботливый супругъ ведетъ подъ руку, или несетъ на своихъ могучихъ рукахъ, улыбающуюся подругу своей жизни въ тотъ счастливый день, когда докторъ медицины и хирургіи объявилъ, что прекрасная пациентка можетъ сойти внизъ и погулять въ столовой или гостиной. Этимъ же путемъ длинный Джонъ, зѣвая на потолокъ и почесывая затылокъ, пробирается въ свою спальню въ урочный часъ, съ сальнымъ огаркомъ въ рукѣ. Здѣсь лежитъ

дорога въ дѣтскую, людскую, во всѣ спальни; носятъ здѣсь дѣтей; водятъ стариковъ, провожаютъ парадныхъ гостей; ходитъ здѣсь докторъ въ комнату пациента, пасторъ, призванный крестить младенца, и здѣсь же встрѣчаютъ гробовщика съ его факельщиками и работниками... Послѣ этого сводистаго окошка, милостивые государи, и послѣ этой лѣстницы лондонскаго дома, какихъ еще вамъ нужно *memento mori*, памятниковъ жизни, смерти и житейской суеты!..

Прійдетъ пора, о возлюбленный другъ и братъ мой, когда и къ намъ съ тобою прійдетъ по этой же дѣстивцѣ, въ послѣдній разъ, докторъ медицины и хирургіи. Сидѣлка или сердобольная дама откроетъ занавѣсъ вашей постели, но вы уже не откликнетесь на ея голосъ. И затѣмъ она пріотворитъ окно, чтобы освѣжить спертый и затхлый воздухъ, испорченный вашимъ дыханіемъ. И затѣмъ, на всемъ протяженіи фасада, задернуть гардины, опустятъ сторы, закроютъ ставни; жильцы перемѣстятся въ задніе покои; прійдутъ нотаріусы и другіе джентльмены въ черномъ костюмѣ. И проч. и проч. Поприще вашей жизни окончилось однажды навсегда, и вы отправились въ путь далекій, его же не минуетъ ни одна живая душа, прозябающая подъ солнцемъ. Если вы джентльменъ извѣстнаго разряда, и роль ваша была блистательна на рынкѣ житейскихъ тревоженій, наслѣдники воздвигнутъ великолѣпный гербъ надъ послѣднимъ нашимъ жилищемъ, съ обозначеніемъ, что вы «успокоились на небесахъ». Сынъ вашъ заново омеблируетъ домъ, или отдастъ его внаймы, и пе-

реселится въ другой кварталъ. Съ началомъ новаго года имя ваше въ клубахъ будетъ причислено къ «умершимъ членамъ». Лютая скорбь овладѣетъ вашею вдовою; но это не помѣшаетъ ей заказать щегольской, нарядный трауръ; кухарка пошлетъ спросить, какія кушанья готовить къ обѣду, буфетчикъ озаботится насчетъ винъ — и все пойдетъ своимъ обычнымъ чередомъ. Портретъ вашъ еще нѣсколько погоститъ надъ каминной полкой, но потомъ уберутъ его съ этого почетнаго мѣста, чтобы любоваться на портретъ вашего наслѣдника и сына.

Какихъ покойниковъ жалѣютъ всего больше и оплакиваютъ всего искреннѣе и нѣжнѣе на Базарѣ Житейской Суеты? Тѣхъ, я думаю; которые, при жизни, всего скорѣе могли забыть насъ. Смерть дитяти сопровождается обыкновенно такими горькими, безотрадными слезами, какихъ никогда не можетъ пробудить ваша собственная кончина, о возлюбленный братъ мой. Младенецъ едва только начинаетъ узнавать васъ, и вы совершенно исчезаете изъ его памяти послѣ кратковременной разлуки, но смерть его сокрушаетъ васъ гораздо болѣе, чѣмъ кончина искренняго вашего друга, или даже первороднаго вашего сына, который давно обзавелся своимъ домомъ. И если вы старый человѣкъ, и, о возлюбленный читатель (всѣ мы состарѣмся рано или поздно), старый и богатый, или старый и бѣдный — что рѣшительно одно и тоже — наступитъ грозный часъ, когда вы невольно подумаете, «добрые люди окружаютъ меня, добрые и ласковые, но никто, ду-

мать надобно, не загруститъся обо мнѣ, когда я отправлюсь на тотъ свѣтъ. Я богатъ, и всѣ эти господа ждутъ не дождутся моего наслѣдства. Или: «я очень бѣденъ, и давно сталъ тяжкимъ бременемъ для всѣхъ этихъ господъ».

* * *

Лишь-только окончился трауръ по кончинѣ мистриссъ Седли, и лишь-только мистеръ Джой вздумалъ пощеголять въ столицѣ своими блистательными жилетами, пріобрѣтенными въ Соутамптонѣ, какъ вдругъ сдѣлалось очевиднымъ для всѣхъ обитателей новаго дома, что почтенный старичокъ, мистеръ Седли, намѣренъ въ скоромъ времени отправиться вслѣдъ за своей супругой въ горнюю страну.

— Здоровье моего отца не позволяетъ мнѣ давать большихъ вечеровъ и обѣдовъ въ нынѣшній сезонъ, торжественно замѣчалъ мистеръ Джой въ своемъ клубѣ, но если вы, другъ мой Чотни, завернете ко мнѣ въ половинѣ седьмаго, я буду очень радъ раздѣлить съ вами скромную хлѣбъ-соль. Вы найдете за моимъ столомъ двухъ или трехъ пріятелей, съ которыми авось не будетъ вамъ скучно.

Такимъ-образомъ, сановникъ Индіи и столичные его пріятели обѣдали и пили втихомолку свой кларетъ. Между-тѣмъ, какъ песочные часы жизни бѣжали впередъ въ стеклянкѣ престарѣлаго джентльмена, обитавшаго наверху. Дюжій лакей въ бархатныхъ туфляхъ подавалъ вино дорогимъ го-

стямъ, и они спокойно усаживались за вистъ послѣ обѣда. Майоръ Доббинъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ этой невинной забавѣ, и случалось повременамъ, что мистриссъ Осборнъ тоже присоединялась къ этой компаніи, когда пациентъ ея, уложенный спать, вдавался въ тотъ полусонный бредъ, который обыкновенно снисходитъ на старческую подушку.

Впродолженіе болѣзни, старикъ находилъ въ своей дочери единственную покровительницу и утѣшительницу. Изъ ея только рукъ принималъ онъ свои бульйонъ и микстуру. Ухаживанье за отцомъ сдѣлалось теперь почти единствелнымъ занятіемъ мистриссъ Эмми. Ея постель была поставлена подлѣ самой двери въ коинату больного, и при малѣйшемъ оттуда шорохѣ или движеніи, она готова была предложить свои услуги. Должно впрочемъ отдать справедливость страждущему старцу; часто по пробужденіи лежалъ онъ по цѣлымъ часамъ съ открытыми глазами, не смѣя пошевелинуться, чтобы не беспокоить своей доброй и бдительной няньки.

Быть-можетъ, мистеръ Седли любилъ теперь свою дочь гораздо нѣжнѣе, чѣмъ въ былыя времена. Исполняя свои великодушныя обязанности при болѣзненномъ одрѣ, Амелія выставляла себя въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. «Она прокрадывается въ его комнату, какъ солнечный лучъ», думалъ мистеръ Доббинъ, наблюдая, какъ Амелія на цыпочкахъ и притаивъ дыханіе, входитъ въ отцовскую спальню, причемъ дѣйствительно лицо ея лучезарилось выраженіемъ необык-

новенной нѣжности и добродушія. Кто изъ насъ не замѣчалъ этихъ очаровательныхъ проблесковъ любви и состраданія, когда женщина стоитъ задумавшись надъ колыбелью своего младенца, или заботливо ухаживаетъ при постели больного?

Вражда, затаенная въ сердцѣ старика, исчезала сама-собою, и онъ умирался совершеннѣйшимъ образомъ. Тронутый безчисленными доказательствами любви и великодушія, мистеръ Седли, отживая свои послѣдніе дни, забылъ всѣ тѣ мнимыя оскорбленія и неправды, которыя онъ и его жена думали видѣть въ своей дочери. Объ этихъ оскорбленіяхъ и неправдахъ старики бывало разсуждали между собою по цѣлымъ часамъ. Оказывалось по ихъ соображеніямъ, что Амелія жила исключительно для сына, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своихъ несчастныхъ родителей, подверженныхъ старческимъ недугамъ. Вся она принадлежала этому избалованному Джорджу, и чуть съ тоски не пропала, когда взяли мальчика на Россель-Скверъ. На что это похоже?.. Но теперь мистеръ Седли забылъ всѣ эти обвиненія, и приближаясь къ смерти, оцѣнилъ вполнѣ нравственные совершенства этого существа, готоваго на всякія самоотверженія.

Однажды вечеромъ, когда мистриссъ Эмми прокралась въ его комнату, старикъ, сидѣвшій на своей постели, вздохнулъ изъ глубины души, и приготовился, повидимому, къ своему послѣднему признанію.

— О, Эмми, другъ мой Эмми! сказалъ онъ, положивъ свою

слабую и холодную руку на ее плечо, я размышлялъ все это время, какъ мы несправедливы были къ тебѣ.

Дочь стала на колѣни при постели умирающаго, и сложила руки на молитву. Молился и отецъ среди торжественнаго безмолвія и тишины... Да ниспошлетъ Богъ каждому изъ насъ такую же утѣшительницу или подругу въ послѣдній часъ нашей жизни.

Быть-можетъ въ эти торжественныя минуты, передъ умственнымъ взоромъ мистера Седли, проносилась вся его жизнь съ ея безконечной борьбой, съ ея блистательными успѣхами въ началѣ, и безнадежными стремленіями въ концѣ. Онъ думалъ, конечно, о своемъ безпомощномъ состояніи, о несбывшихся надеждахъ и мечтахъ, о томъ, что, отправляясь въ вѣчность, не оставляетъ послѣ себя никакого состоянія, и что ему нѣтъ надобности дѣлать особеннаго завѣщанія на дѣловой бумагѣ. Жалкая жизнь, безплодная жизнь!

Позвольте, однакожь, лучше ли умирать въ эпоху процвѣтанія и славы, или въ годину нищеты и душевныхъ огорченій? Это, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вопросъ, требующій особеннаго размышленія, но во всякомъ случаѣ, странный характеръ должны получить наши чувства, когда, приближаясь къ порогу вѣчности, мы принуждены будемъ сказать, «съ завтрашнимъ днемъ, успѣхъ и неудача, торжество и паденіе будутъ для меня совершенно безразличны. Взойдетъ солнце, и міриады живыхъ существъ обратятся къ своимъ обычнымъ

дѣламъ, но меня уже не будетъ больше на Базарѣ Житейской Суеты».

Наступило утро новаго дня, небосклонъ озарился блистательными лучами солнца; человѣческій родъ обратился къ своимъ обычнымъ удовольствіямъ и дѣламъ, но уже — за исключеніемъ старика Джозефа Седли, которому не было больше надобности вооружаться противъ новыхъ ударовъ судьбы, проектировать, хитрить и строить воздушные замки. Ему оставалось только совершить путешествіе на бромптонское кладбище и успокоиться подлѣ костей своей истлѣвшей супруги.

Майоръ Доббинъ, Джой и мастеръ Джорджъ послѣдовали за его останками въ траурной каретѣ, обитой чернымъ сукномъ. Джой нарочно пріѣхалъ для этой цѣли изъ Ричмонда, куда онъ удалился немедленно послѣ плачевнаго событія. Ему, разумѣется, нельзя было оставаться въ своемъ домѣ при... при этихъ обстоятельствахъ, вы понимаете. Но мистриссъ Эмми осталась, и безмолвно принялась за исполненіе своего послѣдняго долга. Она была печальна и грустна, но не лежало злой тоски на ея душѣ. Съ кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ молилась Амелія, чтобъ Господь Богъ ниспослалъ для нея самой такую же тихую и безболѣзненную кончину; съ благоговѣйнымъ умиленіемъ она припоминала послѣднія слова своего родителя, проникнутыя вѣрой и надеждой на безконечную благодѣтельность Творца.

Вообразите себя совершеннѣйшимъ счастливецемъ въ это-

мъ подлунномъ мірѣ. Наступаетъ послѣдній вашъ часъ, и вы говорите:

«Богатъ я и славенъ, благодареніе Богу! Всю жизнь свою принадлежалъ я къ лучшимъ обществамъ. Я служилъ съ честью своему отечеству, засѣдалъ въ парламентѣ нѣсколько лѣтъ сряду, и могу сказать, рѣчи мои выслушивались съ восторгомъ. Я не долженъ никому ни одного шиллинга; совсѣмъ напротивъ: университетскій мой товарищъ, Джонъ Лазаръ, занялъ у меня пятьдесятъ фунтовъ, и мой душеприкащикъ не требуетъ съ него этого долга. Дочерямъ я оставляю по десяти тысячъ фунтовъ: хорошее приданое для дѣвицъ! Мое серебро, мѣбель, все хозяйственное заведеніе на Булочной улицѣ, вмѣстѣ со вдовымъ капиталомъ, перейдутъ въ пожизненное владѣніе къ моей женѣ. Мои хутора, дачи, со всѣми угодьями, погреба, нагруженные бочками отборнѣйшихъ винъ и всѣ деньги, хранящіяся въ государственномъ банкѣ, достанутся, вслѣдствіе духовнаго завѣщанія, моему старшему сыну. Каммердинеръ мой, въ уваженіе долговременной его службы, получилъ въ наслѣдство капиталъ, который доставитъ ему двадцать фунтовъ годового дохода. Кто жъ будетъ мною недоволенъ, и кому вздумается обвинять меня, когда трупъ мой будетъ лежать въ могилѣ?»

Пусть теперь перевернется медаль на другую сторону, и вы пропоете свою любезную пѣсню въ такомъ тонѣ:

«Бѣдный я человѣкъ, горемычный; удрученный обстоятельствами и судьбою. Жизнь моя пролетѣла,

повидимому, безъ всякой цѣли. Не наградила меня судьба ни талантами, ни умомъ, ни породой, ни дородствомъ, и признаюсь душевно, что я надѣлалъ безчисленное множество промаховъ и грубѣйшихъ ошибокъ. Не разъ позабывалъ я свои обязанности, и не могу ни однимъ шиллингомъ удовлетворить своихъ кредиторовъ. Пришелъ мой послѣдній часъ, и я лежу на смертномъ одрѣ, безпомощный и нищій духомъ. Смиренно припадаю къ стопамъ божественнаго милосердія, и да проститъ меня Всевышній во всѣхъ моихъ слабостяхъ и прегрѣшеніяхъ».

Какую изъ этихъ двухъ рѣчей вы захотѣли бы выбрать для своихъ собственныхъ похоронъ? Старикъ Седли выбралъ послѣднюю, и въ этомъ смиренномъ состояніи духа, придерживаясь за руку своей дочери, онъ распростился навсегда съ тревоженіями суеты житейскихъ.

* * *

Такъ вотъ, мой милый, ты можешь удостовѣриться своими глазами, что можетъ сдѣлать человѣкъ съ талантомъ, руководимый опытностію и коммерческимъ расчетомъ, говорилъ на Россель-Скверѣ старикъ Осборнъ внуку своему Джорджу. Посмотри на меня и на счета моего банкира. Сравни со мною бѣднаго своего дѣда Седли и его банкротство, какая непроходимая бездна между нами! А вѣдь было время, когда стоялъ онъ выше даже меня, лѣтъ за двадцать передъ этимъ

онъ стоялъ выше меня десятью тысячами фунтовъ.

Кромѣ этихъ Россель-Скверскихъ людей, да еще семьи мистера Клеппа на Виллахъ Аделаиды, ни одинъ смертный не заикнулся о горемычномъ Джонѣ Седли, и никто не захотѣлъ припомнить, что еще существовалъ на свѣтѣ такой человекъ.

Старикъ Осборнъ въ первый разъ услышалъ отъ пріятеля своего, полковника Букклера (эти свѣдѣнія мы почерпнули изъ устъ мастера Джорджа), что майоръ Доббинъ считался въ британской арміи превосходнѣйшимъ офицеромъ. Эта неожиданная вѣсть въ высокой степени озадачила мистера Осборна, и онъ выразился напрямикъ, что не предполагастъ въ этомъ неуклюжемъ джентльменѣ ни ума, ни храбрости, ни образованности. Скоро однакожь онъ получилъ о немъ блистательные отзывы отъ другихъ своихъ знакомыхъ. Сэръ Вилльямъ Доббинъ, альдерменъ, высокоцѣнившій таланты своего сына, рассказалъ множество весьма интересныхъ анекдотовъ, изъ которыхъ весьма ясно значилось, что майоръ былъ образованнѣйшій и благороднѣйшій человекъ въ мірѣ. Наконецъ, имя Доббда, одинъ или два раза, появилось въ списокѣ знаменитѣйшихъ особъ, и это обстоятельство произвело оглушительный эффектъ на стараго Россель-Скверскаго аристократа.

Какъ опекунъ Джорджиньки, майоръ неизбѣжно долженъ былъ встрѣчаться съ его дѣдомъ. При одной изъ этихъ встрѣчъ, мистеръ Осборнъ полюбопытствовалъ заглянуть въ

дѣловые отчеты майора, и тутъ поразило его обстоятельство, небывалое въ коммерческомъ мірѣ, и котораго никакъ нельзя было предвидѣть. Прозорливый и смѣтливый негоціантъ мигомъ догадался, что значительная часть капитала, опредѣленнаго на содержаніе вдовы, выходило непосредственно изъ майорскаго кармана. Это укололо самолюбіе старика, и въ то же время изумило его весьма пріятнымъ образомъ.

Вызванный на объясненіе, мистеръ Доббинъ, въ жизнь неприбѣгавшій къ обманамъ, смѣшался, покраснѣлъ, пролепеталъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ, и, наконецъ, долженъ былъ открыть истину во всемъ ея видѣ.

— Вамъ не безъизвѣстно, милостивый государь, что этотъ бракъ былъ отчасти устроенъ мною, началъ мистеръ Доббинъ, причемъ фізіономія его собесѣдника сдѣлалась вдругъ угрюмою и пасмурною. Мнѣ казалось, что покойный другъ мой зашелъ въ этомъ дѣлѣ такъ далеко, что отступленіе отъ даннаго обязательства могло бы обезчестить его имя и погубить мистриссъ Осборнъ. Когда, наконецъ, послѣ смерти мужа, осталась она безъ всякихъ средствъ къ существованію, я счелъ своей обязанностію пожертвовать въ пользу вдовы небольшимъ капиталомъ, накопившимся изъ моихъ доходовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

— Майоръ Доббинъ, отвѣчалъ старикъ Осборнъ, устремивъ на своего собесѣдника пристальный взглядъ, — вы нанесли мнѣ величайшее оскорбленіе, но позвольте вамъ замѣтить, сэръ, что вы честнѣйшій человѣкъ. Вотъ вамъ моя

рука, сэръ, хотя, признаться, я никакъ не воображалъ, что родственники мои будутъ существовать на вашъ счетъ...

И они крѣпко пожали другъ другу руки, причемъ майоръ, пойманный внезапно въ своемъ филантропическомъ лицемѣрїи, растерялся совершеннѣйшимъ образомъ. Мало-помалу однакожь онъ собрался съ мыслями, и старался помирить стараго джентльмена съ памятью его сына.

— Онъ былъ между нами образцомъ великодушїа и благородства, сказали мистеръ Доббинъ. Мы всѣ его любили, и каждый готовъ былъ на все для мистера Джорджа. Я, какъ младшїй офицеръ въ тѣ дни, гордился его дружбой, и поставилъ бы себѣ за особенную честь служить въ его ротѣ. Въ немъ соединялись всѣ качества лучшаго британскаго воина, и никого еще не удавалось мнѣ видѣть храбрѣе и отважнѣе вашего сына.

И распространяясь на эту тему, Доббинъ разсказалъ десятки исторїй въ подтвержденїе необыкновенныхъ свойствъ покойнаго капитана.

— Джорджинька похожъ на него, какъ двѣ капли воды, заключилъ майоръ энергическимъ тономъ.

— Что правда, то правда, сказали мистеръ Осборнъ, — я весь дрожу по временамъ, когда замѣчаю, какъ мальчикъ похожъ на своего отца.

Разъ или два майоръ Доббинъ обѣдалъ на Россель-Скверѣ въ обществѣ знистера Осборна (это было еще при жизни старика Седли), и когда они сидѣли вдвоемъ послѣ обѣда, раз-

говоръ ихъ склонялся преимущественно на покойнаго капитана. Отецъ любилъ теперь хвастаться своимъ сыномъ, и выставляя на показъ его подвиги, прославлялъ еще болѣе свою собственную особу. Во всякомъ случаѣ, въ отзывахъ его о покойникѣ уже не было замѣтно прежней желчи и негодованія, и чувствительный майоръ радовался душевно, что старикъ помирился наконецъ съ памятью сына. Самъ Вилльямъ уже начиналъ, повидимому, пользоваться его благосклонностью. При второмъ визитѣ, онъ сталъ съ нимъ обходиться запросто, безъ церемоніи, и уже называлъ его Вилльямомъ, точь-въ-точь какъ въ бывалые времена, когда Доббинъ и Джорджъ учились вмѣстѣ въ пансіонѣ доктора Свиштеля. Такая благосклонность доставляла невыразимое удовольствіе честному джентльмену.

Когда на другой день во время завтрака, миссъ Осборнъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ сатирическаго направленія, собственнаго ея лѣтамъ, произнесла нѣсколько легкомысленныхъ и довольно колкихъ замѣчаній относительно наружности и обращенія майора, мистеръ Осборнъ прервалъ ее на половинѣ фразы и сказалъ:

— Вздоръ вы говорите, миссъ Осборнъ, было бы вамъ это извѣстно, сударыня. Вы бы съ радостию согласились вручить свое сердце майору, да только виноградъ-то еще слишкомъ зеленъ для насъ съ вами: не такъ ли? Ха, ха, ха! майоръ Вилльямъ — прекраснѣйшій джентльменъ.

— Правда ваша, дѣдушка, правда! подтвердилъ мастеръ

Джорджъ одобрительнымъ тонозгъ.

И подбѣжавъ къ старому джентльмену, онъ началъ, съ особенною нѣжностію, разглаживать его сѣдые бакенбарды и цаловать его въ лицо. Вечеромъ въ тотъ же день юный джентльмень разсказалъ эту исторію своей матери, и мистриссъ Эмми вполнѣ соглаеилась съ мнѣніемъ сына.

— Конечно твоя правда, мой милый, сказала она, — отецъ твой всегда отзывался о немъ съ хорошей стороны. Вилльямъ благороднѣйшій и, что всего лучше, самый правдивый джентльмень.

Легкій на поминѣ, Доббинъ скоро вошелъ послѣ этой интересной бесѣды, распространившей краску на лицѣ мистриссъ Эмми. Смущеніе ея увеличилось еще больше, когда маленькій шалунъ принялся разсказывать вторую часть исторіи, происходившей на Россель-Скверѣ.

— Знаешь ли что, Доббинъ? сказалъ мастеръ Джорджъ, — одна прекрасная особа съ необыкновенными талантами хочетъ выйти за тебя замужъ. Она румянится каждый день, носить фальшивую косу, фальшивые локоны, и бранить прислугу отъ утра до вечера.

— Кто же это? спросилъ Доббинъ.

— Тётушка Осборнъ, отвѣчалъ мальчикъ, — такъ по крайней мѣрѣ сказалъ дѣдушка. И право бы, очень недурно, еслибъ ты вздумалъ породниться съ нами. Меня ужъ давно забираетъ охота величать тебя дядюшкой.

Въ эту минуту слышался изъ ближайшей комнаты дро-

жащій голосъ старика Седли. Амелія ушла, и смѣхъ прекратился.

Было ясно для всѣхъ, что мнѣнія старика Осборна и образъ его чувствованій измѣнялись мало-по-малу. Повременамъ онъ разспрашивалъ Джорджиньку о его дядѣ и смѣялся отъ души, когда мальчикъ каррикутиръ и передразнивалъ мистера Джоя. Разъ, однакожь, онъ сдѣлалъ внуку довольно строгое замѣчаніе на этотъ счетъ.

— Это нехорошо, сэръ, и неуважительно, когда молодежь позволяетъ себѣ смѣяться надъ старшими родственниками, сказалъ старикъ. Если вы вздумаете сегодня выѣхать, миссъ Осборнъ, прошу васъ завезти мою карточку мистеру Джозефу Седли: слышите ли? Между мною и этимъ джентльменомъ никогда не было ссоры.

Получивъ эту карточку, сановникъ Индіи не замедлилъ отправить и свою. Вслѣдъ затѣмъ мистеръ Джой и майоръ Доббинъ получили торжественное приглашеніе на Россель-Скверъ, гдѣ изготовили для нихъ обѣдъ, блистательный и глупѣйшій, какой когда-либо давали въ домѣ мистера Осборна. Столъ нагруженъ былъ весь фамильнымъ серебромъ и гости приглашены были изъ разныхъ кварталовъ столицы. Мистеръ Седли удостоился чести идти въ столовую подъ руку съ миссъ Осборнъ, и старая дѣвица была съ нимъ необыкновеняно любезна и мила, между-тѣмъ какъ съ майоромъ едва пролепетала нѣсколько словъ. Мистеръ Доббинъ, застенчивый и робкій, сидѣлъ вдаль отъ нея, подлѣ само-

го хозяина дома. Джой замѣтилъ съ великою торжественностію, что черепаховый супъ былъ превосходенъ во всѣхъ отношеніяхъ, и любопытствовалъ узнать, откуда мистеръ Седли получилъ такую отличную мадеру.

«Это еще остатокъ отъ винъ Седли», прошепталь буфетчикъ своему господину.

— Я купилъ это вино уже давно, лѣтъ двадцать назадъ, и обошлось оно мнѣ очень дорого, громко сказалъ мистеръ Осборнъ своему гостю, и тутъ же добавилъ на ухо своему сосѣду, что этотъ сортъ мадеры пріобрѣтенъ на аукціонѣ изъ погребовъ «этого стараго банкрота».

Нѣсколько разъ въ этотъ день начиналъ онъ спрашивать — о комъ бы вы думали? — о мистриссъ Джодржъ Осборнъ, и можно заранѣе представить, съ какимъ краснорѣчіемъ мистеръ Доббинъ принялся развивать свою задушевную, тему. Живо и подробно онъ изобразилъ старику ея страданія, пламенную любовь мистриссъ Эмми къ супругу, котораго она обожаетъ до сихъ поръ, нѣжную любовь къ родителямъ, и рѣдкое самоотверженіе, на которое она обрекла себя, разставаясь съ своимъ сыномъ.

— Вы не можете представить, сэръ, что она вытерпѣла, сказалъ честный Доббинъ дрожащимъ голосомъ, — и я надѣюсь, сэръ, даже увѣренъ, что вы помиритесь наконецъ съ несчастной вдовой. Пусть Амелія разлучила васъ съ сыномъ, но зато теперь она отдала вамъ своего собственнаго сына, и если вы любили нѣкогда вашего Джорджа, могу васъ клятвен-

но увѣрить, что она любить своего Джорджиньку въдесятеро больше.

— Клянусь честью, сэръ, вы — благороднѣйшій человѣкъ.

И больше ничего не сказалъ въ отвѣтъ мистеръ Осборнъ. Ему въ голову не приходило до сихъ поръ, что вдова должна была чувствовать какую-нибудь горестъ послѣ разлуки съ сыномъ, поставленнымъ на джентльменскую ногу въ домѣ своего дѣда. Примиреніе казалось близкимъ и неизбѣжнымъ, и сердце Амеліи уже начинало трепстать при мысли о страшной встрѣчѣ съ отцомъ своего мужа.

Этого, однакожь, не случилось. Медленная болѣзнь старика Седли, и кончина его, отсрочили на неопредѣленное время свиданіе невѣстки съ тестемъ. Эта катастрофа и другія событія, случившіяся въ послѣднее время, произвели, повидимому, губительное впечатлѣніе на организмъ мистера Осборна, и онъ началъ слабѣть съ каждымъ днемъ. Духъ его былъ также неспокоенъ. Нѣсколько разъ посылалъ онъ за своими нотариусами, и сдѣлалъ вѣроятно какія-нибудь измѣненія въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Докторъ, признавшій его взволнованнымъ и растроенымъ, предписалъ кровопусканіе и морской воздухъ, по старій джентльменъ не выполнилъ ни одного изъ этихъ рецептовъ.

Однажды, когда мистеръ Осборнъ не явился къ завтраку въ урочный часъ, каммердинеръ, заглянувъ въ его уборную, нашелъ своего господина лежавшимъ въ обморокъ у ногъ туалетнаго стола. Извѣстили объ этомъ миссъ Осборнъ,

послали за докторами, Джорджинька не пошелъ въ пансіонъ, явились кровопускатели съ ланцетами и рожками. Осборнъ приведенъ былъ въ чувство, но уже не могъ говорить, хотя два или три раза употребилъ отчаянныя усилія для произнесенія какихъ-то словъ. Черезъ четыре дня онъ умеръ. Доктора разѣхались, гробовщикъ и его работники забрались наверхъ, и ставни были закрыты на лицевой сторонѣ, выходившей на Россель-Скверскій садъ. Буллокъ, сломя голову, прибѣжалъ изъ Сити.

— Сколько старикъ оставилъ денегъ этому мальчику? — Конечно не половину. Конечно все имѣніе раздѣлено на три ровныя части.

То была торжественная и тревожная минута.

Какія же слова старался выговорить несчастный старикъ передъ своей кончиной? Думать надобно, что ему хотѣлось увидѣться и помириться съ возлюбленною и вѣрною супругою своего сына. Это всего вѣроятнѣе, потому-что, по вскрытіи завѣщанія, оказалось, что мистеръ Осборнъ не питалъ уже никакой ненависти къ своей невѣсткѣ.

Въ карманѣ его комнатнаго сюртука нашли письмо съ большою красною печатью, которое Джорджъ писалъ накануне ватерлооской битвы. Онъ пересматривалъ также другія бумаги, имѣвшія отношеніе къ его сыну, потому-что ключъ отъ шкатулки, гдѣ онѣ хранились, былъ также отысканъ въ его карманѣ. Печати были сломаны всѣ до одной. Онъ перечитывалъ эти бумаги вѣроятно наканунѣ своего паралича,

такъ по крайней мѣрѣ можно было судить изъ словъ камердинера, объявившаго, что господинъ его въ тотъ день долго работалъ въ своемъ кабинетѣ, и передъ нимъ на столѣ лежала большая фамильная библія въ красномъ сафьяномъ переплетѣ.

Когда наконецъ завѣщаніе было открыто, оказалось, что половину своего имѣнія мистеръ Осборнъ оставилъ Джорджу. Остальная часть поступила въ раздѣлъ между двумя сестрами. Господину Фредерику Буллоку предоставлялось на произволъ: или продолжать, для общей пользы, дѣла коммерческаго дома, или выдѣлиться, если онъ сочтетъ это болѣе выгоднымъ и удобнымъ. Пансіонъ въ пятьсотъ фунтовъ, изъ доходовъ Джорджа, назначался его матери, «вдовѣ моего возлюбленнаго сына, Джорджа Осборна, которую вмѣстѣ прошу принять опеку надъ сыномъ и моимъ внукомъ до его совершеннолѣтія». Послѣдній пунктъ завѣщанія выражался въ такой формѣ:

«Исполнителемъ сей моей воли назначаю майора Вилльяма Доббина, искренняго и благороднѣйшаго друга моего возлюбленнаго сына. И поелику оный майоръ, руководимый единственно чувствомъ и побужденіями своего великодушія, содержалъ капиталомъ изъ собственныхъ доходовъ моего внука и вдову моего сына въ ту пору, когда не было у нихъ другихъ средствъ къ существованію, то я, принося ему наичувствительнѣйшую благодарность за таковыя христіанскія благодѣянія, прошу вмѣстѣ съ симъ принять изъ остав-

ленного наслѣдства такую сумму, каковая можетъ оказаться достаточною для покупки чина подполковника, или для какой-либо другой благонамѣренной цѣли.»

Услышавъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ своего тестя, Амелія пришла въ трогательное умиленіе, и была искренно благодарна за оставленное наслѣдство. Но когда сказали ей и разъяснили, какими судьбами Джорджинька опять соедѣйился съ нею, и какъ Вильямъ содержалъ ее на свои собственный счетъ, какъ въ свое время онъ далъ ей мужа, и теперь возвратилъ ей сына... о!.. тогда сердце бѣдной женщины растаяло какъ воскъ, и долго стояла она на колѣняхъ, возсылая пламенные молитвы за благоденствіе своего великодушнаго покровителя, защитника и друга.

И больше все-таки ничего. Одною только благодарностію отдѣлалась мистриссъ Эмми за эту удивительную преданность и самоотверженіе въ ея пользу.

* * *

При всякой другой мысли образъ Джорджа выходилъ къ ней изъ-за могилы, и говорилъ всегда одно и то же: «ты мнѣ принадлежишь, одному мнѣ, исключительно и нераздѣльно, нынѣ и во вѣки.»

Вильямъ хорошо зналъ это, всю свою жизнь, казалось, исключительно посвятилъ онъ тому, чтобы отгадывать мысли и чувства мистриссъ Эмми.

Когда свѣтъ узнать о подробностяхъ завѣщанія богатаго негоціанта, интересно было наблюдать и замѣчать, какъ мистриссъ Эмми вдругъ поднялась во мнѣніи особъ, составлявшихъ небольшой кружокъ ея знакомыхъ. Даже слуги на Джиллиспай-Стритѣ перемѣнили о ней свои образы мыслей. Прежде, когда бывало мистриссъ Эмми отдавала свои скромныя приказанія, они любили обыкновенно отдѣлываться отвѣтомъ, что «надо спросить напередъ мистера Джозефа», но теперь уже никто не думалъ обращаться къ этой апелляціи, и всякой спѣшилъ наперерывъ исполнить волю прекрасной миледи. Кухарка оставила похвальную привычку подсмѣиваться и трунить надъ старыми, истасканными платьями мистриссъ Эмми (праздничный костюмъ кухарки — должно отдать ей полную справедливость — совершенно затмѣвалъ скромные наряды ея госпожи), и никто не думалъ болѣе ворчать и медлить; когда *миледи* звонила въ колокольчикъ. Кучеръ брюзжалъ и жаловался прежде, что кони его совсѣмъ исчахли отъ безпрестанныхъ выѣздовъ, и барская коляска превратилась въ настоящій лазаретъ для этого старикашки и мистриссъ Осборнъ, но теперь ѣздилъ онъ съ веселымъ духомъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ столицы, и боялся только, какъ бы не вздумали замѣнить его кучеромъ мистера Осборна. Опасеніе несправедливое: гдѣ этимъ Россель-Скверскимъ кучерамъ ѣздить съ такой прекрасной миледи, какъ мистриссъ Осборнъ? они совсѣмъ не знаютъ города, да и на козлахъ-то держаться не

умѣють.»

Всѣ безъ исключенія знакомые мистера Джоя, мужскаго и женскаго пола вдругъ заинтересовались судьбою мистриссъ Эмми и нагрозили ея столику визитными карточками разнообразныхъ цвѣтовъ и форматовъ. Самъ мистеръ Джой, смотрѣвшій прежде на свою сестру какъ на нищую, нуждающуюся въ пищѣ и одеждѣ, началъ теперь оказывать ей величайшее уваженіе, и готовъ былъ, при всякомъ случаѣ, свидѣтельствовать глубокое почтеніе своему племяннику, мистеру Джорджу, наслѣднику огромнаго богатства. Онъ обнаружилъ необыкновенную дѣятельность въ пріискиваніи разнообразныхъ развлеченій и удовольствій для своей «неутѣшной сестры», и по обыкновенію справлялся за завтракомъ «какъ намѣрена провести этотъ день мистриссъ Осборнъ».

Въ качествѣ опекунши Джорджа, Амелія, съ согласія майора предложила дѣвицѣ Осборнъ жить въ россель-скверскомъ домѣ, сколько ей угодно, но миссъ Осборнъ, свидѣтельствуя свою искреннюю благодарность, уклонилась отъ этой чести, и объявила наотрѣзъ, что она ни за какія блага не намѣрена оставаться одна въ этомъ печальномъ палаццо, гдѣ она натерпѣлась всякаго горя. Вскорѣ послѣ похоронъ отца, миссъ Осбордъ, въ глубокомъ траурѣ, отправилась въ Чельтенгемъ, взявъ съ собою двухъ старыхъ служанокъ. Остальная прислуга была распущена съ приличнымъ награжденіемъ. Вѣрный старый буфетчикъ, уклонившійся отъ предложенія продолжать свою службу на Джиллиспай-Стри-

тъ, предпочелъ употребить свой благопріобрѣтенный капиталецъ на основаніе трактирнаго заведенія, которое, станемъ надѣяться, скоро достигнетъ цвѣтущаго состоянія.

Домъ на Россель-Скверѣ опустѣлъ. мистриссъ Осборнъ, послѣ приличнаго совѣщанія съ майоромъ, тоже уклонилась отъ чести переселиться въ это мрачное жилище. Мѣбель и всѣ вещи были вывезены куда слѣдуетъ. Страшные канделябры и печальныя зеркала огромнѣйшихъ размѣровъ были упакованы и спрятаны, богатѣйшія украшенія гостиной заверчены соломой, ковры свернуты и перевязаны, небольшая бібліотека изъ отборныхъ классиковъ въ богатѣйшихъ переплетахъ умѣстилась въ двухъ ящикахъ изъ-подъ вина — и всѣ эти сокровища укатились въ кладовую, гдѣ суждено было лежать имъ до совершеннолѣтія Джорджа. Большіе тяжелыя сундуки съ фамильнымъ серебромъ поступили къ господамъ Стомпи и Роди, въ погребѣ этихъ банкировъ, обязавшихся до урочнаго времени хранить наслѣдственное сокровище мистера Джорджа.

Однажды Эмми и сынъ ея, одѣтые въ глубокой трауръ, собрались навѣстить опустѣлый Россель-Скверскій домъ, куда нога вдовы не переступала съ той поры, какъ она была дѣвицей. Передъ фасадомъ дома еще виднѣлись остатки соломы. Мать и сынъ вошли въ большія печальныя комнаты, гдѣ на стѣнахъ весьма ясно обозначались мѣста снятыхъ картинъ и зеркалъ. Затѣмъ, по каменнымъ ступенямъ, они пошли наверхъ, и заглянули въ траурную спальню, туда, гдѣ «умеръ

дѣдушка», шепнулъ мальчикъ своей спутницѣ. Поднявшись еще выше однимъ этажемъ, они вступили въ собственную комнату Джорджа. Мальчикъ крѣпко держался за руку своей матери, но она думала въ эту минуту о другомъ предметѣ. Эмми помнила и знала, что эта комната принадлежала также отцу ея сына.

Она подошла къ тому самому открытому окну, на которое еще такъ недавно смотрѣла съ замираніемъ сердца, когда впервые разлучили ее съ сыномъ. Отсюда, черезъ деревья сквера, открывался видъ и на тотъ старый домикъ, гдѣ родилась сама мистриссъ Эмми, и гдѣ провела счастливые дни своей первой молодости. Все возобновилось въ ея воображеніи: она видѣла веселыя, счастливыя, добродушныя, улыбающіяся лица, и живо припомнила, какъ свои дѣтскія радости, такъ и продолжительныя печали, доставшіяся ей въ удѣлъ послѣ замужества. Затѣмъ мысль ея перенеслась на этого удивительнаго человѣка, который былъ постояннымъ ея покровителемъ, хранителемъ, единственнымъ ея благодѣтелемъ, ея нѣжнымъ и великодушнымъ другомъ.

— Посмотри-ка, мамаша, сказалъ Джорджъ, вотъ здѣсь на стеклѣ вырѣзаны буквы: «Д. О.» Этого я не замѣчалъ прежде, право не замѣчалъ.

— Въ этой комнатѣ жилъ отецъ твой еще задолго до твоего рожденія, Джорджъ, отвѣчала мать, цалуя своего сына.

Она молчала во всю дорогу на возвратномъ пути въ Ричмондъ, гдѣ была временная ея квартира. Сюда пріѣзжали къ

мистриссъ Эмми улыбающіеся нотаріусы и адвокаты, и здѣсь же была особенная комната для майора Доббина; занятый многосложными хлопотами по опеку, онъ часто долженъ былъ пріѣзжать къ мистриссъ Эмми.

Джорджинька взялъ этимъ временемъ безсрочный отпускъ изъ учебнаго заведенія достопочтеннаго мистера Вилля. Этому джентльмену поручили сочинить надпись для мраморной доски, приготовленной для новаго монумента въ честь капитана Джорджа Осборна.

* * *

Мистриссъ Буллокъ имѣла самыя основательныя причины ненавидѣть своего выскочку-племянника, лишившаго ее цѣлой половины ожидаемаго наслѣдства. Это, однакожь, не помѣшало ей помириться съ матерью счастливаго наслѣдника и питать дружелюбныя чувства въ отношеніи къ самому мастеру Джорджу. Семейство ея жило въ Рогамптонѣ, и это мѣстечко отстоять на ближайшее разстояніе отъ Ричмонда. Въ одинъ прекрасный день, великолѣпная карета съ золотыми гербами господъ Буллокъ, Гулькеръ и Компаніи, подкаатила къ Ричмондской резиденціи мистриссъ Осборнъ. Въ каретѣ сидѣла мистриссъ Буллокъ со всѣми своими дѣтьми, слабыми, рыхлыми и удивительно невзрачными. Вся эта ватага хлынула въ садъ черезъ калитку въ то самое время, когда мистриссъ Эмми читала книгу, Джой наслаждался въ бесѣдѣ

къ клубникой и кларетомъ, а майоръ Доббинъ, въ Индiйской курткѣ, училъ Джорджиньку играть въ чехарду, подставляя ему свою собственную спину для гимнастическихъ упражненiй, сопряженныхъ съ этой забавой. Сдѣлавъ мастерской прыжокъ черезъ голову учителя, мастеръ Джорджъ чуть не наткнулся на Буллоковъ, украшенныхъ огромными черными бантами на шляпахъ, и перепоясанныхъ черными шарфами гигантскаго размѣра. За ними плавно выступала ихъ траурная мамаша.

«А вѣдь онъ какъ разъ, по своимъ лѣтамъ, прiйдется для Розы», подумала чадолюбивая родительница, бросивъ нѣжный взглядъ на милое свое дѣтище, мозглявую дѣвчонку лѣтъ семи.

— Подойди сюда, Роза, поцалуй своего кузена, сказала мистрисъ Буллокъ, Гулькеръ и Компанiя. Развѣ ты не узнаешь меня, Джорджъ? Я твоя тѣтка.

— Я знаю васъ очень хорошо, замѣтилъ мастеръ Джорджъ, но извините, тѣтушка Буллокъ, я терпѣть не могу цаловаться.

И онъ отскочилъ назадъ отъ маленькой миссъ Розы, приготовившейся подставить для поцалуя свои золотушныя губки.

— Ахъ, ты, шалунъ!.. Веди меня къ своей матери, Джорджъ, сказала мистрисъ Буллокъ.

И двѣ прекрасныя леди встрѣтились между собою послѣ разлуки, продолжавшейся болѣе пятнадцати лѣтъ. Въ годину нищеты и бѣдствiй, сопровождавшихъ мистрисъ Эм-

ми, золовка ни разу не собралась навѣстить ее на Аделаидиныхъ виллахъ, но теперь, съ переменною обстоятельствомъ, мистриссъ Буллокъ, какъ добрая родственница, сочла своей обязанностью возобновить знакомство.

Ея примѣру послѣдовали многія, болѣе или менѣе знаменитыя особы. Старинная наша пріятельница, миссъ Шварцъ, сопровождаемая своимъ супругомъ и лакеями въ желтыхъ ливреяхъ, съ громомъ подкатила къ подъѣзду ричмондскаго дома, и съ неистовою нѣжностію бросилась въ объятія мистриссъ Эмми. Шварцъ всегда любила свою пансіонскую подругу, даже обожала ее въ нѣкоторомъ смыслѣ, но... но — *que voulez vous?* Эти большіе города удивительно какъ неудобны для изліянія сердечныхъ ощущеній. Въ какомъ-нибудь, примѣромъ сказать, Лондонѣ, можно прожить цѣлый вѣкъ и не видѣть самого искренняго друга, особенно, если этотъ другъ повихнулся какъ-нибудь на балаганныхъ подмосткахъ житейскаго базара. Старая, старая пѣсня!

Конецъ-концовъ: прежде чѣмъ окончился узаконенный періодъ скорби послѣ кончины мистера Осборна, Эмми вдругъ очутилась въ центрѣ самого отборнаго джентльменскаго круга, гдѣ всѣ, повидимому, были веселы, счастливы и довольны. У каждой леди неизбѣжно считался родственникомъ по крайней мѣрѣ одинъ лордъ или пэръ, хотя бы супругъ ея промышлялъ саломъ или ветчиною въ Сити. Нѣкоторыя дамы владѣли неизмѣримой ученостію, читали мистриссъ Сомервиль, и присутствовали на ученыхъ

засѣданіяхъ Академіи Наукъ, другія, не имѣя особенныхъ литературныхъ талантовъ, промышляли преимущественно по кувыркательной части, и засѣдали между многими достопочтенными мужами. Эмми, должно признаться, совершенно сбилась съ толка среди этихъ корифеевъ прекраснаго пола. Визиты и обращеніе мистриссъ Фредерикъ Буллокъ особенно были для нея тяжки и даже невыносимы въ моральномъ смыслѣ. Эта леди благоволила принять на себя покровительственный тонъ, и рѣшилась посвятить свою родственницу въ тайны наилучшихъ обществъ. Она окружила Амелію своими собственными модистками, старалась исправить ея манеры, и даже приняла на себя великодушную обязанность распоряжаться ея хозяйствомъ. Пріѣзжая почти каждый день изъ Рогамптона, она заводила безконечную бесѣду о фешонэбльныхъ обычаяхъ большаго свѣта, и картавила въ произношеніи на великосвѣтскій манеръ. Джой любилъ ее слушать, но майоръ ворчалъ и отправлялся во-свояси при появленіи этой леди. Онъ даже не соблюдалъ особенной учтивости на блистательныхъ вечерахъ мистера Фредерика Буллока, и обыкновенно засыпалъ, когда вокругъ него принимались толковать о разныхъ назидательныхъ предметахъ. Амелія тоже не принимала дѣятельнаго участія въ этихъ бесѣдахъ: она не разумѣла по латыни, и никогда не слѣдила за ходомъ британской журналистики. И между-тѣмъ какъ все вокругъ нея жужжало, дребезжало и гудѣло, мистриссъ Эмми безмолвно любовалась на зеленые луга, садо-

выя тропинки и блестящія оранжереи.

— Она добра, конечно, но глупа непзмѣримо, замѣтила мистриссъ Роди. Майоръ кажется влюбленъ въ нее до безумія.

— Свѣтской полировки въ ней нѣтъ, моя милая, сказала мистриссъ Голліокъ. Вамъ нѣтъ никакой возможности усовершенствовать ея манеры.

— Она рѣшительно не имѣетъ никакихъ свѣдѣній, и, по-видимому, равнодушна ко всѣмъ событіямъ политическаго міра, прогудѣла мистриссъ Глори такимъ голосомъ, который какъ-будто выходилъ изъ могильнаго склепа. Разъ какъ-то я спросила ее: въ которомъ году должно совершиться паденіе папы: въ 1836, какъ полагаетъ мистеръ Джоульсъ, или въ 1834, какъ разсчитываетъ мистеръ Вапсготъ? Вообразите же, что она отвѣчала: «Бѣдный папа! Что жъ такое онъ сдѣлалъ?»

— Однакожь она вдова моего брата, mesdames, возразила мистриссъ Фредерикъ Буллокъ, — и, слѣдовательно, мы обязаны оказывать ей всякое снисхожденіе. Я стараюсь, по возможности, испраздить ея манеры, чтобы она не была по крайней мѣрѣ смѣшна въ нашемъ кругу. Можете вообразить, тго въ этомъ дѣлѣ я не могу имѣть никакихъ свосекорыстныхъ побужденій.

— Толкуй тутъ, знаемъ мы васъ! говорила мистриссъ Роди пріятельницѣ своей Голліокъ, когда онѣ отправились въ одной каретѣ домой, — эта пройдоха Буллокъ станеть, кажется, хитрить и лукавить всю свою жизнь. Она хочетъ переманить

къ себѣ капиталъ мистриссъ Осборнъ изъ нашей конторы, вотъ и вся задача.

— Нѣтъ еще не вся, возразила Голліокъ, — развѣ вы не замѣтили, какъ она ухаживаетъ за этимъ мальчикомъ?

— Какъ же этого не замѣтитъ? Джорджъ и эта слѣпая Роза, по ея милости, вѣчно сидятъ вмѣстѣ. И глупо, и смѣшно!

— Глора мнѣ ужасно надоѣла своими кувыркательскими сочиненіями.

— Не вамъ однѣмъ: она всѣмъ навязывается съ своимъ «Слѣпынь Суркомъ», и «Плодовитой пшеницей».

Разговоръ въ этомъ тонѣ продолжался во всю дорогу, пока наконецъ карета не переѣхала Потнѣйскій мостъ.

Но это джентльменское, и, быть-можетъ, нѣсколько чопорное общество было совершенно не по душѣ мистриссъ Эмми, и можно представить, какъ она обрадовалась, когда наконецъ объявили, что повезутъ ее въ чужіе края.

Глава LXI

На Рейнѣ

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ нами житейскихъ приключеній, въ одно прекрасное утро, когда лѣто стояло на половинѣ, Парламентъ былъ распущенъ, и все лондонское народонаселеніе, жаждущее заморскихъ наслажденій или исцѣленія отъ недуговъ, собралось въ чужіе края, — пароходъ «Батавецъ», нагруженный разнообразною коллекціею британскихъ бѣглецовъ, торжественно отвалилъ отъ пристани Лондонской башни. Весело распахнулся живописный шатеръ надъ передней частью налубы, скамейки и всѣ проходы испестрились группами розовыхъ дѣтей, суетливыми нянюшками и горничными, степенными маменьками въ розовыхъ шляпкахъ и лѣтнихъ платьицахъ, джентльменами въ картузахъ и полотняныхъ курткахъ, отращавшими издавна молодецкіе усы нарочно для этой увеселительной поѣздки, и, наконецъ, дюжими ветеранами въ лоценыхъ шляпахъ и накрахмаленныхъ галстукахъ, наводнившими Европу послѣ окончанія великой битвы, и которые повсюду разнесли свое національное Goddem, непереводимое ни на одинъ изъ подлунныхъ языковъ во вселенной.

Изумительное и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, уму непостижимое было здѣсь собраніе шляпныхъ картонокъ, бритвенныхъ

приборовъ, конторокъ à la Gramas и другихъ вещей, необходимыхъ для морской фзды. Были тутъ вертлявые питомцы изъ Кембриджской коллегіи съ степеннымъ гувернеромъ, отправлявшіеся для ученыхъ наблюденій въ Нонненвертъ или Кенигвинтеръ. Были тутъ ирландскіе джентльмены съ блестящими цѣпочками и усаами, разсуждавшіе во всю дорогу о лошадиныхъ породахъ и разсыпавшіеся въ комплиментахъ передъ молодыми леди, которыхъ, напротивъ, тщательно и съ дѣвственною стыдливостію избѣгали юные воспитанники Кембриджа съ ихъ блѣднолицымъ гувернёромъ. Были тутъ старые поль-мелльскіе франты, спѣшившіе въ Висбаденъ играть въ рулетку, и къ Эмскимъ водамъ пить рейнвейнъ. Былъ тутъ старикъ Хамократь, женившійся на юной дѣвѣ, за которою ухаживалъ теперь кептенъ Папильйонъ, державшій на рукахъ дорожки ея и зонтикъ. Былъ тутъ молодой Май, ѣхавшій, послѣ свадьбы, веселиться съ своей супругой (то была урожденная мистриссъ Зима, учившаяся въ пансіонѣ вмѣстѣ съ бабушкой Мая). Былъ тутъ сэръ Джонъ и супруга его съ двѣнадцатью дѣтьми, сопровождаемыми дюжиною нянюшекъ и мамушекъ. Былъ тутъ великій лордъ Барикрисъ со всѣми членами своего высокопочтеннаго семейства. Они сидѣли рядомъ, поотдаль отъ всѣхъ, смотрѣли во всѣ глаза и, какъ водится, не говорили ни съ кѣмъ. Экипажи ихъ съ фамильными гербами стояли на фордекѣ, обставленные дюжиною разпородныхъ колесницъ, такъ-что трудно было проходить между ними, и бѣдные пассажиры срединной части па-

рохода принуждены были оставаться почти безъ всякаго движенія. То были джентльмены средней руки, ѣхавшіе съ собственной провизіей, и которые, въ случаѣ надобности, могли бы скупить весь этотъ веселый народъ въ большомъ салонѣ. Между ними замѣшались степенные блѣднолицые юноши съ бакенбардами и портфёлями, вооружившіеся карандашами не дальше какъ черезъ полчаса по прибытіи на пароходъ.

Тутъ же были двѣ Француженки, *femmes de chambre*; у которыхъ страшно закружилась голова, лишь-только проѣхали Гринвичъ. Нѣсколько кучеровъ, вертѣвшихся около экипажей, довершали эту разнохарактерную массу будущихъ искателей приключеній на европейскомъ континентѣ.

Усадивъ своихъ господъ на палубѣ или въ каюту, камердинеры и лакеи соединились въ дружелюбную группу, и принялись разсуждать о житейскихъ дѣлахъ, покуривая въ тоже время трубки и сигары. Къ нимъ присоединились нѣкоторые джентльмены изъ европейской породы, заинтересованные прежде всего разкокалиберными экипажами джентльменовъ. Карета сэра Джона могла съ большимъ комфортомъ помѣстить до тринадцати особъ мужескаго и женскаго пола. Коляска лорда Хамократа тоже была очень замѣчательна, но всего интереснѣе былъ огромный фургонъ лорда Барикриса. Нельзя не подивиться, откуда милордъ добылъ капиталъ для этой поѣздки, но европейскимъ джентльменамъ было извѣстно это обстоятельство. Они знали, сколько въ настоящую минуту наличной суммы въ карманѣ лорда Ба-

рикриса, у кого онъ занялъ, и за какіе проценты. Былъ тутъ еще премиленькій дорожный экипажъ отличной работы, и о немъ-то собственно бесѣдовали теперь сгруппировавшіеся джентльмены.

— A qui cette voiturela? спросилъ одинъ каммердинеръ съ длинными серъгами въ ушахъ и сафьяннымъ денежнымъ мѣшкомъ въ рукахъ. Рѣчь эта обращалась къ джентльмену съ такимъ же мѣшкомъ и такими же серъгами.

— C'est a Kirsch je bense — je l'ai vu toutea l'heure — qui brenoit des sangviches daus la voiture, отвѣчалъ джентльмень на превосходномъ германо-французскомъ діалектѣ его собственнаго изобрѣтенія.

Въ эту минуту мистеръ Киршъ выкарабкался на свѣжій воздухъ изъ трюма, гдѣ онъ отдавалъ, на разныхъ европейскихъ нарѣчіяхъ, приказанія матросамъ, занимавшимся укладкою пассажирскихъ вещей. Немедленно онъ представилъ о своей особѣ полный и подробный отчетъ своимъ собратіямъ по ремеслу. Онъ извѣстилъ ихъ, что экипажъ принадлежитъ набобу, воротившемуся недавно изъ Калькутты и Ямайки, неизмѣримоу богачу, съ которымъ онъ, Киршъ, условился развѣзжать, въ качествѣ переводчика, по всѣмъ европейскимъ землямъ. Въ это самое мгновеніе, какой-то юный джентльмень очутился на кровлѣ кареты лорда Хамократа, и перепрыгивая, съ быстротою бѣлки, съ экипажа на экипажъ, добрался наконецъ до своей собственной кареты и, при общемъ одобрительномъ крикѣ, проюркнулъ туда въ

открытое окно.

— Nous allons avoir une belle traversée, monsieur George, сказал Киршъ съ любезной улыбкой, приподнимая козырекъ своего картуза.

— Проваливай ты тутъ съ этимъ французскимъ языкомъ, откликнулся юный джентльменъ, скажи-ка лучше, гдѣ мои бисквиты?

Въ отвѣтъ на эту рѣчь изъ устъ Кирша вылетѣли звуки, весьма похожіе на британскій діалектъ. Мистеръ Киршъ былъ великій лингвистъ, знакомый, повидимому, со всѣми языками, но не имѣя природнаго нарѣчія, онъ объяснялся на всѣхъ очень бѣгло и безъ всякаго соблюденія правилъ какой бы то ни было грамматики.

Повелительный юный джентльменъ, искавшій бисквитовъ въ своей коляскѣ, былъ не кто другой, какъ нашъ молодой другъ, мастеръ Джорджъ Осборнъ. Прошло ужъ слишкомъ три часа, какъ онъ позавтракалъ въ Рвчмондѣ, и морской воздухъ тотчасъ же изъострилъ его аппетитъ. Дядя Джой и мистриссъ Эмми были на палубѣ въ обществѣ джентльмена, рѣшившагося, повидимому, быть неразлучнымъ ихъ спутникомъ на сухомъ пути и на морѣ. Такимъ-образомъ, они приняли эту увеселительную поѣздку вчетверомъ.

Джой сидѣлъ на скамьѣ, насупротивъ лорда Барикриса и его еемейства. Ихъ движенія поглощали, повидимому, всю мыслительную силу сановника Ост-Индіи. Милордъ и миледи помолодѣли, казалось, нѣсколькими годами противъ того,

какъ Джой видѣлъ ихъ въ Брюсселѣ въ 1815 году. Въ Индіи онъ любилъ хвастаться своимъ короткимъ знакомствомъ съ этими знатными особами. Волосы леди Барикрисъ, въ ту пору черные какъ смоль, покрылись теперь прекраснымъ золотистымъ отливомъ, между-тѣмъ, какъ бакенбарды лорда Барикриса, тогда красныя, сіяли теперь богатѣйшимъ чернымъ лоскомъ съ багряно-зеленоватыми отраженіями при блескѣ солнечныхъ лучей. Джой любовался на эту перемѣну, и слѣдилъ испытующимъ взоромъ за всѣми движеніями благородной четы. Присутствіе лорда производило на него чарующее вліяніе, и онъ не могъ смотрѣть ни на какой другой предметъ.

— Эти особы, кажется, слишкомъ интересуютъ тебя, любезный другъ, сказалъ Доббинъ, наблюдая индійскаго набога.

Онъ и Амелія засмѣялись. Она была въ соломенной шляпкѣ, украшенной черными лентами, такъ-какъ срокъ траура еще не кончился. Но толкотня и праздничные виды всего окружающаго сообщили пріятное настроеніе ея душѣ, и мистрисъ Эмми была очень весела.

— Какой чудесный день! сказала Эмми довольно некстати, и одумавшись, прибавила еще болѣе некстати: надѣюсь, мы переѣдемъ спокойно на континентъ, безъ вѣтровъ и бури, не правда ли?

Джой презрительно махнулъ рукой, и посмотрѣлъ изподлобья на великихъ особъ, сидѣвшихъ передъ нимъ.

— Видно, сестра, что ты не имѣешь понятія о морскихъ путешествіяхъ; мы вотъ, люди опытные, не боимся ни вѣтровъ ни бури.

Однакожь, несмотря на великую опытность, мистеръ Джезефъ Седли провелъ весьма непріятную ночь въ своей коляс-кѣ, куда наемный чичероне безпрестанво подавалъ ему горячій пуншъ и другіе медикаменты, которыми путешественники предохраняють себя отъ опасныхъ слѣдствій морской болѣзни.

Въ назначенное время пріятели наши, въ вожелѣнномъ здравіи, высадились у Роттердамской пристани, откуда другой пароходъ благополучно представилъ ихъ въ городъ Кёльнъ. Здѣсь они заняли приличные апартаменты въ одной изъ первостатейныхъ гостинницъ, и Джой, съ невыразимымъ удовольствіемъ, прочелъ на другой день газетную статейку, гдѣ было между-прочимъ изображено, что сюда изволилъ прибыть: «Herr Graf Lord von Sedley nebst Beglcitung aus London». На всякій случай онъ взялъ съ собою свои придворный костюмъ, и убѣдилъ Доббина вооружиться на тотъ же случай своими парадными регаліями. Джой имѣлъ твердое намѣреніе представляться иностраннымъ дворамъ, и свидѣтельствовать свое почтеніе властителямъ тѣхъ земель, черезъ которыя онъ будетъ проѣзжать.

И вездѣ, гдѣ только останавливались наши путешественники, мистеръ Джой, пользуясь всѣми, и удобными, и даже неудобными случаями, оставлялъ свою собственную и

майорскую карточки въ домѣ британскаго посольства. Стоило большихъ хлопотъ отклонить его отъ намѣренія надѣть штилеты и треугольную шляпу въ вольномъ городѣ Жидоградѣ, гдѣ англійскій консулъ пригласилъ нашихъ путешественниковъ къ себѣ на обѣдъ. Джой, какъ и слѣдуетъ, велъ путевой журналъ, гдѣ съ великою подробностію записывалъ, что закусилъ онъ здѣсь, перекусилъ тамъ, выпилъ, закусилъ и перекусилъ въ такомъ-то трактирѣ, и съ какимъ комфортомъ провелъ ночь въ такомъ-то отелѣ. Относительныя цѣны яствъ и питей были тоже изображены и краснорѣчиво, и вѣрно. Записки вышли, очень назидательныя, и мы крайне сожалѣемъ, что мистеръ Джой посовѣстился издать ихъ въ свѣтъ.

Эмми была вполне счастлива и довольна. Доббинъ всюду таскалъ за нею походный стулъ и рисовальный альбомъ, и всюду восхищался рисунками этой безподобной артистки. Засѣдая на пароходныхъ палубахъ, она срисовывала утесы и замки, и взбиралась для такой же цѣли на высокія башни, сопровождаемая своими безсмѣнными адъютантами, Доббиномъ и Джорджемъ. Сухопутныя прогулки совершались обыкновенно верхомъ на ослахъ, признанныхъ по ихъ смиренности, болѣе удобными для мистриссъ Эмми. Доббинъ, имѣвшій достаточныя свѣдѣнія въ нѣмецкомъ языкѣ, съ успѣхомъ выполнялъ должность толмача, и научилъ даже мастера Джорджа объясняться на этомъ діалектѣ съ ямщиками и трактирными слугами. Эмми радовалась ду-

шевно, видя, что сынокъ ея въ короткое время сдѣлалъ исполинскіе успѣхи, которыми отчасти онъ одолженъ былъ и практическимъ урокамъ мистера Кирша.

Мистеръ Джой не принималъ съ своей стороны слишкомъ дѣятельнаго участія въ этихъ загородныхъ прогулкахъ. Послѣ обѣда онъ обыкновенно ложился спать, или нѣжился въ садовой бесѣдкѣ, любуясь на очаровательные ландшафты. О, рейнскіе сады, восхитительныя сцены спокойствія, мира и блистательнаго сіянія солнечныхъ лучей! Кто, увидѣвъ васъ однажды, не обогатится самыми сладостными воспоминаніями на всю свою жизнь? Еще я вижу васъ, изъ своего туманнаго далека, благородныя пурпуровыя горы, отражающіяся своими вершинами въ благороднѣйшихъ струяхъ, и одна мысль о тебѣ, поэтическая страна Рейна, переполняетъ восторгомъ мою душу... Въ этотъ вечерній часъ пастухъ гонитъ свое стадо съ бархатныхъ холмовъ, режутъ коровы, мычатъ быки, и позванивая колокольчиками, входятъ въ этотъ старинный городъ съ его старыми окопами, и шпицами, и воротами, и каштановыми деревьями, распространяющими длинную голубую тѣнь на окрестные луга; небосклонъ и рѣка пламенѣютъ багряно-золотистымъ заревомъ; и луна, выплывая на горизонтъ, смотритъ блѣдными очами на величественный закатъ дневнаго свѣтила. Но вотъ солнце вдругъ сокрылось за горами, ночь наступаетъ, рѣка станетъ темнѣе и темнѣе, появились огоньки въ окрестныхъ хижинахъ, и слабые лучи ихъ пугливо заглядываютъ въ тѣмныя воды

Рейна съ обоихъ береговъ.

Хорошо было мистеру Джою! Каждый день послѣ обѣда отходилъ онъ на сонъ грядущій, прикрывая свои красный носъ и тусклыя очи кашмировымъ платочкомъ изъ Калькутты, и каждый день читалъ онъ англійскую газету отъ первой строчки до послѣдней. — Благодареніе ему отъ всѣхъ британскихъ журналистовъ, наборщиковъ и типографщиковъ, промышляющихъ печатнымъ дѣломъ! Но спать ли мистеръ Джой, дремалъ, храпѣлъ, моргалъ, читалъ или просто переворачивался съ бока на бокъ — пріятелямъ нашимъ не было до него никакого дѣла. Хорошо имъ было и безъ Джоя. Въ тихіе поэтическіе вечера они частенько отправлялись въ театръ на эти милыя, незатѣйливыя оперы старинныхъ нѣмецкихъ городковъ, гдѣ noblesse вяжетъ чулочки на одной сторонѣ, а bourgeoisie помѣщается по другую сторону театра. Здѣсь-то мистриссъ Эмми, утопая въ свѣтломъ потокѣ душевныхъ наслажденій, была впервые посвящена въ тайны Моцарта и Чимарозы. О музыкальныхъ талантахъ майора мы уже имѣли случай намекнуть, и читатель знаетъ, что онъ съ большимъ успѣхомъ упражнялся на флейтѣ, но главнѣйшимъ его удовольствіемъ въ этихъ операхъ было наблюдать за душевными движениями мистриссъ Эмми, когда она прислушивалась къ мелодическимъ звукамъ. Новый невѣдомый міръ любви и красоты открылся въ роскошныхъ формахъ передъ ея умственнымъ взоромъ, когда она слушала эти очаровательныя композиціи; одаренная самою острою чувстви-

тельностью, могла ли эта леди оставаться равнодушною къ Моцарту? Его оперы сообщали ея нервамъ такое настроеніе, что, приходя домой, она нерѣдко спрашивала себя: ужь не преступно ли въ моральномъ смыслѣ заслушиваться этихъ чарующихъ мелодій? Но майоръ, къ которому она однажды обратилась съ подобнымъ вопросомъ, въ совершенствѣ успокоилъ ее. Разбирая данную тѣму эстетически, психически, логически и философически, майоръ Доббинъ представилъ неотразимыя доказательства, что всѣ красоты искусства и природы могутъ производить на насъ одно только самое благодѣтельное впечатлѣніе. Удовольствія, ощущаемыя нами при звукахъ музыкальной мелодіи, совершенно равняются тому наслажденію, какое испытываетъ каждый смертный съ чувствительною душою при взглядѣ на луну, на звѣзды, на прекрасный ландшафтъ или картину. Въ отвѣтъ на нѣкоторыя весьма слабыя возраженія Эмми, майоръ Доббинъ разсказалъ ей восточную басню о «Совѣ»; воображавшей, что солнечный свѣтъ нестерпимъ для глазъ, и что соловей слишкомъ напрасно гордится своей пѣснью.

— Однимъ суждено пѣть, другимъ — гукать или выть, заключилъ, улыбаясь, мистеръ Доббингъ, — у васъ, Амелія, прехорошенькій голосокъ, и стало-быть вы, по этой теоріи, принадлежите къ соловьиной породѣ.

Пріятно остановиться на этомъ періодѣ жизни мистриссъ Эмми, и вообразить, что она была вполнѣ счастлива. Вы видите, что она первый разъ еще наслаждается такимъ обра-

зомъ существованія и судьба до сихъ поръ не посылала ей удовлетворительныхъ средствъ къ образованію ума и сердца. Вращаясь въ ограниченной сферѣ дѣятельности, она постоянно сталкивалась съ людьми довольно мелкими и пошлыми. Такой жребій раздѣляютъ съ нею миліоны женщинъ. И какъ представительницы прекраснаго пола слишкомъ расположены ненавидѣть одна другую, то случается весьма нерѣдко, что естественное чувство робости считаютъ онѣ необозримымъ тупоуміемъ, деликатность — глупостью, молчаніе — невѣжествомъ, и такъ далѣе. Мнѣ однакожь кажется, что помалчивать иной разъ позволительно даже самому умному джентльмену. Если, примѣромъ сказать, я или вы, почтенный мой читатель, очутимся въ одинъ прекрасный вечеръ въ интересномъ обществѣ прачекъ и мелочныхъ лавочниковъ — скажите по совѣсти: будетъ ли ваша рѣчь сверкать тѣми искрами остроумія, которымъ вообще вы отличаетесь въ нашемъ образованномъ кругу? Думать надобно, что и прачки съ мелочными лавочниками не въ состояніи будутъ обнаружить особеннаго краснорѣчія, какъ-скоро судьба приведетъ ихъ въ наши утонченныя гостиныя, гдѣ мы съ такимъ похвальнымъ соревнованіемъ, стараемся разбить въ дребезги и уничтожить въ прахъ репутацію нашихъ ближнихъ.

Должно еще припомнить, что эта бѣдная леди, вплоть до настоящей нинуты, ни разу не встрѣчала джентльмена въ истинномъ смыслѣ этого слова. Да и много ли такихъ джентльменовъ между нами? Укажите мнѣ на этихъ избранныхъ лю-

дей съ возвышеннымъ характеромъ, съ благороднымъ образомъ мыслей, съ великодушными стремленіями — людей, которые никогда не лгутъ, и прямо смотрятъ въ глаза свѣту, много ли, спрашивается, насчитаете вы такихъ джентльменовъ въ своемъ кругу? Всѣ мы знаемъ сотни, или пожалуй, тысячи отличныхъ фраковъ, сшитыхъ по послѣдней модѣ, десятки особъ, выплясывающихъ вальсъ или мазурку съ неподражаемымъ искусствомъ, но сколько же истинныхъ джентльменовъ между ними? Потрудитесь взять клочокъ бумажки, и напишите реестрикъ своихъ знакомыхъ, которыхъ, какъ истинныхъ джентльменовъ, вы уважаете душевно и сердечно.

На моемъ клочкѣ, безспорно, прежде всѣхъ будетъ стоять имя пріятеля моего, майора. Пусть у него длинныя ноги, желтоватое лицо, и пусть онъ пемножко пришепеливаетъ и картавитъ, что съ перваго раза представляется обыкновенно чрезвычайно забавнымъ и смѣшнымъ, но мысли струятся свѣтлымъ и чистымъ потокомъ въ майорскомъ мозгу, жизнь его идетъ путемъ правильнымъ и честнымъ, и умъ его никогда не былъ въ разладѣ съ сердцемъ. Чего жъ вамъ больше? майоръ Доббинъ — истинный джентльменъ. То правда, и я не спорю, что ноги у него чрезмѣрно велики, такъ же, какъ и руки, и надъ этимъ обстоятельствомъ, каждый въ свое время, вдоволь потѣшались оба Джорджа Осборна, но это все вздоръ, если смотрѣть на дѣло съ философической точки зрѣнія.

Не вздоръ только въ томъ отношеніи, что шуточки и

насмѣшки обоихъ Джорджей имѣли весьма значительное вліяніе на мнѣнія мистриссъ Эмми объ этомъ джентльменѣ. Она рѣшительно была въ заблужденіи насчетъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ майора. Не случилось ли и намъ двѣсти-тысячъ разъ составлять ошибочныя понятія о своихъ ближнихъ? Но мы перемѣняли свои мнѣнія, перемѣнила ихъ и мистриссъ Эмми. Теперь только прозрѣли ея умственные очи, и она увидѣла, что майоръ, во всѣхъ отношеніяхъ, былъ истиннымъ джентльменомъ.

Быть-можетъ эта эпоха была счастливѣйшимъ временемъ его жизни; а можетъ-быть и нѣтъ. Кто изъ насъ въ состояніи опредѣлить и вычислить относительную цѣнность земныхъ благъ и наслажденій? Во всякомъ случаѣ, Доббинъ и мистриссъ Эмми были довольны своей судьбой, и совершали заграничное путешествіе съ большимъ комфортомъ. Въ театрѣ Джорджинька всегда былъ съ ними, но майору только предоставлялось исключительное право набрасывать, послѣ спектакля, кашмировую шаль на плеча мистриссъ Эмми. Въ прогулкахъ Джорджинька всегда забѣгала впередъ, или карабкался на вершины башень и деревьевъ, тогда-какъ счастливая чета, оставаясь внизу, степенно занималась своимъ дѣломъ: майоръ философствовалъ и курилъ сигару; Эмми рисовала ландшафтъ или какую-нибудь руину. Въ эту эпоху я самъ кочевалъ до европейскому континенту, и тогда-то собственно имѣлъ счастье встрѣтиться первый разъ съ этими дѣйствующими лицами своей исторіи, гдѣ каждое слово есть

чистѣйшая правда. Я поставилъ себѣ за правило ничего не выдумывать.

Я познакомился съ ними въ Пумперниккелѣ, всѣмъ извѣстномъ городкѣ, хотя собственно говоря, имя его вы едва-ли отыщете на географической картѣ. Здѣсь, въ свое время, состоялъ на дипломатической службѣ сэръ Питтъ Кроли; это было очень давно, еще прежде аустерлицкой битвы, заставившей всѣхъ британскихъ дипломатовъ повернуть изъ Германіи направо-кругомъ, въ свою отчизну. Первый разъ я увидѣлъ полковника Доббина и пріятелей его въ гостинницѣ Телячьей Головы, лучшей во всѣмъ Пумперниккелѣ. Они сидѣли за общимъ столомъ. Обѣдъ былъ превосходный. Всѣ любовались на величественную осанку Джоя, прихлѣбывавшаго, съ видомъ знатока, іоганисбергское вино, поставленное за его приборомъ. Мальчикъ тоже обращалъ на себя вниманіе своимъ алчнымъ, истинно британскимъ аппетитомъ. Онъ истреблялъ Schiokou und Bralen und Kartoffeln, ветчину съ клюквой, гуся съ малиной, телятину съ черносливомъ, и пуддингъ, и салатъ, и жареныхъ цыплятъ, съ такою безцеремонною любезностью, что дѣлалъ великую честь туманному Альбіону, снабжающему европейское человѣчество желудками идеальныхъ размѣровъ. За пятнадцатую блюдами слѣдовалъ десертъ, и Джорджинька, дѣйствуя по указанію нѣкоторыхъ молодыхъ джентльменовъ, забавлявшихся его бойкими и смѣлыми манерами, нагрузилъ свои кармазы макаронами и сладеными пирожками, которые онъ кушалъ уже

дорогой, на пути въ театръ, куда всѣ въ этомъ патриархально-мъ мѣстечкѣ, отправлялись какъ въ свои собственный домъ. Леди въ черномъ платьѣ, маменька Джорджиньки, безпрестанно смѣялась и краснѣла въпродолженіе всего обѣда, и было очевидно, что выходки смѣлаго мальчика чрезвычайно забавляютъ мистриссъ Эмми. Полковникъ — то-есть, мы должны замѣтить, что Доббинъ вскорѣ получилъ этотъ чинъ — полковникъ весело подшучивалъ надъ малюткой, указывая ему на новыя блюда, предостерегая не слишкомъ загружать желудокъ, чтобъ оставить въ немъ мѣсто для другихъ лакомствъ. Былъ въ этотъ вечеръ великолѣпный спектакль на пумперниккельскомъ театрѣ. Давали «Фиделіо». Мадамъ Шрёдеръ-Девріентъ, еще въ ту пору молодая женщина въ полномъ расцвѣтѣ красоты и генія, выполняла роль главной героини въ этой чудной оперѣ. Изъ своихъ мѣстъ за креслами, мы очень хорошо разглядѣли новыхъ знакомыхъ, встрѣченныхъ нами въ гостинницѣ Телячьей Головы. Содержатель ея, господинъ Швейнкопфъ, озаботился нанять лучшую ложу для своихъ гостей. Нельзя было не замѣтить удивительнаго эффекта, производимаго на мистриссъ Осборнъ великолѣпной музыкой и примадонной. Когда, въпродолженіе хора плѣнниковъ, голосъ мадамъ Девріентъ задрожалъ и залился патетической трелью, лицо мистриссъ Эмми приняло такое чудное выраженіе изумленія и восторга, что это поразило даже маленькаго Фипписа, *blasé attaché*, лорнировавшаго всѣхъ дамъ въ театрѣ, На этотъ разъ онъ припрыгнулъ на сво-

ихъ креслахъ, и воскликнуть довольно громко: «Ахъ, Боже мой, какъ пріятно видѣть женщину въ такой сильной степени энтузіазма!» Въ тюремной сценѣ, гдѣ Фиделіо, бросаясь въ объятія мужа, кричитъ изступленнымъ голосомъ: «Nichts, nichts, mein Florestan!» Амелія совсѣмъ растерялась, и поспѣшила прикрыть платкомъ свое лицо. Впрочемъ, тутъ переплакались кажется всѣ почтенныя Frauen пумперниккельскаго театра, но мнѣ суждено было замѣтить одну только мистриссъ Эмли, такъ-какъ я рѣшился внести ее въ свои мемуары.

На другой день давали другую пьесу Бетховена: «Die Schlacht bei Vittoria». Сначала, въ видѣ прелюдіи, выступаетъ на сцену Мальбрукъ, извѣщающій о быстромъ приближеніи французскаго войска. Слѣдуютъ затѣмъ барабаны, трубы, литавры, залпы артиллеріи, стоны умирающихъ; наконецъ, въ заключеніе, играютъ торжественную пѣсню: «God, Save the King!»

Въ театрѣ было десятка два Англичанъ, и всѣ они, безъ исключенія, поднялись съ своихъ мѣстъ при звукахъ этой чудной британской мелодіи. Сэръ Джонъ и леди Бульминстеръ, и даже мистеръ Кишъ, какъ членъ британской націи, поспѣшили явственнымъ знаками выразить свои патріотическія чувства. Мистеръ Тепьюормъ, секретарь англійскаго посольства, раскланивался изъ своей ложи на всѣ стороны, какъ бы представляя своей особой всѣ Три Соединенныя Королевства. Тепьюормъ былъ племянникъ и наслѣдникъ ста-

раго маршала Типтова, командовавшего, въ эпоху ватерлооской битвы, тѣмъ полкомъ, гдѣ служилъ мистеръ Доббинъ. По смерти Типтова команда перешла къ полковнику, сэру Михаилу Одауду, кавалеру Бани.

Тепьюормъ вѣроятно встрѣчался съ полковникомъ Доббиномъ въ домѣ своего дяди, маршала, потому-что теперь онъ узналъ его въ театрѣ. Выступивъ изъ своей ложи, великій дипломатъ пошелъ къ нашимъ пріятелямъ, и публично протянулъ руку мистеру Доббину, повидимому, совсѣмъ неожиданному этой чести.

— Ну, да, ужъ это мы знаемъ, шепнулъ Фиппсъ одному изъ своихъ пріятелей, — гдѣ только есть хорошенькая женщина, Тепьюормъ непременно тутъ, какъ листъ передъ травой.

Изъ этого открывается, что мистеръ Тепьюормъ былъ весьма исправнымъ дипломатомъ.

— Кажется, я имѣю удовольствіе видѣть мистриссъ Доббинъ? спросилъ секретарь съ вкрадчивой улыбкой.

Джорджинька расхохотался, и безъ церемоніи замѣтилъ, что это было бы весьма хорошо. Майоръ и мистриссъ Эмми раскраснѣлись: мы замѣтили это изъ своихъ мѣстъ за креслами.

— Эта леди — мистриссъ Джорджъ Осборнъ, сказалъ майоръ, — а это — братъ ея, мистеръ Седли, чиновникъ остиндской Компаніи: позвольте рекомендовать его вамъ, милордъ.

Секретарь посольства бросилъ на Джоя самую обворожи-

тельную улыбку.

— Вы намѣрены остаться въ Пумперниккелѣ? спросилъ онъ. Городъ очень скучный, но мы нуждаемся въ образованныхъ людяхъ, и постараемся доставить вамъ удовольствіе, мистеръ... Гм... Мистриссъ — Ого. Завтра я буду имѣть честь сдѣлать вамъ визитъ, милостивый государь.

Съ этими словами онъ улыбнулся еще разъ, повернулся на своихъ высокихъ каблучкахъ, и выскользнулъ изъ ложи, вполне увѣренный, что мистриссъ Осборнъ нашла его очаровательнымъ джентльменомъ.

Спектакль кончился, и публика начала разѣзжаться и расходиться. Мы наблюдали за ней у подъѣзда, и тутъ собственно въ первый разъ я узналъ настоящія имена и фамиліи своихъ новыхъ знакомыхъ. Дѣлать справки этого рода не стоило ни малѣйшихъ трудовъ, потому-что въ Пумперниккелѣ каждый знаетъ своего ближняго или сосѣда, какъ свои пять пальцевъ.

Прежде всѣхъ, закутанный въ шинель, вышелъ мистеръ Тепьюормъ, истинный Ловеласъ и вмѣстѣ дон-Жуанъ этого мѣстечка. Жена посланника, сопровождаемая своей дочерью, очаровательною Идой, величественно засѣла въ свои портшезы и отправилась въ домъ британскаго посольства. Затѣмъ повystупили наши англичане: Джорджинька зѣваль немилосердо, бдительный майоръ держалъ шаль надъ головою мистриссъ Осборнъ, мистеръ Седли, разглаживая свои бѣлый жилетъ, многозначительно озирался направо и

налѣво. Мы раскланялись с нимъ очень вѣжливо, и получили въ отвѣтъ прелестнѣйшую улыбку мистриссъ Эмми. Съ этой минуты знакомство наше утвердилось на прочнѣйшемъ основаніи.

Подали коляску изъ гостинницы Телячьей Головы, но сановникъ Индіи сказать, что пойдетъ пѣшкомъ, и закурилъ сигару. Такимъ-образомъ мистриссъ Эмми, сынъ ея и другъ отправились одни, безъ мистера Седли. Неутомимый Киршъ, съ сигарочницей въ рукахъ, послѣдовалъ за своимъ господиномъ.

Мы всѣ пошли вмѣстѣ, и разговорились объ удовольствіяхъ патріархальной жизни въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ. Англичанамъ здѣсь особенно хорошо, замѣтилъ я въ назиданіе ост-индскаго сановника. Охота, балы, собранія, рауты: все здѣсь есть. Общество прекрасное, театры превосходные, жизнь баснословно дешевая.

— И министръ нашъ, кажется, безподобный джентльменъ, замѣтилъ мистеръ Седли, выпуская изъ устъ благовонную струю дыма. Съ такимъ представителемъ, и вдобавокъ еще... съ хорошимъ медикомъ...

— Врачи здѣсь превосходные, подхватилъ я.

— Стало-быть мы останемся въ Пумперниккелѣ, заключилъ мистеръ Седли. Спокойной вамъ ночи, господа.

И сопровождаемый Киршемъ, Джой пошелъ наверхъ въ свою спальню. Въ душѣ моей водворилась пріятная увѣренность, что хорошенькая миледи прогоститъ между нами

нѣсколько недѣль.

Глава LXII

Старое знакомство

Галантерейное обхожденіе лорда Тепьюорма оказало самое благодѣтельное вліяніе на джентльменскія чувства мистера Джозефа Седли. Воспрянувъ отъ глубокаго сна, онъ объявилъ на другой день за чашкой кофе, что Пумперниккель, безспорно, лучше всѣхъ городовъ, черезъ которые они проѣзжали до сихъ поръ. Вслѣдъ затѣмъ онъ распространился тономъ знатока насчетъ замка лордовъ Тепьюормъ, и пересчиталъ всѣхъ членовъ этой фамиліи, пускаясь въ такія интересныя подробности, изъ которыхъ можно было безошибочно угадать, что мистеръ Джой уже успѣлъ заглянуть эти-мъ утромъ въ книгу пэровъ, которую всегда возилъ съ собою. Майоръ Доббинъ мигомъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и посмѣивался изподтишка надъ хитростями и побужденіями Джоя.

— Откуда ты все это знаешь, любезный другъ? спросилъ онъ.

— Какъ откуда? Я видѣлся еще съ отцомъ милорда, графомъ Бадвигомъ... мы вмѣстѣ представлялись милорду Бумбумбуму: развѣ не помнишь?

Когда между-тѣмъ Тепьюормъ, вѣрный своему обѣщанію, пріѣхалъ съ визитомъ въ гостинницу Телячьей Головы, Джой принялъ его съ такими почестями, какихъ едва-ли до си-

хъ поръ удостоивался посланникъ маленькаго городка. Слѣдующаго даннаго предписаніемъ, Киршъ, тотчасъ же по прибытіи его превосходительства, явился въ гостинную съ огромнымъ подносомъ, гдѣ были въ правильномъ порядкѣ разложены ломтики говядины, желе и другія лакомства, съ которыми хозяинъ тутъ же приступилъ къ своему гостю.

Залюбовавшись на свѣтлыя глазки мистриссъ Осборнъ, Тепьюормъ не думалъ торопиться окончаніемъ своего перваго визита въ квартиру Седли. Онъ предложилъ ему нѣсколько удачныхъ вопросовъ относительно Индіи и тамошнихъ актрисъ; освѣдомился у Амеліи насчетъ прекраснаго мальчика, бывшаго съ нею въ театрѣ, и поздравилъ Амелію съ изумительнымъ впечатлѣніемъ, которое произвела она на пумперниккельскую публику. Онъ попытался даже плѣнить мистера Доббина, вступивъ съ нимъ въ разговоръ о послѣдней войнѣ и подвигахъ пумперниккельской дружины.

Лордъ Тепьюормъ получилъ въ наслѣдство отъ своей фамиліи значительный запасъ джентльменскаго самолюбія, и при каждомъ случаѣ ласкалъ себя счастливой увѣренностью, что женщина растаетъ отъ любви къ нему, если онъ благоволитъ обратить на нее дружелюбный взоръ. Теперь ему казалось, что Эмми поражена въ-конецъ его остроумными любезностями, и онъ уѣхалъ домой — писать къ ней галантерейный *billet-doux*. Однакожь мистриссъ Осборнъ вовсе не испытывала на себѣ чарующей силы прелестей дипломата: ей, напротивъ, становилось очень неловко отъ его сла-

денькихъ улыбокъ, и она смотрѣла изумленными глазами на его раздушенный платокъ и блестящіе лаквРОВанные сапоги на высокихъ каблукахъ. Почти всѣ его комплименты остались для нея таинственною загадкою, потому-что еще никогда не удавалось встрѣчать ей дамскаго угодника ex-professo, и она смотрѣла на милорда, какъ на рѣдкое явленіе въ своемъ родѣ. Такой феноменъ былъ, конечно, удивителенъ въ ея глазахъ, но нисколько не очарователенъ. Джой, напротивъ, утопалъ въ восторгѣ отъ милорда.

— Какъ онъ любезенъ, внимателенъ, вѣжливъ! восклицалъ ост-индскій сановникъ. Какъ это мило со стороны его превосходительства, что онъ обѣщалъ прислать къ намъ своего доктора!

Пріѣхалъ домашній врачъ Тепъуорма, докторъ медицины и хирургіи, herr von Glauber. Въ одно мгновеніе ока онъ доказалъ мистеру Джою, что пумперниккельскія воды, порошки и микстуры, неминуемо возвратятъ ему здоровье, молодость и приличную степень худощавости.

— Вотъ, сударь мой, пріѣхалъ къ намъ въ прошломъ году генераль Болькли, сказалъ фонъ-Глауберъ на исковерканномъ англійскомъ языкѣ, — былъ онъ, съ позволенія сказать, вдвое васъ толще и жирнѣе, сэръ, но мѣсяца черезъ три; благодаря моей опытности, онъ исхудалъ какъ юноша, и отлично танцевалъ вальсъ съ моей женой, баронессой фонъ-Глауберъ.

Джой успокоился какъ-нельзя больше. Минеральные клю-

чи, отличный докторъ, дворъ, chargé d'affaires... рѣшено: онъ останется на всю осень въ Пумперниккелѣ. Вѣрный своему обѣщанію, посланникъ на другой же день представилъ всѣхъ нашихъ пріятелей ко двору герцога.

Когда вслѣдъ затѣмъ повсюду сдѣлалось извѣстнымъ, что путешественники, обласканные герцогомъ, намѣрены пробыть здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, дамы высшаго круга, одна за другою, навѣстили мистриссъ Осборнъ и, какъ всѣ онѣ были графини или, по крайней мѣрѣ, баронессы, то можно уже заранѣе представить душевный восторгъ мистера Джоя. По первой-же почтѣ онъ изобразилъ въ письмѣ къ пріятелю своему Чотни, какъ высоко цѣнятся въ Германіи личныя заслуги и таланты, и какъ онъ подружился съ графомъ Шлюссельбекомъ, которому, на этихъ дняхъ, будетъ имѣть честь объяснить многіе индійскіе обычаи и нравы.

Объясненія этого рода ограничивались только тѣмъ, что мистеръ Джой старался растолковать Шлюссельбеку, какимъ способомъ рѣжутъ свиней и дѣлаютъ ветчину въ Калькуттѣ.

Эмми тоже удостоилась представленія, вмѣстѣ съ братомъ, и какъ при дворѣ не допускается трауръ въ извѣстные дни, то она явилась въ розовомъ креповомъ платьицѣ съ брильянтами на корсажѣ, полученными въ подарокъ отъ мистера Джоя. Въ этомъ костюмѣ она была очаровательна, и майоръ выразился положительно, что на видъ было ей никакъ не больше двадцати-пяти лѣтъ!

Въ этомъ живописномъ нарядѣ, мистриссъ Осборнъ прошла польскій съ майоромъ Доббиноамъ. Мистеръ Джой удостоился чести танцовать съ графинею Шлюбсельбекъ.

Пумперниккель стоитъ среди счастливой долины, орошаемой плодотворною рѣкою Пумпъ, которая впадаетъ гдѣ-то въ Рейнъ; но гдѣ именно — не могу доложить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на рѣкѣ Пумпъ учреждены паромы; въ другихъ — стоятъ мельницы. Въ городѣ однимъ изъ предшественниковъ настоящаго герцога сооруженъ великолѣпный мостъ, и на мосту воздвигнута великолѣпная статуя героя, окруженная нимфами, эмблемами побѣды, спокойствія, мира и богатства. Герой стоитъ одною ногою на шеѣ янычара, проколотаго насквозь, и издыхающаго въ страшныхъ корчахъ, а самъ герой бросаетъ благосклонную улыбку на окружающіе предметы, и указываетъ жезломъ на площадь, гдѣ предполагалось соорудить великолѣпный паллаццо. Работа, однакожъ, за недостаткомъ денегъ, остановилась на половинѣ, и Монплезиръ, или, какъ Нѣмцы произносятъ, *Монблизиръ*, всѣ не оконченъ до сихъ поръ, хотя паркъ и садъ весьма удобны для общественнаго гулянья.

Этотъ садъ устраивался въ размѣрахъ и формахъ садовъ Версаля. Среди гротовъ и террасъ возвышаются донинѣ исполинскіе аллегорическіе ватерверки, которымъ предназначено брызгать и дѣлать страшныя водныя изверженія. Есть тутъ трофоніева пещера, гдѣ свинцовые Тритоны не только изрыгаютъ бурные потоки на высоту необозримую, но и ре-

вуть страшнѣйшимъ образомъ изъ своихъ свинцовыхъ раковинъ: чудный механизмъ! Есть тутъ бассейнъ для нимфъ и водопадъ Ниагара, возбуждающій чудовищное изумленіе въ необозримыхъ толпахъ народа.

Герцогство занимаетъ около десяти квадратныхъ миль, и главные города въ немъ: Болькумъ на западной границѣ, Грогвицъ — на восточной, Потценталь — на сѣверной. Пумперниккель есть столица. Кромѣ этихъ четырехъ городовъ есть еще, на всемъ протяженіи, десятки селъ и деревень, и отсюда-то собственно, къ извѣстнымъ днямъ, стекаются необозримыя толпы въ красныхъ юбкахъ и бархатныхъ шапочкахъ, или въ лощеныхъ шляпахъ и синихъ курткахъ. Все это живетъ истинно-германскою жизнью: движется, любитъ, курить, пьетъ биръ, шнапсъ, кушаетъ колбасу, сосиски und Kartoffeln. Въ театръ, въ эти дни, пускаютъ даромъ, и воды Монплезира играютъ неутомимо отъ ранняго утра до глубокаго вечера. Въ Монплефирѣ встрѣчаются чудеса на каждомъ шагу, и вниманіе наблюдателя особенно поражается комнатой, гдѣ представлена въ лицахъ исторія Бахуса и Аріадны. Очень, очень хорошо, такъ-что, для дополненія этой картины, я смѣло ставлю точки..... изъ которыхъ каждая выражаетъ какой-нибудь интереснѣйшій сюжетъ.

Пумперниккельскій театръ пользуется во всей Германіи, заслуженною славою. Придворные балы великолѣпны. Случается весьма нерѣдко, что за столомъ присутствуютъ около четырехсотъ особъ; каждый кушаетъ на серебрѣ, и за кажды-

ми четырьмя особами стоять официантъ въ багряной ли-
вреѣ съ серебряными галунами. Празднества и пиршества
продолжаются безпрерывно.

Правленіе конституціонное. Есть парламентъ, но безъ за-
сѣданій; при мнѣ, по крайней мѣрѣ, не было ни одного за-
сѣданія. Армія состоитъ собственно изъ великолѣпнаго ор-
кестра, обязаннаго играть и на сценѣ, гдѣ достойные воины
маршируютъ иной разъ въ турецкихъ костюмахъ съ раскра-
шенными лицами и деревянными палашами, или въ одеж-
дахъ римскихъ солдатъ, вооруженныхъ тромбонами и офи-
клеидами: зрѣлище истинно-умилительное для ума и серд-
ца! Впрочемъ, кромѣ музыкантовъ есть полный штатъ офи-
церовъ и даже нѣсколько солдатъ.

Каждый зналъ превосходно своего сосѣда, и принималъ
хлопотливое участіе въ его дѣлахъ. Само-собой разумѣется,
что мы говоримъ здѣсь только о высшемъ кругѣ. Мадамъ
фонъ-Бурръ принимала однажды въ недѣлю, и одна только
суарей была у мадамъ фонъ-Шнуррбартъ. Театръ открывал-
ся два раза въ недѣлю; при дворѣ принимали однажды. Бы-
ло вообще очень весело, и каждый, рѣзвясь и танцуя, могъ
жить припѣваючи, не замѣчая, какъ пролетаютъ дня и часы
скоротечной его жизни.

Были, конечно, ссоры, и вражды и безъ этого, какъ извѣст-
но, обойтись нельзя на рынкѣ житейской суеты. Полити-
ческія мнѣнія принимали въ Пумперниккелъ самый запаль-
чивый характеръ, и партіи душевно ненавидѣли одна дру-

гую. Въ мое время господствовали тамъ двѣ, изъ которыхъ одна грудью стояла за мадамъ Струмпффъ; другая, въ пику своимъ противникамъ, всѣми силами отстаивала госпожу Ледерлунгъ. Представителемъ первой партіи былъ посланникъ Великобританіи; другую защищаль преимущественно французскій *Chargé d'Affaires, monsieur de Macabeau*. Мадамъ Струмпффъ была превосходная, истинно-великая дѣвица, и голосъ ея шелъ тремя нотами выше противъ соперницы ея, госпожи Ледерлунгъ, вотъ почему всею грудью отставалъ ее великобританскій министръ. И лишь-только начиналъ онъ свои панегирикъ въ пользу геніальной пѣвицы, дипломатъ Франціи раздражался противъ него залпами самыхъ сильныхъ сарказмовъ.

Граждане Пумперниккеля принадлежали къ той или другой партіи, и естественнымъ образомъ раздѣлились на струмпффистовъ и ледерлунгистовъ. Госпожа Ледерлунгъ была, конечно, премиленькая *фрау*, и голосокъ ея былъ очень нѣженъ. Противники мадамъ Струмпффъ утверждали не безъ основанія, что эта пѣвица отличалась чрезмѣрной полнотою, и давно уже была не въ первой молодости и красотѣ. Когда Струмпффъ, въ послѣдней сценѣ «Сонамбулы» выступила въ кофточкѣ, съ лампою въ рукахъ, и должна была пробраться изъ окна, движенія ея были очень деловыя, дощечки хрупнули и чуть не переломились подъ ея массивными ногами, но зато въ какой очаровательно-волшебной формѣ вылился изъ ея соловьиного горлышка финалъ

этой оперы! и съ какимъ плѣнительнымъ порывомъ страстнаго чувства ринулась она въ объятія Эльвино, готовая почти задушить его своими могучими руками. А эта малютка Ледерлунгъ... но стоитъ ли труда пересказывать вамъ всѣ эти сплетни?.. Дѣло въ томъ, что эти двѣ женщины были въ Пумперниккелѣ двумя штандартами французской и англійской партіи, и весь политическій міръ сгруппировался тогда около представителей этихъ двухъ великихъ націй.

На нашей сторонѣ были: англійскій посланникъ, оберъ-шталмейстеръ и статсъ-секретарь; къ французской партіи принадлежали: генераль-аншефъ, служившій при Наполеонѣ, гофъ-маршалъ и его супруга, которая, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, выписывала изъ Парижа шляпки и ленты черезъ курьера господина Макабо. Секретаремъ французскаго посольства былъ москѣ де-Гриньякъ, юноша очень злой и остроумный, писавшій во всѣхъ мѣстныхъ альбомахъ каррикатуры на Тепьюорма.

Главная ихъ квартира и table d'hôte была расположена въ другой гостинницѣ, называемой Pariser Hof, и хотя эти господа, въ глазахъ публики, принуждены были обращаться очень вѣжливо и деликатно, это, однакожь, не мѣшало имъ колоть другъ друга эпиграммами, острыми какъ лезвее бритвы, причемъ, съ обѣихъ сторонъ, сохранялось невозмутимое спокойствіе и удивительная твердость духа; такъ наши девонширскіе бойцы тузятъ другъ друга, не обнаруживая передъ публикой ни малѣйшихъ признаковъ физиче-

скаго страданія и боли. Отправляя депеши къ своимъ правительствамъ, Тепьюормъ и Макабо давали полный разгулъ своимъ взволнованнымъ чувствамъ. Мы, напримѣръ, писали въ такомъ тонѣ: «Интересы Великобританіи въ Пумперниккель, и, слѣдовательно, во всей Германіи, подвергаются вообще большимъ опасностямъ, благодаря постояннымъ интригамъ и кознямъ настоящаго французскаго министра въ этомъ мѣстѣ; личный характеръ господина Макабо столько жалокъ, что для достиженія своихъ низкихъ цѣлей, онъ готовъ прибѣгать ко всякимъ обманамъ, интригамъ, клеветѣ, ко всякимъ преступленіямъ. Онъ вооружаетъ весь дворъ противъ англійскаго министра, и представляетъ поведеніе Великобританіи въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ. Къ несчастію, этотъ человѣкъ находитъ для себя опору въ здѣшнемъ министрѣ, лишенномъ всякаго дипломатическаго образованія, но который, однакожь, какъ всѣмъ извѣстно, пользуется роковымъ авторитетомъ.»

Въ депешахъ французскаго посланника изображалось: «Господинъ де-Тепьюормъ, неистощимый въ своихъ интригахъ, продолжаетъ попрежнему свою систему надменности островитянина и до пошлости нелѣпаго хвастовства противъ величайшей націи въ мірѣ... Онъ бросаетъ во всѣ стороны и золото, и свои угрозы. Онъ уже успѣлъ завербовать на свою сторону нѣсколько злонамѣренныхъ лицъ, имѣющихъ вліяніе на Пумперниккель, и должно сказать вообще, что это герцогство, равно какъ вся Германія, Франція и вся Европа

не успокоятся до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся сокрушить и раздавить эту ядовитую гидру». И такъ далѣе..

Еще прежде наступленія зимы, мистриссъ Эмми, открыла въ своихъ апартаментахъ правильныя вечернія собранія разъ въ недѣлю, и принимала гостей съ большимъ достоинствомъ и скромностію. Она брала уроки французскаго языка, и учитель былъ въ восторгѣ отъ удивительной легкости, съ какою она усваиваетъ тонкости произношенія и хитрости грамматики. Дѣло въ томъ, что она училась давно этому языку, и знала его теоретически въ такой степени, что могла объяснить Джорджинькѣ всѣ хитросплетенныя правила этимологіи и синтаксиса. Мадамъ Струмпфъ учила ее пѣнію, и мистриссъ Осборнъ выполняла разныя аріи съ таимъ удивительнымъ совершенствомъ, что окна майора Доббина, жившаго напротивъ Телячьей Головы, всегда были открыты въ продолженіе музыкальнаго урока. Многія сентиментальныя леди германскаго происхожденія были безъума отъ нашей героини, и начали говорить ей «*ты*» послѣ перваго знакомства. Мы съ удовольствіемъ останавливаемся на этихъ мелочныхъ подробностяхъ, такъ-какъ онѣ принадлежатъ къ счастливой эпохѣ въ жизни мистриссъ Осборнъ. Воспитаніемъ Джорджиньки занимался самъ майоръ Доббинъ: онъ читалъ съ нимъ Цезаря и рѣшалъ математическія задачи; сверхъ того былъ у нихъ общій учитель нѣмецкаго языка. По вечерамъ они ѣздили верхомъ, сопровождая коляску мистриссъ Эмми. Амелія была очень робка и никакъ

не могла пріучиться къ верховой ѣздѣ. Въ коляскѣ сидѣла съ ней какая-нибудь изъ ея нѣмецкихъ подругъ и мистеръ Джой, который впрочемъ, всегда спалъ или дремалъ.

Мистеръ Джой съ нѣкотораго времени вступилъ въ дружелюбныя сношенія mit der Gräfin Fanny von Butterhrodt, молодой, мягкосердой особой, весьма пріятной наружности, имѣвшей, съ незапамятныхъ временъ, графскій титулъ и фунтиковъ десятокъ годоваго дохода. Фанни объявила, съ своей стороны, что желаетъ всѣмъ сердцемъ быть сестрою мистриссъ Эмми, что въ этомъ даже состоитъ единственное счастье ея жизни, и Джой былъ не прочь отъ пріятной мысли присоединить графскій щитъ къ гербу своей кареты; но, къ несчастію, произошли событія, которыхъ никакъ не могла предвидѣть человѣческая мудрость.

Начались въ Пумперниккелѣ великолѣпныя пиршества по поводу одного экстравыспренняго бракосочетанія. Это, въ нѣкоторомъ смыслѣ, было вожелѣннымъ событіемъ для всѣхъ пумперниккельскихъ гражданъ, и дворъ принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе. Блескъ и роскошь были такого рода, какихъ не запомнятъ. Со всѣхъ сторонъ съѣхались принцы и принцессы, бароны и баронессы. Квартиры въ гостинницахъ возвысились до неимовѣрной цѣны, и огромныя фуры едва успѣвали привозить съѣстные припасы для всѣхъ этихъ гостей...

Столичныя увеселенія были открыты для всѣхъ и каждаго, безъ различія сословій, возраста и пола. Воздвигну-

ты были триумфальныя арки, украшенныя гирляндами, на дорогѣ, по которой должно было проѣзжать молодой четѣ. Главный фонтанъ на Монплезпрѣ изрыгалъ цѣлый день чистое виноградное вино, и подлѣ него стояли огромныя бочки съ пивомъ. Для удовольствія крестьянъ, на главной площади утвердили жерди съ привѣшенными къ нимъ на верхушкахъ серебряными часами, серебряными вилками, ветчинными окороками и сосисками, которыми каждый могъ овладѣвать какъ достойнымъ призомъ за свою ловкость. Одинъ изъ этихъ призовъ достался во владѣніе мастеру Джорджу; при общемъ рукоплесканіи зрителей, онъ вскарабкался, съ ловкостью бѣлки, на самую вершину жерди и полетѣлъ оттуда внизъ съ быстротою паденія воды. Этотъ подвигъ удалства онъ совершилъ исключительно ради славы, не имѣя въ виду своекорыстныхъ расчетовъ. Онъ отдалъ схваченную сосиску крестьянину, который безуспѣшно подымался за нею разъ двадцать сряду, рискуя сломить себѣ шею.

Вечеромъ была великолѣпная иллюминація, и мы должны замѣтить, не ради хвастовства, что дворъ англійскаго посольства неизмѣримо превзошелъ въ этомъ отношеніи французскую гостиницу хотя тамъ шкаликовъ и фонарей было гораздо, больше, чѣмъ у насъ. Художникъ, занимавшійся деталями этой иллюминаціи, изобразилъ, съ неподражаемымъ искусствомъ, юнаго купидона, покровителя молодыхъ супруговъ, и тутъ же, для контраста, былъ олицетворенъ изнемогающій раздоръ, представлявшій удивительное сходство

съ фигурой французскаго посланника. У французовъ шкалики горѣли очень ярко, но безъ всякаго эффекта.

Толпы иностранцевъ съѣхались на эти празднества со всѣхъ сторонъ. Англичанъ было очень много. Публичные балы открыты были въ Ратушѣ и Редутѣ, гдѣ отвели особенную комнату для trente-et-quarante и рулетки. Эти увеселенія продолжались цѣлую недѣлю, и каждый могъ принимать въ нихъ участіе по своему произволу.

Маленькій шалунъ нашъ, Джорджъ Осборнъ, незнавшій счета талерамъ въ своихъ карманахъ, тоже появлялся въ Ратушѣ на этихъ публичныхъ балахъ, въ сопровожденіи камердинера своего дяди, мистера Кирша. Еще прежде этого, въ Бадень-Бадень, онъ зашелъ случайно въ игорную комнату, подъ-руку съ майоромъ, который, разумѣется, не позволилъ ему играть. Въ настоящее время, пользуясь отсутствіемъ своихъ родственниковъ, уѣхавшихъ во дворецъ, онъ съ удовольствіемъ прохаживался вокругъ игорныхъ столовъ, и слѣдилъ за движеніями банкометовъ и понтёровъ. Между игроками появлялись и женщины, нѣкоторыя изъ нихъ были въ маскахъ.

За однимъ изъ рулетныхъ столовъ сидѣла свѣтлорусая женщина, въ поношенномъ платьѣ и въ чернай маскѣ, изъ-подъ которой страннымъ блескомъ сверкали жгучіе, зеленые глаза. Передъ ней лежала карта, булавка и два флорина. Когда банкометъ выкликалъ цвѣтъ и нумеръ, блондинка съ большою живостью начинала колоть свою карту, и тогда

только рисковала своими деньгами, когда красные или черные цвѣта выступали извѣстное число разъ. Странно было видѣть женщину этого разряда въ числѣ зазорныхъ игроковъ.

Несмотря, однакожь, на принятую предосторожность, она ошиблась въ своихъ расчетахъ, и послѣдніе два флорина, одинъ за другимъ, поступили въ кассу банкомета, когда онъ своимъ неумолимымъ голосомъ окончательно прокричалъ выигрышный цвѣтъ и номеръ. Блондинка испустила вздохъ, пожалала своими обнаженными плечами, и судорожно принялась барабанить по столу. Затѣмъ, озпраясь вокругъ, она замѣтила честное лицо Джорджа, пристально смотрѣвшаго на эту сцену. Несчастный! зачѣмъ принесло его сюда? Маска впиалась въ него своими жгучими глазами.

— Monsieur n'est pas joueur? спросила она.

— Non, madame, отвѣчалъ Джорджъ.

Замѣтивъ изъ этихъ двухъ словъ къ какой націи принадлежалъ хорошенькій мальчикъ, маска сказала ему по-англійски съ легкимъ оттѣнкомъ иностраннаго выговора:

— Вы не играли никогда... Не можете ли вы сдѣлать мнѣ маленькое одолженіе?

— Какое? спросилъ, покраснѣвши, Джорджъ.

Должно замѣтить, что мистеръ Киршъ въ эту пору принималъ участіе въ rouge-et-noir, и выпустилъ изъ виду своего маленькаго господина.

— Сыграйте за меня, продолжала маска, выберите номеръ... на удачу.... какой-нибудь... на мое счастье.

Говоря это, она вытащила изъ кармана кошелекъ, вынула золотую монету, единственную въ кошелькѣ, и положила ее Джорджу на ладонь. Мальчикъ засмѣялся и сдѣлалъ шагъ къ столу, чтобъ исполнить желаніе маскѣ.

Нумеръ вышелъ удачный, и монета выиграла. Начинающіе, говорятъ, всегда выигрываютъ, такъ распоряжается судьба.

— Благодарю васъ, сказала маска, укладывая деньги въ кошелекъ, благодарю васъ. Какъ васъ зовутъ?

— Моя фамилія Осборнъ, отвѣчалъ Джорджъ.

И сказавъ это, онъ вынулъ изъ кармана свой собственный кошелекъ, чтобъ сдѣлать первый опытъ въ игрѣ, какъ вдругъ въ эту минуту въ залѣ появились майоръ Доббинъ въ своемъ мундирѣ, и мистеръ Джой въ блистательномъ костюмѣ маркиза. Они возвращались съ придворнаго бала, недождавшись его окончанія. По всей вѣроятности, они ужъ были въ своей гостинницѣ и отыскивали теперь пропавшаго мальчика. майоръ быстро подошелъ къ мистеру Джорджу, и, взявъ его за плечо, отвелъ немедленно отъ мѣста искушенія Затѣмъ, оглядываясь вокругъ себя, онъ увидѣлъ мистера Кирша за его интересными занятіями и, подойдя къ нему, спросилъ, какъ онъ осмѣлился завести въ такое мѣсто своего молодого господина.

— *Laissez moi tranquille*, сказалъ мистеръ Киршъ, отуманенный вѣроятно виномъ, и подстрекаемый шансами игры, *il faut s'amuser, parbleu! Je ne suis pas au service de Monsieur.*

Майоръ не захотѣлъ толковать съ пьннымъ лакеемъ и ограничился только тѣмъ, что отвелъ въ сторону маленькаго Джорджа и спросилъ Джоя, намѣренъ ли онъ идти домой. Джой стоялъ подлѣ замаскированной леди, игравшей теперь довольно счастливо. Рулетка, повидимому, начала забавлять сановника Ост-Индіи.

— Не лучше ли тебѣ идти съ нами, Джой? сказалъ майоръ.

— Нѣтъ, я останусь на минуту и подожду этого негодяя, Кирша, сказалъ набобъ.

Руководимый чувствомъ деликатности, Доббинъ, въ присутствіи мальчика, не сдѣлалъ никакихъ возраженій Джою, и, оставивъ его одного, пошелъ домой, ведя подъ-руку мастера Джорджа.

— Ты игралъ? спросилъ майоръ, когда они вышли на улицу.

Мальчикъ сказалъ, нѣтъ.

— Дай мнѣ честное и благородное слово джентльмена, что ты никогда не станешь играть.

— Отчего же? сказалъ мальчикъ, вѣдь это должно-быть очень весело.

Въ сильныхъ и краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, майоръ Доббинъ доказалъ своему питомцу, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть никакого веселья, и что игра въ какую-нибудь рулетку можетъ погубить истиннаго джентльмена. Истину этого рода онъ могъ бы подтвердить и подкрѣпить разительнымъ примѣромъ отца мастера Джорджа, если бы доказа-

тельства, почерпнутыя изъ этого источника, не очерняли, въ нѣкоторомъ смыслѣ, память покойнаго капитана. Отведя его домой, майоръ ушелъ въ свою спальню и видѣлъ, какъ черезъ нѣсколько минутъ погасъ огонь въ маленькой комнатѣ надъ амеліинымъ будуаромъ. Свѣча въ комнатѣ Амеліи погасла черезъ полчаса. Мнѣ неизвѣстно, отчего майоръ съ такой аккуратностью замѣтилъ это обстоятельство.

Оставшись одинъ, Джой продолжалъ стоять подлѣ игорнаго стола. Онъ не былъ игрокомъ въ душѣ, но повременамъ не прочь былъ обращаться къ этой забавѣ, сообщавшей довольно пріятное настроеніе его джентльменскимъ чувствамъ. Въ карманѣ его параднаго жилета звенѣло нѣсколько наполеондоровъ. Джой вынулъ одинъ изъ нихъ и бросилъ его черезъ плечо замаскироваиной дамы. Монета выиграла. Блондинка посторонилась, чтобъ дать ему мѣсто подлѣ себя. Джой сѣлъ на порожній стулъ.

— Ваше сосѣдство, надѣюсь, принесетъ мнѣ счастье, милостивый государь, сказала маска, поддѣлываясь опять подъ иностранный выговоръ.

Сановникъ Индіи бросилъ вокругъ себя пытливый взоръ, и удостовѣрившись, что никто его не наблюдаетъ, придвинулъ свои стулъ къ замаскированной сосѣдкѣ и сказалъ:

— Ахъ, да... право, это легко можетъ статься... немудрено... немудрено. Я очень счастливъ, надѣюсь, вы тоже будете счастливы.

Затѣмъ были произнесены еще какіе-то комплименты,

безъ опредѣленнаго значенія и смысла.

— На сколько вы играете, сэръ? спросила маска.

— Я бросилъ два или три наполеона, сказалъ Джой величественнымъ тономъ, побрякивая звонкою монетой.

— Вы играете, конечно, не съ тѣмъ, чтобъ выиграть?

— Разумѣется.

— И я тоже, продолжала маска. Играю для того, чтобъ забытья, но не могу... Да, сэръ, не могу забыть я старыхъ временъ... Вашъ маленькій племянникъ живой портретъ своего отца... И вы не измѣнились, monsieur... нѣтъ, нѣтъ, вы очень измѣнились. Всѣ измѣняются, всѣ забываютъ; ни у кого нѣтъ сердца... да.

— Великій Боже! кто вы? спросилъ оторопѣлый Джой.

— Вы не угадали меня, Джозефъ Седли? сказала маленькая женщина грустнымъ тономъ, и сбросивъ маску, прямо посмотрѣла ему въ глаза. Вы забыли меня.

— Праведное небо! мистриссъ Кроли! воскликнулъ Джой.

— То есть, Ребекка, хотите вы сказать, отвѣчала она съ чувствомъ, пожимая его руку и зорко продолжая слѣдить за всѣми движеніями банкромета.

— Я остановилась въ гостинницѣ «Слона», продолжала Ребекка, спросите мадамъ Родонъ, Я видѣла сегодня Амелію... Какъ она похорошѣла и, Боже мой! какъ она счастлива! Счастливы и вы, сэръ! Всѣ счастливы, кромѣ меня, злополучной и погибшей, Джозефъ Седли.

И она быстро передвинула свои деньги изъ краснаго нуме-

ра на черный, какъ-будто машинальнымъ движеніемъ руки, когда она вытирала свои заплаканные глаза платкомъ, обшитымъ изорванными кружевами,

Но красный нумеръ взялъ, и Ребекка проиграла все изъ этой ставки.

— Пойдемте, сказала она, пройдемтесь немного. Мы, вѣдь, старые друзья: не правда ли, дорогой мой мистеръ Седли?

Мистеръ Киршъ тоже къ этому времени проигралъ внѣ свои денежки, и молча, съ понурой головой, послѣдовалъ за своимъ господиномъ при яркомъ свѣтѣ луны. Иллюминація горѣла очень слабо, шкалики загасали, и транспаранъ едва виднѣлся надъ домомъ англійскаго посольства.

Глава LXVIII

Цыганскія походы старинной нашей знакомки

Мы обязаны пробѣжать послѣднія страницы біографіи мистриссъ Ребекки Кроли съ тою деликатностью, какой требуетъ отъ насъ міръ, моральный міръ, который, какъ извѣстно, затыкаетъ уши и закрываетъ глаза, какъ-скоро порочныя дѣянія называются передъ нимъ ихъ собственными именами. Базаръ Житейской Суеты отлично понимаетъ многія весьма предосудительныя вещи, но терпѣть не можетъ разсужденій о нихъ вслухъ, и страшно боится предосудительныхъ названій. Цивилизованная публика не читаетъ сочиненій, гдѣ порокъ выступаетъ наружу подъ своимъ собственнымъ именемъ, безъ всякой маски. Такъ благовоспитанная леди Америки или Англіи сгоритъ отъ стыда, если какой-нибудь невѣжда произнесетъ въ ея присутствіи слово «брюки».

И, однакожь, милостивыя государыни, панталоны и пороки путешествуютъ каждый день передъ нашими глазами, и мы смотримъ на нихъ очень равнодушно. И что бы сдѣлалось съ вашими щеками, еслибъ имъ суждено было краснѣть каждый разъ при этой непріятной встрѣчѣ? Но вы не краснѣете и скромность ваша возмущается только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвственный слухъ вашъ оскорбляется этими негод-

ными именами. Вотъ почему писатель настоящей исторіи, достовѣрной во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ и смыслахъ, безусловно подчинялся общепринятой модѣ, и позволялъ себѣ въ извѣстныхъ случаяхъ самые легкіе, тонкіе, и деликатнѣйшіе намѣки, такъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ не оскорбить вашихъ прекрасныхъ чувствъ. Мистриссъ Бекки, нечего и говорить, имѣетъ нѣкоторые маленькіе недостатки въ моральномъ смыслѣ, но кто же осмѣлится сказать и доказать, что я представилъ ее публикѣ не въ приличномъ видѣ? Описывая эту сирену, увертливую и ласковую, поющую и улыбающуюся, авторъ съ скромною гордостію спрашиваетъ всѣхъ своихъ читателей: забывалъ ли онъ хоть на минуту законы учтивости, и выставлялъ ли изъ-подъ воды отвратительный хвостъ этого чудовища? Нѣтъ! Вода весьма прозрачна, это правда, и вы можете, если вамъ угодно, заглянуть подъ волны и увидѣть, какъ эта сирена, нечистая, гадкая, изгибается и кружится между костями, виляетъ и снуется между трупами; но, надъ поверхностью воды — ужъ позвольте вамъ это замѣтить — все было представлено въ самоиъ приличномъ и пріятномъ свѣтѣ, и вы, милостивый государь, безпощадный ригористъ житейскаго базара, никакъ не можете сказать: —«*Fi! comme c'est sale!*» Но когда сирена исчезаетъ въ волнахъ и скрывается между мертвыми тѣлами, вода конечно становится мутною надъ нею, и вы ничего не разглядите въ глубинѣ, какъ бы ни были зорки ваши глаза. Говорятъ впрочемъ; что сирены имѣютъ и свою прелесть, и

онѣ дѣйствительно очень хороши, даже очаровательны, когда сидятъ на скалѣ, перебираютъ струны арфы, расчесываютъ свои мокрые волосы, и поютъ, и рѣзвятся, и подманиваютъ васъ къ себѣ, заставляя держать зеркало передъ ихъ глазами, но какъ-скоро онѣ опускаются въ свою природную стихію, можете быть увѣрены, что эти морскія дѣвы совсѣмъ утрачиваютъ свою красоту, и ужъ лучше не смотрѣть, какъ онѣ коверкаются и пиршенствуютъ въ своихъ вертепахъ, пожирая человѣческіе трупы. Ребекка хороша на сценѣ, среди бѣлаго дня, особенно, когда она торжествуетъ на подмосткахъ житейскаго базара; но есть у нея многое множество дѣяній, сокровенныхъ, темныхъ, и чѣмъ меньше говорить о нихъ, тѣмъ лучше.

Еслибъ пришлось намъ отдавать полный отчетъ о поступкахъ мистриссъ Бекки въ послѣдніе два года, послѣ извѣстной катастрофы на Курцонской улицѣ, ригористы вѣроятно имѣли бы право замѣтить, что книга наша не совсѣмъ удовлетворяетъ приличіямъ джентльменскаго свѣта. Дѣянія особъ тщеславныхъ, безсердечныхъ, жаждущихъ непрерывныхъ удовольствій, имѣютъ конечно довольно часто подозрительный характеръ: чего жъ хотите вы ожидать отъ женщины безъ сердца, безъ любви, безъ твердыхъ и постоянныхъ правилъ въ жизни? Были минуты въ этомъ періодѣ существованія, когда мистриссъ Бекки, утомленная трудною борьбою, приходила въ отчаяніе, опускала руки, и даже вовсе не заботилась о своей репутаціи.

Но само-собою разумѣется, что это нравственное униженіе пришло не вдругъ, а постепенно, послѣ неоднократныхъ попытокъ поддержать свою репутацію.

На нѣсколько времени Ребекка осталась въ Лондонѣ, между-тѣмъ, какъ мужъ ея дѣлалъ приготовленія къ отъѣзду на свои губернаторскій постъ, и намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что она пыталась еще разъ завербовать на свою сторону сэра Питта Кроли, который, какъ мы видѣли, сначала былъ не прочь ходатайствовать въ пользу своей невѣстки. Къ несчастью, однакожь, старанія ея не увѣнчались вождѣннымъ успѣхомъ. Однажды сэръ Питтъ и мистеръ Венгемъ, на дорогѣ въ Палату Депутатовъ, встрѣтили мистриссъ Кроли подъ черной вуалью у дверей этого собранія; Венгемъ бросилъ на нее такой многозначительный взглядъ, что съ этой поры она потеряла всякую охоту добиваться аудіенціи у баронета.

Думать надобно, что леди Дженни сильно повредила ей въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ сказывали, будто она чрезвычайно изумила своего супруга тою рѣшительною смѣлостью, съ какою, однажды навсегда, отказалась признавать въ Ребеккѣ свою родственницу. Ссора, говорятъ, была очень жаркая. По собственному своему побужденію, леди Дженни пригласила полковника Родона переселиться къ ней на Гигантскую улицу до окончательнаго его отъѣзда на Ковентрійскій Островъ; имѣя подъ рукой такого стража, миледи рассчитывала, что Бекки уже ни подъ какимъ видомъ не дерзнетъ вломиться

въ ея домъ. Для предупрежденія всякихъ сношеній ея съ баронетомъ, леди Дженни приказывала приносить къ себѣ всѣ получаемые конверты, и внимательно разсматривала почеркъ адресовъ. Но Ребекка не смѣла писать къ Питту въ его собственный домъ: ей было объявлено, что всѣ дальнѣйшія сношенія съ нею производимы будутъ судебнымъ порядкомъ черезъ адвокатовъ и стряпчихъ.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторые доброжелатели отравили душу Питта противъ его невѣстки. Вскорѣ послѣ извѣстнаго приключенія съ лордомъ Стейномъ, Венгемъ испросилъ аудіенцію у баронета, и представилъ ему такія біографическія подробности относительно мистриссъ Бекки, что представитель Королевиной усадьбы пришелъ въ неописанное изумленіе. Венгемъ зналъ, повидимому, всю подноготную: кто былъ отецъ мистриссъ Бекки, въ какомъ году мать ея плясала на сценѣ, какъ она вела себя въ дѣвицахъ и какой образъ поведенія избрала себѣ послѣ своего замужества. Мы не станемъ повторять здѣсь всѣхъ этихъ подробностей, большею частію фальшивыхъ, и внушенныхъ злонамѣреннымъ интересомъ. Какъ бы то ни было, мистриссъ Бекки погибла окончательно въ мнѣніи своего родственника, который первоначально питалъ къ ней самыя дружелюбныя чувства.

Доходы губернатора на Ковентрійскомъ Острову не слишкомъ обширны. Значительную часть ихъ Родонъ Кроли долженъ былъ оставить въ Англіи для удовлетворенія своихъ многочисленныхъ кредиторовъ. Обзаведеніе на новомъ

мѣстѣ тоже потребовало большихъ расходовъ. Послѣ всего этого, на долю жены могло остаться никакъ не болѣе трехсотъ фунтовъ годоваго дохода, и эту сумму Родоитъ Кроли предложилъ Ребеккѣ подѣлѣть условіемъ, чтобъ она не беспокоила его ни теперь, ни послѣ; въ противномъ случаѣ: разводъ, огласка, судебныя дразги, и т. д. Но и Венгемъ, и лордъ Стейнъ, и Родонъ, и леди Дженни, всѣ безъ исключенія желали выпроводить ее изъ отечества, чтобъ потушить это непріятное дѣло.

Занятая всѣми этими хлопотливыми дѣлами и переговорами съ юристами своего мужа, Ребекка совершенно выпустила изъ вида своего сына, маленькаго Родона, и никакъ не удосужилась навѣстить его въ школъ. Этотъ юный джентльменъ былъ теперь отданъ на руки дядюшкѣ и тѣтушкѣ, къ которой онъ издавна питалъ самую нѣжную привязанность. Мистриссъ Бекки, оставивъ Англію, послала къ нему прехорошенькое письмо изъ Булони, гдѣ просила *милаго сына* учиться прилежно и помнить свою мамашу. Она сказала, что намѣрена совершить путешествіе по Европѣ, и выразила надежду писать къ нему еще въ самомъ скоромъ времени. Цѣлый годъ, однакожь, она не писала къ нему ни строчки, до той поры, пока не умеръ отъ кори и коклюша единственный сыночекъ сэра Питта, мальчикъ рыхлый и больной. Послѣ этого событія, мистриссъ Бекки отправила самое нѣжное и чувствительное посланіе къ своему ненаглядному сынку; который теперь сдѣлался наслѣдникомъ Королевиной усадьбы и

полюбить еще больше свою тётку, питавшую къ нему материнскія чувства. Прочитавъ это письмо, Родонъ Кроли, уже мальчикъ взрослый и прекрасный, сгорѣлъ отъ стыда и покраснѣлся какъ маковый цвѣтъ.

— Ахъ, тётушка Дженни! воскликнулъ Родонъ, вы... одна только вы моя мать, другой я не знаю.

Однакожь, онъ послалъ въ отвѣтъ почтительное письмо къ Ребеккѣ, жившей тогда во Флоренціи на скромной квартирѣ со столомъ и прислугою. Но мы забѣгаемъ впередъ и нарушаемъ хронологическій порядокъ.

Первый побѣгъ мистриссъ Кроли былъ не очень дальній. Она высадилась на французскомъ берегу въ Булони, куда, какъ извѣстно, обыкновенно удаляется англійская угнетенная невинность. Здѣсь она наняла въ гостинницѣ двѣ уютныя комнаты, и поселилась очень скромно, на вдовій манеръ, имѣя при себѣ одну только служанку *femme de chambre*. Мистриссъ Кроли обѣдала за общимъ столомъ, гдѣ, въ скоромъ времени, обратила на себя лестное вниманіе всѣхъ окружающихъ особъ. Она потѣшала своихъ ближнихъ интересными разсказами о своемъ братѣ, сэръ Питтѣ, и о другихъ знаменитыхъ особахъ въ Лондонѣ, съ которыми была знакома. Ея свѣтская болтовня, легкая и живая, производила весьма выгодное впечатлѣніе на незатѣйливыхъ слушателей, собиравшихся за общимъ столомъ, и многіе считали ее знатною особой. Она давала въ своей квартирѣ скромные вечера, и принимала довольно дѣятельное участіе въ невинныхъ забавахъ

этого мѣстечка: брала морскія ванны, ѣздила въ открытомъ экипажѣ на загородныя гулянья, гуляла по морскому берегу, посѣщала театръ. Мадамъ Бюржойсь, жена художника, проживавшая съ семействомъ въ гостиницѣ, кудѣ разъ въ недѣлю, съ субботы на воскресенье, приходилъ къ ней мужъ, находила мистриссъ Бекки очаровательною особой, и была отъ нея въ восторгѣ до той поры, пока вѣтреимый мосье Бюржойсь не вздумалъ обратить слишкомъ ласковаго взора на нашу героиню. Серьёзнаго, впрочемъ, ничего не случилось: Бекки всегда была ласкова, добродушна и плѣнительна въ обращеніи, преимущественно съ мужскимъ поломъ.

Въ половинѣ лѣта начались обыкновенныя выѣзды изъ Лондона, и Бекки, встрѣчаясь на чужеземной почвѣ съ своими прежними знакомыми могла составить себѣ весьма ясное понятіе о томъ, какъ думаетъ объ ея поведеніи большой лондонскій свѣтъ. Однажды, гуляя весьма скромно по булонской набережной, и любясь вдали на туманныя скалы Альбіона, она столкнулась лицомъ-къ-лицу съ леди Парлетъ и ея дочерьми. Однимъ взмахомъ зонтика леди Парлетъ сгруппировала вокругъ себя дочерей, и отпрянула назадъ, бросивъ на Ребекку страшный взоръ, величественный и грозный.

Въ другой разъ стояла она на пристани, смотря на приближающійся пароходъ. Дулъ сильный вѣтеръ, и Ребекка съ удовольствіемъ смотрѣла на кислые лица пассажировъ, выступавшихъ на берегъ. На пароходѣ въ тотъ день была между прочимъ леди Слингтонъ, хорошо знакомая съ нашей ге-

ропней. Миледи была, казалось, очень больна, и видъ ея обнаруживалъ чрезмѣрную усталость. По выходѣ изъ парохода на пристань, она едва переступала съ ноги-на-ногу; но вдругъ силы ея совершенно возобновились, когда она увидѣла на пристани мистриссъ Бекки, съ лукавой улыбкой изъ-подъ розовой шляпки. Бросивъ на нее презрительный взглядъ, способный привести въ оцѣпенѣніе самыхъ смѣлыхъ женщинъ, леди Слингтонъ, быстрыми шагами и безъ посторонней помощи, бодро пошла въ таможенную. Бекки захохотала, но едва-ли смѣхъ ея былъ искренній; одинокая и всѣми оставленная, она почувствовала въ эту минуту, что не бывать ей никогда по ту сторону канала.

Мужчины тоже, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ, обходились съ нею какъ-то очень странно. Гринстонъ скалилъ зубы и смѣялся ей въ лицо съ обидною фамиллярностью. Ничтожный Бобъ Сокклингъ, который, мѣсяца за три передъ этимъ, осмѣливался стоять передъ нею не иначе, какъ со шляпою въ рукахъ, и готовъ былъ въ дождь отыскивать вмѣсто швейцара, ея карету у подъѣзда Гигантскаго дома, стоялъ однажды на пристани съ мистеромъ Фитццумомъ, сыномъ лорда Гиго, и болталъ о какихъ-то пустякахъ, когда Бекки пришла къ этому мѣсту подышать морскимъ воздухомъ. И что же? Ничтожный Бобъ едва кивнулъ ей черезъ плечо, не дотронувшись даже до поля своей шляпы. Нѣкто Томъ Райсъ, препустѣйшій повѣса, вздумалъ было вломиться въ ея гостиную съ сигарою во рту, но мистриссъ Родонъ

захлопнула передъ нимъ дверь, и уже хотѣла запереть, одна-кожь мистеръ Райсъ, съ непостоянною дерзостію, опять растворилъ ее настежь. Тогда-то почувствовала она въ полной мѣрѣ, что была совершенно одинока и беззащитна въ этомъ мірѣ.

— Ахъ, еслибъ онъ былъ здѣсь! воскликнула она изъ глубины души, — эти трусы не посмѣли бы издѣваться надо мною!

И она думала *о немъ* съ великой грустью и тоскою, думала о постоянной его вѣрности и добротѣ, о его неизмѣнномъ послушаніи, мужествѣ и отвагѣ. Вѣроятно она плакала въ тотъ день, потому-что явилась къ table d'hôte немножко нарумяненная, и обнаруживала въ разговорѣ необыкновенную торопливость.

Впрочемъ, она румянилась теперь довольно часто, и еще чаще горничная приносила ей коньякъ, независимо отъ другихъ сердцекрѣпительныхъ напитковъ, обозначенныхъ въ счетѣ буфетчика гостинницы.

Однакожь, оскорбленія мужчинъ были просто мелки и ничтожны въ сравненіи съ той симпатіей, которую оказывали ей женщины извѣстнаго разряда. Мистриссъ Креккенбери и мистриссъ Вашингтонъ Уайтъ, на пути въ Швейцарію, остановились на нѣсколько временъ въ Булони. Ихъ сопровождали полковникъ Горнеръ, молодой Бомборисъ, старый Креккенбери и маленькая дочь мистриссъ Уайтъ. *Эти женщины* не избѣгали мистриссъ Родонъ. Совсѣмъ напротивъ: онѣ обнаружили самое искреннее соболѣзнованіе, говорили, утѣ-

шали ее, хныкали и покровительствовали ее до такой степени, что мистриссъ Бекки бѣсновалась отъ припадка внутренней злобы? Какъ? Терпѣть такое покровительство! думала она, когда вся эта компанія спускалась внизъ по окончаніи своего дружескаго визита. И Ребекка слышала, какъ хохоталь на лѣстницѣ юный Бомборись, и знала очень хорошо, чѣмъ и какъ должно объяснять эту веселость. Этотъ визитъ сопровождался для мистриссъ Бекки весьма непріятными послѣдствіями. Каждую недѣлю выплачивала она въ трактирѣ свои маленькіе счеты; угождала всѣмъ и каждому, улыбалась хозяйкѣ, называла лакеевъ *messieurs*, горничныхъ *mesdemoiselles* и *mesdames*, безпрестанно извинялась передъ ними и была вообще до-крайности учтива, что, какъ извѣстно, съ успѣхомъ замѣняетъ денежные подарки, на которые мистриссъ Бекки была нѣсколько скупа. И что же? Содержатель гостинницы прислалъ къ ней записку съ покорнѣйшею просьбою немедіенно оставить его домъ. До него дошли слухи, что мистриссъ Родонъ, по своему подозрительному характеру, не можетъ быть терпима въ порядочномъ отелѣ, гдѣ, по ея милости, не хотѣли останавливаться другія англійскія леди. И мисстриссъ Бекки принуждена была нанять для себя квартиру въ глухой улицѣ, скучную и совершенно уединенную квартиру.

При всемъ томъ, она крѣпилась еще очень долго, стараясь занять приличное мѣсто между порядочными людьми и побѣдить скандалъ. Каждое воскресенье аккуратно отправ-

лялась она въ капеллу, и пѣла громче всѣхъ. Она принимала живѣйшее участіе въ судьбѣ вдовъ-рыбачекъ, мужа которыхъ погибли въ послѣднюю бурю, дѣлала имъ филантропическіе визиты, утѣшала другихъ несчастныхъ, подписывалась на лоттереи въ благородныхъ собраніяхъ, и не *хотѣла* танцевать. Словомъ, все дѣлала мистриссъ Бекки, что только имѣло респектабельный характеръ, и вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на этомъ періодѣ ея карьеры; въ другихъ мѣстахъ мы поневолѣ должны быть кратки. Она видѣла, какъ избѣгаютъ ея порядочные люди, и, однакожь, принуждала себя смотрѣть на нихъ умильными глазами; вы бы никакъ не догадались по ея физіономіи, какія муки и страданія испытываетъ ея бѣдное сердце.

Исторія ея была для всѣхъ таинственной загадкой, и въ городѣ составились о ней самыя разнообразныя мнѣнія. Одни утверждали прямо и безъ всякой церемоніи, что мистриссъ Бекки отчаянная злодѣйка; другіе, напротивъ, готовы были объявить подъ клятвой, что она невинна, какъ голубица, и тго во всемъ виноватъ ненавистный ея мужъ. Въ мнѣніи нѣкоторыхъ особъ возвысилась она преимущественно тѣмъ, что проливала самыя горькія слезы о своемъ малюткѣ и выражала самую неистовую скорбь, когда упоминала его имя, или когда встрѣчала мальчика, похожаго на ея маленькаго Родона. Этимъ средствомъ она между-прочимъ преклонила на жалость чувствительное сердце мистриссъ Альдерни, богатой Англичанки, проживавшей въ Булони, и которая за-

давала здѣсь великолѣпные балы для всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Мистриссъ Родонъ залилась горьчайшими слезами, когда увидѣла мастера Альдерни, пріѣхавшаго къ своей матери на каникулы изъ пансіона доктора Свшителя.

— Отчего вы такъ плачете, моя милая? спросила мистриссъ Альдерни.

— Могу ли я не плакать?.. О, Боже, мой! Сынь мой однихъ лѣтъ съ вашимъ малюткой, отвѣчала Бекки самымъ раздражительнымъ голосомъ.

Затѣмъ она принялась увѣрять, что мастеръ Альдерни похожъ на ея юнаго Родона, какъ двѣ капли воды. Все это разумѣется, была чистѣйшая ложь; между малютками, собственно говоря, было пять лѣтъ разницы, и сходство между ними было, съ позволенія сказать, такое же, какъ между мною и вами, возлюбленный читатель. Мистеръ Венгемъ, отправившійся за границу въ Киссингенъ для соединенія съ лордамъ Стейномъ, счелъ своей обязанностію вывести изъ заблужденія мистриссъ Альдерни насчетъ этого пункта.

— Могу васъ увѣрять, сударыня, сказалъ онъ, что я умѣю гораздо правильнѣе описать маленькаго Родона, чѣмъ его мама. Ребекка ненавидитъ своего сына и едва-ли видѣла его когда-нибудь; мальчику тринадцать лѣтъ, тогда-какъ мастеру Альдерни, если не ошибаюсь, не будетъ и девяти; онъ блондинъ, между-тѣмъ какъ сынъ вашъ брюнетъ.

Словомъ, мистеръ Венгемъ совершенно образумилъ добродушную леди насчетъ нашей героини.

И какой бы кружекъ ни составляла вокругъ себя мистриссъ Бекки послѣ невѣроятныхъ усилій и трудовъ, недоброжелатели ея втирались всюду и разрушали ея планы, такъ-что бѣдняжкѣ приходилось снова начинать свою гигантскую работу. Судьба ея была истинно плачевна.

Нѣкоторое время принимала ее къ себѣ мистриссъ Ньюбрайтъ, очарованная превосходнымъ ея пѣніемъ. Онѣ разсуждали вмѣстѣ о многихъ назидательныхъ предметахъ, о которыхъ Бекки въ свое время получила весьма достаточныя свѣденія на Королевиной усадьбѣ, Мистриссъ Кроли писала даже многіе поучительные трактаты и произносила ихъ въ собраніи многочисленныхъ слушателей. Продолжая заниматься филантропическими дѣлами, она собственными руками шила фланелевые фуфайки, бумажные колпаки и шерстяныя юбки, предназначавшіяся для новыхъ послѣдователей общества кувиркателей, которое предполагали основать на Мысѣ Доброй Надежды. Случалось даже, что, распространяясь объ этихъ дѣлахъ, она заливалась самыми горькими слезами. Мистриссъ Ньюбрайтъ была отъ нея въ восторгѣ и поспѣшила возвѣстить о ней миледи Саутдаунъ, съ которой вела постоянную корреспонденцію; но, къ несчастію отвѣтъ вдовствующей графини былъ такого рода, что разрушилъ въ конецъ взаимную привязанность двухъ почтенныхъ дамъ. Она выставила относительно Ребекки такія подробности, намеки, факты, небылицы, что мистриссъ Ньюбрайтъ немедленно перестала принимать мистриссъ Кроли.

Примѣру ея послѣдовали другія нравственныя леди, жившія въ Турѣ, гдѣ произошло это несчастіе. Здѣсь, какъ и вездѣ, Англичане составляли между собою особый кружокъ своими національными нравами и обычаями. Если вы имѣли случай слѣдить за британскими колоніями въ чужихъ краяхъ, то знаете очень хорошо, что мы повсюду разносимъ свою гордость, свои пилюли, предразсудки, свои соусы, пуддинги и — другихъ пенатовъ, необходимыхъ для составленія маленькой Британіи на чужеземной почвѣ.

Бекки перекочевывала изъ одной колоніи въ другую: изъ Булони въ Діеппъ, изъ Діеппа въ Каанъ, изъ Каана въ Туръ. Вездѣ старалась она быть респектѣбною леди, и, увы! отовсюду выгоняли ее всѣ эти ястребы и драконы добродѣтелей женскихъ.

Въ одномъ изъ этихъ мѣстъ она встрѣтилась съ мистриссъ Гукъ Игльсъ, женщиною безъ малѣйшаго пятна на совѣсти, и у которой былъ собственный домъ на Портмень-Скверѣ. мистриссъ Гукъ остановилась въ гостинницѣ въ Діеппѣ, куда съ нѣкотораго времени переселилась и мистриссъ Бекки. Онѣ познакомились сначала въ морскихъ ваннахъ, гдѣ купались и плавали вмѣстѣ, а потомъ окончательно сошлись въ гостинницѣ за общимъ столомъ. Мистриссъ Игльсъ слыхала кое что — кто жъ этого не слыхалъ? — о соблазнительной исторіи лорда Стейна, но послѣ продолжительной бесѣды съ Ребеккой, она объявила, что мистриссъ Кроли невинна какъ агнецъ. Гибель мистриссъ Кроли, по ея мнѣнію, объяснялась

исключительно адскгоій замыслами этого негоднаго Венге-
ма.

— Если ты, мой милый, человекъ съ душою и характеро-
мъ, сказала она своему супругу, — тебѣ непременно слѣду-
етъ дать этому негодяю пощечину въ первый же разъ, какъ
встрѣтишься съ нимъ въ клубѣ.

У мистера Гука была, конечно, душа, былъ и характеръ,
но душа миролюбивая и характеръ спокойный; онъ отлично
зналъ геологію, но никогда не практиковался въ искусствѣ
давать пощечины.

Бекки была сначала очень респектѣбельною леди, но скоро
эта жизнь, однообразная и вялая, надоѣла и наскучила нашей
героинѣ. Вѣчно одна и та же повседневная рутина, тотъ же
несносный комфортъ, одни и тѣ же безконечные выѣзды въ
этотъ глупый Булонскій лѣсъ, тѣ-же гости по вечерамъ, та-же
итальянская опера сегодня какъ вчера, вчера какъ третьяго
дня. Бекки истомилась отъ скуки. Къ счастью, на выручку къ
ней явился юный мистеръ Гукъ изъ Кембриджа, и когда ма-
ленька замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею подругой на
легкомысленнаго шалуна, Бекки получила строгое приказа-
ніе оставить ее домъ.

Затѣмъ она попыталась жить вдвоемъ съ одной искренней
подругой, но скоро онѣ обѣ попали въ долги, перессорились
и разошлись. Затѣмъ она рѣшилась вести такъ называемую
пансіонскую жизнь и наняла квартиру съ прислугой на хлѣ-

бахъ въ домѣ у одной дамы на Rue Royale въ, Парижѣ. Общество, собиравшееся въ салонахъ этой дамы было хоть куда: джентльмены пересыпались весьма замысловатыми островами за игорными столами, и всѣ дамы при блескѣ восковыхъ свѣчей имѣли совершенно респектабельный характеръ. Бекки, разумѣется, играла главнѣйшую роль между ними.

Но здѣсь, думать надобно, нахлынули на нее старые кредиторы 1815 года. Въ одно прекрасное утро мистриссъ Бекки вдругъ исчезла изъ Парижа и черезъ нѣсколько недѣль очутилась въ Брюсселѣ.

Какъ хорошо она домнила этотъ городъ! Она улыбнулась очень самодовольно при взглядѣ на маленькій *entresol*, который занимала въ эпоху ватерлооской битвы, и живо припомнила фамилію Барикрисовъ, искавшихъ лошадей, между-тѣмъ, какъ карета ихъ, совсѣмъ готовая, стояла у воротъ гостиницы. Она посѣтила Ватерлооское поле и Лекенское кладбище, гдѣ вниманіе ей остановилось на монументѣ Джорджа Осборна.

— Бѣдный Купидонъ! сказала она. Какъ страшно онъ былъ влюбленъ въ меня, и какой онъ былъ глупецъ! Интересно знать, жива ли еще эта малютка Эмми и жирный толстякъ, ея братецъ? Кажется въ моемъ портфелѣ хранится еще портретъ этого фата. Всѣ они, впрочемъ, очень добрые люди.

Несмотря на поспѣшное бѣгство изъ Парижа, Бекки запаслась, однакожъ, рекомендательнымъ письмомъ отъ дамы, у которой жила, къ задушевной ея пріятельницѣ, Madame de

Parvenu, вдовѣ, промышлявшей съ большимъ успѣхомъ содержаніемъ табльдота и игорныхъ столовъ. Всѣ второстепенные денди и *roués*, вдовствующія леди, не кончившія своихъ процессовъ по дѣламъ наслѣдства, и многія другія особы охотно посѣщаютъ заведенія этого рода, кушаютъ пуддинги и бросаютъ деньги на карточные столы какой-нибудь *Madame de Parvenu*.

Здѣсь, какъ и въ Парижѣ, мистриссъ Бекки была душою всѣхъ подобныхъ обществъ. Никогда она не отказывалась ни отъ шампанскаго, ни отъ букетовъ, съ удовольствіемъ выезжала на загородныя гулянья и не пропускала замѣчательныхъ спектаклей въ театрѣ. Но всѣмъ этимъ забавамъ мистриссъ Родонъ предпочитала экарте, и отличалась удивительною смѣлостію за игорными столами. Сперва она играла по маленькой; потомъ — франковъ на пять, потомъ рисковала наполеондорами, и потомъ уже банковыми билетами въ двѣсти или триста франковъ. Затѣмъ мистриссъ Кроли не въ состояніи была заплатить домовою хозяйкѣ за истекшій мѣсяцъ, и затѣмъ она принуждена была занять маленькую сумму у молодаго джентльмена. Затѣмъ проигралась въ-пухъ, и жарко поссорилась съ *madame de Parvenu*. Затѣмъ нѣсколько времени она ставила на карту по десяти су, и проводила, въ нѣкоторомъ смыслѣ, бѣдственную жизнь. Затѣмъ, получивъ свое третнее жалованье, она поплатилась съ *madame de Parvenu*, и сразилась еще разъ, за карточнымъ столомъ, съ *Monsieur de Rossignol* и кавалеромъ *de Raff*.

Въ-пухъ проигралась мистриссъ Кроли, и тайкомъ уѣхала изъ Брюсселя, не расплатившись съ *madame de Parvenu* за цѣлые три мѣсяца. Объ этомъ печальномъ событіи, да еще о томъ, какъ и съ кѣмъ играла мистриссъ Бекки, какъ валялась въ ногахъ у почтеннаго мистера Муффа, профессора эстетики, вымаливая у него взаймы, какъ потомъ она кокетничала съ молодымъ милордомъ Нудль, воспитанникомъ почтеннаго Муффа, котораго, у себя, обыграла въ экарте, обо всѣхъ этихъ и многихъ другихъ весьма интересныхъ событіяхъ въ этомъ родѣ, *madame de Parvenu* представляетъ подробнѣйшій отчетъ каждому англійскому путешественнику, останавливающемуся въ ея заведеніи. Въ заключеніе отчета *madame* докладываетъ, что эта гадкая Ребекка, съ позволенія сказать, настоящая *viripe*.

Такимъ-образомъ, безпріютная наша скиталица, какъ новый Улиссъ въ женской юбкѣ, раскидывала свою палатку въ разныхъ странахъ европейскаго континента. Наклонность ея къ цыганской жизни увеличивалась со дня на день, она сталкивалась съ людьми всѣхъ націй, всѣхъ породъ и состояній.

Почти въ каждомъ европейскомъ городѣ непременно существуетъ колонія англійскихъ пройдохъ, наводняющихъ игорные дома, эстамине и бильярдныя комнаты въ трактирахъ. Это по большей части, люди извѣстнаго разряда, непризнаваемые членами своихъ фамилій. Ими повсюду наводнены долговья тюрьмы... они мошенничаютъ и пьютъ; ссорятся и дерутся; бѣгаютъ отовсюду, не заплативъ денегъ;

бурлять и вызываютъ на дуэль порядочныхъ людей; обдуриваютъ какого-нибудь мистера Спуни въ экарте; набиваютъ карманы чужими деньгами и пріѣзжаютъ въ Бадень въ великолѣпномъ экипажѣ; снуютъ съ пустыми карманами вокругъ игорныхъ столовъ; обкрадываютъ еще разъ какого-нибудь зѣваку, или, размѣниваютъ у какого-нибудь жида фальшивыя вексели на чистыя деньги. Быстро смѣняющіяся сцены пышности и блеска, нищеты и униженія, когорыхъ подвергаются люди этого сорта, достойны изученія въ психологическомъ смыслѣ. Жизнь ихъ представляетъ вѣроятно непрерывную перспективу сильныхъ ощущеній и волненій. Мистриссъ Бекки — должно ли въ этомъ признаваться? причислила себя къ разряду этихъ существъ, и была между ними въ своей сферѣ. Съ этими цыганами перекочевывала она изъ страны въ страну, изъ одного города въ другой. Въ картежныхъ домахъ Германіи повсюду знали мистриссъ Родонъ. Она и Madame de Cruchecassée содержали во Флоренціи свое собственное заведеніе въ этомъ родѣ. Носился слухъ, что ее вывели изъ Мюнхена съ большимъ скандаломъ, и пріятель мой Фредерикъ Пинсонъ, рассказывалъ, что въ ея лозанскомъ домѣ онъ проигралъ, послѣ веселаго ужина, восемьсотъ фунтовъ майору Лодеру и мистеру Десису. Мы, какъ видите, принуждены заглянуть и въ эту часть біографіи мистриссъ Бекки, но само-собою разумѣется, чѣмъ меньше говорить объ этомъ, тѣмъ лучше.

Но не всегда везло ей, и случалось повременамъ, что кас-

са ея совсѣмъ пустѣла. Въ такихъ случаяхъ мистриссъ Кроли, тамъ и здѣсь, давала концерты и музыкальные уроки. Въ Вильдбадѣ, наприимѣръ, Madame de Raudon имѣла une matinée musicale, въ которомъ принималъ участіе Herr Spoff, первый пьянистъ валахскаго господаря. Пріятель мой, мистеръ Ифсъ, знавшій все и ѣздившій повсюду, рассказывалъ, что, въ бытность его въ Страсбургѣ, въ 1830 году, какая-то madame Rebecque появилась на сценѣ, въ оперѣ «*Dame Blanche*», и въ театрѣ, по этому поводу, произошла большая суматоха. Ее освистали частію за дурную игру, но главнѣйшимъ образомъ, вслѣдствіе злнамѣреннаго недоброжелательства нѣкоторыхъ особъ, сидѣвшихъ въ партерѣ. Мистеръ Ифсъ увѣрялъ меня, что несчастная дебютантка была не кто другая, какъ мистриссъ Родонъ Кроли.

И была она скиталицей на землѣ въ полномъ смыслѣ этого слова. При деньгахъ она играла, безъ денегъ — пускалась въ промышленность, проматывая въ томъ и другомъ случаѣ заработанную копейку. Вездѣ была она... Мнѣ сказывали еще, будто въ Парижѣ она случайнымъ образомъ открыла свою родственницу, бабушку съ матерней стороны, которая была совсѣмъ не Монморанси, а какая-то грязная старушенка, смотрительница за ложаии въ театрѣ. Встрѣча между ними была вѣроятно очень трогательная, но писателю настоящей исторіи неизвѣстны подробности этого событія.

Мѣстомъ ея послѣдняго, отчаяннаго подвига, былъ Римъ, куда она отправилась съ двумя прежними пріятелями и собу-

тыльниками Родона Кроли. Частица ея небольшого вдовьяго капитала была переведена на имя главнаго банкира въ этомъ городѣ, но дѣло извѣстное: какъ-скоро хранится у банкира Полонія вашъ капиталъ, превышающій сумму пятисотъ скуди, вы непременно будете имѣть пригласительные билеты на зимніе балы этого туза. Итакъ, ничего нѣтъ удивительнаго, если Ребекка получила возможность рисоваться въ салонахъ принца и пршцессы Полонія. Принчипесса принадлежала къ знаменитому дому Помпилія и, само-собою разумѣется, происходила по прямой линіи отъ Нумы Помпилія и нимфы Эгеріи. Дѣдъ банкира, Алессандро Полонія, торговалъ въ свое время мыломъ, духами, табакомъ, платками, со включеніемъ элексира долгой жизни, который доставилъ ему особую извѣстность. Въ салонахъ его внука густыми толпами тѣснились и перемѣшивались всѣ возможные знаменитости, иностранныя и отечественныя, дипломатическія и военныя, ученые и артистическія, *monsignori*, милорды и *messieurs*.

Ребекка только-что пріѣхала изъ Флоренціи, и остановилась въ трактирѣ. Получивъ пригласительный билетъ, она, въ блистательномъ костюмѣ, явилась на балъ въ сопровожденіи майора Лодера, съ которымъ путешествовала въ ту пору. Майоръ въ прошломъ году на дуэли убилъ въ Неаполѣ синьора Равіоли, и въ прошломъ же году, за карточнымъ столомъ, поссорился съ сэромъ Джономъ Букскиномъ. При входѣ въ салоны Ребекка угадала многихъ особъ, которыхъ въ былыя времена, затмѣвала своимъ блескомъ. Майоръ Ло-

дерь тоже съ своей стороны узналъ многихъ историческихъ людей, служившихъ въ Каталоніи, Мехикѣ и стоявшихъ съ нимъ на самой короткой ногѣ. Но земляки майора избѣгали его. Облокотившись на руку своего кавалера, Ребекка скорымъ шагомъ прошла нѣсколько залъ, и выпила въ буфетѣ нѣсколько бокаловъ шампанскаго. Пробѣжавъ наконецъ черезъ длинную анфиладу апартаментовъ, она очутилась въ небольшой розовой бархатной залѣ, гдѣ стояла статуя Венеры, окруженная антиками. Здѣсь, за круглымъ столомъ, изволилъ ужинать самъ банкиръ Полонія съ почетными гостями. «Куда вы умчались, куда отлетѣли, о вы, минувшіе вечера и ночи съ роскошными ужинами среди роскошнѣйшихъ львовъ?» Ребекка думаетъ объ этомъ, и вздыхаетъ и дрожить... дрожить, потому-что за столомъ подлѣ банкира сидитъ не кто другой, какъ самъ лордъ Стейнъ! Шрамъ отъ брильянтоваго аграфа еще видѣнъ на его широкомъ челѣ; отъ рыжихъ бакенбардъ блѣднѣетъ еще больше его блѣдное лицо. Лордъ Стейнъ первый почетный гость на почетномъ балу. Подлѣ него сидѣла знаменитая графиня Белладонна.

Еще разъ со всею силой вспыхнулъ въ ней инстинктъ свѣтской женщины, и она вздохнула глубоко, вспомнивъ о своихъ вечерахъ на Курцонской улицѣ. «Эта Итальянка наводитъ на него скуку», думала она: «а я, бывало, забавляла его!» Тысячи надеждъ, воспоминаній, опасеній; затолпились въ одно и то же время въ ея трепещущемъ сердцѣ. Сверкающій взоръ ея не отрывался уже отъ лорда Стей-

на. «Какой умъ, какія манеры, какой остроумный разговор!» повторяла она самой себѣ. Лордъ Стейнъ, улыбнувшись своей сосѣдкѣ, поднялъ голову и увидѣлъ Ребекку. Взоры ихъ встрѣтились. Ребекка вооружилась очаровательнѣйшей улыбкой, и сдѣлала ему реверансъ, почтительный и робкій. Лордъ Стейнъ поблѣднѣлъ какъ Макбетъ передъ привидѣніемъ Банко. Въ эту самую мнату подошелъ къ Ребеккѣ майоръ Лодеръ.

— Пойдемъ ужинать, сказалъ онъ ей, — я видѣлъ столько открытыхъ и жующихъ ртовъ, что аппетитъ мой наострился отличнѣйшимъ образомъ. Вдовушка Клико соскучилась о насъ.

Ребекка съ замирающимъ сердцемъ, должна была идти, и въ буфетѣ майоръ Лодеръ присоединился съ ней къ своимъ испытаннымъ друзьямъ.

На другой день она вышла гулять на гору Пинчіо, въ смутной надеждѣ встрѣтиться съ лордомъ Стейномъ, но вмѣсто всякаго ожиданія и всякой надежды, встрѣтилъ ее мистеръ Фишъ, повѣренный лорда Стефна. Онъ подошелъ къ ней съ фамилярнымъ видомъ, и слегка приставилъ руку къ своей шляпѣ.

— Я зналъ, что вы здѣсь, мадамъ, сказалъ мистеръ Фишъ, — я слѣдилъ за вами отъ самой гостинницы. Мнѣ нужно предложить вамъ совѣтъ.

— Отъ имени маркиза Стейна? спросила Ребекка величественнымъ тономъ, слегка взволнованная отрадной надеж-

дой.

— Нѣтъ, совѣтъ моего собственнаго изобрѣтенія. Римскій климатъ очень нездоровъ, сударыня.

— Не въ эту пору, мистеръ Фишъ.

— Извините, римскій климатъ ужасно для васъ нездоровъ, именно въ эту минуту, увѣряю васъ. Для нѣкоторыхъ особъ эта злокачественная *malaria* продолжается всегда. Повѣрьте, мистриссъ Кроли, проклятый вѣтеръ надулъ на васъ ужасную горячку. Вы были всегда очень добры, сударыня, и я принимаю въ васъ душевное участіе. Вотъ вамъ мой пріятельскій совѣтъ: уѣзжайте изъ Рима сію же минуту, иначе вы захвораете смертельно, и не выздоровѣете никогда.

Ребекка разразилась неистовымъ хохотомъ.

— Какъ? Изподтишка убить бѣдную женщину? Но это романъ въ чистѣйшемъ итальянскомъ вкусѣ. Я останусь въ Римѣ, хотя бы только для того, чтобъ побѣсить надменнаго лорда. Друзья, надѣюсь, защитятъ меня отъ всѣхъ вашихъ кинжаловъ,

Мистеръ Фишъ разразился въ свою очередь самымъ бѣшенымъ смѣхомъ.

— Васъ защитятъ? Кто жъ бы это? Пріятели, съ которыми вы угощаетесь въ буфетахъ! Но эти люди, мистриссъ Кроли, возьмутъ за вашу голову никакъ не больше сотни луидоровъ. Мы отлично знаемъ этого Лодера: онъ такой же майоръ, какъ я маркизъ, съ тою разницею, что намъ ничего не стоитъ упрятать его на галеры. У насъ, видите ли, мистриссъ Кроли,

водятся пріятели повсюду; мы знаемъ, напрімѣръ, съ какими особами были вы въ Парижѣ, и какія ваши связи въ Римѣ. Э, Боже мой, откройте ваши большіе глаза, мистриссъ Кроли! Какъ это случилось, что васъ нигдѣ не принималъ никакой посланникъ? Есть, стало-быть, ужасный человѣкъ, котораго вы обидѣли, и этотъ человѣкъ не прощаетъ никогда. Онъ разсвирѣпѣлъ какъ тигръ, когда васъ увидѣлъ. Синьора Белладонна сдѣлала ему ужасную сцену, а вы не понимаете, что значить гнѣвъ синьоры Белладонны!

— А! такъ это синьора Белладонна! воскликнула Ребекка, оправляясь отъ своего оцѣпенѣнія.

— Да, она очень ревнива, но я говорю вамъ о милордѣ. Вы сдѣлали отчаянный промахъ, когда осмѣлились показаться ему на глаза. Вы жестоко раскаетесь, если промедлите тутъ еще нѣсколько часовъ, обратите вниманіе на эти слова, и убирайтесь поскорѣе... но вотъ коляска милорда.

Схвативъ за руку Ребекку, онъ потащилъ ее въ ближайшую аллею въ ту минуту, какъ коляска лорда Стейна въѣзжала на гору Пинчіо. Синьора Белладонна, Итальянка съ черными глазами и живымъ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ, полулежала на бархатныхъ подушкахъ подлѣ стараго милорда, угрюмаго и сердитаго. Глаза его сверкали повременамъ страшнымъ и дикимъ блескомъ.

— Милордъ никогда не могъ оправиться отъ удара въ ту страшную ночь... никогда, шепнулъ мистеръ Фишъ, какъ-только коляска скрылась изъ вида.

«Ну, это по крайней мѣрѣ еще можетъ служить для меня утѣшеніемъ», подумала мистриссъ Бекки.

Точно ли милордъ имѣлъ въ виду эти убійственныя намѣренія противъ Ребекки, какъ объявилъ мосьё Фишъ, или дѣло шло только о томъ, чтобъ выпроводить эту женщину изъ города, гдѣ присутствіе ея могло быть оскорбительнымъ для великаго нобльмена, заподлинно мы не знаемъ, но угроза возымѣла свое дѣйствіе, и мистриссъ Кроли, избѣгая непріятныхъ столкновений, въ ту же ночь оставила вѣчный городъ.

Всѣмъ извѣстна печальная кончина лорда Стейна, послѣдовавшая въ Неаполѣ въ 1830 году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ польскаго переворота въ Парижѣ. Высокопочтеннѣйшій Георгій Густавъ, маркизь Стейнъ, лордъ Гигантъ, владѣлецъ многихъ прадѣдовскихъ замковъ и палаццо, пэръ ирландіи, виконтъ гелльборосскій, баронъ питчлейскій и грильсбейскій, членъ парламента, президентъ Трицкой Коллегіи – скончался тихо на своемъ ложѣ.

Сообщая этотъ некрологъ, лондонскія воскресныя газеты краснорѣчиво изобразили добродѣтели милорда, его неизмѣримое великодушіе, его таланты и всѣ его добрыя дѣянія. Чувствительность, поразившая его душу передъ кончимою, была превознесена и прославлена. Тѣло его погребено въ Неаполѣ; но сердце милорда – это великое сердце, которое билось исключительно для блага человѣческаго – было въ серебряной урнѣ привезено въ отечество и поставлено въ Ги-

гантскомъ замкѣ.

«Изящныя искусства и бѣдные люди навсегда лишились въ немъ великодушнѣйшаго патрона», писалъ въ своей газетѣ мистеръ Уагтъ, «общество потеряло въ немъ свое блистательнѣйшее украшеніе. Великобританія утратила невозвратно пламеннаго патріота и государственнаго мужа съ рѣдкими талантами», и проч., и проч.

Завѣщаніе его долгое время было предметомъ судебныхъ преній, и родственники покойника потребовали у синьоры Белладонны знаменитый брильянтъ, извѣстный подъ именемъ «Жидовскаго Глаза», который всегда красовался на указательномъ пальцѣ милорда. Говорили, будто этимъ украшеніемъ Белладонна завладѣла уже послѣ смерти лорда Стейна, но каммердннеръ покойника, мосьё Фишъ, доказалъ неопровержимымъ образомъ, что вышерѣченная мадамъ Белладонна получила это кольцо въ подарокъ отъ маркиза за два дня до его смерти. Такимъ же способомъ перешли въ ея владѣніе многіе банковые билеты, драгоценныя бездѣлки, неаполитанскія и французскія облигаціи, которыя напрасно наслѣдники покойника требовали отъ синьоры Белладонны.

Глава LXIV

Старый другъ лучше новыхъ двухъ

На другой день послѣ встрѣчи за игорнымъ столомъ, мистеръ Джой, великолѣпный и блистательный въ своемъ парадномъ одѣяніи, spraysнулъ себя духами, и не сказавъ никому ни слова, отправился на поиски изъ гостинницы «Телячьей Головы». Это произошло въ ранній часъ утра, передъ завтракомъ. Черезъ нѣсколько минутъ уже видѣли, какъ сановникъ Индіи вошелъ въ гостинницу «Слона». Вслѣдствіе праздничнаго увеселенія, домъ этотъ былъ уже набитъ народомъ всѣхъ возможныхъ званій и состояній, общія залы его давно обкуривались табачнымъ дымомъ, и ранніе гости усердно истребляли колбасу и пиво національной варки. Когда мистеръ Джой на своемъ неуклюжемъ нѣмецкомъ діалектѣ освѣдомился о жительствѣ мистриссъ Родонъ, ему указали подъ облаками на самую верхушку дома. Въ нижнемъ этажѣ жительствоваали здѣсь заѣзжіе купцы, выставлявшіе передъ публикой издѣлія шелковыхъ фабрикъ и предметы ювелирнаго искусства. Въ апартаментахъ втораго этажа засѣдали представители игорной фирмы за рулетками и карточными столами. Въ третьемъ этажѣ квартировали труппы кочующихъ цыганъ и фигляровъ. Въ четвертомъ — обитали купеческіе прикащики, мелкіе торговцы, конторщики и ферме-

ры, прїѣхавшіе въ Пумперниккель къ этимъ торжественнымъ днямъ. Между этой своичью, въ одной довольно грязной и тѣсной каморкѣ, пригнѣздилась и мистриссъ Бекки.

Бекки любила жизнь. Всюду и всегда была она какъ дома; игроки, купцы, фигляры, торгоши, всѣ вообще и каждый порознь были ея искренними прїятелями и друзьями. Отъ своихъ родителей, истинныхъ цыганъ по призванію и вкусу, она получила въ наслѣдство натуру юркую и необузданную. Вообще движеніе, шумъ, толкотня, дружеская попойка, густые столбы табачнаго дыма, болтовня жидовъ, кривлянія фигляровъ, ссоры за игорнымъ столомъ, все это доставляло поводъ къ наслажденіямъ для мистриссъ Бекки, и она, очертя голову, умѣла веселиться даже тогда, когда нечѣмъ было заплатить трактирщику за обѣдъ или ужинъ. Тѣмъ беззаботнѣе веселилась она въ настоящую пору, когда въ кошелекѣ ея было вдоволь золотыхъ монетъ: ихъ вчера вечеромъ выигралъ для нея мастеръ Джорджъ.

Взобравшись, наконецъ, послѣ большихъ усилій на послѣднюю ступеньку грязной лѣстницы, мистеръ Джой, съ трудомъ переводя духъ и утирая потъ съ своего лица, началъ отыскивать № 92-й, гдѣ, какъ ему сказали, жила искомая особа. Дверь противоположной комнаты, № 90-го, была открыта, и очамъ мистера Джоя представился какой-то юноша въ грязномъ халатѣ, лежавшій на постели съ длиннымъ чубукомъ во рту, между-тѣмъ, какъ другой рыжеватый юноша въ щегольской и засаленой венгеркѣ стоялъ на колѣняхъ

передъ нумеромъ девяносто-вторымъ и произносилъ весьма нѣжную и чувствительную рѣчь черезъ замочную скважину, умоляя въ страстныхъ выраженіяхъ, чтобъ ему отворили дверь.

— Ступайте прочь! откликнулся знакомый голосокъ, заставившій содрогнуться мистера Джоя. Я ожидаю гостей. Ко мнѣ придетъ дѣдушка. Онъ не долженъ васъ видѣть.

— O schöne Engländerinn! ревъль колѣнопреклоненный юноша. Сжался надъ нами. Назначь свиданье. Поѣдемъ обѣдать въ паркъ со мною и Фрицомъ. У насъ будутъ жареные фазаны и портеръ, плумпуддингъ и французское вино. Мы умремъ, если ты не поѣдешь.

— Умремъ непременно, подтвердилъ другой джситльмень, лежавшій въ постели.

Джой былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ рѣчей; изъ которыхъ однакожь онъ не понялъ ни одного слова, по той простой причинѣ, что никогда не углублялся въ изученіе нѣмецкаго языка.

— Newmero kattervang dooze, si vous plaot, сказалъ Джой величественнымъ тономъ, получивъ наконецъ возможность говорить.

— Quater fang tooce! промычалъ юноша, быстро подымаясь на ноги и опрометью убѣгая въ противоположный нумеръ. Онъ заперъ за собою дверь, и Джой слышалъ, какъ молодые люди залились отчаянно-громкимъ смѣхомъ.

Озадаченный такою выходкой, сановникъ Индіи продол-

жалъ въ нерѣшимости стоять на послѣдней лѣстничной ступени, какъ-вдругъ дверь нумера девяносто-второго отворилась и выставила маленькую головку мистриссъ Бекки.

— Ахъ, это вы? сказала огіа, бросая на него умилительную улыбку и лукавый взглядъ, — если бы вы знали, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидала васъ, мисгеръ Седли! Пойдите, однакожь... Черезъ минуту вы можете войти.

Затѣмъ мистриссъ Бекки захлопнула дверь, спрятала въ постель баночку съ румянами, бутылку съ водкой, тарелку съ бифстексомъ, поправила свои волосы и окончательно впустила своего гостя.

На ней вмѣсто утренняго наряда было розовое полинялое домино, немножко смятое и отмѣченное въ разныхъ мѣстахъ пятнами помады, но миньятюрныя ея ручки сіяли ослѣпительною бѣлизною изъ-подъ широкихъ рукавовъ, и стянутая красивымъ кушачкомъ, она была въ этомъ нарядѣ и любезна, и мила. Мистеръ Седли вошелъ въ ея каморку.

— Прощу покорно, сказала она, войдите. Присядьте на этомъ стулѣ,

Она крѣпко пожала руку восторженнаго Джоя и улыбаясь посадила его на указанный стулъ. Сама она помѣстилась на маленькой постели. Черезъ минуту они уже бесѣдовали по дружески о разныхъ житейскихъ дѣлахъ.

— О, какъ мало измѣнили васъ годы! сказала мистриссъ Бекки, бросая нѣжный взоръ участія на своего гостя, — я бы узнала васъ изъ тысячи. Какъ пріятно такой странницѣ, какъ

я, встрѣтить на чужбинѣ честное и откровенное лицо стараго друга!

Но сказать правду, на честномъ и откровенномъ лицѣ выражались въ эту минуту чувства, слишкомъ далекія отъ честности и откровенности; Джой былъ, напротивъ, крайне озадаченъ и взволнованъ. Онъ обзрѣвалъ изумленными глазами маленькую комнату, гдѣ помѣщалась его старинная любовь. Одно изъ ея платьевъ висѣло надъ постелью, другое торчало на гвоздикѣ передъ дверью. Ея шляпка лежала на туалетѣ передъ зеркаломъ, и тутъ же красовались ея маленькіе полусапожки. На столѣ передъ постелью лежалъ французскій романъ, и подлѣ него стояла свѣча, но не восковая. Бекки хотѣла также положить въ постель этотъ огарокъ, но успѣла только прикрыть его бумажнымъ колпакомъ, которымъ она обыкновенно тушила свѣчу передъ сномъ.

— Я бы узнала васъ вездѣ, мистеръ Седли, сказала Ребекка. Есть на свѣтѣ вещи, незабвенныя для чувствительнаго сердца. Вы были первымъ мужчиной... первымъ и единственнымъ, котораго я видѣла.

— Неужели? вскрикнулъ Джой, — о, не говорите этого... право, мистриссъ...

— Когда мы пріѣхали съ вашей сестрицей изъ Чизвррка, я была еще почти ребенкомъ, сказала мистриссъ Бекки, — какъ-то живетъ она теперь? О! мужъ ея былъ дурной человѣкъ, и Амелія вздумала, къ несчастію, ревновать меня къ нему. Какая несправедливость! какъ-будто я могла заботить-

ся о комъ-нибудь въ ту пору, когда всѣ мои мысли были обращены на одного только... Но къ чему вспоминать про эти старыя времена? Что прошло, того не возвратитъ никакая человѣческая сила.

И она прикрыла свои зеленые глазки грязнымъ платкомъ съ изорванными кружевами. Послѣдовала продолжительная пауза.

— Не правда ли, что вы находите въ этомъ мѣстѣ и въ такомъ униженіи несчастную женщину, еще такъ недавно принадлежавшую къ другому кругу? продолжала Ребекка. Столько грусти, столько огорченій я вытерпѣла, Джозефъ Седли, что иногда мнѣ страшно становится за мой бѣдный разсудокъ. Я не могу утвердиться нигдѣ, ни на одномъ порядочномъ мѣстѣ, и принуждена перекочевывать изъ страны въ страну, сопровождаемая душевной тоскою. Друзья покинули меня всѣ до одного. Нѣтъ въ этомъ мірѣ ни одного истинно благороднаго сердца, ни одного честнаго джентльмена. Я была вѣрною женой, хотя бракъ мой совершился вслѣдствіе какой-то странной судьбы, не по влеченію сердца, потому-что оно уже принадлежало другому. Но теперь нечего распространяться объ этомъ. Да, я была вѣрна, но мужъ оставилъ, поправъ меня безъ всякой жалости и пощады. Не было въ мірѣ матери, нѣжнѣе меня, Джозефъ Седли. Одинъ только сынъ былъ у меня, мой милый и ненаглядный сынъ, вся моя надежда, вся радость; денно и ночью я лелѣяла его на своей материнской груди, онъ былъ для меня единственны-

мъ, безцѣннымъ сокровищемъ въ жизни-и что же? они вырвали его у меня... вырвали... вырвали...

И подавляемая отчаянною грустью, она приложила руку къ своему сердцу и преклонила лицо свое къ постели.

Бутылка съ водкой зазвенѣла, и тарелка съ колбасою звякнула о спинку кровати; неодушевленные предметы выразили такимъ-образомъ свое участіе въ глубокой скорби. Максъ и Фрицъ стоали у дверей и прислушивались съ великимъ изумленіемъ къ рыданіямъ мистриссъ Бекки. Джой былъ растроганъ до глубины души.

Плавнымъ, чистымъ и свѣтлымъ потокомъ заструилась рѣчь изъ устъ мистриссъ Бекки. Въ простой и безыскусственной формѣ рассказала она плачевную исторію своей жизни, и очевиднымъ сдѣлалось для ея слушателя, что, если было на свѣтѣ чистѣйшее, благороднѣйшее, совершеннѣйшее созданіе, преслѣдуемое отовсюду безжалостными извергами – такъ это безпорочное созданіе, эта угнетенная невинность сидить теперь передъ глазами Джоя на бутылкѣ съ водкой.

Они говорили очень долго, и бесѣда ихъ приняла самый дружескій тонъ. Джой узналъ съ невыразимымъ наслажденіемъ, что сердце Бекки впервые забилося нѣжной страстью только въ его очаровательномъ присутствіи. Джорджъ Осборнъ конечно питалъ къ ней привязанность, и это доказывалось ревностью Амеліи, но Ребекка никогда шг словомъ, ни дѣломъ не поощряла этого легкомысленнаго джентль-

мена. Обь одномъ только Джоѣ думала она съ той самой минуты, какъ впервые увидѣла его на Россель-Скверѣ; думала и тогда, когда вышла замужъ, хотя, разумѣется, она всегда была вѣрна своему мужу, и ни за какія блага въ мірѣ не согласится даже теперь выступить изъ предѣловъ своихъ супружескихъ обязанностей до той поры, по крайней мѣрѣ, пока полковникъ Кроли не умретъ отъ желтой лихорадки на Ковентрійскомъ Островѣ.

Джой пошелъ въ твердой увѣренности, что имѣлъ честь бесѣдовать съ самою добродѣтельною и очаровательною леди во всемъ подлунномъ мірѣ. Онъ перебиралъ въ своихъ мысляхъ планы, какъ бы отнынѣ впредь и навсегда устроить земное благоденствіе мистриссъ Беккж. Преслѣдованія ея должны окончиться, Ребекка снова должна быть возвращена обществу, которое она украшала своимъ присутствіемъ. Онъ посмотреть, что надобно для нея сдѣлать. Прежде всего она оставить эту гадкую кануру и найметъ спокойную квартиру. Амелія навѣститъ ее и обласкаетъ; относительно дальнѣйшихъ распоряженій надобно посовѣтоваться съ майоромъ. Ребекка пролила слезы сердечной благодарности, разставаясь съ своимъ великодушнымъ другомъ, и крѣпко пожала его руку, когда жирный и толстый набобъ Индіи нагнулся поцаловать ея пальчики.

Провожая Джоя изъ своего чердака, Ребекка поклонилась ему съ такою граціей, какъ-будто она была владѣтельницаю великолѣпнаго палаццо. И лишь-только жирей толстя-

къ спустился съ лѣстницы, Максъ и Фрицъ съ трубками въ зубахъ опрометью бросились въ комнату прекрасной Англичанки. Ребекка приняла ихъ съ громкимъ смѣхомъ, и начала для общей потѣхи передразнивать мистера Джоя, потягивая въ тоже время водку изъ бутылки и закусывая колбасой.

Джой съ великою торжественностью отправился прямо въ квартиру мистера Доббина и съ трогательнымъ краснорѣчіемъ изобразилъ передъ нимъ всѣ подробности плачевной исторіи, не упоминая однакожь о первоначальной встрѣчѣ съ Ребеккой за игорнымъ столомъ. Оба джентльмена, преисполненные жалости и состраданія, принялись совѣщаться о средствахъ оказать посильную помощь мистриссъ Бекки, которая въ эту самую минуту доканчивала свои прерванный *déjeuner a la fourchette*.

Какими судьбами мистриссъ Бекки пріѣхала въ этотъ маленькій городокъ? Какъ это случилось, что у ней нѣтъ ни друга, ни пріятеля, и она повсюду блуждаетъ одна изъ мѣста въ мѣсто? Мудренаго тутъ ничего нѣтъ; паденіе съ высотъ совершается очень быстро. Пересказывая ея исторію, мы сдѣлаемъ небольшой скачокъ. Замѣтимъ только, что въ сущности дѣла она была ничуть не лучше и не хуже того, какъ мы видѣли ее и прежде на подмосткахъ житейскаго базара.

Что жъ касается до мистриссъ Амеліи, мы уже имѣли случай убѣдиться, что она была женщина съ мягкимъ сердцемъ, и несчастія ближнихъ потрясали ея душу. Мистриссъ Эмми упрочила за собою привилегію баловать своимъ снисхож-

деніємъ и комплиментами всѣхъ, кто такъ или иначе приходилъ съ нею въ ближайшее соприкосновеніе. Она извинялась передъ горничными за безпокойство, причиненное имъ звонкомъ изъ ея будуара; извинялась передъ лавочнымъ сидѣльцемъ, развертывавшимъ передъ нею шелковую матерію; дѣлала поклонъ подметателю дороги, замѣчая въ то же время, въ какой чистотѣ онъ содержитъ отведенный ему участокъ. Тѣмъ сильнѣйшаго участія можно было ожидать отъ нея къ старой пріятельницѣ или знакомкѣ, подверженной ударамъ злополучнаго рока.

Майоръ Доббинъ былъ не то, что мистриссъ Эмми. Выслушавъ съ большимъ вниманіемъ подробности печальной исторіи, онъ — мы должны признаться — былъ ими далеко не такъ заинтересованъ, какъ бенгальскій джентльменъ. Совсѣмъ напротивъ: впечатлѣнія его получили весьма мрачный характеръ, и онъ сообщилъ даже обидный отзывъ о нашей героинѣ, и назвалъ ее безстыдной пройдохой. Онъ не чувствовалъ къ ней ни малѣйшаго расположенія, и заподозрилъ ея характеръ съ той самой минуты, какъ Ребекка впервые обратила на него свои зеленые глазки.

— Это не женщина, а демонъ, выразился жестокій майоръ Доббинъ. Она распространяетъ зло и бѣду. Кто знаетъ, какой родъ жизни вела она до сихъ поръ, и что теперь она дѣлаетъ въ чужихъ краяхъ? Зачѣмъ, спрашивается, Ребекка слоняется одна изъ города въ городъ? Нечего тутъ говорить мнѣ о ея гонителяхъ и врагахъ; честная женщина всегда найдетъ дру-

зей, и никогда не покинетъ свою семью. Зачѣмъ она оставила своего мужа? Въ Лондонѣ, кажется, толковали о разводѣ между ними, я слышалъ что-то въ этомъ родѣ.

Майоръ Доббинъ терпѣть не могъ сплетней, но все же мистеру Джою никакъ не удалось убѣдить его, что Ребекка самое невинное и безпорочное созданіе.

— Да вотъ мы лучше спросимъ объ этомъ мистриссъ Джорджъ, продолжалъ лукавый майоръ. Пойдемъ и посоветуемся съ нею. Согласись самъ, что она эти дѣла разумѣть получше насъ съ тобою, и ужъ, разумѣется, намъ можно положиться на ея судь.

— Гмъ! Хорошую судью нашель! промычалъ Джой, который, сказать правду, не слишкомъ любилъ свою сестру.

— Почему же нѣтъ? вскричалъ Доббинъ, быстро вставая съ мѣста. Мистриссъ Джорджъ въ одинаковой степени и прекрасна, и умна; такихъ леди немного, а можетъ-быть и вовсе нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Пойдемъ къ ней и спросимъ: должно ли намъ сдѣлать визитъ этой женщинѣ? Я заранѣе подчиняюсь приговору этой женщины.

Хитрый и коварный майоръ разсчиталъ очень вѣрно, что этой аппеляціей онъ совершенно выиграетъ свое дѣло. Онъ припомнилъ, что Эмми когда-то страшно ревновала къ Ребеккѣ, и произносила ея имя не иначе, какъ съ величайшимъ отвращеніемъ и страхомъ. Ревнивая женщина никогда не прощаетъ, думалъ мистеръ Доббинъ.

Такимъ-образомъ оба джентльмена перешли черезъ ули-

цу, и направили свои шаги въ комнаты мистриссъ Джорджъ. Эмми на этотъ разъ всей душою погружена была въ музыкальныя занятія подъ руководствомъ мадамъ Струмпфъ.

Когда кончился музыкальный урокъ, и госпожа Струмпфъ оставила свою ученицу, Джой приступилъ къ дѣлу съ слѣдующею рѣчью:

— Любезная сестра, сегодня утромъ случилось необыкновенное... да, могу сказать, самое необыкновенное, удивительное приключеніе. Я встрѣтилъ — и при какихъ обстоятельствахъ — Боже мой! — старинную твою пріятельницу, въ которой ты, бывало, принимала дружеское участіе. Я желаю, Амелія... то есть, однимъ словомъ, я хочу, чтобы ты навѣстила ее.

— Ее! сказала Амелія. Кого же это? майоръ Доббинъ, прошу васъ не ломать моихъ ножницъ.

Майоръ немилосердно вертѣлъ ихъ вокругъ своего носа, и можно было опасаться, что онъ выколитъ ими свои собственный глазъ.

— Братъ вашъ говоритъ о женщинѣ, которая никогда мнѣ не нравилась, сказалъ мистеръ Доббинъ, и вы, мистриссъ Эмми, не имѣете никакихъ побужденій любить эту женщину.

— Это Ребекка... вы говорите о Ребеккѣ, я увѣрена, сказала мистриссъ Эмми взволнованнымъ тономъ, причемъ щеки ея покрылись живѣйшей краской.

— Вы угадали, отвѣчалъ Доббинъ, — вы всегда угадываете.

Брюссель, Ватерлоо, старыя времена, огорченія, печали — всѣ горестныя воспоминанія нахлынули на нѣжное сердце мистриссъ Эмми, и страшное безпокойство овладѣло ея душою.

— Я не пойду къ ней, не пойду, не пойду! сказала мистриссъ Эмми. Я не могу ее видѣть.

— Что? Не правду ли я говорилъ? замѣтилъ Доббинъ въ назиданіе Джоя.

— Она очень несчастна, продолжалъ Джой, и вытерпѣла большія напасти. Она живетъ въ крайней бѣдности, безъ всякаго покровительства и защиты. Негодный мужъ оставилъ Ребекку.

— Э! сказала мистриссъ Эмми.

— Гмъ! промычалъ мистеръ Доббинъ.

— Нѣтъ у ней ни покровителя, ни друга, продолжалъ ободренный Джой, — и она сказала, что питаетъ еще надежду только на тебя одну. Ребекка слишкомъ достойна твоего сожалѣнія и участія, Эмми. Она едва не потеряла разсудка отъ этихъ несчастій. Исторія ея очень трогательна... честное слово... можно даже прослезиться, слушая ее. Фамилія Ребекки поступила съ ней жестоко, безчеловѣчно. И всѣ эти гоненія она переноситъ съ непостижимою кротостію и терпѣніемъ, можно сказать, безпредѣльнымъ.

— Бѣдняжка! сказала Амелія.

— И она умереть, вѣроятно, если не найдетъ ни одного друга, продолжалъ мистеръ Джей жалобнымъ и дрожащимъ го-

лосомъ. И, Боже мой! Она ужъ не разъ собиралась наложить на себя руки. Сказать ли? она носить ядъ съ собою, и я замѣтилъ бутылку въ ея комнатѣ. Что это за комната, еслибъ ты знала! Душная каморка въ четвертомъ этажѣ подь самой крышей, въ гостинницѣ Слона. Я былъ тамъ.

Это обстоятельство, однакожь, не произвело, повидимому, особенно-трогательнаго впечатлѣнія на мистриссъ Эмми. Она даже улыбнулась слегка, воображая, вѣроятно, какъ мистеръ Джой долженъ былъ пыхтѣть и кряхтѣть, взбираясь въ четвертый этажъ.

— Она почти помѣшалась отъ постоянной тоски, говорилъ Джой. Страшно и слышать о тѣхъ душевныхъ пыткахъ, которыя вытерпѣла эта женщина. Есть у нея сынъ, ровесникъ Джорджа.

— Да, да, это я помню, замѣтила Эмми. Ну?

— Чудный, прекрасный мальчикъ, какъ она говорить, и онъ любилъ свою мать больше всего на свѣтѣ.

— Ну?

— И что же? Злодѣи вырвали малютку изъ рукъ матери, и даже не позволяли ей проститься съ нимъ.

Эмми вскрикнула, всплеснула руками, и сказала рѣшительнымъ тономъ:

— Идемъ къ ней, идемъ сію же минуту.

Затѣмъ, бросившись въ смежную комнату, она въ попыткахъ надѣла шляпку, взяла шаль подь мышку, и приказала Доббину слѣдовать за собой.

Майору оставалось только повиноваться. Онъ накинულъ на ея плеча кашмировую шаль, присланную ему изъ Индіи, подаль ей руку, и они отправились.

— Нумеръ девяносто-второй, въ четвертомъ этажѣ, не забудьте, кричалъ въ-догонку мистеръ Джой, не обнаружившій намѣренія сопровождать ихъ по крутымъ лѣстницамъ.

Помѣстившись у окна въ гостиной, откуда черезъ площадь открывался видъ на гостиницу Слона, сановникъ Индіи убѣдился нагляднымъ образомъ, что другъ его и сестра идутъ прямо къ мѣсту своего назначенія.

То было очень хорошо, что Бекки благовременно успѣла ихъ замѣтить изъ своего чердака. Она и молодые люди, докушивая холодный завтракъ, продолжали хохотать и потѣшаться насчетъ дѣдушки Ребекки, котораго они наблюдали изъ своей засады. Она тотчасъ же отпустила своихъ юныхъ друзей, и въ одну минуту привела свою комнату въ отличный порядокъ. Содержатель гостиницы, знавшій мистриссъ Осборнъ, какъ даму высшаго круга, встрѣтилъ ее съ низкими поклонами, и самъ проводилъ ее въ четвертый этажъ.

— Миледи! миледи! заголосилъ содержатель гостиницы, стучась въ дверь мистриссъ Бекки.

Еще не дальше, какъ вчера, онъ называлъ ее просто *мадамой* и не оказывалъ ей никакого уваженія.

— Кто здѣсь? откликнулась Бекки.

И отворивъ дверь; она испустила пронзительный крикъ удивленія и радости. Передъ ней стояли дрожащая Эмми и

длинный майоръ съ бамбуковой тростью.

Видъ майора былъ угрюмъ, и онъ изподлобья наблюдалъ открывшуюся сцену. Эмии опрометью бросилась въ объятія Ребекки, я простила ей все въ эту минуту, она обняла и поцаловала ее отъ искренняго сердца. Первый разъ, быть-можетъ, мистриссъ Бекки прикасалась къ такимъ чистымъ и невиннымъ устамъ.

Глава LXV

Amantium irae amoris redintegralio

Ласковость и добродушіе Амеліи произвели, по всей вѣроятности, нѣкоторое впечатлѣніе даже на закоснѣлое сердце мистриссъ Бекки. Она отвѣчала на нѣжныя рѣчи съ чувствомъ, весьма похожимъ на благодарность, и волненіе ея было, вѣроятно, искреннее. «Сынъ, исторгнутый изъ объятій несчастной матери», пригодился очень кстати для нашей героини: онъ окончательно возвратилъ ей стариннаго друга, и читатель можетъ быть увѣренъ, что съ этого именно пункта мистриссъ Эмми открыла разговоръ съ Ребеккой.

— И они отняли у тебя это милое, ненаглядное дитя! воскликнула Амелія. Ахъ, Ребекка, бѣдный, несчастный другъ мой, я знаю, по собственному опыту, что значить потерять сына, и умѣю сочувствовать такимъ лишеніямъ. Станемъ надѣяться, что праведное небо возвратитъ его тебѣ, какъ милосердное и всеблагое Провидѣніе возвратило мнѣ моего собственнаго сына.

— О, сынъ мой, сынъ мой! Ахъ, какую страшную, невыносимую пытку терпѣла я послѣ этой разлуки! начала мистриссъ Бекна, чувствуя, однакожь, нѣкоторое безпокойство въ душѣ. Ей было совѣстно, при самомъ началѣ возобновленнаго знакомства, заговорить ложъ въ отвѣтъ на искреннее

выраженіе довѣренности и дружескаго участія.

Ложь, съ какой точки ни разсматривайте ее, имѣетъ весь-ма невыгодныя стороны для лжеца. Если какой-нибудь случай заставилъ васъ покривить душою, вы, для поддержанія своихъ словъ, обязаны сочинить другую и третью небылицу въ лицахъ: масса лжи неизбѣжно увеличивается въ объемъ, и опасность быть открытымъ возрастаетъ съ каждою минутой.

— Странія мои, продолжала мистриссъ Бекки, были невыразимо-ужасны, когда эти безжалостные изверги исторгли его изъ моихъ объятій. Мнѣ казалось, что я не переживу этой потери. Открылась горячка. Докторъ употребилъ отчаянныя средства, я выздоровѣла, и... и... и вы видите, что я живу здѣсь одна, безъ средствъ къ продолженію своего жалкаго существованія.

— Сколько лѣтъ ему? спросила Эзими.

— Одиннадцать, сказала Бекки.

— Одиннадцать! воскликнула удивленная Амелія. Какъ-же это? Вѣдь онъ родился, кажется, въ одинъ годъ съ моимъ сыномъ, а Джорджинькѣ ужь...

— Знаю, знаю, перебила Бекки, которая, на самомъ дѣлѣ, совершенно забыла, сколько лѣтъ ея мальчику, — тоска совсѣмъ отбила у меня память, милая Амелія. Я во многомъ измѣнилась, и по-временамъ совсѣмъ теряю голову. Мальчику было одиннадцать лѣтъ, когда меня съ нимъ разлучили... да будетъ надъ нимъ Божіе благословеніе! Съ той поры я никогда не видала его.

— Бѣлокуръ онъ или брюнетъ? продолжала наивная мистриссъ Эмми, — покажи мнѣ его волосы.

Бекки чуть не захохотала.

— Не сегодня, мой другъ, не сегодня, сказала она; — въ другой разъ, когда-нибудь. Вотъ на этихъ дняхъ привезутъ мои вещи изъ Лейпцига, и тогда я покажу тебѣ и волосы, и портретъ моего милаго Родона. Я сама написала этотъ миньятюръ въ счастливые дни своей жизни.

— Бѣдная Бекки, бѣдная Бекки! воскликнула Амелія, какъ благодарна — о, какъ я должна быть благодарна!

Эмми, по обыкновенію, принялась думать, что не было въ цѣломъ мірѣ мальчика прекраснѣе и умнѣе ея Джорджиньки.

— Вотъ ужъ ты увидишь моего Джорджиньку, сказала она, воображая, что доставить такимъ образомъ самое дѣйствительное утѣшеніе несчастной Ребеккѣ.

Около двухъ часовъ эти двѣ женщины вели между собою самую искреннюю бесѣду, и Бекки представила пріятельницѣ полный и подробнѣйшій отчетъ о своей жизни. Прежде всего она привела въ извѣстность, что надменные родственники Родона всегда смотрѣли на этотъ бракъ съ чувствами непримиримой ненависти и злобы. Невѣстка ея, леди Дженни, женщина хитрая и коварная, успѣла совершенно завладѣть душою Родона, и вооружила его противъ жены. Ребекка переносила все: бѣдность, пренебреженіе, уничиженіе и рѣшительную холодность отъ мужа, ея любимаго... да и могла

ли она не любить его, когда онъ былъ отцомъ ея малютки? Родонъ между-тѣмъ съ каждымъ днемъ все больше и больше погрязалъ въ безстыдствѣ, и наконецъ, унизился до такой степени, что — говорить ли объ этомъ? принуждалъ ее жертвовать своимъ добрымъ именемъ, чтобы выхлопотать для него мѣсто при содѣйствіи маркиза Стейна. Вотъ тогда-то она уже сама готова была бросить этого негодяя.

Само-собою разумѣется, что эта часть исторіи передана была очень тонко и деликатно, съ видомъ страждущей и оскорбленной добродѣтели. Принужденная оставить кровлю своего мужа, Ребекка не освободилась отъ его мстительности и преслѣдованій: извергъ разлучилъ ее съ сыномъ. И вотъ теперь, бѣдная и оставленная всѣми, она скитается изъ страны въ страну, претерпѣвая всѣ возможные лшенія и удары неумолимаго рока.

Можно представить, съ какими чувствами мистриссъ Эмми выслушала этотъ длинный рассказъ. Она дрожала отъ негодованія, когда Бекки изображала ужасное поведеніе этихъ двухъ чудовищъ, Стейна и Родона. Глаза ея сверкали восклицательными знаками при каждой сентенціи, относившейся къ неумолимымъ родственникамъ и безнравственному мужу. Впрочемъ, Бекки отзывалась о немъ больше съ горестью, чѣмъ съ желчью — что тутъ дѣлать? она такъ любила этого человѣка!.. но когда, наконецъ, мистриссъ Кроли, продолжая свое плачевное повѣствованіе, дошла до раздирательной сцены послѣдняго прощанья съ ненагляднымъ ма-

люткой, Эмми не выдержала, и прикрывъ свое личико платкомъ, залилась горячими слезами. Какъ истинная трагическая артастка, Бекки пришла въ восторгъ отъ этого эффекта, произведеннаго ею на свою слушательницу.

Деликатный майоръ Доббинъ, нежелавшій своимъ присутвіемъ мѣшать интересной бесѣдѣ двухъ подругъ, бродилъ нѣсколько времени передъ дверью, на площадкѣ четвертаго этажа, безпрестанно прикасаясь своей шляпой къ потолку. Скоро однакожь онъ наскучилъ этимъ занятіемъ, и спустился внизъ, въ большую залу, общую для всѣхъ посѣтителей Слона. Въ этомъ апартamentѣ носятъ всегда огромные слои дыма, и совершаются обильныя возліянія пива и вина. При самомъ входѣ, у стѣны, на грязномъ столѣ стоятъ дюжины мѣдныхъ шандаловъ съ сальными огарками для нумерныхъ жильцовъ, которыхъ ключи висятъ стройною фалангой надъ этими свѣчами. Амелія прошла черезъ этотъ салонъ съ крайнимъ замѣшательствомъ и душевною тревогой, тѣмъ болѣе, что тутъ собрались уже люди всякаго званія и чина: тирольскіе перчаточники и дунайскіе полотнянщики съ своими тюками и узлами; студенты, угощавшіе себя бутербродтами и колбасой; вольнопрактикующіе кавалеры, размѣстившіеся за карточными столами; фигляры и фокусники, освѣжавшіе себя пивомъ послѣ вечернихъ упражненій, и, словомъ, трактирная дѣятельность въ германскомъ вкусѣ была тутъ уже въ полномъ разгарѣ. Малый въ бѣломъ передникѣ, какъ и водится, принесъ майору кружку пива. Доббинъ за-

курилъ сигару, прикрылся газетнымъ листомъ, и терпѣливо рѣшился выждать минуты, когда опять потребуютъ его наверхъ.

Скоро, побрякивая шпорами, пришли сюда Максъ и Фрицъ, съ фуражками на бекрень и длинными трубками въ зубахъ. Повѣсивъ, куда слѣдуетъ, свой ключъ отъ номера 90, они потребовали порцію пива и буттербродтовъ. Молодые люди заняли мѣста подлѣ майора, и завязали разговоръ о филлистерахъ и фуксахъ, о дуэляхъ и попойкахъ. Доббинъ не могъ не слышать всѣхъ этихъ рѣчей. Оказалось, что студенты воротились недавно изъ Шлоппеннотцентаузенда, откуда пріѣхали они вмѣстѣ съ Бекки, чтобъ принять участіе въ пумперниккельскихъ торжествахъ.

– Die kleine Engländerinnscheint, ich glaube, ein bayerisches Mädchen zu sein, замѣтилъ Максъ, знавшій по французски, товарищу своему, Фрицу, – послѣ этого жирнаго дѣда, пришла къ ней кажется хорошенькая компатріотка. Я подслушалъ, какъ онѣ тамъ болтаютъ и хнычутъ въ ея комнатѣ.

– Намъ однакожь надобно взять билеты въ ея концертъ, сказалъ Фрицъ, – есть у тебя деньги, Максъ?

– Плоха штука, любезный, возразилъ Максъ, – этотъ концертъ еще in pubibus, сирѣчь, на воздухѣхъ. Гансъ говорилъ, что она тоже объявила въ Лейпцигѣ, и бурши разобрали пропасть билетовъ. Только она не пѣла, и ускакала съ этими денежками. Вчера въ каретѣ она сказала, кажется, что пьянисть ея заболѣлъ и остался въ Дрезденѣ. Это все дудки. Я

увѣренъ, что она не можетъ пѣть, голосъ у нея хрипѣть такъ же какъ у тебя.

— Хрипѣть, да, твоя правда. Я самъ слышалъ, какъ она, сидя у окна, старалась прохрипѣть *schrecklich* англійскую балладу: «Роза на балконѣ».

— *Saufen und singen* никогда не уживаются въ ладу, какъ сода съ кислотой, замѣтилъ красноносый Фрицъ, который извѣдалъ кажется на опытѣ эту неоспоримую истину. Нѣтъ, братъ, ужъ ты не бери билетовъ на этотъ воздушный концертъ. Вчера она выиграла пропасть денегъ въ *trente-et-quarante*. Я видѣлъ, какъ она заставляла англійскаго мальчика играть за себя. Лучше ужъ мы сходимъ разъ, другой въ театръ, или угостимъ ее французскимъ виномъ и коньякомъ въ Аврелианскомъ саду. А билетовъ покупать не слѣдуетъ. Это что? Ты еще велѣлъ подать пива? Вотъ это дѣло.

Три или четыре кружки этого напитка истощены были въ самое короткое время.

Изъ этого разговора молодыхъ людей, майоръ Доббинъ легко могъ догадаться, что эта *Kleine Engländerinn*, думавшая промышлять концертами, была не кто другая, какъ пріятельница наша, Бекки. «Этотъ дьяволёнокъ видно опять принимается за свои старыя продѣлки», подумалъ онъ, съ улыбкой припоминая былыя времена, когда Джой первый разъ волочился за Ребеккой. Воксальное приключеніе представилось его воображенію со всѣми подробностями. Онъ и Джорджъ часто вспоминали объ этомъ, хотя въ послѣдствіи самъ

капитанъ Осборнъ попался въ ловушку этой Цирцеи. Вильямъ слѣдилъ въ ту пору за всей интригой, но притворялся въ обществѣ пріятеля, что ничего не видитъ и не слышитъ. Впрочемъ Джорджъ не скрывалъ этой тайны. Поутру, въ день ватерлооской битвы, когда молодые люди стояли впереди своего полка, обозрѣвая плотныя массы французскихъ солдатъ, занявшихъ высоты противоположныхъ холмовъ, Джорджъ сказалъ своему другу:

— Признаюсь, Вильямъ, я затѣялъ глупѣйшую интригу съ этой женщиной. Походъ этотъ объявленъ какъ-нельзя больше кстати. Если суждено мнѣ умереть, надѣюсь, Эмми никогда не узнаетъ объ этомъ дѣлѣ. Какъ бы я спокоенъ былъ въ душѣ, если бы и вовсе его не начиналъ!

Такое раскаяніе привело Вильяма въ трогательное умиленіе, и впослѣдствіи ему пріятно было утѣшать вдову неоднократно напоминаніемъ, что капитанъ Осборнъ былъ передъ смертью преполненъ благороднѣйшими чувствами въ отношеніи къ отцу своему и женѣ. Объ этихъ же фактахъ майоръ краснорѣчиво распространялся на Россель-Скверѣ въ разговорахъ съ старикомъ Осборномъ, и это собственно окоячительно пособило ему помирить отца съ памятью его сына.

— И эта женщина будетъ вѣчно интриговать! думалъ майоръ Доббинъ, — какъ бы я желалъ спровадить ее отсюда за десятки тысячъ миль! Зло и бѣду разноситъ она повсюду.

Углубленный въ эти размышленія, онъ облокотился на

столь обѣими руками, и безсмысленно смотрѣлъ на пумпер-никкельскую газету, лежавшую у него подъ носомъ. Наконецъ, кто-то ударилъ его зонтикомъ по плечу, онъ поднялъ глаза, и увидѣлъ передъ собою мистриссъ Эмми.

Амелія имѣла въ нѣкоторомъ смыслѣ, абсолютную власть надъ майоромъ и распоряжалась имъ по произволу. Она ласкала его, гладила по плечу и головѣ, и заставляла таскать за собою вещи.

— Отчего вы, сэръ, не изволили дожидаться наверху, чтобъ свести меня съ лѣстницы? сказала она, слегка кивая своею миньятюрною головкой, и дѣлая саркастическій реверансъ.

— Мнѣ нельзя было стоять въ корридорѣ, отвѣчалъ майоръ съ умоляющимъ видомъ.

И онъ съ восторгомъ подалъ ей руку, намѣреваясь вывести ее какъ-можно скорѣе изъ этого душнаго мѣста. Онъ готовъ былъ даже идти, не вспомнивъ о трактирной прислугѣ, и длинный слуга въ бѣломъ передникѣ настигъ его уже на порогѣ, и напомнилъ довольно неучтиво, что майоръ не изволилъ расплатиться за пиво. Эмми засмѣялась и назвала Вильяма неисправимымъ мотомъ, принужденнымъ бѣжать отъ долговъ. На этотъ разъ, въ ней открылся внезапно юмористическій талантъ, и она придумала много остроумныхъ шутокъ насчетъ кружки пива, которой впрочемъ майоръ не выпилъ. Эмми была очень весела, быстра и почти бѣгомъ пустилась бѣжать въ гостинницу Телячьей Головы. Ей надлежало увидѣться съ Джоемъ сію же минуту. Майоръ засмѣялся при

этою бурною выраженіи сестринской нѣжности со стороны мистриссъ Эмми, потому-что она не весьма часто изъявляла желаніе видѣться съ своимъ братцемъ «сію же минуту».

Они нашли ост-индскаго сановника въ салонѣ перваго этажа. Битый часъ онъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, кусалъ свои ногти и поминутно смотрѣлъ черезъ площадь на Слона въ ту пору, какъ мистриссъ Эмми бесѣдовала съ своей подругой на чердакѣ этого дома, а майоръ барабанилъ внизу по грязному столу, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія мистриссъ Осборнъ.

— Ну? сказала Джой.

— Бѣдная, бѣдная страдальца! Чего только она не натерпѣлась, сказала мистриссъ Эмми.

— Развѣ я не говорилъ тебѣ этого? пробормоталъ Джой, качая своей головой, причемъ щеки ея затряслись и задрожали, какъ желе.

— Надобно очистить для нея комнату, Пайнъ, продолжала Эмми, — ее можно переселить наверхъ.

Пайнъ была степенная и скромная англійская дѣвушка, находившаяся въ услуженіи при осюбѣ мистриссъ Осборнъ. Само-собою разумѣется, что каммердинеръ Джоя ухаживалъ за нею, и Джорджинька, въ свою очередь, безпрестанно страдалъ ее рассказами о нѣмецкихъ разбойникахъ и привидѣніяхъ. Она проводила свое время въ тоскѣ и скукѣ, и каждый день выражала неизмѣнное желаніе воротиться не иначе, какъ завтра поутру, въ родную свою деревушку близъ

англійской столицы.

— Ну, да, Ребекка займетъ комнату моеѣ горничной, сказала Эмми.

— Какъ! Неужели вы намѣрены ввести эту женщину въ свой собственный домъ? вскрикнулъ майоръ дѣлая судорожный жестъ.

— Конечно, конечно! Чтожъ вы тутъ находите удивительнаго, сказала Амелія самымъ наивнымъ и невиннымъ тономъ. Да не сердитесь, майоръ Доббинъ, и не ломайте мою мебель. Конечно, мы намѣрены взять ее къ себѣ.

— Разумѣтся! подтвердилъ Джой.

— Желалъ бы я знать, чье сердце не надорвется при этой повѣсти объ ужасныхъ бѣдствіяхъ несчастной женщины! продолжала Эмми. Безсовѣстный банкиръ ея раззорился и убѣжалъ; негодный мужъ покинулъ ее и разлучилъ съ малюткой...

Здѣсь мистриссъ Эмми сжала свои крошечные кулачки и подняла ихъ на воздухъ въ такой угрожающей позѣ, что майоръ невольно залюбовался на эту безстрашную воительницу.

— И кто бы могъ подумать, что злые люди доведутъ ее до такой нищеты! Вѣдь она принуждена давать уроки и пѣть передъ публикой изъ-за куска насущнаго хлѣба!.. И еще бы мы не взяли ее къ себѣ?

— Берите у ней уроки, мистриссъ Джорджъ, закричалъ майоръ, только не давайте ей квартиры въ своемъ домѣ. Умоляю васъ объ этомъ.

– Фи! фи! сказалъ Джой.

– Я васъ, рѣшительно, не понимаю, майоръ Валльямъ, сказала Амелія запальчивымъ тономъ, – вы всегда были такъ добры и такъ сострадательны, и вдругъ становитесь жестокимъ къ беззащитной женщинѣ. Отчего вамъ вздумалось за-прещать мнѣ оказывать посильную помощь бѣдной страдалицѣ, покинутой всѣми ея родственниками? Вамъ не слѣдуетъ забывать, Вилльямъ, что она мой старинный другъ я...

– Нѣтъ, если у васъ хороша память, Амелія, вы должны помнить, что Ребекка не всегда была вашимъ другомъ, сказалъ майоръ, начинавшій приходить въ раздражительное состояніе духа.

Этотъ несчастный намекъ сразилъ окончательно мистриссъ Джорджъ, она бросила на майора сверкающій взглядъ и сказала:

– Стыдитесь, стыдитесь, майоръ Доббинъ! Стыдитесь, милостивый государь!

И выстрѣливъ этими сентенціями, она величественно пошла въ свои будуаръ и раздражительною рукою захлопнула за собою дверь.

– Какъ! онъ не постыдился дѣлать мнѣ такіе намеки! сказала она. О, это слишкомъ, слишкомъ жестоко!

Она посмотрѣла на портретъ Джорджа, висѣвшій на своемъ обычномъ мѣстѣ и на миньятюръ своего ненагляднаго мальчика.

– О, да; о, да, это слишкомъ жестоко съ его стороны! Ка-

къ онъ осмѣлился говорить мнѣ объ этомъ, когда я простила ему все? Изъ собственныхъ устъ Вилльяма я слышала нѣсколько разъ, какъ неосновательны были мои подозрѣнія, и какъ ты былъ чистъ и невиненъ, о великодушный и благороднѣйшій супругъ мой!

И, проникнутая внутреннимъ негодованіемъ, она принялась ходить по комнатѣ дрожащими шагами. Затѣмъ она облокотилась на коммодъ, надъ которымъ висѣло изображеніе покойника, и еще разъ устремила на него пристальный взглядъ. Его глаза, повидимому, обратились на нее съ упрекомъ, и этотъ упрекъ становился яснѣе и яснѣе по мѣрѣ того, какъ мистриссъ Эмми смотрѣла на мимьятюръ. Счастливые годы первой дѣвственной любви снова ожили въ ея воображеніи съ наимельчайшими подробностями. Глубокая рана сердца, незаживленная продолжительнымъ временемъ, сдѣлалась еще глубже и болѣзненнѣе. Эмми не могла перенести упрековъ супруга, смотрѣвшаго на нее изъ своей вызолоченной рамки. Да, да, она будетъ принадлежать ему вѣчно, теперь и всегда, здѣсь и за гробомъ.

Бѣдный Доббинъ, бѣдный, старый Вилльямъ Доббинъ! Одинъ несчастный намекъ разрушилъ зданіе всей твоей жизни, которое сооружалъ ты съ такими гигантскими трудами! Одно неосторожное слово, и птичка выпорхнула изъ клѣтки, которую ты устраивалъ съ такимъ кропотливымъ терпѣніемъ.

Хотя взорами Амеліи весьма ясно выражался роковой

кризисъ въ ея сердцѣ, однакожь Вилльямъ еще не думалъ падать духомъ, и мужественно противостоялъ угрожающей бѣдѣ. Въ сильныхъ выраженіяхъ онъ принялся умолять мистера Седли, чтобы тотъ защитилъ свою сестру отъ козней Ребекки, и заклиналъ Джоя не принимать ее въ свои домъ. Онъ упрашивалъ Бенгальца навести, по крайней мѣрѣ, необходимыя справки относительно мистриссъ Бекки, и сказалъ, между-прочимъ, что репутація ея слишкомъ заподозрѣна негоднымъ обществомъ игроковъ, среди которыхъ, какъ онъ слышалъ, Ребекка жила до сихъ поръ. Затѣмъ Вилльямъ счелъ нужнымъ изобразить давнопрошедшія несчастія и упоиянулъ, какимъ опасностямъ подвергался отъ нея бѣдный капитанъ Осборнъ. Наконецъ, онъ старался представить неотразимыя доказательства относительно того пункта, что разлука ея съ мужемъ, предосудительная во многихъ отношеніяхъ, ничего не говоритъ въ ея пользу. Онъ представилъ, что общество ея для Амеліи тѣмъ опаснѣе, что вдова ничего не разумѣетъ въ дѣлахъ свѣта. Никогда еще Вилльямъ не обнаруживалъ такого сильного краснорѣчія, способнаго убѣдить и растрогать самую черствую душу. Неотразимые аргументы его логики подводились подъ одинъ общій итогъ, что Ребекка не должна быть терпима среди порядочныхъ людей.

Будь майоръ Доббинъ болѣе запальчивъ и побольше ловокъ, ему, по всей вѣроятности, удалось бы склонить на свою сторону мистера Джоя. Но сановникъ Индіи уже досадовалъ на превосходство, которое, какъ ему казалось, безпрестан-

но обнаруживалъ надъ нимъ майоръ Доббинъ, и объ этомъ пунктѣ онъ уже сообщилъ нѣсколько замѣчаній мистеру Киршу въ продолженіе ихъ путешествія по германскимъ городамъ. Въ настоящемъ случаѣ, запальчивый Бенгалецъ вышелъ изъ себя и объявилъ наотрѣзъ, что онъ никому не позволить вмѣшиваться въ свои домашнія дѣла; и что, во всякомъ случаѣ, онъ самъ можетъ и долженъ защищать свою фамильную честь. Прибытіе мистриссъ Бекки окончило разговоръ пріятелей, начинавшій уже принимать довольно запальчивый характеръ. Она пришла изъ гостинницы Слона въ сопровожденіи носильщика съ ея небольшимъ чемоданомъ подъ мышкой.

Ребекка привѣтствовала хозяина съ почтительнымъ вниманіемъ, и сдѣлала довольно холодный реверансъ майору. Женскій инстинктъ сказалъ ей съ перваго взгляда, что майоръ былъ ея врагомъ, старавшимся разстроить ея дружескія отношенія къ мистриссъ Эмми и ея брату. Вскорѣ Амелія вышла изъ своей комнаты и обняла гостью съ величайшимъ радушіемъ, не обращая въ тоже время никакого вниманія на майора. Черезъ минуту она бросила на него угрюмый и сердитый взглядъ, и въ глазахъ ея выразилось презрѣніе, которое едва-ли къ кому она обнаруживала въ продолженіе своей жизни. Теперь, однакожь, дѣйствуя подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ, она рѣшилась быть сердитой на майора, не подозрѣвая, конечно, что дѣлаетъ величайшую, сумасбродную несправедливость. Пораженный этимъ, совер-

шенно несправедливымъ гнѣвомъ, Доббинъ ушелъ, сдѣлавъ поклонъ столько же гордый и холодный, какъ убійственный книксенъ мистриссъ Эмми, небрежно сказавшей ему «прости».

Съ его уходомъ, Амелія обнаружила самую задушевную привязанность къ Ребеккѣ. Она принялась хлопотать при устройствѣ комнаты для своей гостыи, показывая на каждомъ шагу такую удивительную быстроту въ движеніяхъ и словахъ, какой еще никогда въ ней не замѣчали. Фактъ обыкновенный: слабодушные люди, позволивъ себѣ какую-нибудь несправедливость, стараются какъ-можно скорѣе покончить свое дѣло. Эмми воображала въ простотѣ сердечной, что, въ настоящемъ случаѣ, она выставляетъ передъ свѣтомъ необыкновенную твердость духа и вмѣстѣ чтитъ достойнѣйшимъ образомъ память покойнаго капитана Осборна.

Джорджинька между-тѣмъ воротился съ гулянья къ обѣденному времени, и нашелъ, какъ обыкновенно, четыре прибора за столомъ; но, къ великому его изумленію, на мѣсто майора Доббима сѣла какая-то леди.

— Это что значить? спросилъ юный джентльменъ, не скрывая своего изумленія. Гдѣ же Доббинъ?

— Майоръ Доббинъ сегодня не обѣдаетъ съ нами.

Съ этими словами Амелія прижала малютку къ своему сердцу, поцаловала его съ особенною нѣжностью, разгладила ему волосы, и, наконецъ, представила его мистриссъ Кроли.

— Вотъ мой сынъ, Ребекка, сказала мистриссъ Осборнъ, бросая на гостью такой взглядъ; въ которомъ ясно выражался вопросъ: «Гдѣ и когда свѣтъ производилъ такое чудное сокровище?»

Бекки посмотрѣла на мальчика съ неистовымъ восторгомъ, и еще неистовѣе пожала ему руку.

— Милое дитя! сказала она, и вслѣдъ затѣмъ прибавила: Боже мой, какъ онъ похожъ на моего...

Взволнованная сильнѣйшими чувствами, она не могла докончить этой рѣчи, но Амелія мигомъ смекнула, сообразила и постигла, что Ребекка думаетъ о своемъ собственномъ, благословенномъ сынѣ. Несмотря, однакожъ, на сильную грусть, пробужденную печальными воспоминаніями, мистриссъ Кроли кушала съ большимъ аппетитомъ; общество старинной подруги очевидно подѣйствовало благотельнымъ образомъ на ея разбитое сердце.

За столомъ, когда Бекки рассказывала многіе стародавніе анекдоты, Джорджинька не отрывалъ глазъ отъ новой гостьи, и слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ. Когда подали десертъ, Эмми отправилась наверхъ смотрѣть за дальнѣйшими хозяйственными распоряженіями, а мистеръ Джой спокойно заснулъ въ креслахъ, прикрывшись газетой «Galignai». Джорджинька и гостя сѣли другъ подлѣ друга; мальчикъ принялся теперь разсматривать ее съ величайшимъ вниманіемъ, и, наконецъ, бросивъ щипчики, которыми кололъ орѣхи, сказалъ:

— Послушайте-ка, мистриссъ...

— Слушаю, сказала Бекки, улыбаясь. Что вамъ угодно сказать мнѣ, мастеръ Джорджъ?

— А вотъ что: вчера вы были въ маскѣ, и я видѣлъ васъ за рулеткой.

— Тише, тише, маленькій шалунъ! сказала Бекки, цалуя Джорджинькину руку. Твой дядя былъ также тамъ, ты не долженъ говорить этого мамашѣ.

— Ужъ, конечно, не долженъ, отвѣчалъ мастеръ Джорджъ.

— Мы ужъ успѣли подружиться, какъ видите, сказала Рибекка Амеліи, которая въ эту минуту войти въ комнату.

И мы въ свою очередь должны признаться, что мистриссъ Осборнъ помѣстила въ своемъ домѣ умную и достолюбезную компаньонку.

* * *

Вспыхнувъ великимъ негодованіемъ, мистеръ Вилльямъ Доббинъ, еще непостигавшій и даже неподозрѣвавшій всей опасности своего бѣдственнаго положенія, пошелъ бродить по городу безъ всякой опредѣленной мысли, плана и цѣли. Судьба наткнула его на секретаря англійскаго носольства, Тепьюорма, и тотъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. Разговаривая за столомъ о разныхъ житейскихъ предметахъ, майоръ воспользовался случаемъ спросить дипломата, не знаетъ ли онъ какихъ-нибудь подробностей о такъ-называемой ми-

стриссъ Родонъ Кроли, которая, какъ говорятъ, надѣлала въ послѣднее время много шума въ англійской столицѣ? Какъ не знать? Тепьюормъ зналъ наперечетъ всѣ лондонскія сплетни, и приходился, сверхъ-того, ближайшимъ родственникомъ леди Гигантъ. На этомъ основаніи, онъ излилъ въ открытые уши слушателя такую чудную исторію о походеженіяхъ мистриссъ Бекки, что майоръ остолбенѣлъ. Я самъ имѣлъ честь присутствовать на этомъ обѣдѣ, и тогда-то главнѣйшимъ образомъ удалось мнѣ собрать всѣ эти факты, послужившіе матеріаломъ для этого вполне добросовѣстнаго и совершенно достовѣрнаго разсказа. Тюфто, Стейнъ, Кроли, всѣ дѣйствующія лица и всѣ событія, состоявшія въ близкой или отдаленной связи съ походеженіями Бекки, были превосходно очерчены остроумнымъ дипломатомъ. Онъ зналъ все, и разнообразныя его открытія громомъ поразили простодушнаго и мягкосердечнаго майора. Когда мистеръ Доббинъ объявилъ, что мистриссъ Осборнъ и мистеръ Седли взяли Ребекку въ свой собственный домъ, дипломатъ разразился самымъ неугомоннымъ, оглушительнымъ смѣхомъ, и сказалъ, что было бы гораздо приличнѣе пустить въ свою квартиру какого-нибудь колодника изъ тюрьмы, чѣмъ эту всесвѣтную пройдоху.

— Интересно знать, чему-то она научить этого шалуна Джорджа, заключилъ Тепьюормъ.

Эта мысль окончательно сразила бѣднаго майора, и онъ рѣшился во что бы ни стало, предотвратить бѣдственные по-

слѣдствія необдуманнаго поступка мистриссъ Эмми.

Поутру въ тотъ день, еще до свиданія съ Ребеккой, было рѣшено, что Амелія отправится вечеромъ на придворный балъ. Тамъ будетъ удобно объясниться съ нею, подумалъ майоръ. Воротившись домой, онъ надѣлъ мундиръ, и отправился ко двору, въ надеждѣ увидѣть мистриссъ Осборнъ. Но Амелія не поѣхала на балъ. Когда мистеръ Доббинъ воротился въ свою квартиру, свѣчи были уже погашены во всѣхъ комнатахъ Седли. Онъ не могъ увидѣть ее раньше утра. Неизвѣстно, какую ночь провелъ онъ подъ вліяніемъ страшной тайны, тяготившей его душу.

Въ ранній часъ утра майоръ Доббинъ отправилъ черезъ улицу своего каммердинера съ запиской, объяснявшей, что ему предстоитъ крайняя надобность переговорить съ мистриссъ Осборнъ. Посланный воротился съ отвѣтомъ, что мистриссъ Осборнъ больна, и еще не выходила изъ своей комнаты.

И Амелія также не спала всю эту ночь. Она размышляла о такомъ предметѣ, который уже больше сотни разъ волновалъ ея слабую душу. Уже не разъ хотѣла она уступить и подчиниться вліянію сильной страсти, но неумолимая мысль снова представлялась ея воображенію, и она чувствовала, что эта жертва будетъ для нея слишкомъ велика. Пусть онъ любитъ ея безпредѣльно, и съ такимъ постоянствомъ, которому еще не было примѣровъ, но Амелія ничего не можетъ для него сдѣлать. Благодѣянія его сыпались на нее щедрою

рукою, было время, когда мистриссъ Эмми исключительно существовала щедротами этого джентльмена, но что значать благодѣянія и постоянство на вѣсахъ житейскаго базара? Эмми, въ этомъ отношеніи, не составляла ни малѣйшаго исключенія между милльонами особъ женскаго пола. Ей ужь, признаться, маскучили эти благодѣянія, и вотъ почему, собственно говоря, маленькая женщина съ жадностію воспользовалась малѣйшимъ предлогомъ, чтобы разорвать всякія сношенія съ этимъ человѣкомъ. Теперь она будетъ свободна.

Майора приняли уже вечеромъ въ тотъ день, часа за два передъ обѣдомъ. Въмѣсто искренняго и радушнаго привѣтствія, къ которому онъ былъ приученъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, Амелія сдѣлала весьма холодный реверансъ, и протянула свою крошечную перчатку, до которой едва позволила дотронуться майору.

Въ гостиной была и мистриссъ Кроли. Она подошла къ прибывшему гостю съ улыбкой, и также протянула ему руку. Доббинъ въ смущеніи отступилъ назадъ.

— Прошу извинить, сударыня, сказалъ онъ, я принужденъ объявить, что пришелъ сюда не въ качествѣ вашего друга. Совсѣмъ напротивъ.,

— Ахъ, пожалуйста, майоръ, увольте насъ отъ всякихъ исторій! перебилъ взволнованный Джой, нелюбившій никакихъ сценъ въ домашнемъ кругу.

— Желала бы я знать, что такое майоръ Доббинъ намѣренъ

говорить противъ Ребекки? сказала Амелія чистымъ, звучнымъ и яснымъ голосомъ, устремивъ на бѣднаго Вилльяма грозный взглядъ.

— Я не терплю въ своемъ домѣ никакихъ исторій, переби-
ль опять мистеръ Джой. Вы сдѣлаете мнѣ великое одолженіе,
майоръ Доббинъ, если, на этотъ разъ, уволите насъ отъ сво-
его визита. Покорнѣйше прошу васъ объ этомъ, сэръ.

И раскраснѣвшись какъ жареный ракъ, Джой, дрожавшій
всѣми членами, сдѣлалъ шагъ къ дверямъ.

— Великодушный другъ мой! сказала Ребекка съ дѣтскою
наивностью, выслушайте, прошу васъ, что намѣренъ сказать
противъ меня майоръ Доббинъ.

— Ничего не хочу слушать, ничего, ничего! заревѣлъ Джой
во весь голосъ.

И затѣмъ, подобравъ полы своего комнатнаго сюртука,
онъ исчезъ.

— Теперь мы остались только съ Ребеккой, сказала Амелія,
вы можете, милостивый государь, смѣло говорить въ присут-
ствій двухъ женщинъ.

— Такое обращеніе со мною едва-ли сообразно съ вашимъ
характеромъ, отвѣчалъ майоръ съ большимъ достоинствомъ,
и вы, Амелія, напрасно вздумали подвергать меня своему
гнѣву. Я пришелъ исполнить свои долгъ и могу увѣрить, что
эта обязанность не доставляетъ мнѣ никакого удовольствія.

— Исполняйте скорѣе вашу обязанность, майоръ Доббинъ,
сказала Амелія, уже пачинавшая чувствовать сильнѣйшую

досаду въ своей маленькой груди.

Можно вообразить, какъ вытянулось честное лицо Вилльяма при этой повелительной рѣчи.

— Я пришелъ сказать... и, такъ-какъ вы остались здѣсь, мистриссъ Кроли, то я принужденъ сказать въ вашемъ присутствіи, что, помоему убѣжденію, вы не можете и не должны, ни въ какомъ случаѣ и ни по какому побужденію, принадлежать къ членамъ семейства моихъ друзей. Леди, оставившая своего мужа, путешествующая подъ чужимъ именемъ, леди, которая сидитъ въ публичномъ мѣстѣ за игорными столами...

— Это было однажды, когда я собиралась на балъ, вскричала Бекки.

—..такая леди, говорю я, не можетъ быть приличной собесѣдницей для мистриссъ Осборнъ и ея сына, продолжалъ майоръ Доббинъ. Къ этому остается мнѣ прибавить, что есть въ этомъ городѣ особы, вполне знакомыя съ вашимъ поведеніемъ, и онѣ сообщаютъ о васъ такія подробности, о которыхъ я не желаю и не смѣю говорить... въ присутствіи мистриссъ Осборнъ.

— Вотъ это, по крайней мѣрѣ, очень скромный и совершенно удобный способъ клеветать на беззащитную женщину, отвѣчала Ребекка. Вы подвергаете меня обвиненіямъ, таинственнымъ и загадочнымъ, которыхъ и не высказываете; это дѣлаетъ вамъ честь, майоръ Доббинъ. Въ чемъ же, спрашивается, обвиняютъ меня? Въ невѣрности къ мужу? Я пре-

зираю эту клевету и открыто вызываю всѣхъ и каждого доказывать ее;— вызываю васъ самихъ, милостивый государь. Честь моя неприкосновенна — была, есть и будетъ, несмотря на ожесточенныя преслѣдованія моихъ враговъ. Въ томъ ли еще вы обвиняете меня, что я бѣдна, несчастна, безпріютна, отвержена всѣми своими родственниками? Такъ точно, я виновата во всѣхъ этихъ проступкахъ, и судьба караетъ меня за нихъ каждый день. Караете и вы, майоръ Доббинъ.пусти меня, Эмми, и я уйду, куда глаза глядятъ. Стоитъ только предположить, что я не встрѣчалась съ тобою, и колесо злосчастной моей жизни снова завертится своимъ обычнымъ чередомъ. Пройдетъ ночь, и я опять буду скитаться по всему свѣту, какъ странница, для которой нѣтъ безопаснаго пріюта подъ человѣческою кровлей. Помнишь-ли, Амелія, какую пѣсню я любила пѣть въ свои былые, молодые годы? и тогда я скиталась точно такъ же, какъ теперь; и тогда презирали меня, какъ жалкую, безпріютную тварь; и тогда обижали меня, и безнаказанно издѣвались надо мною, потому-что некому было вступить за бѣдную дѣвушку на этомъ свѣтѣ. Пустите меня, Эмми, мое пребываніе въ вашемъ домѣ противорѣчитъ планамъ этого господина.

— Ваша правда, сударыня; сказалъ майоръ, — и если въ этомъ домѣ я имѣю какую-нибудь власть.

— Власть! Власть!?!? Никакой власти вы не имѣете здѣсь и не будете имѣть, майоръ Доббинъ, закричала Амелія, сверкая своими гнѣвными глазами. Ребекка, ты останешься со

мною. Я не оставлю тебя, потому-что есть на свѣтѣ изверги, которымъ пріятно преслѣдовать беззащитную женщину; и не буду я обижать тебя, Ребекка, изъ-за того только, что это могло бы доставить удовольствіе майору Доббину. Уйдемъ отсюда, моя милая.

И обѣ женщины быстрыми шагами пошли къ дверямъ.

Но Вилльямъ заслонилъ собою этотъ выходъ. Онъ взялъ Амелію за руку и сказалъ:

— Я непременно долженъ объясниться съ вами, Амелія, угодно ли вамъ остаться на минуту въ этой комнатѣ?

— Онъ желаетъ говорить съ тобою безъ меня, сказала Бекки, принимая страдальческій видъ.

Въ отвѣтъ на это, Амелія схватила ея руку.

— Увѣряю васъ честью, сударыня, что не о васъ теперь я намѣренъ говорить съ мистриссъ Осборнъ. Вернитесь, Амелія... на одну только минуту.

Амелія посмотрѣла на свою подругу нерѣшительными глазами, и отступила на середину комнаты. Ребекка ушла; и Доббинъ заперъ за нею дверь. Мистриссъ Эмми облокотилась на туалетъ, и безмолвно смотрѣла на Вилльяма, губы ея дрожали, лицо было блѣдно.

— Я былъ въ замѣшательствѣ, сказалъ майоръ послѣ кратковременной паузы, — и начиная говорить съ вами, я имѣлъ неосторожность употребить слово «власть».

— Да, вы употребили, сказала Амелія

И зубы ея заскрежстали при этихъ словахъ.

— По крайней мѣрѣ, Амелія, я имѣю здѣсь нѣкоторое право быть выслушаннымъ, продолжалъ Доббингъ.

— То-есть, вы разумѣете свои одолженія, оказанныя мнѣ? Очень великодушно съ вашей стороны напоминать мнѣ объ этомъ, майоръ Доббинъ, отвѣчала Эмми.

— Права, о которыхъ говорю, предоставлены мнѣ отцомъ вашего Джорджа, сказалъ Вилльямъ.

— Вы оскорбили его память, милостивый государь, да, вчера вы оскорбили. Вникните хорошенько, что вы сдѣлали. Я никогда васъ не прощу, никогда, никогда! сказала Амелія.

И выстрѣливая этими маленькими сентенціями, она вся трепетала отъ гнѣва и душевнаго волненія.

— Серьёзно ли вы говорите это, Амелія? сказалъ Вилльямъ грустнымъ тономъ. Неужели одно неосторожное слово, произнесенное въ минуту запальчивости, затмитъ окончательно въ вашихъ глазахъ глубокую преданность всей моей жизни? Я надѣюсь и увѣренъ, что поступки мои никогда не оскорбляли памяти капитана Осборна, и вдова моего друга не имѣла до сихъ поръ ни малѣйшихъ причинъ дѣлать мнѣ какіе бы то ни было упреки. Подумайте объ этомъ когда-нибудь на досугѣ, и совѣсть ваша, безъ всякаго сомнѣнія, докажетъ вамъ всю неосновательность этого обвиненія. Вы начинаете это чувствовать теперь.

Амелія продолжала стоять безмолвно, склонивъ голову и опустивъ глаза въ землю.

— Нѣтъ, Амелія, нѣтъ, продолжалъ Вилльямъ, — не вче-

рашняя рѣчь вооружила васъ противъ меня. Или я напрасно изучалъ и любилъ васъ въ продолженіе всѣхъ этихъ пятнадцати лѣтъ, пди, вчерашнія слова послужили для васъ только предлогомъ для выраженія мыслей, уже давно затаенныхъ въ вашемъ сердцѣ. Но я знаю васъ, Амелія. Я давно привыкъ читать всѣ ваши мысли, и слѣдить за всѣми движеніями вашего сердца. Я знаю, къ чему вы способны, мистриссъ Эмми, вы можете привязаться къ воспоминаніямъ, лелѣять въ своихъ мысляхъ мечту и любить фантастическій призракъ, но сердце ваше не можетъ отвѣчать на глубокую привязанность, которую могла бы цѣнить женщина, великодушнѣе васъ. Я, въ свою очередь, гонялся за фантастическимъ призракомъ все это время. Выслушайте теперь, что я скажу вамъ однажды навсегда, мистриссъ Джорджъ. Вы недостойны любви, которую я питалъ къ вамъ до сихъ поръ... И я зналъ, что этотъ призъ, котораго хотѣлъ я добиться цѣною жизни, не стоитъ выигрыша. Я былъ глупецъ, мечтатель, безумно желавшій промѣнять весь запасъ своихъ чувствъ на слабую искру любви, которая могла, по крайнеи мѣрѣ, на нѣкоторое время вспыхнуть въ вашемъ сердцѣ. теперь — конецъ моимъ стремленіямъ, конецъ безумнымъ надеждамъ, и я отказываюсь отъ бесплодной борьбы... Я не виню васъ, Амелія. Вы очень добры, и во всѣхъ этихъ случаяхъ поступали по крайнему своему разумѣнію, но вы не могли, вы неспособны были возвыситься до той высоты нравственной привязанности, на которой я стоялъ въ отношеніи къ вамъ; надобно имѣть ду-

шу, гораздо возвышеннѣе вашей, чтобъ измѣрить всю глубину этого чувства. Прощайте, Амелія! Я уже давно слѣдилъ за вашей борьбой. Время положить этому конецъ. Мы оба утомились, и надоѣли другъ другу.

Страхъ и трепеть объяли мистриссъ Эмми, когда Вилльямъ собственными руками разорвалъ, наконецъ, цѣпь, привязывавшую его къ ней, и когда онъ объявилъ свою независимость и превосходство. Такъ давно этотъ человѣкъ привыкъ лежать у ея ногъ, и такъ давно эта бѣдная женщина съ миньятюрною головкой привыкла поирать его своими башмачками. Амелія вовсе не хотѣла выйти за него, но все же ей пріятно было держать при своей особѣ эту ньюфаундлендскую собаку. Ей хотѣлось, не давая ничего, получить отъ него все. Такіе договоры, говорятъ, нерѣдко заключаются въ дѣлахъ любви.

Съ минуту они оба стояли молча съ поникшими головами. Амелія продолжала смотрѣть въ землю.

— Должна ли я понимать, что... что... вы хотите насъ оставить... Вилльямъ? сказала она.

Доббинъ бросилъ на нее грустную улыбку.

— Мнѣ уже не въ первый разъ оставлять васъ, Амелія, сказалъ онъ. Однажды я уѣхалъ отъ васъ, и воротился опять къ вамъ черезъ двѣнадцать лѣтъ. Мы были тогда молоды, Амелія. Прощайте. Слишкомъ много жизни я израсходовалъ на эту борьбу.

Впродолженіе этой интересной бесѣды, дверь въ комнату

мистриссъ Осборнъ была немного пріотворена, и мистриссъ Бекки, устремивъ свои зеленый глазокъ въ это маленькое отверстие, имѣла случай слѣдить за всѣми движеніями разговаривающихъ особъ, и не проронила ни одного слова, исходявшаго изъ ихъ усть.

«Что за благородное сердце у этого человѣка, думала мистриссъ Бекки, — и какъ позорно играетъ имъ эта глупая женщина!»

Ребекка удивлялась майору, и въ сердцѣ ея не было ни малѣйшаго негодованія противъ той жестокой роли, которую онъ принялъ въ отношеніи къ ней самой. То была съ его стороны открытая, честная игра, и онъ далъ ей полную возможность отыгаться.

«Ахъ, еслибъ у меня былъ такой мужъ!» подумала мистриссъ Бекки;— я бы не посмотрѣла на его неуклюжія ноги! Великодушный мужчина съ умомъ и сердцемъ превосходная находка для умной женщины.»

И затѣмъ, вбѣжавъ въ свою комнату, Ребекка оторвала клочокъ бумажки и написала записку, упрашивая майора остаться въ Пумперниккелъ на нѣсколько дней, и вызываясь сослужить ему службу при особѣ мистриссъ Эмми.

Такимъ-образомъ окончательная разлука совершилась. Еще разъ бѣдный Вильямъ подошелъ къ дверямъ и ушелъ. Маленькая вдова, затѣявшая всю эту исторію, осталась побѣдительницею на полѣ битвы, и приготовилась, вѣроятно, наслаждаться своей побѣдой. Многія леди позавидуютъ, ко-

нечно, этому триумфу.

Къ обѣденному часу явился Джорджинька, и опять, съ великимъ изумленіемъ, замѣтилъ отсутствіе стараго «Доба». За столомъ господствовало глубокое молчаніе; Джой кушалъ одинъ за всѣхъ, но сестра его не прикоснулась ни къ одному блюду.

Послѣ обѣда, Джорджинька, по обыкновенію, развалился на подушкахъ въ амбразурѣ стараго окна, откуда открывался видъ и на Слона, и на майорскую квартиру. Джорджинька любилъ производить наблюденія съ этого пункта, какъ нѣкогда безсмертный мистеръ Пикквикъ слѣдилъ за феноменами человѣческой натуры, изъ форточки своей квартиры на Гозъуэльской улицѣ. Предметомъ, обратившимъ на этотъ разъ вниманіе маленькаго Джорджа, были признаки сильнаго движенія, происходившаго въ майорской квартирѣ по другую сторону улицы.

— Ба! сказалъ онъ, — «ловушку» Доббина вывозятъ со двора. Что бы это значило.

Ловушкой называлась довольно неуклюжая колымага, купленная майоромъ за шесть фунтовъ стерлинговъ. Джорджинька любилъ подтрунивать надъ этимъ экипажемъ.

Эмми вздрогнула, но не сказала ничего.

— Это что еще? продолжалъ Джорджинька. Францискъ укладываетъ чемоданы съ разнымъ хламомъ, а Кувдъ, кривой ямщикъ, ведетъ подъ уздцы трехъ лошадей. Прескверныя клячи. Какъ онъ забавенъ въ этой желтой курткѣ!.. Про-

шу покорно, онъ впрягаетъ лошадей въ майорскую колымагу. Развѣ Доббинъ уѣзжаетъ, мамаша?

— Да, сказала Амелія, онъ уѣзжаетъ.

— Куда? Зачѣмъ?... Когда онъ воротится?

— Онъ... онъ не воротится, отвѣчала Эмми.

— Не воротится? вскричалъ Джорджъ, и опрометью соскочилъ съ окна.

— Оставайтесь здѣсь, сэръ! проревѣлъ Джой.

— Остайся, Джорджинька, сказала его мать съ грустнымъ лицомъ.

Мальчикъ принялся бѣгать по комнатѣ взадъ и впередъ, и безпрестанно вспрыгивалъ на окно, обнаруживая всѣ признаки нетерпѣливаго безпокойства и любопытства.

Между-тѣмъ въ колымагу майора заложили лошадей. Багажъ продолжали укладывать. Францискъ вынесъ изъ воротъ шпагу своего господина, его трость и зонтикъ, связалъ все это вмѣстѣ, и положилъ въ кузовъ экипажа. Затѣмъ были вынесены бритвенный приборъ и старый жестяной ящикъ съ треугольной шляпой майора. Наконецъ явилась старая, грубая шинель, на красной камлотовой подкладкѣ, защищавшая майора отъ всякихъ бурь и непогодъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, и которая «manchen Sturm erlebt» какъ гласила современная нѣмецкая пѣсня. Она помнила ватерлооскую битву, и прикрывала обоихъ друзей, Джорджа и Вилльяма, въ ночь передъ побѣдой.

Затѣмъ вышелъ старый Буркъ, квартирный хозяинъ, за

нимъ опять Францискъ съ послѣдними господскими узлами, и за нимъ, наконецъ, самъ майоръ Доббинъ.

Буркъ принялся цаловать своего жильца съ большимъ усердіемъ. Майора всѣ любили, и ему трудно было высвободиться теперь отъ этихъ энергическихъ доказательствъ сердечной привязанности.

— Нѣтъ, ужъ какъ хотите, я побѣгу, ей-Богу! закричалъ мистеръ Джорджъ.

— Отдай ему эту вещицу, сказала Бекки, доложивъ свою записку въ руку мальчика.

Джорджъ пустился бѣжать изъ всей мочи, и черезъ мину-ту былъ уже на противоположной сторонѣ улцы. Рыжій ямщикъ похлопывалъ бичомъ.

Вилльямъ, освободившійся наконецъ отъ объятій хозяйна, сѣлъ въ свою колымагу. Въ одно мгновеніе Джорджинька вспрыгнула на передокъ экипажа, и, обвивъ руками шею майора, припаялся цаловать его съ большимъ жаромъ, и засыпала его множествомъ разнообразныхъ вопросовъ. Затѣмъ онъ, опустивъ руки въ карманъ своего жилета, подаль ему записку. Вилльямъ схватилъ ее съ нетерпѣніемъ, и открылъ дрожащею рукою, но вдругъ фizioномія его измѣнилась, онъ изорвалъ бумагу на нѣсколько клочковъ и выбросилъ изъ экипажа. Онъ поцаловалъ Джорджиньку въ голову, и мальчикъ, приставивъ кулаки къ своимъ глазамъ, вышелъ наконецъ изъ колымаги при содѣйствіи Францнека, но вмѣсто того, чтобъ пдти домой, онъ остановился на панели.

— Fort, Schwager!

Францискъ вспрыгнулъ на козлы, рыжій ямщикъ хлопнулъ бичомъ, лошади поскакали, Доббинъ опустилъ свою голову на грудь. Онъ не оглянулся на «Телячью Голову», и не замѣтилъ наблюдений, дѣлаемыхъ изъ окна этой гостинницы.

Оставшись одинъ среди улицы, Джорджинька залился горькими слезами, и сдѣлался интереснымъ предметомъ наблюдений для праздныхъ зѣвакъ. Онъ плакалъ навзрыдъ даже ночью, и горничная Эмми, для утѣшенія мальчика, принесла ему абрикосоваго варенья, но чтобъ оказать еще болѣе дѣйствительную помощь, миссъ Поймъ завторила Джорджинькѣ самыми горькими слезами. Всѣ бѣдные и честные люди, всѣ, кто только зналъ майора, любили искренно этого великодушнаго и простосердечнаго джентльмена.

Что жъ касается до мистриссъ Эмми... Но вѣдь мы знаемъ, что она была спокойна. Въ утѣшеніе ея остается надъ коммодомъ портретъ капитана Осборна въ золотой рамкѣ.

Глава LXVI

Родины, бракосочетанія и смертные случаи

Мистриссъ Бекки, какъ мы видѣли изъ ея записки, рѣшилась оказать свое содѣйствіе майору, и увѣнчать его нѣжную любовь вождельннымъ успѣхомъ, но въ чемъ собственно долженъ былъ состоять ея планъ — это до времени содержалось въ глубочайшей тайнѣ. Впрочемъ, на первый разъ, ей надлежало позаботиться о собственномъ своемъ благосостояніи, и у Ребекки оказалось множество дѣлъ, неимѣвшихъ никакого отношенія къ сердечному счастью майора.

Послѣ шумныхъ суетъ и бурныхъ тревоженій, Ребекка вдругъ и совершенно неожиданно очутилась въ чистой и опрятной квартирѣ, среди скромныхъ, тихихъ и добродушныхъ особъ, съ какими уже давно не встрѣчалась она вирождение своей бродячей жизни. Она, какъ мы знаемъ, любила эту жизнь, и находила въ ней весьма много удовольствій, но были минуты, когда Бекки, несмотря на цыганскія наклонности, съ наслажденіемъ мечтала о тихомъ домашнемъ очагѣ. Такъ, любитель аравійскихъ степей, привыкшій кочевать съ своими верблюдами среди неизмѣримыхъ песковъ, непрочъ ипогда отдохнуть подъ тѣнью развѣсистаго дерева, на берегу прозрачнаго ручья, и случается иногда, что,

наскучивъ уединенной жизнью, онъ съ наслаждевіемъ останавливается въ большихъ городахъ, разгуливаетъ по базарамъ, прохлаждается въ банѣ, и читаетъ алкоранъ въ мечети. Палатка Джоя и его пилавъ были очень привлекательны для нашей измаэлитки. Она удержала стремленіе своего коня, развѣсила воинственное оружіе, и расположилась съ большимъ комфортомъ у камина. Такой отдыхъ, послѣ недавняго безпокойства, былъ конечно невыразимо сладокъ и пріятень.

Вполнѣ довольная собой, она рѣшилась также доставить удовольствіе своимъ ближнимъ, и намъ извѣстно, что мистриссъ Бекки владѣла неподражаемымъ искусствомъ настраивать на веселый ладъ всѣхъ, приходившихъ съ нею въ соприкосновеніе. И прежде всѣхъ развеселила она Джоя. Впродолженіе кратковременнаго свиданія на чердакѣ «Слона», она нашла средство возвратить къ себѣ благорасположеніе этого джентльмена. Затѣмъ, въ одну недѣлю, сановникъ Индіи повергся къ ея стопамъ, и безусловно подчинился ея волѣ. Онъ уже не спалъ послѣ обѣда, какъ это водилось за нимъ прежде, въ скучномъ обществѣ мистриссъ Эмми. Онъ развѣзжалъ съ Ребеккой въ коляскѣ, безпрестанно зазывалъ гостей, и устраивалъ пиршества, чтобъ доставить удовольствіе своей гостьѣ. Тепьюормъ, секретарь посольства, отзывавшійся съ такими сарказмами о нашей героинѣ, пріѣхалъ однажды пообѣдать къ мистеру Джою, и съ той поры ѣздилъ уже каждый день, чтобъ засвидѣтельствовать свое ис-

креннее почтеніе мистриссъ Бекки. Бѣдняжка Эмми, никогда неотличавшаяся ораторскимъ талантомъ, и теперь всегда почти мрачная и безмолвная послѣ разлуки, съ майоромъ, была совершенно и окончательно забыта въ присутствіи своей геніальной подруги. Посланникъ Франціи былъ столько же очарованъ высокими талантами мистриссъ Кроли, какъ и англійскій его соперникъ. Нѣмецкія дамы, никогда нелюбившія сплетней большаго свѣта, способныхъ иной разъ очернить даже олицетворенную невинность, были почти всѣ въ восторгѣ отъ очаровательной собесѣдницы мистриссъ Осборнъ.

Вскорѣ узналъ весь Пумперниккель, что Ребекка происходитъ изъ древней англійской фамиліи, и что супругъ ея, полковникъ гвардіи, былъ губернаторомъ на Ковентрійскомъ Острову. Разводъ ея съ нимъ не могъ ни по какому поводу произвести невыгоднаго впечатлѣнія въ той странѣ, гдѣ до сихъ поръ еще читаютъ Вертера, и гдѣ «Wahlverwandsehaften» Гёте считаются геніальнымъ литературнымъ произведеніемъ въ эстетически умозрительномъ смыслѣ. Этимъ обстоятельствомъ вполне объясняется популярность мистриссъ Бекки среди пумперниккельскихъ гражданокъ. Домъ мистера Джоя засіялъ и заблесталъ съ водвореніемъ Ребекки въ апартаментяхъ его сестры. Она пѣла, играла, смѣялась, говорила на двухъ или на трехъ языкахъ, привлекала къ себѣ всѣхъ, и заставила Джоя убѣдиться душевно, что всѣ эти гости собираются къ нему изъ уваженія

къ его собственнымъ талантамъ и высокому положенію въ свѣтъ.

Мистриссъ Эмми перестала быть хозяйкой въ своемъ собственномъ домѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда надлежало выплачивать счета «Телячьей Головы», но Бекки открыла средство веселить и эту отставную хозяйку. Она безпрестанно говорила ей о майорѣ Доббинѣ, и старалась доказать, что это самый великодушный и благороднѣйшій изъ смертныхъ, и что она, мистриссъ Эмми; поступила нѣкоторымъ образомъ безчеловѣчно въ отношеніи къ этому джентльмену. Въ оправданіе своего поведенія, Амелія сказала, что нельзя думать о второмъ бракѣ послѣ смерти одного изъ совершеннѣйшихъ мужей. Это, однакожь, не мѣшало ей съ удовольствіемъ слушать панегирики майору, и она сама, разъ двадцать въ сутки, заводила рѣчь объ этомъ интересномъ предметѣ.

Послѣ этого уже ничего не стоило пріобрѣсть благосклонность маленькаго Джорджа и домашней прислуги. Горничная мистриссъ Эмми, какъ сказано, была всей душой привязана къ великодушному майору. Досадуя сначала на Ребекку, какъ на исключительную причину удаленія его изъ «Телячьей Головы», она вскорѣ потомъ примирилась съ мистриссъ Кроли, потому-что видѣла въ ней самую ревностную поклонницу и защитницу Вилльяма. И когда, послѣ вечернихъ собраній, обѣ миледи сидѣли въ будуарѣ, миссъ Пайнъ, расчесывая имъ волосы, всегда находила удобный случай

вернуть ласковое словечко въ пользу великодушнаго майора. Это заступничество никогда не сердило Амелію, и Ребекка, съ своей стороны, тѣмъ усерднѣе сочиняла панегирики изгнанному другу. Такое ходатайство возышѣло желанный успѣхъ. Она безпрестанно заставляла Джорджа писать къ нему письма съ неизбѣжными постскриптами, свидѣтельствовавшими искреннее почтеніе и преданность отъ его мамы. И, странное дѣло: портретъ, висѣвшій на стѣнѣ, уже не смотрѣлъ на нее суровыми глазами, и не дѣлалъ больше никакихъ упрековъ.

Мистриссъ Эмми, если сказать правду, была не очень счастлива поослѣ своего геройскаго поступка. Она сдѣлалась разсѣянною, нервною, молчаливою, и что всего страннѣе, въ ней обнаружилось желаніе нравиться, котораго, до той поры, никто не замѣчалъ въ скромной и робкой вдовѣ. Къ несчастію, однакожь, розы на ея щекахъ увидали съ каждымъ днемъ, и Амелія начала чувствовать разные болѣзненные припадки. Для развлеченія себя, она пробовала пѣть разныя пѣсенки, любимыя майоромъ, и между-прочимъ, одну изъ нихъ: «Einsam bin ich nicht allein». Это произведение Вебера, знакомое въ ту пору всѣмъ нѣжнымъ сердцамъ, свидѣтельствуешь, конечно, нагляднымъ образомъ, что *Frauen und Mädchen* всегда умѣли пѣть и любить. Случалось однакожь, что, на самой срединѣ этой поэтической пѣсни, мистриссъ Эмми вдругъ вставала съ своего мѣста, и удалялась въ смежную комнату, вѣроятно затѣмъ, чтобы любоваться на порт-

реть своего покойнаго супруга.

Послѣ Доббина осталось нѣсколько книгъ съ собственію-ручными его надписями на заглавныхъ листахъ; напримѣръ: нѣмецкій словарь, гдѣ на заглавномъ листѣ было изображено: «Вилльямъ Доббинъ, майоръ Трилльйоннаго полка», «Англійскій путеводитель въ чужихъ краяхъ» съ тѣмъ же начертаніемъ, и еще два или три волюма, составлявшихъ собственность майора. Эмми убрала ихъ въ одинъ изъ ящиковъ своего коммоды, туда, гдѣ лежали ея булавочныя подушечки, рисовальный портфель, и подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, надъ которымъ возвышались миньятюры двухъ Джорджей. Замѣчательнъ еще вотъ какой фактъ: уѣзжая изъ Пумперниккеля, майоръ позабылъ свои перчатки въ гостинницѣ «Телячьей Головы»: Джорджинька, роясь однажды въ коммодѣ своей матери, отыскала ихъ въ одномъ изъ потаенныхъ ящиковъ, гдѣ онѣ лежали, сложенные весьма бережно и красиво.

Эмми скучала, и отказалась почти отъ всякихъ обществъ. Главнѣйшимъ ея удовольствіемъ въ эти лѣтніе вечера было гулять съ Джорджинькой по окрестностямъ Пумперниккеля, между-тѣмъ, какъ Ребекка наслаждалась обществомъ Джозефа. Мать и сынъ всего чаще разсуждали о майорѣ, причѣмъ Амелія употребляла выраженія, вызывавшія невольную улыбку на лицѣ мальчика. Такъ она сказала ему, что майоръ Вилльямъ, по ея мнѣнію, самый благородный, великодушный, честный, самый храбрый и, вмѣстѣ, скромный джентльменъ, какихъ еще и не бывало. Въ другой разъ

Амелія объявила сыну, что оба они всѣмъ своимъ благосостояніемъ одолжены предупредительной заботливости этого несравненнаго друга, и что было время, когда онъ одинъ только доставлялъ имъ средства къ существованію. Продолжая развивать эту тѣму, мистриссъ Эмми намекнула, что майоръ всегда заботился о нихъ лучше всякаго родственника, обнаруживая притомъ рѣдкую деликатность въ своихъ поеступкахъ.

— Это я хорошо знаю, мамаша, замѣтилъ Джорджъ. Доббинъ не любитъ говорить о себѣ, хотя всѣ товарищи превозносятъ его до небесъ.

— Да и твой отецъ любилъ его больше всѣхъ, сказала Амелія. Они подружидись еще въ дѣтствѣ. Покойникъ часто рассказывалъ мнѣ, какъ Вилльямъ однажды защитилъ его отъ одного изъ своихъ товарищей. Съ той поры они никогда не разлучались до послѣдней минуты, когда отецъ твой былъ убитъ.

— Что жъ? Доббинъ убилъ того человѣка, который убилъ моего отца? спросилъ Джорджъ. Убилъ, безъ всякаго сомнѣнія, или по крайней мѣрѣ, хотѣлъ убить, ужъ это я знаю. Не такъ ли, мамаша? Вотъ дайте мнѣ только вырасти и столкнуться съ этими Французами!..

Въ такихъ бесѣдахъ мать и сынъ проводили большую часть своихъ досуговъ. Безхитростная женщина сдѣлала мальчика повѣреннымъ всѣхъ своихъ тайнъ. Джорджинька былъ также другомъ Вилльяма, какъ и всѣ, имѣвшіе случай

познакомиться съ нимъ покороче.

Чтобы не отстать отъ *милаго друга* въ изліяніи сердечныхъ ощущеній, мистриссъ Бекки повѣсила миньятюрчикъ въ своей собственной комнатѣ къ великому изумленію и потѣхѣ весьма многихъ особъ и къ душевному наслажденію самого оригинала, которымъ былъ не кто другой, какъ пріятель нашъ, Джозефъ Седли. При первомъ возобновленіи знакомства съ этимъ джентльменомъ Ребекка, явившаяся изъ «Слона» съ весьма незначительнымъ запасомъ узелковъ фантастическаго содержанія, отзывалась весьма часто съ большими уваженіемъ о своемъ багажѣ, оставленномъ въ Лейпцигѣ, откуда она ожидаетъ посылки со дня на день. Какъ скоро вы встрѣчаете путешественника, безпрестанно разсуждающаго о великолѣпіи его багажа, покинутаго тамъ-то и тамъ-то, будьте увѣрены, милостивые государи, что сей путешественникъ — шарлатанъ, который собирается водить васъ за носъ.

Но мистеръ Джой и скромная его сестрица не знали этой истины, основанной на многосложныхъ наблюденіяхъ чело-вѣческой природы. Имъ не было, повидимому, никакого дѣла до всѣхъ этихъ сокровищъ, хранившихся въ невидимыхъ сундукахъ мистриссъ Бекки; но такъ-какъ въ настоящее время, костюмъ ея былъ довольно некрасивъ и совершенно истасканъ, то Амелія рѣшилась снабдить ее разнообразными запасами изъ своего собственнаго гардероба, и затѣмъ отправилась къ лучшей пумперниккельской модисткѣ, снаб-

дившей Ребекку всѣми принадлежностями туалета. На ней, какъ вы можете представить, не было теперь изорванныхъ воротничковъ, и плечъ ея не прикрывали болѣе полинялые шелковые платки.

Съ перемѣною жизни, мистриссъ Бекки измѣнила также бо льшую часть своихъ привычекъ. Она перестала румяниться, и уже не прибѣгала болѣе къ возбудительному средству, почерпаемому изъ разнокалиберныхъ бутылокъ. Только два или три разд, въ прекрасный лѣтній вечеръ, уступая неотвязнымъ просьбамъ Джоя, мистриссъ Бекки, въ отсутствіе своей подруги, гулявшей за городомъ, угощала себя спиртуознымъ напиткомъ въ чрезвычайно умѣренномъ количествѣ. Зато, съ водвореніемъ ея въ Телячьей Головъ, каммердинеръ Джоя испортился въ-конецъ: этотъ каналья Киршъ почти не отрывался отъ бутылки, и случалось иной разъ, что онъ самъ приходилъ въ изумленіе, замѣчая, съ какой быстротою уменьшался коньякъ мистера Седли. Но все это вздоръ, конечно, и мы съ презрѣніемъ отвращаемся отъ этого предмета. При вступленіи въ благородное семейство, Бекки перестала, по крайней мѣрѣ въ большомъ котичествѣ, употреблять спиртуозные напитки.

Наконецъ багажъ изъ Лейпцига былъ привезенъ это, собственно говоря, были три крошечные сундучка, совершенно неблистательной наружности, и никто не замѣтилъ, какія сокровища вынимала оттуда мистриссъ Бекки. Мы даже не можемъ сказать навѣрное, было ли тамъ что-нибудь

въ родѣ украшеній, принадлежащихъ къ женскому туалету. Извѣстно, впрочемъ, что въ одномъ сундукѣ хранилась шка- тулка — та самая, которую разгромилъ нѣкогда бѣшенный Родонъ Кроли, приступившій къ ревизіи вещей и денегъ своей супруги, и въ шкатулкѣ — портретъ весьма замѣчатель- ной работы. Бекки повѣсила его на гвоздикѣ въ своей ком- натѣ, и поспѣшила отрекомендовать его мистеру Джой. То былъ портретъ джентльмена, нарисованный карандашомъ, за исключеніемъ лица, на которомъ сіяли самыя свѣжія ро- зы. Джентльменъ выѣзжалъ на слонѣ изъ-за группы кокосо- выхъ деревьевъ, и за нимъ, въ отдаленіи, на заднемъ планѣ, виднѣлась индійская пагода. То была восточная сцена.

— Ахъ, Боже мой, это мой портретъ! вскрикнулъ Джой при взглядѣ на миньятюръ.

Такъ точно, на портретѣ сіялъ самъ мистеръ Джой, моло- дой и прекрасный, въ нанковой курткѣ, фасона, употребляв- шагося въ первыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка. То была ста- рая картина, висѣвшая нѣкогда на Россель-Скверѣ.

— Я купила его, сказала Бекки голосомъ, дрожавшимъ отъ внутренняго волненія;— мнѣ казалось, что я могу принести нѣкоторую пользу своимъ друзьямъ. Я никогда не разставалась съ этой картиной, и не расстанусь.

— Неужели? вскрикнулъ Джой съ выраженіемъ несказан- наго самодовольствія и восторга, неужели вамъ дорога эта картина изъ-за меня?

— Ахъ, вы сами знаете это, мистеръ Седли! сказала Бек-

ки, но к чему говорить объ этомъ? Зачѣмъ думать... зачѣмъ оглядываться назадъ? Теперь ужь слишкомъ поздно.

Бесѣда этого вечера была восхитительна и усладительна для Джоя. Эмми воротилась домой слишкомъ поздно, и, утомленная продолжительной прогулкой, отправилась прямо въ постель съ больною головою. Бенгальскій сановникъ и прекрасная его собесѣдница сидѣли въ гостиной вдвоемъ, и Амелія слышала изъ смежной комнаты, какъ Ребекка напѣвала Джою старыя пѣсни 1814 года. Всю эту ночь онъ не сомкнулъ глазъ, такъ же какъ и его сестра.

Быль іюнь, и, слѣдовательно, *высшій* лондонскій сезонъ. Мистеръ Джой, какъ слѣдуетъ всякому порядочному путешественнику, читалъ каждый день несравненный листокъ «Galignani», и передъ завтракомъ забавлялъ сводхъ дамъ извлеченіемъ изъ этой газеты. Здѣсь каждую недѣлю описывались подробно всѣ движенія британской арміи, въ которой Джой, какъ военный человекъ, принималъ живѣйшее участіе. Вотъ что прочиталъ онъ однажды за чашкой кофе:

«Прибытіе Трилльйоннаго полка. Гревзендъ, іюня 20. Сегодня утромъ прибылъ изъ Индіи корабль «Рамчондеръ», и остановился въ нашей гавани. На немъ находилось 14 офицеровъ и 132 солдата Трилльйоннаго полка. Трилльйонный полкъ отправился въ Индію немедленно послѣ ватерлооской битвы, гдѣ онъ ознаменовалъ себя блистательными подвигами, и гдѣ вскорѣ потомъ отличился въ бурмимйской войнѣ. Ветеранъ полковникъ, сэръ Михаилъ Одаудъ, кавалеръ Ба-

ни, остановился здѣсь съ своей супругой и сестрою, и съ ними прибыли сюда капитаны: Поски, Стоббль, Макро, Мелло-ни; поручики: Смитъ, Джонсъ, Томпсонъ, Фредерикъ Томсонъ; прапорщики: Гиксъ и Греди. Полковая музыка играла на пристани національный гимнъ, и необозримыя толпы громкими и торжественными восклицаніями привѣтствовали храбрыхъ ветерановъ, когда они шли въ гостиницу Вейта, гдѣ уже заранѣе былъ устроенъ пышный банкетъ для сихъ защитниковъ Старой Англіи. Впродолженіе пиршества радостныя восклицанія народа продолжались непрерывно, и были наконецъ выражены съ такимъ энтузіазму что леди Одаудъ и полковникъ вышли на балконъ, и выпили за здоровье своихъ соотечественниковъ по бокалу превосходнѣйшаго кларета».

Въ другой разъ мистеръ Джой прочелъ краткое извѣстіе о соединеніи майора Доббина съ Трилльоннымъ полкомъ въ Четэмъ. Вскорѣ послѣ этого, имя его появилось въ списокѣ вновь произведенныхъ подполковниковъ. Старый маршалъ Тюфто скончался на возвратномъ пути изъ Мадраса, и на мѣсто его былъ назначенъ полковникъ, сэръ Михаилъ Одаудъ, въ чинѣ генераль-майора, съ тѣмъ, однакожь, чтобы онъ продолжалъ командовать знаменитымъ Трилльоннымъ полкомъ.

Амелія уже знала отчасти нѣкоторыя изъ этихъ военныхъ распоряженій. Переписка между Джорджемъ и его опекуномъ не прекращалась. Вилльямъ, послѣ своего отъѣзда,

писалъ два или три раза, но содержаніе его писемъ отличалось такою холодностію, что бѣдная женщина почувствовала въ свою очередь совершеннѣйшую утрату всякаго вліянія на этого человѣка, и увидѣла, что майоръ дѣйствительно былъ теперь, выражаясь его словами, независимъ и свободенъ. Онъ оставилъ ее, и мистриссъ Эмми была несчастна. Въ памяти ея, живѣе чѣмъ когда-либо, возобновились всѣ эти безчисленные услуги майора, его глубокая преданность и безкорыстная любовь, отвергнутая съ такою глупою жестокостію. И чѣмъ больше мистриссъ Эмми задумывалась надъ этими воспоминаніями, тѣмъ сильнѣе она упрекала себя за безразсудную вспышку, и тѣмъ яснѣе становилось для нея, что безцѣнное сокровище любви ускользнуло изъ ея рукъ однажды навсегда.

Она не ошиблась. Вилльямъ дѣйствительно промоталъ все сокровище своего сердца. Онъ уже не любилъ ее попрежнему, какъ ему казалось, и не будетъ любить никогда. Тѣмъ не менѣе, однакожь, этотъ родъ глубокой привязанности, продолжавшейся цѣлые пятнадцать лѣтъ, долженъ былъ, по естественному ходу вещей, оставить весьма замѣтные слѣды въ разбитомъ сердцѣ. Вилльямъ въ свою очередь задумывался чаще и чаще.

— Нѣтъ, говорилъ онъ самъ себѣ, я обманывался жестокимъ образомъ, и настойчивость моя передъ этой женщиной была безумна. Если бы Амелія была достойна этой любви, сердце ея, безъ всякаго сомнѣнія, давно бы принадле-

жало мнѣ. Я бродилъ тутъ въ лабиринтѣ заблужденій. Да и что такое вся наша жизнь, какъ не сцѣпленіе ошибокъ, болѣе или менѣе грубыхъ? Если бы я и достигъ своей цѣли, разочарованіе могло бы сдѣлаться моимъ удѣломъ не дальше какъ на другой день послѣ побѣды. Зачѣмъ же тосковать понапрасну, или стыдиться своего пораженія?... Кончена комедія! сказалъ мистеръ Доббинъ — пойду опять по прежней дорогѣ, и весь углублюсь въ свои должностныя заботы. Буду обѣдать за общимъ столомъ, и слушать безконечные рассказы шотландскаго хирурга. Дряхлымъ инвалидомъ выйду въ отставку съ пенсіономъ половиннаго жалованья, и старыя сестры будутъ бранить меня въ безконечные часы своихъ досуговъ. «Ich habe geliebt und gelebet», какъ говорить дѣвушка въ шиллеровомъ «Валленштейнѣ». Судьба моей жизни рѣшена. Заплати счета и подай мнѣ сигару. Справься, Францискъ, что даютъ сегодня въ театрѣ. Завтра мы садимся на пароходъ.

Рѣчь эта была произнесена въ Роттердамѣ, и каммердинеръ Францискъ понялъ только заключеніе, относившееся къ нему лично.

Пароходъ «Батавецъ» стоялъ въ гавани. Доббинъ съ горестью взглянулъ на то мѣсто палубы, гдѣ онъ и мистриссъ Эмми сидѣли вмѣстѣ въ счастливые дни путешествія за границу. Что такое хотѣла сказать ему мистриссъ Кроли? Фи! Завтра летимъ въ Англію, къ берегамъ благословенной отчизны.

Въ началѣ іюля, все пумперниккельское общество высшаго полета разѣхалось, по разнымъ мѣстамъ, на минеральныя воды, чтобы пить цѣлительную влагу изъ самыхъ колодезевъ. Повсюду было очень весело: гуляли верхомъ на ослахъ, играли въ редутахъ, объѣдались за общими столами, и никто не дѣлалъ ничего Англійскіе дипломаты отправились въ Теплицъ и Киссингенъ; французскіе ихъ соперники заперли свою Chancellerie, и поскакали на свой очаровательный Boulevard de Garu. Всѣ представители и представительницы высшаго пумперниккельскаго круга, все, что только имѣло притязаніе на высшій тонъ, разбрелось, куда кто могъ и кто куда попалъ. Уѣхалъ и докторъ фонъ-Глауберъ, лейбъ-медикъ, и супруга его, баронесса. Минеральный сезонъ былъ золотою эпохой для медицинской практики, и докторъ Глауберъ, привыкшій всю свою жизнь соединять полезное съ пріятнымъ, отправился въ Остенде, гдѣ баронесса, съ тысячами другихъ особъ германскаго происхожденія, должна была полоскаться въ морскихъ ваннахъ.

Интересный субъектъ медицинской практики, мистеръ Джой, былъ, что называется, дойною коровой для фонъ-Глаубера, и тотъ, безъ малѣйшаго труда, убѣдилъ его провести остальную часть лѣта въ этомъ безобразномъ приморскомъ городѣ, куда надлежало взять и Амелію, такъ-какъ раз-

строенное ея здоровье необходимо требовало медицинских пособій на берегу моря. Для мистриссъ Эмми было все равно, куда бы не ѣхать. Джорджинька запрыгаль и пришелъ въ бѣшенный восторгъ при мысли о скорой поѣздкѣ.

И поѣхали. Бекки, само-собою разумѣется, заняла четвертое мѣсто въ колесницѣ Джоя, слуги помѣстились на козлахъ. Мистриссъ Кроли опасалась, не безъ основанія встрѣтить, въ продолженіе этого путешествія кое-кого изъ своихъ дорожныхъ пріятелей и знакомыхъ, которые не постыдятся распусть о ней злонамѣренную молву, но она приготовилась мужественно встрѣтить всѣ эти сплетни, и противопоставить имъ замысловатую исторію своего собственнаго сочиненія. И чего ей бояться? Она запустила такой якорь въ чувствительное сердце Джоя, что пошатнуть его могла только отчаянная буря. Поэтическая картина доканала окончательно жирнаго сановника Калькутты. Бекки уложила миньятюръ въ шкатулку, полученную ею въ подарокъ отъ Амеліи въ давно-прошедшіе годы. И мистриссъ Эмми озаботилась также взять своихъ пенатовъ, которые, черезъ нѣсколько времени, украсили ея новый будуаръ въ остендской гостинницѣ, чрезвычайно дорогой, неопрятной и грязной.

Амелія начала брать ванны и гулять въ сопровожденіи своей неразлучной подруги. Многія особы, при встрѣчѣ съ мистриссъ Кроли, круто отворачивались отъ нея съ какимъ-то весьма страннымъ и озабоченнымъ видомъ, но Амелія

не знала никого, не замѣчала ничего, и Ребекка не считала нужнымъ объяснять, что совершается передъ невинными глазками ея патрона.

Нашлись, впрочемъ, великодушныя особы, которыя весьма охотно признали въ мистриссъ Родонъ свою старую знакомку — охотнѣе, можетъ-быть, чѣмъ сама этого желала мистриссъ Кроли. Къ числу этихъ особъ принадлежали между прочимъ майоръ Лодеръ и отставной капитанъ Рукъ, любившіе гулять около ваннъ съ трубками въ зубахъ, и заглядывать подъ шляпки женщинъ. Имъ не стоило ни малѣйшаго труда отрекомендоваться мистеру Джозефу Седли, и получить доступъ въ избранный кружокъ этого джентльмена. Они входили въ его домъ запросто, безъ всякой церемоніи, была ли Бекки дома или нѣтъ, и гостиная мистриссъ Осборнъ сдѣлалась для нихъ настоящимъ притономъ. Они принимали участіе въ роскошномъ столѣ щедраго Бенгальца, курили, пили, смѣялись, хохотали, и по дружески называли его «Старымъ павлиномъ».

— Что это они говорятъ, мамаша? спросилъ Джорджъ, нелюбившій этихъ джентльменовъ. Я слышалъ, какъ вчера майоръ сказалъ мистриссъ Кроли: «Нѣтъ, Бекки, нѣтъ, ты ужь слишкомъ держишь на привязи этого мясистаго павлина. Подѣлимся хоть косточками, не-то, я, чортъ побери... ходи у меня въ аккуратѣ, Бекки!» Что это значить, мамаша, «ходить въ аккуратѣ?» Что хотѣлъ сказать майоръ?

— Майоръ! не называй его майоромъ, запальчиво сказала

мистриссъ Эмми. Почему я знаю, что все это значить?

Постоянное присутствіе этихъ двухъ пріятелей было невыносимо для мистриссъ Осборнъ. Полупьяные и всегда пропитанные табачнымъ дымомъ, они осмѣливались говорить ей дерзкіе комплименты, и нахально смотрѣли на нее за обѣденнымъ столомъ. Капитанъ былъ дерзокъ, и Амелія, оскорбленная грязными выходками, соглашалась подъ конецъ видѣть его не иначе, какъ въ присутствіи маленькаго Джорджа.

И Ребекка — должно отдать ей справелливость — старалась, повозможности, не оставлять своей подруги наединѣ съ этими господами. Майоръ поклялся, что онъ, рано или поздно, приберетъ вдовушку къ своимъ рукамъ. Онъ и его товарищи держали пари, кому изъ нихъ достанется «этотъ лакомый кусочекъ». Амелія ничего не знала объ этихъ планахъ двухъ волокитъ, тѣмъ не менѣе она чувствовала въ ихъ присутствіи невольный ужасъ, и готова была бѣжать отъ нихъ хоть на тотъ край свѣта.

Со слезами умоляла она брата ѣхать на родину какъ-можно скорѣе. Не тутъ-то было. Мистеръ Джой, слишкомъ тяжелый на подъемъ, отчаянно прівязался къ своему доктору, и были, вѣроятно, другія узы, державшія его въ Остенде. Извѣстно, по крайней мѣрѣ то, что мистриссъ Кроли, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не желала такъ скоро ѣхать въ свою отчизну.

Наконецъ мистриссъ Эмми рѣшилась на отчаянный по-

ступокъ. Она написала письмо къ нѣкому другу, жившему, съ недавняго времени, по другую сторону пролива. Дѣло извѣстное, что объ этомъ письмѣ Амелія не сказала никому ни одного слова. Она сама, подъ кашмировою шалью, снесла его на почту, такъ-что никто и ничего не могъ замѣтить. Только, при встрѣчѣ съ Джорджинькой, на возвратномъ пути изъ почтамта, она раздумянилась и раскраснѣлась, и вечеромъ, съ особенною горячностію, прижимала малютку къ своей груди. Весь этотъ день она не выходила изъ своей комнаты. Бекки была увѣрена, что ея напугали майоръ Лодеръ и капитанъ Рукъ.

— Однакожь, надобно положить этому конецъ, разсуждала сама съ собою мистриссъ. Бекки. Ей не слѣдуетъ оставаться въ этомъ мѣстѣ. Пусть она уѣзжаетъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, Глупая плакса все еще тоскуетъ объ этомъ болванчикѣ, что протянулъ ноги за пятнадцать лѣтъ назадъ. Это изъ рукъ вонъ. Надобно ее выдать замужъ. Изъ этихъ двухъ волокитъ не годится для нея ни тотъ, ни другой. Обвѣнчаемъ ее на бамбуковой трости. Сегодня вечеромъ я устрою это дѣло.

Вечеромъ Ребекка, съ чашкой чаю въ рукахъ, вошла въ комнату Амеліи, и застала ее, по обыкновенію, въ обществѣ двухъ миньятюровъ. Она была въ печальномъ и грустномъ расположеніи духа. Ребекка поставила передъ нею чашку.

— Благодарю, сказала мистриссъ Эмми.

— Выслушай меня, Амелія, сказала Ребекка, маршируя по комнатѣ взадъ и впередъ, и посматривая на свою подругу съ

жалкимъ и презрительнымъ видомъ. Мнѣ надобно погово-
рить съ тобою. Ты должна уѣхать отсюда и удалиться отъ наг-
лой докучливости этихъ людей. Мнѣ вовсе не хочется под-
вергать тебя незаслуженнымъ непріятностямъ, но если ты
останешься здѣсь, эти люди могутъ оскорбить тебя жестоки-
мъ образомъ. Не спрашивай, какъ я ихъ знаю. Я всѣхъ знаю.
Джой не можетъ защитить тебя, онъ слишкомъ толстъ и сла-
бъ для этой цѣли, ему самому нужна нянька. Сама по себѣ
ты столько же можешь жить въ свѣтѣ, какъ грудной ребено-
къ. Тебѣ непременно слѣдуетъ выйти замужъ, или, ты про-
падешь ни за грошъ вмѣстѣ съ своимъ ненагляднымъ сын-
комъ. Тебѣ нуженъ мужъ, неразумное дитя. Благороднѣйшій
человѣкъ, какихъ немного на свѣтѣ, тысячу разъ предлагалъ
тебѣ свою руку, и ты, неблагодарное созданіе, была столько
безумна, что оттолкнула его отъ себя.

– Что дѣлать, Ребекка? сказала Амелія дрожащимъ голо-
сомъ. Мнѣ самой хотѣлось любить... но... но я не могу за-
быть...

И она кончила фразу нѣжнымъ взглядомъ на миньятюрь.

– Кого? вскричала Ребекка. Ты не можешь забыть этого
тщеславнаго пустомелю, конфетнаго денди? Но между ни-
мъ и твоимъ честнымъ другомъ – такое же разстояніе, какъ
между тобой и королевой Елисаветой. Помилуй, этотъ че-
ловѣкъ скучалъ тобой, и еще невѣстой бросилъ бы тебя, ка-
къ тряпицу, еслибы Доббинъ не заставилъ его жениться на
тебѣ! онъ самъ мнѣ признавался въ этомъ. Онъ не заботился

о тебѣ. Онѣ смѣялся надъ тобой почти въ глаза, и въ довершеніе, объяснился мнѣ въ любви черезъ недѣлю послѣ твоей свадьбы.

— Ты лжешь, Ребекка, лжешь, лжешь! вскричала Эмми, быстро вскочивъ съ мѣста,

— А вотъ не хочешь ли взглянуть, какъ я лгу, сказала Бекки веселымъ тономъ, вынувъ изъ-за пояса бумажку, и бросивъ ее на колѣни своей недоверчивой подругѣ. Ты знаешь его почеркъ. Онѣ отдалъ мнѣ эту записку передъ твоимъ носомъ, и, какъ видишь, глупецъ вызывался меня *похитить* накануне своей смерти. Пуля оказала ему чудесную услугу.

Эмми уже не слышала этихъ словъ. Она смотрѣла на письмо. Этотъ самый *billet-doux* покойный Джорджъ Осборнъ всунулъ въ букетъ мистриссъ Кроли на балу у герцогини Ричмондской. И Ребекка сказала цравду: глупецъ упрашивалъ ее бѣжать.

Эмми опустила голову на грудь, и — разумѣется, заплакала, но думать надобно, что это уже послѣднія слезы въ этой книгѣ. Бекки стояла передъ ней, и съ почтеніемъ наблюдала эту рыдающую невинность, закрывшую глазки своими руками. Кто можетъ анализировать эти слезы, и сказать навѣрное, сладки онѣ или горьки? О томъ ли сокрушалась Эмми, что идолъ ея жизни рухнулъ съ пьедестала и разбился въ-прахъ у ея ногъ, или о томъ, что любовь ея была отвергнута и поругана недостойно? Могло, впрочемъ, и то стать: Амелія радовалась при мысли, что теперь нѣтъ больше роковой пре-

грады между нею и новою, истинною привязанностью къ великодушному другу.

«Теперь уже ничто больше не удержитъ меня, думала мистриссъ Эмми. Я могу любить его отъ всего сердца. И я буду любить его, буду, буду, если только онъ проститъ меня и возьметъ къ себѣ.»

Думать надобно, что эти мысли взяли перевѣсъ надъ всѣми другими чувствами въ сердцѣ мистриссъ Эмми. Скоро она утѣшилась. Ребекка цаловала ее и старалась успокоить, обнаруживая такимъ-образомъ симпатію, которой до сихъ поръ мы еще не замѣчали въ мистриссъ Кроли. Она обращалась съ Эмми, какъ съ ребенкомъ, и гладила ее до головкѣ.

— Возьми теперь бумагу, перо, чернила, и напишемъ сію же минуту, чтобъ онъ пріѣхалъ, сказала Ребекка.

— Я... я уже писала къ нему сегодня утромъ, отвѣчала Эмми, зардѣвшаяся самымъ яркимъ румянцемъ.

Бекки залилась веселымъ смѣхомъ.

— Un biglietto? Eccola qua! запѣла она, какъ синьора Розина.

И пронзительная пѣснь ея раздалась по всему дому.

* * *

Черезъ два утра послѣ этой маленькой сцены, Амелія встала очень рано и пошла съ Джорджинькой гулять на пристань. День былъ мрачный, бурный и дождливый, Амелія не

спала всю ночь, прислушиваясь къ завыванію вѣтра, и душевно сожалѣя о плавающихъ и путешествующихъ въ такую погоду. Несмотря, однакожь, на чрезмѣрную усталость и печальное расположеніе духа, она хотѣла гулять какъ можно долѣе. Взоры ея постоянно были обращены къ западу, и съ участіемъ слѣдили за бурными волнами, прибывавшими къ берегу. Дуль сильный вѣтеръ, и дождевыя капли били по лицу мистриссъ Эмми и ея сына. Оба они молчали: изрѣдка только мальчикъ обращалъ къ своей спутницѣ нѣсколько словъ, обнаруживавшихъ его безпокойство.

— Въ такую погоду онъ не поѣдетъ, сказала мистриссъ Эмми.

— А я, такъ увѣренъ, что поѣдетъ, держу десять противъ одного, отвѣчалъ мальчикъ. Посмотри-ка, мамаша, вонъ тамъ, кажется, дымится пароходъ.

И Джорджъ указалъ на точку, едва виднѣвшуюся на отдаленномъ пунктѣ моря.

Черезъ нѣсколько минутъ оказалось несомнѣннымъ, что то былъ дѣйствительно пароходъ, но изъ этого, покамѣстъ, еще ровно ничего не слѣдовало. Могло статься, что Вилльямъ не было въ числѣ пассажировъ, можетъ-быть онъ не получилъ письма, или получилъ, да не захотѣлъ ѣхать. Тысячи опасеній этого рода, одно за другимъ прокрадывалмсь въ безпокойное сердце Эмми.

Пароходъ между-тѣмъ приближался съ замѣчательною быстротою. Въ рукахъ Джорджиньки былъ щегольской теле-

скопъ, съ которымъ онъ управлялся мастерски. Онъ поминутно смотрѣлъ въ даль на дымящуюся трубу, и сообщалъ своей матери о послѣдствіяхъ своихъ наблюденій. Наконецъ онъ ясно разсмотрѣлъ самый флагъ англійскаго парохода, колыхавшійся отъ вѣтра. Сердце его матери забило сильную тревогу.

Эмми попробовала сама вооружиться телескопомъ, и утвердивъ его на плечѣ Джорджа, открыла свои наблюденія, но передъ глазами ея вертѣлось какое-то черное пятно безъ опредѣленной формы и вида. Больше ничего не замѣтила мистриссъ Эмми.

Джорджинька взялъ опять телескопъ, и навелъ его на пароходъ.

— Ахъ, какъ онъ славно прорѣзываетъ волны! сказали мальчнкъ. На палубѣ, однакожь, всего только два человѣка, кромѣ штурмана. Одинъ лежитъ, закутавшись въ шинель... Ура! Это Доббинъ!

Онъ захлопнулъ телескопъ, и обвился руками вокругъ шеи своей матери. Душевное расположеніе мистриссъ Эмми измѣнилось съ необыкновенной быстротой, и она, выражаясь словами любимаго поэта *δακρύοεν γελᾶσασα*, то есть, слезами засмѣялась. Какъ иначе? Она была увѣрена, что это Вильямъ. Другому некому и быть. Вѣдь она лицемѣрила, когда говорила, что онъ не поѣдетъ. Разумѣется, онъ поѣдетъ, развѣ онъ смѣлъ не поѣхать? Не смѣлъ, она знала это заранѣе.

Еще минута, и пароходъ былъ почти у пристани. Мать и сынъ побѣжали встрѣтить пассажировъ, причемъ ноги мистриссъ Эмми дрожали и подкашивались. Ей бы хотѣлось опять стать на колѣни между небомъ и землею, и произнести свою торжественную молитву. Чувства благодарности переполнили всю ея душу.

Вслѣдствіе дурной погоды на пристани вовсе не было постороннихъ зрителей, и только одинъ комиссіонеръ таможенн встрѣтилъ пассажировъ. Шалунъ Джорджъ также убѣжалъ, и когда джентльменъ въ старой шинели на красной подкладкѣ выступилъ на берегъ, никто не былъ свидѣтелемъ сцены, которая тутъ произошла. Мнѣ, впрочемъ, извѣстна эта сцена:

Маленькая леди въ промокшей бѣлой шляпкѣ выбѣжала навстрѣчу джентльмену, съ жаромъ поцаловала его руку, и въ одно мгновеніе исчезла подъ складками его стараго плаща. Джентльменъ, думать надобно, крѣпко прижалъ ее къ своему сердцу, и держалъ въ своихъ объятіяхъ такимъ-образомъ, чтобы она не могла упасть на землю. Какія слова вырывались изъ ея устъ, доложить не могу. Я разслышалъ только: — Прости... виновата... Вилльямъ... милый, милый... поцалуй... еще, еще.

Однимъ словомъ сцена подъ шинелью, какъ видите, вышла очень нелѣпая. Вынырнувъ, наконецъ, изъ-подъ этого убѣжища, мистриссъ Эмми крѣпко ухватилась за руку милаго друга, и смотрѣла ему прямо въ лицо, исполненное вмѣстѣ

грусти, сожалѣнія и нѣжной любви. Амелія поняла этотъ упрекъ, и опустила свою головку.

— Да, ужь пора было вамъ прислать за мною, сказали Доббинъ.

— Ты не уѣдешь отъ меня, Вилльямъ?

— Никогда! отвѣчалъ онъ, и еще разъ прижалъ ее къ своему сердцу.

При выходѣ изъ таможи встрѣтилъ ихъ опять маленькій Джорджъ съ телескопомъ у своего глаза, и съ громкимъ смѣхомъ. Онъ принялся прыгать около влюбленной четы, и затѣмъ повелъ ихъ домой, отпуская дорогой замысловатыя шуточки на ихъ счетъ, Джозъ еще не просыпался, Бекки не показывалась, хотя уже нѣсколько минутъ пристально наблюдала изъ окна. Джорджинька побѣждалъ хлопотать насчетъ завтрака. Эмми оставила въ корридоръ свою шаль и шляпку, и подошла къ Вилльяму растегнуть воротникъ его шинели, а намъ остается только посмотрѣть... какъ Джорджинька готовить завтракъ для полковника...

Утихло волненіе житейскаго моря, и корабль введенъ наконецъ въ гавань. Доббинъ получилъ вожделѣнный призъ, за которымъ гонялся всю свою жизнь. Птичка поймана, ея крылья подрѣзаны — и вотъ она воркуетъ, склонивъ головку на плечо искуснаго ловца. Этого только и хотѣлось мистеру Вилльяму, этого искалъ онъ и объ этомъ тосковалъ каждый день и каждый часъ, въ продолженіе восемнадцати лѣтъ. Вотъ онъ, наконецъ, вотъ счастливый предѣлъ завѣтнаго стрем-

ленія – и вотъ вамъ послѣдняя страница восьмой и послѣдней части Базара Житейской Суеты. Прощай, полковникъ! Благослови тебя Богъ, честный Вилльямъ! Прощай и ты, Амелія, навсегда, прощай! Цвѣти и зеленѣй, нѣжный плющъ, вокругъ крѣпкаго, стараго дуба, который защититъ тебя отъ всякихъ бурь и непогодъ!

Соединивъ такимъ-образомъ счастливую чету, Ребекка никогда однакожь не показывалась на глаза полковника Доббина и его жены. Она, какъ мы знаемъ, терпѣть не могла сантиментальныхъ сценъ, и, быть-можетъ, ее тревожило немножко угрызеніе совѣсти въ отношеніи къ добренькой подругѣ, которая была ея первою благодѣтельницею въ жизни. Она отправилась въ Брюгге по «своимъ собственнымъ дѣламъ». Мастеръ Джорджъ и его дядя одни только присутствовали при совершеніи бракосочетанія. Когда новобрачные, вмѣстѣ съ Джорджинькой, отправились на родину, мистриссъ Бекки воротилась опять (на нѣсколько дней только) въ Остенде, чтобы доставить утѣшеніе одинокому холостяку, Джозефу Седли. Континентальная жизнь ему понравилась, и онъ не изъявилъ желанія жить подъ одной кровлей съ сестрой и ея мужемъ. Джой остался за границей.

Эмми была очень рада, и внутренно благодарила судьбу, что письмо ея къ полковнику отослано было прежде, чѣмъ она узнала о существованіи роковой записки Джорджа.

– Я зналъ это давнымъ-давно, сказалъ Вилльямъ своей супругѣ, – все я зналъ, но посуди сама, могъ ли я употребить

такое оружіе противъ памяти бѣднаго моего друга? Вотъ почему я особенно страдалъ, когда ты...

— Ахъ, сдѣлай милость, другъ мой, никогда не говори мнѣ объ этомъ несчастномъ днѣ! вскричала мистриссъ Доббинъ такимъ плачевнымъ и жалкимъ голосомъ, что хитрый Вильямъ тотчасъ же свелъ рѣчь на Глорвину и старуху Пегги Одаудъ. Онъ бесѣдовалъ съ этими дамами въ ту пору, когда пришло къ нему Амеліино письмо.

— И если бы ты не прислала за мной, прибавилъ мистеръ Доббинъ, улыбаясь, — Богъ знаетъ, какая фамилія была бы теперь у миссъ Глорвины!

Въ настоящее время полный титулъ этой особы: мистриссъ майорша, Глорвина Поски, урожденная Одаудъ. Она вышла за Поски черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины первой его супруги. Непремѣннымъ ея намѣреніемъ было — завербовать себѣ въ мужа какого-нибудь изъ офицеровъ Трилльйоннаго полка. Цѣль ея достигнута. Пегги Одаудъ съ своей стороны привязана всей душою къ этому знаменитому полку, и если — чего Боже храни! — сдѣлается что-нибудь съ ея Михаэлемъ, Пегги прикажетъ кому-нибудь изъ этихъ господъ сочетаться съ нею законнымъ бракомъ. Но генераль-майоръ здравствуетъ и тѣломъ, и душой. Онъ живетъ съ большимъ блескомъ и грандіознымъ эффектомъ въ собственномъ замкѣ «Одаудсонъ», держать великолѣпную свору гончихъ, и справедливо считается первымъ джентльменомъ въ графствѣ, за исключеніемъ развѣ своего сосѣда

Гоггарті изъ замка Гоггарті. Леди Одаудъ попрежнему выплясываетъ джигъ, и отличается во всѣхъ видахъ и родахъ ирландскихъ танцевъ. Она и Глорвина объявили, что полковникъ Доббинъ роступилъ безчестно въ отношеніи къ нимъ, но когда подвернулся Поски, Глорвина получила утѣшеніе въ супружеской жизни, а превосходный головной уборъ, выписанный изъ Парижа, совершенно уgomонилъ ярость Пегги Одаудъ.

Полковникъ Доббинъ вышелъ въ отставку немедленно послѣ своей свадьбы. Онъ живетъ теперь на хорошенькой мызѣ въ Гемпширѣ, недалеко отъ Королевиной усадьбы, сдѣлавшейся въ настоящее время, послѣ парламентской реформы, постоянной резиденціей сэра Питта и его семейства. Потерявъ всякую надежду на титулъ пэра, баронетъ лишился также своихъ двухъ мѣстъ въ парламентъ въ качествѣ представителя Гемпшира. Эта катастрофа подѣйствовала разрушительнымъ образомъ на физическія и душевныя силы сэра Питта, и въ утѣшеніе себя, онъ предсказывалъ близкое паденіе Трехъ Соединенныхъ Королевствъ.

Леди Дженни и мистриссъ Доббинъ подружились съ перваго свиданія, и въ настоящее время почти неразлучны. Семейные экипажи разѣзжаютъ чуть-ли не каждый день между Королевиной усадьбой и Зелеными Холмами — такъ называется живописная мыза Доббина, которую онъ взялъ на аренду у пріятеля своего, майора Понто, проживающаго съ семействомъ за границей. Супруга баронета крести-

ла новорожденную дочь мистриссъ полковницы Доббинъ, названную по имени ея крестной матери. Обрядъ крещенія совершалъ достопочтенный Джемсъ Кроли, заступившій въ этомъ приходѣ мѣсто своего отца. Юный Джорджъ и мастеръ Родонъ, поступившіе для окончательнаго образованія въ Кембриджскій университетъ, также заключили между собою дружественный союзъ. Они вмѣстѣ пріѣзжали на каникулы, вмѣстѣ стрѣляли дичь и ссорились между собою изъ-за прекрасной дочери леди Дженни, въ которую, разумѣется, оба они были влюблены. Матери этихъ двухъ джентльменовъ всего чаще любили разсуждать о возможности соединить современемъ неразрывными узами мастера Джорджа и эту юную леди, хотя намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что сама миссъ Кроли питала болѣе душевную привязанность къ своему кузёу.

Между обѣими фамиліями водворилось безмолвное согласіе — никогда не произносить имени мистриссъ Родонъ Кроли. Были на это особыя, весьма уважительныя причины. Куда бы ни поѣхалъ мистеръ Джозефъ Седли, Ребекка путешествовала вмѣстѣ съ нимъ, и одурѣлый сановникъ Индіи совершенно подчинился ея волѣ. Полковникъ получилъ извѣстіе, что шуринъ его застраховалъ свою жизнь на значительную сумму, и что дѣла его, по всей вѣроятности, пришли въ разстройство. Онъ возобновилъ продолжительный отпускъ изъ Индіи, и физическіе его недуги увеличивались съ каждымъ днемъ.

Получивъ вѣсть о застрахованіи, встревоженная Аыелія приступила съ просьбами къ мужу, чтобы онъ съѣздилъ въ Брюссель, тогдашнее мѣстопробываніе Джоя, и развѣдалъ точнѣе о состояніи его дѣлъ. Полковнику слишкомъ не хотѣлось отлучаться изъ своего дома, онъ весь былъ погруженъ въ свою «Исторію Пунджабы» – это твореніе занимаетъ его до сихъ поръ – и крайне безпокоился насчетъ своей обожаемой малютки, едва только оправившейся отъ оспы; однакожь, покорный убѣжденіямъ своей супруги, мистеръ Доббинъ поѣхалъ въ Брюссель, и нашелъ Джоя въ одномъ изъ огромныхъ отелей этого города. Мистриссъ Кроли, выѣзжавшая теперь въ своемъ собственномъ экипажѣ, занимала другіе апартаменты въ томъ же самомъ отелѣ, давала повременамъ балы брюссельской публикѣ, и вообще, какъ говорили, вела очень веселую жизнь.

Полковникъ, какъ можно представить, не имѣлъ особеннаго желанія видѣться съ этой леди, и не считалъ нужнымъ объявлять кому-либо о своемъ пріѣздѣ въ Брюссель. Онъ извѣстилъ объ этомъ одного только Джоя черезъ своего слугу. Джой просилъ полковника пожаловать къ нему въ тотъ же вечеръ: мистриссъ Кроли будетъ въ гостяхъ, и они могутъ бесѣдовать наединѣ, безъ всякой помѣхи. Вильямъ нашелъ шурина въ самомъ плачевномъ состояніи: обремененный душевными и физическими недугами, онъ смертельно боялся Ребекки, и въ то же время превозносилъ ее похвалами.

– Она ходитъ за мной какъ дочь, говорилъ мистеръ

Джой, — но, ради Бога, пусть сестра придет сюда. Навещайте меня повременамъ.

— Нельзя, мой милый, отвѣчалъ мистеръ Доббинъ, обстоятельства такого рода, что Амелія не можетъ дѣлать тебѣ визитовъ.

— Но я клянусь... всѣмъ клянусь, она невинна какъ голубь, безпорочна какъ твоя жена, простоналъ несчастный Джой.

— Можетъ-быть, но все-таки Амелія не должна ее видѣть, сказалъ полковникъ угрюмо. Будь человекомъ, Джой, разорви эту несчастную связь, приезжай къ намъ, въ свою родную семью. Твой дѣла, какъ слышно, очень запутаны.

— Запутаны? Кто смѣетъ распускать такую клевету? Деньги мой пущены въ самый выгодный оборотъ. Мистриссъ Кроли... то-есть... я самъ отдалъ ихъ на проценты.

— Откуда же взялись у тебя долги? И зачѣмъ ты застраховалъ свою жизнь?

— Ну? это сдѣлано такъ... маленькій подарокъ... мало ли что можетъ случиться?... здоровье мое рыхлѣетъ... дѣло извѣстное... въ видѣ подарка моей благодѣтельницѣ... это ничего... а остальное все будетъ отказано вамъ.

Такая связь, увѣрялъ Доббинъ, будетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія. Онъ совѣтовалъ несчастному ѣхать опять въ Индію, куда Ребекка не можетъ слѣдовать за намъ.

Джой застоналъ и всплеснулъ руками.

— Объ этомъ надобно подумать да подумать, сказалъ онъ наконецъ. Авось на что-нибудь и рѣшусь, но, ради Бога, что-

бы она ни о чемъ не узнала. Вѣдь она убьетъ меня, если я задумаю выдти изъ-подъ ея власти. О, это демонская женщина!

— Отчего жъ ты не хочешь ѣхать со мною? сказалъ Доббинъ.

— Легко сказать! То-есть, вѣдь оно выходить, что ты спрашиваешь, отчего бы мнѣ не поѣхать съ тобою?

— Ну да.

— Нѣтъ, ужъ лучше покамѣстъ остаться здѣсь до времени. Приходи ко мнѣ завтра поутру; мы потолкуемъ. Только, пожалуйста, распорядись такимъ манеромъ, чтобы она ничего не пронюхала. Ступай теперь домой. Бекки должна скоро воротиться.

И Доббинъ оставилъ его съ мрачными предчувствіями.

Больше никогда не видалъ онъ Джоя. Черезъ три мѣсяца, послѣ этого свиданья, Джозефъ Седли умеръ въ Ахенѣ. Оказалось, что все его имущество было потрачено на спекуляціи въ различныхъ компаніяхъ весьма подозрительнаго свойства. Наличный капиталъ, послѣ его смерти, состоялъ только изъ двухъ тысячъ фунтовъ, за которые застрахована была его жизнь. Эту сумму покойникъ раздѣлилъ на двѣ половины, между своею «возлюбленною сестрою, Амеліею, супругою, и проч.»; и «незабвенною своею благодѣтельницею, Ребеккой, женою полковника Родона Кроли, кавалера Бани». Исполнительницею этого духовнаго завѣщанія назначена была мистриссъ Кроли.

Директоръ Страховаго Общества божился и клялся, что

это дѣло имѣеть самый подозрительный характеръ. Поговаривали нарядить комиссію въ Ахенъ для изслѣдованія смерти мистера Седли, и Общество отказалось до времени выплатить страховой полисъ. Но мистриссъ Кроли немедленно сама явилась въ Лондонъ, въ сопровожденіи своихъ собственныхъ адвокатовъ. То были господа: Борке, Тортель и Гэйсъ. Не уклоняясь ни отъ какихъ изслѣдованій, они доказали неоспоримымъ образомъ, что всѣ эти черныя подозрѣнія могли только возникнуть вслѣдствіе гнуснаго мщенія враговъ мистриссъ Ребекки Кроли, которые никогда не оставляли ея въ покоѣ. Дѣло оказалось чистымъ, и компанія заплатила Ребеккѣ тысячу фунтовъ; но полковникъ Доббинъ возвратилъ назадъ, въ контору Общества, свою долю наслѣдства, и уклонился отъ всякихъ сношеній съ Ребеккой.

Съ нѣкотораго времени она стала называть себя леди Кроли, хотя на этотъ титулъ никогда не имѣла права. Полковникъ Родонъ Кроли скончался отъ желтой горячки на Ковентрійскомъ Острову, и черезъ шесть недѣль послѣдовалъ за нимъ въ могилу братъ его, сэръ Питтъ. Королевина усадьба перешла во владѣніе законнаго наслѣдника, сэра Родона Кроли, баронета.

Онъ назначилъ своей матери щедрый пансіонъ, хотя навсегда также уклонился отъ личныхъ свиданій съ нею. Леди Кроли владѣеть, повидимому, большимъ состояніемъ. Баронетъ постоянно живетъ на Королевиной усадьбѣ съ леди

Дженни и ея дочерьми. Ребекка не имѣтъ постоянной резиденціи; главнѣйшимъ образомъ проживаетъ она въ Батѣ и Чельтенгемѣ, гдѣ весьма многія значительныя особы считаютъ ее женщиной несчастной, безвинно-страдающей и горимой судьбою. Есть конечно и у нея враги, но кто же ихъ не имѣтъ на Базарѣ Житейской Суеты? Жизнь Ребекки служить отвѣтомъ на всѣ сплетни злонамѣренныхъ людей. Она исключительно занимается теперь богоугодными дѣлами, и фамилія леди Кроли стоитъ на первомъ планѣ во всѣхъ филантропическихъ спискахъ. Несчастливая прачка, осиротѣлая апельсинщица и безпріютный пирожникъ находятъ въ ней постоянную утѣшительницу и благодѣтельницу. Собственными руками она шьетъ фуфайки для дѣтскихъ пріютовъ, и ходитъ въ церковь не иначе, какъ въ сопровожденіи лакея.

Однажды, полковникъ Доббинъ съ семействомъ встрѣтилъ ее въ Лондонѣ, передъ воротами одного изъ челоуѣколюбивыхъ заведеній. Ребекка скромно потупила глаза и улыбалась, когда это почтенное семейство бросилось отъ нея въ сторону. Эмми схватила за руку Джорджа, прекраснаго молодого джентльмена, Доббинъ взялъ на руки маленькую Жанету, которую, повидимому, онъ любилъ больше всего на свѣтѣ — больше даже, чѣмъ свою «Исторію Пунджабы.»

«И больше чѣмъ меня», думаетъ со вздохомъ мистриссъ Эмми.

Но это едва-ли справедливо. Вилльямъ всегда ласкалъ и лелѣялъ свою нѣжную супругу, и Амелія, какъ можете вооб-

разить, отвѣчала ему тѣмъ же.

Vanitas vanitatum et omnia vanitas! Кто изъ насъ истинно-счастливъ въ этомъ мірѣ? Какой смертный можетъ остаться вполнѣ довольнымъ послѣ исполненія своихъ желаній? И всѣ ли мы знаемъ, чего хотимъ?..

Дѣти! спрячьте маріонетки въ ящикъ: игра наша окончена.